

Вестник университета № 10/2023

Теоретический и научно-методический журнал

Издаётся с января 1999 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

А.А. Капарчук

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru можно оформить подписку на 2023 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 08.11.2023 г.

Формат 60×90/8

Объем 32,75 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 45 экз.)

Заказ № 1363

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Techn.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principals scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (Economic Sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic Sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-Chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998

Signed to print 08.11.2023

Format 60×90/8

Size 32,75 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 45 copies)

Print order No. 1363

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99

State University of Management

Tel.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ	ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Строев В.В. Формирование новых нарративов в сфере исследования региональной экономики 5	Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Выявление потенциальных угроз экономической безопасности в коммерческой организации 152
Вишнякова С.П., Вишняков Я.Д. Аксиоматический подход к обеспечению ядерной безопасности и ядерного сдерживания в интересах устойчивого развития Арктического региона Российской Федерации 12	Афонин С.Е. Экономическое развитие российской обрабатывающей промышленности в условиях санкций 163
Митрофанова И.П., Алексеева А.С. Перспективные направления развития менеджмента организации 20	Махалина О.М., Махалин В.Н. Самозанятые и проект параллельного импорта как варианты урегулирования социальных и экономических проблем 172
Старостин В.С., Аржанова К.А., Долгополов Д.В., Дитрих А.Д. Определение готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий 29	Мяснянкина О.В., Зайцев А.А. Причины и факторы деиндустриализации в старопромышленных регионах 183
СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ	Панова Е.А. Пути адаптации деятельности российских предприятий к санкционным ограничениям 193
Громова А.И., Павловский П.В. Понятие, сущность и роль студенческой проектной деятельности и место проектного офиса в структуре ее управления 40	Попсуйко А.Н., Морозова Е.А., Артамонова Г.В. Сравнительный анализ факторов производительности труда персонала медицинских организаций, оказывающих помощь пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями 201
Кафиятулина Ю.Н., Прохорова И.С. Место системы высшего образования в инновационной сфере в решении проблемы кадрового обеспечения инновационной экономики. Часть I 47	Сальникова А.В., Горячева Д.Д. Незаконный импорт табака и табачной продукции в Российской Федерации из стран Евразийского экономического союза: оценка и направления минимизации 211
Показаньев В.Ю., Фирсова С.В. Лингвокоммуникационные аспекты применения новых технологий практической подготовки 56	СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ
Титор С.Е. Проектирование при подготовке студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» 65	Ахмаева А.Г., Долгополов Д.В., Еремеева А.И. Анализ изменений в потребительском поведении российских представителей поколений X и Z в связи с социально-экономическими изменениями в 2022 г. 220
РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	Бондаренко В.В., Кузнецова Е.В. Механизмы преодоления социокультурного разрыва и фальсификаций в международной среде студенческой молодежи 227
Аксенов П.А. Влияние санкций на развитие газовой отрасли в России 73	Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А. Характеристика доступности психологической помощи для детей и их родителей (по данным деятельности детского телефона доверия) 236
Андросова В.А., Якимова В.А. Функции агентов региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровых трансформаций 81	Сухова Е.А. Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации 245
Ближкий Р.С., Диваева Э.А. Амплификация факторов трансформаций региональных рынков в контексте теории поколений 92	СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ
Васильева Р.И., Ампинова Д.М. Оценка пространственной неоднородности занятости в российских регионах 105	Мусатова С.А. Роль эмоционального интеллекта в работе специалиста по связям с общественностью 256
Качалкина К.Г. Место и роль наукоемких бизнес-сегментов в вертикально интегрированных нефтегазовых компаниях 115	
Мухаметов Д.А., Пустышников Е.В. Основы формирования кадровой политики на примере Ульяновской области Российской Федерации 125	
Сергиенко Н.С. Программно-целевой подход в поддержке развития туризма: опыт зарубежных стран 135	
Титов А.К. Развитие российского промышленного производства 144	

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

V.V. Stroev Formation of new narratives in the field of regional economic research	5
S.P. Vishnyakova, Ya.D. Vishnyakov Axiomatic approach to ensuring nuclear safety and nuclear deterrence in the interests of the Russian Arctic region sustainable development.....	12
I.P. Mitrofanova, A.S. Alekseeva Perspective directions of organizational management development	20
V.S. Starostin, K.A. Arzhanova, D.V. Dolgoplov A.D. Ditrikh Determining university's readiness to implement AI technologies for personalizing educational paths.....	29

STRATEGIES AND INNOVATIONS

A.I. Gromova, P.V. Pavlovsky The concept, essence and role of student project activities and project management office placement in the structure of its management.....	40
Yu.N. Kafiyatullina, I.S. Prokhorova Higher education system placement in the innovation sphere in solving staffing innovative economy problem. Part I	47
V.Yu. Pokazanyev, S.V. Firsova Linguistic and communication application aspects of new practical training technologies	56
S.E. Titor Designing in students' training in the field of law	65

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

P.A. Aksenov Impact of sanctions on the development of the gas industry in Russia	73
V.A. Androsova, V.A. Yakimova Functions of agents in regional entrepreneurial ecosystem in the conditions of digital transformations	81
R.S. Blizkiy, E.A. Divaeva Amplification of factors of regional markets transformations in the context of generation theory	92
R.I. Vasilyeva, D.M. Ampenova Assessment of spatial heterogeneity of employment in Russian regions	105
K.G. Kachalkina Place and role of science-intensive business segments in vertically integrated oil and gas companies.....	115
D.A. Mukhametov, E.V. Pustynnikova Basis of forming personnel policy on the example of the Ulyanovsk region of Russia.....	125
N.S. Sergienko Program-target approach in support of tourism development: Experience of foreign countries.....	135
A.K. Titov Russian industrial production development.....	144

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

O.A. Ageeva, Yu.D. Matytsyna Identifying potential threats to economic security in a commercial organization	152
S.Ye. Afonin Economic development of the Russian manufacturing industry under sanctions.....	163

O.M. Makhalina, V.N. Makhalin Self-employed and parallel import project as options for resolving social and economic problems	172
O.V. Myasnyankina, A.A. Zaitsev Causes and factors of deindustrialization in old industrial regions	183
E.A. Panova Adaptation of the Russian enterprises activities to sanctions restrictions	193
A.N. Popsuyko, E.A. Morozova, G.V. Artamonova Comparative analysis of labor productivity factors of personnel of medical organizations providing care to patients with cardiovascular diseases	201
A.V. Salnikova, D.D. Goryacheva Illegal imports of tobacco and tobacco products into Russia from the Eurasian Economic Union countries: assessment and areas of minimization	211

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

L.G. Akhmaeva, D.V. Dolgoplov, A.I. Ereemeeva Customers' behavior changes of Russian representatives of generations X and Z due to social and economic factors in 2022	220
V.V. Bondarenko, E.V. Kuznetsova Mechanisms for overcoming socio-cultural gap and falsifications in the international environment of student youth	227
O.V. Kuchmaeva, L.A. Davletshina Characteristics of availability of psychological assistance for children and their parents (according to child helpline activities).....	236
E.A. Sukhova Portrait of social activity of youth aged 18–24 in the Yamal-Nenets Autonomous District of Russia.....	245

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

S.A. Musatova Role of emotional intelligence in PR specialist's career	256
--	-----

Формирование новых нарративов в сфере исследования региональной экономики

Строев Владимир Витальевич

Д-р экон. наук, ректор

ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: inf@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье проведен обзор эволюции основных подходов к исследованию региональной экономики. За последние полвека исследовательская парадигма в данном направлении экономических наук претерпела существенные изменения: теории региональной экономики видоизменялись, существенно эволюционируя, дополняя и взаимоусиливая друг друга. Изначальные цели региональных экономических исследований изменились, отвечая на современные вызовы развития мирового сообщества и глобальные кризисные явления. В результате, как показано в статье, в последние годы акцент исследований существенно сместился в сторону анализа стратегических аспектов и направлений регионального развития, в результате чего соответствующие концепции стали менее экономикоцентричными. Важным паттерном современности также стала новая волна научно-технического прогресса, обусловившая развитие региональных инновационных систем и их последующую цифровую трансформацию, что также наложило значительный отпечаток на парадигму исследований региональной экономики.

Ключевые слова

Региональная экономика, экономическое развитие, экономическая география, цифровизация, региональная инновационная система, стратегическое региональное развитие, цифровизация

Для цитирования: Строев В.В. Формирование новых нарративов в сфере исследования региональной экономики // Вестник университета. 2023. № 10. С. 5–11.

Formation of new narratives in the field of regional economic research

Vladimir V. Stroev

Dr. Sci. (Econ.), Rector

ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: inf@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article studies evolution of main approaches to the study of regional economy. Over the past half a century, the research paradigm in the area of economic sciences has undergone significant changes: the theories of regional economics have changed, significantly evolving, complementing, and mutually reinforcing each other. The original objectives of regional economic research have changed, responding to modern challenges of the world community development and global crisis phenomena. As a result, as shown in the article, in recent years focus of research has shifted significantly towards analyzing strategic aspects and directions of regional development, as a result of which the relevant concepts have become less economics-centric. An important pattern of modernity has also become a new wave of scientific and technological progress, which determined regional innovation systems development and their subsequent digital transformation that also put a significant imprint on the paradigm of regional economy research.

Keywords

Regional economy, economic development, economic geography, digitalization, regional innovation system, strategic regional development, digitalization

For citation: Stroev V.V. (2023) Formation of new narratives in the field of regional economic research. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 5–11.

ВВЕДЕНИЕ

Регион традиционно рассматривают как сравнительно большую территорию с присущими ей специфическими (экономическими, культурными, политическими), отличными от других характеристиками. Развитие территории предполагает положительное изменение со временем показателей ее развития, охватывающее: структуру экономики региона, когда, например, она переходит от аграрной сферы к промышленному развитию; формы внутрирегиональной экономической организации; технологические изменения. Прогрессивные изменения обычно обусловлены множеством факторов, а само развитие является мультидисциплинарным и ведет, помимо экономического прогресса (сокращение бедности, рост доходов), к другим достижениям (например, доступ к образованию, гражданским свободам и пр.). Кроме того, прогрессивные изменения наступают, когда ведение экономической деятельности не несет серьезной нагрузки на окружающую среду, а социально-политические институты способствуют равенству.

Во все времена наука региональной экономики была нацелена на скрупулезное исследование проблем пространственного или регионального измерения и включала целый набор методов и дисциплин, помогающих более глубоко анализировать эти проблемы. Например, широта методологии исследования региональной экономической науки хорошо отражена в масштабном труде М. Фишера и П. Нейкампа «Справочник региональной науки», где используются разные подходы и модели пространственного анализа применительно к различным аспектам (местоположение, рынок труда, инновации, рост и пр.) [1]. Целью данной статьи являются анализ эволюции научных подходов к исследованию региональной экономики и определение возможных направлений изменения программы исследований в данной области экономической науки.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Традиционно в региональной экономике объектами исследования являлись пространство и рынок, в которых рассматриваются ценообразование, спрос, уровень развития производства и экономического развития региона в целом. Модели регионального роста исследуют пространство как экономический ресурс и независимый фактор производства, детерминанту конкурентных преимуществ для компаний региона, ключевое условие, определяющее конкурентоспособность региональной производственной системы. Региональная экономика за более чем полвека своего существования синтезировала множество моделей, теорий и подходов, чтобы интерпретировать траектории регионального развития. При этом эта интерпретация всегда делалась на историческую ретроспективу. Несмотря на длительность существования региональной экономической науки, лишь в последние десятилетия она стала активно развиваться. К. Сиссарелли и Т. Шмидт также особо указывали на роль экономической истории, которая интегрируется с региональной наукой [2].

В этом контексте важной роли исторической динамики некоторые исследователи указывают на значимость экономической географии, и эта точка зрения поддерживается учеными, отмечающими длительное сохранение упадка и бедности в некоторых географических регионах, что обуславливает отсутствие динамизма, присущего экономике агломерации [3; 4]. П. Элхорст, исследуя воздействие истории на региональное развитие, рассматривал различные виды такого отставания регионов в форме определенных динамических структур пространственной зависимости [5]. Вместе с тем отставание отдельных регионов, как утверждали А. Акчетурро и Г. Де Блазио, обусловлено институциональным контекстом, который может иметь определенные долгосрочные исторические последствия (например, они указывали на опасность государственных трансфертов отдельным регионам в рамках региональной политики), а также разными культурными нормами и правилами в различных регионах [6]. А. Херцог отмечал значимость истории в формировании идентичностей, норм и представлений, меняющихся крайне медленно, что может способствовать возрождению экономики в будущем (в связи с этим он указывал, что сложившаяся исторически специализация может серьезно отразиться на долгосрочных перспективах регионального развития) [7].

Изначально многими теориями регионального экономического развития ставилась цель выявить определенные местные условия, позволяющие региону поддерживать высокий темп и уровень развития. При этом благосостояние конкретного региона не является статичным – более того, принято говорить именно о региональном экономическом развитии в силу неравномерности социально-экономического

развития, проявляющейся вследствие экономической глобализации. Следует указать, что важной методологической предпосылкой исследования региональной экономики изначально являлось то, что географическое размещение разных видов экономической деятельности традиционно объяснялось неравномерным распределением природных ресурсов. Мобильность факторов производства, лежащая в основе теории сравнительных преимуществ, фактически обусловила специализацию разных регионов в торговле и производстве. Однако в мире не существует абсолютной и мгновенной мобильности товаров, услуг и факторов производства (так, например, транспортировка товаров требует определенного времени и затрат). Таким образом, при анализе специализации регионов и диспропорций в их развитии исследователи указывают на несовершенство мобильности товаров, услуг и факторов производства [8].

В последние десятилетия сложилось несколько экономикоцентрических теорий, характеризующих региональное развитие, среди которых особо выделяется неоклассическая теория межрегионального роста, указывающая на экзогенный характер темпов роста национальной экономики. К середине 1970-х гг. появились новые теории и дискурсы, в которых доступность ресурсов и расположение в качестве ключевых факторов регионального развития заменились уровнем инноваций, экономической эффективностью и производительностью.

Э. Медейрос указывал на наличие неэкономических факторов (экологическая устойчивость, социальная сплоченность, пространственное управление и планирование) и возрастание их роли в региональном развитии [9]. Более того, для экономики регионов необходимы собственные инновационно-ориентированные модели развития, которые бы учитывали местную институциональную динамику. Такой подход имеет преимущество перед классическими теориями, указывая на выход регионального развития за рамки экономики и предполагая учет междисциплинарных подходов (включая институты, инфраструктуру, технологический прогресс и благосостояние).

Еще до начала 1990-х гг. получили развитие разные концепции пространства, но уже в 1990-е гг. появились модели эндогенного роста и новой экономической географии, где пространство называется диверсифицированно-стилизированным (в частности, теории эндогенного роста систематизированы и широко проанализированы в одном из популярных исследований) [10]. В этих теориях делался акцент на концентрации производительной деятельности около полюсов развития, и даже в рамках одного региона уровень доходов и темпы их роста могут быть диверсифицированы. Помимо прочего, территории стилизуются так, что в них ни территориальная, ни географическая специфика (размеры территорий или местная система социально-экономических отношений) не играли существенной роли. Успех данных теорий в академическом сообществе можно объяснить их способностью к анализу территориальных явлений при помощи традиционного инструментария экономической теории (на основе оптимизации выбора людей и фирм). Рост в данных моделях рассматривался как эндогенный, основанный на экономике агломерации и преимуществах пространственной концентрации хозяйственной деятельности. Р. Капелло особо подчеркивал, что стилизованное пространство не охватывает материальные или нематериальные факторы, которые благодаря близкому расстоянию могли бы способствовать сокращению транзакционных издержек и росту производительности [11].

Отметим, что родственность, то есть связанность новых видов экономической деятельности с уже существующими, служит ключевой детерминантой диверсификации регионов [12]. Технологические возможности экономической системы региона определяют возможности его роста в будущем. Вместе с тем данный подход не лишен критики, заключающейся, в частности, в том, что в региональной диверсификации мало внимания уделено предпринимателям (стартапам) или высококвалифицированным мигрантам, которые могут спровоцировать серьезные изменения в регионах.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Региональное экономическое развитие базируется на множестве теоретических подходов, весьма эклектичных и разнообразных, и может быть интерпретировано, как это отмечают исследователи, при помощи так называемой «теории всего», которая применима ко многим социально-экономическим процессам [13]. Среди множества теоретических концепций особо выделяется подход, известный как «стратегическое региональное развитие», интегрирующий многие аспекты территориального развития, доминирующие в современных теориях региональной экономики [14].

Ключевым в данном контексте выступает некоторая стратегия регионального развития, подразумевающая конкретные политические меры и механизмы. Согласно подходам Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), чтобы эффективно реализовать политику развития, в наибольшей степени подходит уровень регионов, однако обычно темпы их роста могут не совпадать с общей динамикой социально-экономического развития страны, что обусловлено разными реализуемыми стратегиями регионального развития. ОЭСР были выдвинуты разные рекомендации по продвижению политики регионального развития на базе инноваций, развития человеческого капитала и поддержки инфраструктуры. К наиболее эффективным стратегиям регионального развития в литературе относят предоставление поддержки в виде кредитов и грантов для создания и роста отдельных компаний, формирование сетей партнерств, внедрение механизмов по привлечению инвестиций в экономику отдельных регионов [14]. Популярной в последние годы стала также так называемая «парадигма устойчивого развития». Следует отметить, что в стратегиях регионального развития в последнее время незначительно снижается роль административного потенциала и институтов.

Сегодня существует объективная необходимость в новой теории регионального развития, учитывающая стратегические аспекты, поскольку существующие модели не охватывают в полной мере современных мер политики в отношении развития регионов. Регионам нужен не только прогресс в социально-экономическом развитии, им требуется достижение управленческих и институциональных параметров планирования, и такой подход не должен ограничиваться только инвестициями в инфраструктуру, человеческий капитал и инновации. Необходимы механизмы администрирующего воздействия с целью обеспечения гармоничного и сбалансированного внутрирегионального развития.

При современном анализе региональной экономики более важную роль приобретает также микро-экономический контекст, поскольку именно фирма в большей степени заинтересована в выгоде с учетом источников ресурсов, рынков и факторов местоположения. Для экономической деятельности важную роль продолжает играть и пространство, поскольку остаются значимыми разные способы преодоления расстояния. Именно конкуренция за пространство позволяет определить модели размещения, пространственно упорядочить различные виды экономической деятельности. С точки зрения региональной экономики гораздо более значимым является то, как лучше всего использовать ту или иную территорию, то есть речь уже идет о пространственной организации экономики регионов, городов и отдельных районов.

Кроме того, стратегическое региональное развитие должно обеспечиваться необходимым потенциалом образования, то есть должно быть основано на знаниях, как это следует из международного опыта. Повышение образовательного потенциала и знаний должно лежать в основе стратегической региональной инновационной политики, в частности, на основе кооперации промышленности и университетов. В связи с этим предпринимательство является ключевым элементом региональной политики, что особенно важно для периферийных регионов, где институциональная структура часто имеет неформальный характер. Этот подход уже нашел свое отражение в формировании и развитии региональных инновационных кластеров, однако необходимо также обеспечивать трансферт знаний и инноваций в соседние регионы. Такое поглощение ими инноваций будет вести к росту производительности и повышать эффективность стратегического регионального развития, что, как подчеркивают эксперты, должно обеспечиваться государственной поддержкой [15].

Достижение мультипликативного эффекта регионального развития невозможно без развития инфраструктуры, однако оно должно осуществляться с акцентом на поддержку местных компаний, человеческих ресурсов и ассимиляцию технологий. Инфраструктурное развитие может способствовать накоплению знаний и капитала, улучшая в конечном итоге качество экономического развития, как это отмечено одной из групп исследователей [15]. Долгосрочные сдвиги в региональных инвестициях также могут быть обеспечены за счет инвестиций в инфраструктуру. Региональная инфраструктурная политика в краткосрочном плане стимулирует спрос в регионе, а в долгосрочном – обеспечивает формирование социального капитала. Э. Медейрос в данном контексте отмечал, что классические теории регионального развития акцентированы на экономических аспектах, а более поздние подходы учитывают институциональные аспекты, не акцентируясь на стратегическом развитии [9]. Такой подход может способствовать пониманию и учету проблем каждого региона.

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Навыки, знания и таланты в современном мире являются ключевым катализатором инноваций и экономического роста. Опыт отдельных регионов (например, Силиконовой долины) свидетельствует о том, что регионы могут притягивать таланты из разных стран. Такие регионы получают непропорционально высокую долю высококвалифицированной рабочей силы, мигрировавшей в последние десятилетия из развивающихся стран в развитые. Эти миграционные потоки положительно воздействовали на региональные инновационные системы (далее – РИС), способствовали трансферу знаний между странами и формировали высокотехнологичные регионы как в странах-донорах, так и в странах назначения. В эволюционной экономической географии представлен широкий спектр аргументов в пользу инновационного развития регионов, однако знания (как и любые другие ресурсы) неравномерно распределяются в пространстве. В некоторых исследованиях утверждается о необходимости включения миграции высококвалифицированных кадров в программу исследований в области эволюционной экономической географии, которая могла бы ответить на критику того, что в ней не уделено достаточно внимания притоку высококвалифицированных кадров из одних стран в регионы других [16; 17].

Бурное развитие цифровых технологий в последние два десятилетия ускорило фундаментальные изменения в экономике и обществе, стало ключевой детерминантой конкурентоспособности регионов в национальных экономиках и нашло свое отражение в концепциях региональной экономики. В частности, важным вопросом, как отмечалось в одном коллективном исследовании, является то, как цифровые технологии могут изменить РИС и повысить их эффективность [18]. Н. Комминотс отмечал такие ключевые свойства РИС, как обусловленность государственной политикой, а также спонтанное развитие навыков на рынке. Что касается практики отдельных регионов, то на уровне Европейского союза с начала 1990-х гг. уже был представлен ряд программ инновационного и технологического развития на региональном уровне [19].

Важным элементом исследования цифровых технологий на региональном уровне также является концепция так называемых «умных городов» – пространств, помогающих людям внедрять инновации, узнавать новое и проявлять больше творчества. Эти пространства создаются посредством интеграции цифровых сетей с местными инновационными системами (кластерами, технополисами, технопарками). Обычно данный термин используют, чтобы описать регионы (города, городские округа, кластеры), в которых местная инновационная система поддерживается посредством цифровых приложений и сетей [20]. Важно, что инновационная система при помощи цифровых технологий становится глубже и масштабнее, а ее функции – более эффективными и прозрачными.

Кроме того, для исследований региональной экономики большое значение имеет воздействие цифровой среды на разноуровневый всплеск роста (Р. Шарма) [21]. На основе пересечения цифровых систем и инноваций возникает понятие «умный рост», а инновационные системы становятся киберфизическими. В свою очередь, наличие в инновационных системах сетей распространено в эпоху открытых инноваций, что предусматривает особую тесноту связей субъектов РИС. Онлайн-сервисы, виртуальные кластеры, операторы цифровых сетей лишь усиливают РИС. Стоит отметить, что в академическом сообществе сложилось справедливое мнение о том, что конвергенция цифровых технологий на базе искусственного интеллекта способна ускорить социально-экономическую трансформацию в регионах [22; 23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал необходимость серьезных изменений в программе исследований региональной экономики с учетом новых вызовов и проблем социально-экономического развития. Со временем между различными группами теорий региональной экономики наблюдалась некоторая конвергенция. Так, теории местоположения и развития частично легли в основу теории диверсифицированно-стилизованного пространства (новая экономическая география).

В дальнейшем необходимо формирование подхода, комбинирующего экономические механизмы и законы с территориальной спецификой региона, с учетом неоднозначного воздействия цифровых технологий на региональное развитие, а также политических мер стратегического воздействия на экономику регионов. Это создало бы хорошую теоретическую основу для новых моделей регионального экономического роста.

Библиографический список / References

1. Fischer M., Nijkamp P. *Handbook of regional science*. 2nd edition. Berlin: Heidelberg; 2021. 2366 p.
2. Ciccarelli C., Schmidt T.D. The impact of history on regional development. *Review of Regional Research*. 2022;3(42):219–225.
3. Voth J. Persistence: myth and mystery. In: Bisin A., Federico G (eds.). *The handbook of historical economics*. 2021. Pp. 243–267.
4. Rodriguez-Pose A. The revenge of the places that don't matter (and what to do about it). *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*. 2018;1(11):189–209.
5. Elhorst P. The dynamic general nesting spatial econometric model for spatial panels with common factors: further raising the bar. *Review of Regional Research*. 2022;3(42):249–267. <https://doi.org/10.1007/s10037-021-00163-w>
6. Accetturo A., De Blasio G. History and regional policy: some reflections on Italy's Cassa per il Mezzogiorno. *Review of Regional Research*. 2022;3(42):269–277. <https://doi.org/10.1007/s10037-022-00173-2>
7. Herzog A. (2022) Imaginaries, directionalities, agency and new path creation. *Review of Regional Research*. 2022;3(42):1–29. <https://doi.org/10.1007/s10037-022-00174-1>
8. Hoover E.M., Giarratani F. *An Introduction to Regional Economics*. West Virginia University Research Repository; 2020. 303 p.
9. Medeiros E. Strategic-Based Regional Development: Towards a theory of everything for regional development? *European Journal of Spatial Development*. 2022;5(19):1–26. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6805455>
10. Aghion P., Howitt P.W. *Endogenous Growth Theory*. MIT Press; 1997. 694 p.
11. Capello R. Regional Growth and Local Development Theories: Conceptual Evolution over Fifty Years of Regional Science. *Géographie, économie, société*. 2009;11:9–21.
12. Boschma R., Minondo A., Navarro M. The emergence of new industries at the regional level in Spain: a proximity approach based on product-relatedness. *Economic Geography*. 2013;89:29–51.
13. Kaku M. (ed.). *The God equation. The quest for a theory of everything*. Doubleday; 2021. 240 p.
14. Beer A., Clower T. (eds.). *Globalization, Planning and Local Economic Development*. Routledge; 2020. 250 p.
15. Kruszelnicki J. et al. SME segmentation and regional development agencies' innovation support measures. *Regional Studies, Regional Science*. 2020;1(7):511–531. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1811753>
16. Zhou J., Raza A., Sui H. Infrastructure investment and economic growth quality: empirical analysis of China's regional development. *Applied Economics*. 2021;23(53):2615–2630. <https://doi.org/10.1080/00036846.2020.1863325>
17. Morrison A. Towards an evolutionary economic geography research agenda to study migration and innovation. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2023;XX:1–13.
18. Hassink R., Isaksen A., Trippel M. Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development. *Regional Studies*. 2019;53:1636–1645.
19. Samara E., Andronikidis A., Komninos N., Bakouros Y., Katsoras E. The Role of Digital Technologies for Regional Development: a System Dynamics Analysis. *Journal of the Knowledge Economy*. 2022. <https://doi.org/10.1007/s13132-022-00951-w>
20. Komninos N. Internet platforms, innovation and growth under the “smart everything” paradigm. In: *Association of Greek Regional Scientists, Regions at a Turning Point: Post-Digital Communities, New Regionalism and Renationalization – Sustainable Development Implications: Proceedings of the 20th Scientific Conference, Athens, 2018*. 2018. Pp. 119–125.
21. Sotirelis P. et al. Measuring smart city performance: A multiple criteria decision analysis approach. *Journal of the Knowledge Economy*. 2021;1(13):1–29.
22. Sharma R., Mithas S., Kankanhalli A. Transforming decision-making processes: A research agenda for understanding the impact of business analytics on organisations. *European Journal of Information Systems*. 2014;23:433–441.
23. Carayannis E., Dezi L., Gregori G., Calo E. Smart environments and techno-centric and human-centric innovations for Industry and Society 5.0: A quintuple helix innovation system view towards smart, sustainable, and inclusive solutions. *Journal of the Knowledge Economy*. 2021;13:926–955.

Аксиоматический подход к обеспечению ядерной безопасности и ядерного сдерживания в интересах устойчивого развития Арктического региона Российской Федерации

Вишнякова Светлана Петровна

Д-р экон. наук, член Комиссии РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых¹,
гл. научн. сотр., проф. каф. безопасности жизнедеятельности³
ORCID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetlkiseleva@yandex.ru

Вишняков Яков Дмитриевич

Д-р техн. наук, член Комиссии РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых¹,
проф. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе², вед. научн. сотр.³
ORCID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

¹Российская академия наук, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье обращено внимание на две тесно связанные между собой современные проблемы: ядерное сдерживание и ядерная безопасность. Целью исследования является разработка и обоснование аксиомы для научной области знаний о сопряженных динамических оценках возможности ядерного сдерживания и необходимости гарантированного обеспечения ядерной безопасности в интересах устойчивого развития Арктического региона Российской Федерации (далее – АР РФ). Рассмотрены актуальные аспекты обеспечения ядерной безопасности и ядерного сдерживания в современных условиях в интересах обеспечения устойчивого развития АР РФ и национальной безопасности Российской Федерации (далее – РФ). Представлены дифференциация стран, результаты сравнения Соединенных Штатов Америки и РФ в свете обеспечения ядерной безопасности. Выделены три этапа ядерной защиты, в рамках которых необходимо решать вопросы обеспечения ядерной безопасности. Представлен Аксиоматический подход к обеспечению ядерной безопасности и ядерного сдерживания в интересах устойчивого развития АР РФ, описаны возможности его использования. В работе использовались специальные, всеобщие и общенаучные методы научного познания.

Для цитирования: Вишнякова С.П., Вишняков Я.Д. Аксиоматический подход к обеспечению ядерной безопасности и ядерного сдерживания в интересах устойчивого развития Арктического региона Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 12–19.

Ключевые слова

Аксиоматический подход, Арктика, Арктический регион, национальная безопасность, устойчивое развитие, экологический императив, ядерное сдерживание, ядерная безопасность, ядерная война

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В статье отражены результаты прикладной научно-исследовательской работы по теме: «Разработка механизмов обеспечения устойчивого развития территорий в арктической зоне», выполняемой в 2023 г.

Axiomatic approach to ensuring nuclear safety and nuclear deterrence in the interests of the Russian Arctic region sustainable development

Svetlana P. Vishnyakova

Dr. Sci. (Econ.), Member of the RAS Commission for the Study of the Scientific Heritage of Outstanding Scientists¹,
Chief Researcher, Prof. at the Life Safety Department³
ORCID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetkiseleva@yandex.ru

Yakov D. Vishnyakov

Dr. Sci. (Engr.), Member of the RAS Commission for the Study of the Scientific Heritage of Outstanding Scientists¹,
Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department², Leading Researcher³
ORCID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

¹Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

³Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article studies two closely related modern problems such as nuclear deterrence and nuclear security. The aim of the study is to develop and substantiate an Axiom for the scientific field of knowledge about coupled dynamic assessments of nuclear deterrence possibility and the need for guaranteed nuclear safety in the interests of the Russian Arctic region sustainable development. Actual aspects of ensuring nuclear safety and nuclear deterrence in modern conditions in the interests of the Russian Arctic region sustainable development and the Russian national security have been considered. The differentiation of countries and results of comparing the USA and Russia in the light of nuclear safety have been presented. Three stages of nuclear protection have been identified, within the framework of which it is necessary to solve issues of ensuring nuclear safety. An axiomatic approach to ensuring nuclear safety and nuclear deterrence in the interests of the Russian Arctic region sustainable development has been presented, and possibilities of its use described. Special, universal, and general scientific methods of scientific cognition were used in the work.

Keywords

Axiomatic approach, Arctic, Arctic region, national security, sustainable development, environmental imperative, nuclear deterrence, nuclear security, nuclear war

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. The article reflects the results of applied research work on developing mechanisms ensuring the Arctic zone territories sustainable development carried out in 2023.

For citation: Vishnyakova S.P., Vishnyakov Ya.D. (2023) Axiomatic approach to ensuring nuclear safety and nuclear deterrence in the interests of the Russian Arctic region sustainable development. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 12–19.

ВВЕДЕНИЕ

Арктический регион имеет приоритетное стратегическое значение для развития Российской Федерации (далее – Россия, РФ) в XXI в., включая обеспечение ее геополитических и геоэкономических позиций в мире [1]. В условиях усиления политического, экономического, информационного давления на Россию критически важным является обеспечение безопасности освоения и развития территорий Арктической зоны РФ (далее – АЗ РФ). Ввиду современных вызовов обеспечение ядерной безопасности и ядерного сдерживания являются ключевыми направлениями реализации государственной политики РФ и имеют важное значение для устойчивого развития Арктического региона [2]. Требуется безотлагательное развитие теории и практики обеспечения безопасности и устойчивого развития территорий АЗ РФ с учетом ядерных угроз и рисков [3]. Целью исследования является разработка и обоснование аксиомы для научной области знаний о сопряженных динамических оценках возможности ядерного сдерживания и необходимости гарантированного обеспечения ядерной безопасности в интересах устойчивого развития Арктического региона РФ.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использовались специальные, всеобщие и общенаучные методы научного познания. Методология исследования основана на теории рисков, теории эколого-ориентированного инновационного развития [4; 5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В интересах предупреждения чрезвычайной ситуации (далее – ЧС) природного и техногенного характера и безопасного устойчивого развития Арктического региона РФ (далее – АР РФ) авторами исследованы две тесно связанные между собой современные проблемы: ядерное сдерживание и ядерная безопасность [6]. Во второй раз в новейшей истории человечество подошло к моменту, когда угроза уничтожения земной цивилизации и, вероятно, основной части биосферы Земли стала сегодняшней реальностью [7–9]. Очевидно, что это результаты коэволюции техносферы (технологический прогресс, техносферная революция) и социально-экономической акселерации развития в тупиковом направлении цивилизации постоянного удовлетворения безудержного роста потребностей в условиях жесточайшей конкуренции (американский образ жизни).

В конце XX в. российским исследователям совместно с учеными наиболее развитых стран удалось подготовить общественное мнение и добиться понимания проблемы у правящей элиты, что привело к разумному и перспективному решению в пользу ядерного сдерживания. Иначе говоря, на какое-то время человечество было спасено от неминуемой катастрофы. Эколого-политологические оценки Н.Н. Моисеева о последствиях крупномасштабной ядерной войны («ядерная зима», «ядерная ночь»), проведенные независимо американскими и советскими учеными и представленные на конференции «Мир после ядерной войны» в 1983 г., показали высокую идентичность полученных результатов и способствовали тому, что политики Соединенных Штатов Америки (далее – США) и Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) пришли к соглашению о необходимости прекращения ядерной гонки вооружений, что в значительной мере способствовало заключению договоров: СНВ-I (Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений между СССР и США, подписанный 30–31 июля 1991 г., вступивший в силу 5 декабря 1994 г.), СНВ-II (Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений между США и РФ, подписанный 3 января 1993 г.), СНВ-III (Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений между РФ и США, подписанный 8 апреля 2010 г., вступивший в силу 5 февраля 2011 г.). Количественные оценки на основе математических моделей возможных последствий крупномасштабной ядерной войны, сделанные впервые в Вычислительном центре Академии наук СССР под руководством академика Н.Н. Моисеева, были проведены в связи с проверкой гипотезы Карла Сагана (США) о возможной «ядерной ночи» как результате экранирования солнечной радиации облаками сажи и пепла, возникших из-за пожаров, вызванных ядерными ударами [10]. Подтверждены опасения о климатическом эффекте пожаров, а также указана полная перестройка биосферы: произойдут изменения циркуляции атмосферы, распределения температур, перестройка биоты, многократное увеличение радиационного фона, что в конечном счете приведет к непригодности нового состояния биосферы для жизни человечества [10–12].

Авторами настоящего исследования проведены анализ и дифференциация в первом приближении стран в свете проблем обеспечения ядерной безопасности, что позволило выделить следующие группы стран:

- 1) группа А – группа стран, обладающих необходимыми ресурсами (финансовыми, материальными, человеческими, информационными и интеллектуальными);
- 2) группа Б – группа стран, не обладающих необходимыми ресурсами (финансовыми, материальными, человеческими, информационными и интеллектуальными).

Анализ и дифференциация во втором приближении стран в свете проблем обеспечения ядерной безопасности позволили авторам выделить следующие идентификационные характеристики стран:

- 1) понимание проблемы: необходимость и возможность ее решения;
- 2) уверенность в собственных силах или надежда на помощь извне;
- 3) образовательный и культурный уровень;
- 4) историческая готовность: опыт выживания в прошлом.

В рамках исследования авторами проведено сравнение США и РФ в свете обеспечения ядерной безопасности, результаты которого отражены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Состояние США в свете обеспечения ядерной безопасности государства

Общие сведения	Главные достижения	Ключевые недостатки
1) колоссальные ресурсы (включая финансовые); 2) технико-технологический уровень «экстра-класс»; 3) индивидуалистический подход: обеспечение выживания элиты и людей с высоким финансовым ресурсом	Высокотехнологичные бункеры длительного выживания (1–10 лет): прошли испытания; имеются бункеры государственного значения	Нет проработки действий после 1–10 лет выживания в бункере: лунный ландшафт с повышенной радиоактивностью

Составлено авторами по материалам исследования

Таблица 2

Состояние России в свете обеспечения ядерной безопасности (СССР – Россия)

Общие сведения	Главные достижения	Ключевые недостатки
1) материальные и природные ресурсы вне конкуренции; 2) технико-технологический уровень «экстра-класс»; 3) кадры «экстра-класс»; 4) коллективистский подход	1) учет опыта освоения космоса, Арктики и Антарктиды; 2) имеются бункеры государственного значения; 3) средства индивидуальной защиты на мировом уровне	1) ограниченность финансовых ресурсов; 2) ослаблено внимание к развитию современных средств коллективной защиты

Составлено авторами по материалам исследования

Вопросы обеспечения ядерной безопасности требуют рассмотрения ситуации на трех этапах ядерной защиты:

- 1) I этап – «Воздействие ядерного удара или взрыва крупного астероида»;
- 2) II этап – «Выживание в высокотехнологичном изолированном пространстве»;
- 3) III этап – «Реабилитация производственной и социальной сферы в пораженных территориях».

На I этапе «Воздействие ядерного удара или взрыва крупного астероида» можно прогнозировать и принять необходимые/достаточные меры по предотвращению этого воздействия или по предотвращению/смягчению последствий воздействия. Вероятность ядерного взрыва связывают: в мирное время – с ненулевой вероятностью катастрофы на атомной электростанции (далее – АЭС); в военное

время – с повреждением АЭС за счет обстрела/бомбежки, а также с подрывом боевых ядерных зарядов. Защита: предварительная или экстренная эвакуация персонала и населения за пределы зоны/территории возможного поражения, укрытие в бомбоубежищах или бункерах длительного выживания.

II этап «Выживание в высокотехнологичном автономном герметизированном пространстве»: имеются в виду специальные бункеры, рассчитанные на длительное (1 год и более) выживание в условиях местности, испытавшей ядерные удары.

На III этапе «Реабилитация производственной и социальной сферы на пораженных территориях» предусмотрено эффективное применение робототехники и опережающее использование искусственного интеллекта, а также специальной конструкции средств индивидуальной защиты и специализированного наземного, водного и воздушного транспорта.

Очевидна многоаспектность проблем ядерной безопасности, а также их связь с возможностью учета при разработке оптимальных механизмов обеспечения ядерной безопасности особенностей устойчивого развития географических регионов Земли [13]. Здесь особенно значительными могут оказаться уточнения наших представлений об особенности развития Арктических, в том числе принадлежащих РФ, и Антарктических регионов [14; 15]. Дело в том, что эти регионы являются кухней климатических изменений (эволюционных и катастрофических) и формирования погодных условий более южных регионов (в случае Арктики) и более северных (в случае Антарктиды). Следовательно, все катастрофические последствия ядерных воздействий в полярных регионах сказываются на погодно-климатических сценариях и условиях практически глобального масштаба [20–24].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКСИМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБЛАСТИ ЗНАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Научная проработка информационного массива по тематике исследования дает основание сделать некоторые обобщающие предположения.

1. Мы имеем дело с двумя сопряженными областями информационного поля: область оценки возможности ядерного сдерживания и область оценки необходимости гарантированного обеспечения ядерной безопасности. Сопряжение происходит в рамках четырехмерной системы координат (трехмерное пространство и время).

2. Целесообразно подключить элементы аксиоматического мышления для создания системы представлений о динамике сопряжения оценки возможности ядерного сдерживания и оценки необходимости гарантированного обеспечения ядерной безопасности (в глобальном, региональном и страновом масштабах как сегодня, так и в ближней, среднесрочной и дальней перспективах). Аксиоматическое мышление (далее – АМ) рассматривает некоторые исходные положения (постулаты) в качестве очевидных суждений (аксиом), не требующих доказательств. Эти аксиомы используются при доказательстве прочих положений. Сущность АМ заключается в принципе сопряженности утверждения и отрицания и, следовательно, философского закона «отрицания отрицания», определяющего единство поступательности и преемственности в развитии [16].

Рассмотрим эвристические возможности предлагаемой авторами аксиомы для научной области знаний о сопряженных динамических оценках возможности ядерного сдерживания и необходимости гарантированного обеспечения ядерной безопасности. Рост неопределенности в оценках возможности ядерного сдерживания ($V_{яс}$) увеличивает необходимость гарантированного обеспечения ядерной защиты ($H_{яз}$), далее – Аксиома:

$$H_{яз} = \Phi_A (V_{яс}), \quad (1)$$

$$V_{яс} = \Phi_B (P_{яо}, B_э, P_ф, \dots), \quad (2)$$

где $P_{яо}$ – рост запасов ядерного оружия; $B_э$ – безответственность правящей элиты западных стран; $P_ф$ – рост русофобии в западных странах.

Предложенная авторами аксиома обеспечивает, в первую очередь, понимание непротиворечивости и единства наших знаний в указанной области. В настоящее время наблюдается резкий рост неопределенности в оценках возможности ядерного сдерживания. В соответствии с природой (структура и содержание) параметров функционала (2) необходимо вновь (подобная попытка была предпринята в конце XX в.) определить предельно допустимые уровни запасов ядерного оружия, а также согласовать

в глобальном масштабе инструментальные и иные способы и методы международного контроля соответствия реального уровня запасов утвержденным нормативам предельно допустимых уровней. Параллельно и безотлагательно необходимо на международном уровне разработать и согласовать регламенты и процедуры по организационно-техническому обеспечению компенсации безответственности представителей правящей элиты (военной и гражданской) стран, обладающих ядерным оружием (в основном это касается западных стран).

В аксиоме фигурирует понятие «неопределенность». Именно неопределенность в оценках возможности обеспечения ядерной силы и рост этой неопределенности являются главными источниками угроз для дальнейшего развития человечества.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Основные идеи авторов в обозначенной области рассмотрены и обсуждены в рамках XXXI Моисеевских чтений научно-практической конференции «Россия в XXI веке: Проблемы ядерной безопасности и ядерного сдерживания в эколого-политологических оценках Н.Н. Моисеева и современность» (Распоряжение Президента Российской академии наук академика Г.Я. Красникова № 10255-442 от 21.04.2023 г.), проходившей 27 апреля 2023 г. в Российской академии наук [5; 6; 17–19]. Конференция проведена с целью привлечь внимание ученых мира к усилению угрозы ядерной катастрофы на европейском континенте и выработать рекомендации по использованию мирного атома в решении политических споров [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективы развития АР РФ многогранны и связаны как с политическими, военными, технико-технологическими, инфраструктурными, так и с эколого-экономическими аспектами освоения территорий Арктики. В условиях нарастания системного экологического кризиса, военных угроз и конфликтов, экономической нестабильности и политической напряженности в мире критически важно обеспечение ядерной безопасности и ядерного сдерживания в интересах устойчивого развития АЗ РФ с учетом ее особенностей. Исследование проведено по чрезвычайно актуальной для современной РФ тематике и имеет важное значение для развития теории и практики обеспечения устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности РФ.

Библиографический список

1. Российская Федерация. *Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645)*. <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 15.08.2023).
2. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Проблемы ядерной безопасности и ядерного сдерживания в эколого-политологических оценках Н.Н. Моисеева и современность. *Проблемы машиностроения и автоматизации*. 2023;2:136–140.
3. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. *Научная школа «Управление рисками и обеспечение безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов» [Брошюра]*. <https://izd-mn.com/PDF/08MNNPM21.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
4. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. *Общая теория рисков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. 2^е изд. М.: ИЦ «Академия»; 2008. 368 с.
5. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. *Эколого-ориентированное инновационное развитие национальной экономики: научная монография*. М.: «ЦНИТИ «Техномаш»; 2009. 297 с.
6. Чеботарев С.С., Овсяник А.И., Родионов А.С., Юсупов Р.М. *Экономика чрезвычайных ситуаций: теория*. Т. 1. М.: «Издательство КноРус»; 2021. 174 с.
7. Вишняков Я.Д., Анофриков В.Е., Вагин В.И., Васин С.Г., Киселева С.П., Матевосова К.Л., Попова С., Рево В.В. *Безопасность жизнедеятельности: учебник для бакалавров*. 4^е изд., пер. и доп. М.: Юрайт; 2013. 543 с.
8. Абросимов Н.В., Махутов Н.А., Овсяник А.И., Шустов Б.М. и др. *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Наука и технологии комплексной безопасности: постановка проблем: коллективная научная монография. Сводный том по выпуску 60-томной серии «Безопасность России»*. М.: МГФО «Знание»; 2021. 488 с.
9. Ильин И.В., Степанов С.А. Моисеев Н.Н. о России в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. *Вестник Московского университета*. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020;2:6–21.

10. Моисеев Н.Н. Россия в системе государств XXI века. Несколько замечаний о проблеме ядерной безопасности. В кн.: *Россия в системе государств XXI века: материалы совместного заседания ученых советов Московского энергетического института (Технического университета) и Международного независимого эколого-политологического университета, Москва, 27 октября 1999 г.* М.: Изд-во МНЭПУ; 2001. С. 4–9; 19–21.
11. Моисеев Н.Н. *Избранные труды.* М.: Тайдекс и Ко; 2003. 374 с.
12. Моисеев Н.Н. Экологический императив. В кн.: Моисеев Н.Н. *Современный рационализм.* М.: МГВП КОКС; 1995. С. 306–308.
13. Осипов В.И. Устойчивое развитие. Экологический аспект. *Вестник Российской академии наук.* 2019;7(89):718–727.
14. Разовский Ю.В., Савельева Е.Ю. и др. Арктический путь. *Уголь.* 2019;4(1117):36–38.
15. Разовский Ю.В., Горенкова Е.Ю. и др. Угольный арктический доход: классификация и методология оценки. *Уголь.* 2018;7(1108):42–44.
16. Ильичев Л.Ф. и др. (ред.). *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия; 1983. 839 с.
17. Тулупов С.А. *Теория ущерба: общие подходы и вопросы создания методического обеспечения: научная монография.* М.: Наука; 2009. 284 с.
18. Белик И.С. *Эколого-экономическая безопасность: учебное пособие.* Екатеринбург: Изд-во Урал; 2013. 224 с.
19. Гусев А.А., Новоселова И.Ю., Новоселов А.А. *Моделирование «зеленой» экономики. Теория и практика: монография.* М.: Экономика; 2017. 207 с.
20. Российская Федерация. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». (ред. от 02.07.2021 г.) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=l82zdf058j415513212 (дата обращения: 15.08.2023).
21. Российская Федерация. *Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 30.04.2012 г.).* <https://base.garant.ru/70169264/?ysclid=l82zhxouhm266671989> (дата обращения: 15.08.2023).
22. Российская Федерация. *Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176).* <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074/?ysclid=l82zjbghe309333833> (дата обращения: 15.08.2023).
23. Российская Федерация. *Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=l82zg70tnu29822038 (дата обращения: 15.08.2023).
24. Российская Федерация. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.08.2023).

References

1. Russian Federation. *The Strategy for the Arctic Zone of the Russian Federation development and ensuring national security for the period up to 2035 (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated October 26, 2020, No. 645).* <https://base.garant.ru/74810556/> (accessed 15.08.2023). (In Russian).
2. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. Problems of nuclear safety and nuclear deterrence in N.N. Moiseev's ecological and political assessments and modernity. *Problems of Mechanical Engineering and Automation.* 2023;2:136–140. (In Russian).
3. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. *Scientific school “Risk management and security of socio-economic and socio-political systems and natural and man-made complexes” [Brochure].* <https://izd-mn.com/PDF/08MNNPM21.pdf> (accessed 15.08.2023). (In Russian).
4. Vishnyakov Ya.D., Radaev N.N. *General theory of risks.* 2nd ed. Moscow: Academy; 2008. 368 p. (In Russian).
5. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. *Ecological-oriented innovative development of the national economy.* Moscow: Technomash; 2009. 297 p. (In Russian).
6. Chebotarev S.S., Ovsyanik A.I., Rodionov A.S., Yusupov R.M. *Emergency economics: theory. Vol. 1.* Moscow: KnoRus Publ. House; 2021. 174 p. (In Russian).
7. Vishnyakov Ya.D., Anofrikov V.E., Vagin V.I., Vasin S.G., Kiseleva S.P., Matevosova K.L., Popova S., Revo V.V. *Life safety.* 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Urait, 2013. 543 p. (In Russian).
8. Abrosimov N.V., Makhutov N.A., Ovsyanik A.I., Shustov B.M. et al. *Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects. Integrated security science and technology: Problem statement. Summary volume on the release of the 60-volume series “Security of Russia”.* Moscow: Znanie; 2021. 488 p. (In Russian).
9. Ilyin I.V., Stepanov S.A. Moiseev N.N. about Russia in the XXI century: Global challenges, risks and solutions. *Vestnik MSU. Series 27: Global Studies and Geopolitics.* 2020;2:6–21. (In Russian).
10. Moiseev N.N. Russia in the system of states of the XXI century. Some remarks on the problem of nuclear safety. In: *Russia in the system of states of the XXI century: Proceedings of the joint meeting of the Scientific Councils of the Moscow Power Engineering*

- Institute (Technical University) and International Independent Ecological and Political Science University, Moscow, October 27, 1999. Moscow: International Independent University of Environmental & Political Sciences Publ. House; 2001. Pp. 4–9; 19–21. (In Russian).*
11. Moiseev N.N. *Selected works*. Moscow: Tydex Co.; 2003. 374 p. (In Russian).
 12. Moiseev N.N. Ecological imperative. In: Moiseev N.N. *Modern rationalism*. Moscow: COX; 1995. Pp. 306–308. (In Russian).
 13. Osipov V.I. Sustainable development. Ecological aspect. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019;7(89):718–727. (In Russian).
 14. Razovsky Yu.V., Savel'yeva E.Yu. et al. The Arctic Way. *Ugol*. 2019;4(1117):36–38. (In Russian).
 15. Razovsky Yu.V., Gorenkova E.Yu. et al. Coal Arctic income: classification and methodology of assessment. *Ugol*. 2018;7(1108):42–44. (In Russian).
 16. Ilyichev L.F. et al. *Philosophical Encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1983. 839 p. (In Russian).
 17. Tulupov S.A. *Theory of damage: general approaches and issues of creating methodological support*. Moscow: Nauka; 2009. 284 p. (In Russian).
 18. Belik I.S. *Ecological and economic security*. Yekaterinburg: Ural Publ. House; 2013. 224 p. (In Russian).
 19. Gusev A.A., Novoselova I.Yu., Novoselov A.L. *Modeling of "green" economy. Theory and practice*. Moscow: Ekonomika; 2017. 207 p. (In Russian).
 20. Russian Federation. *Federal Law dated January 10, 2002, No. 7-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Environmental Protection"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=l82zdf058j415513212 (accessed 15.08.2023). (In Russian).
 21. Russian Federation. *Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia for the period up to 2030 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated April 30, 2012)*. <https://base.garant.ru/70169264/?ysclid=l82zhx-ouhm266671989> (accessed 15.08.2023). (In Russian).
 22. Russian Federation. *Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated April 19, 2017, No. 176)*. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074/?ysclid=l82zjbghe309333833> (accessed 15.08.2023). (In Russian).
 23. Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=l82zg70tnu29822038 (accessed 15.08.2023). (In Russian).
 24. Russian Federation. *The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 15.08.2023). (In Russian).

Перспективные направления развития менеджмента организации

Митрофанова Ирина Петровна

Канд. экон. наук, доц. каф. систем автоматизированного управления
ORCID: 0000-0001-5087-779X, e-mail: i.mitrofanova@mgutm.ru

Алексеева Анастасия Спартаковна

Магистрант
ORCID: 0009-0007-5360-9206, e-mail: alekstays@mail.ru

Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), г. Москва, Россия

Аннотация

Проблема управления качеством с появлением новых ресурсов и возможностей всегда должна ассоциироваться с процессами постоянного совершенствования организаций, для которых важно создание устойчивой ценности с ориентацией на экосистему и управлением качеством во всех сферах деятельности посредством применения наилучших практик, стандартов, методологий и инструментов улучшения. В статье освещены методы построения успешной организации, основанные на вновь выстроенной Европейским фондом EFQM модели качества. Проведен анализ новой идеологии модели совершенствования и выделены основные компоненты экосистемы организации. Цель работы – выявить и сформулировать ключевые направления совершенствования деятельности организаций в современном мире с учетом основных характеристик «выдающейся организации» по модели EFQM 2020. Авторы сфокусировали внимание на расширенной модели управления организацией, продемонстрировав, что интегрирование такой модели качества как системы менеджмента с моделями совершенствования дает организациям возможность получения большей результативности.

Ключевые слова

Модель качества, экосистема организации, «выдающаяся организация», бизнес-процессы, модель Европейского фонда управления качеством

Для цитирования: Митрофанова И.П., Алексеева А.С. Перспективные направления развития менеджмента организации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 20–28.

Perspective directions of organizational management development

Irina P. Mitrofanova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Automated Control Systems Department
ORCID: 0000-0001-5087-779X, e-mail: i.mitrofanova@mgutm.ru

Anastasia S. Alekseeva

Graduate student
ORCID: 0009-0007-5360-9206, e-mail: alekstays@mail.ru

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (the First Cossack university), Moscow, Russia

Abstract

The problem of quality management with the emergence of new resources and opportunities should always be associated with the processes of organizations continuous improvement, for which it is important to create sustainable value with ecosystem orientation and quality management in all areas of activity through the application of best practices, standards, methodologies, and improvement tools. The article highlights methods of building a successful organization based on the newly built EFQM model of quality. The new ideology of the improvement model has been analyzed and main components of organization's ecosystem highlighted. The purpose of the study is to identify and formulate key areas of organizations improvement in modern world considering main characteristics of an "outstanding organization" according to the EFQM 2020 model. The authors focus on the extended model of organization management and demonstrate that integration of such a quality model as a management system with improvement models gives organizations the opportunity to obtain greater effectiveness.

Keywords

Quality model, organization ecosystem, "outstanding organization", business processes, EFQM model

For citation: Mitrofanova V.V., Alekseeva A.S. (2023) Perspective directions of organizational management development. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 20–28.

ВВЕДЕНИЕ

Из-за нестабильного положения мировой экономики в условиях перехода на новый технологический уклад в текущих рыночных обстоятельствах организации обратили свое внимание на новый путь развития, ориентированный на управление изменениями и качеством и внедрение инноваций. В таких условиях важными характеристиками успешно функционирующей организации являются:

- 1) способность к адаптации с внешней средой, которая является признаком конкурентоспособности;
- 2) умение проводить внутренние трансформации посредством принятия правильных решений и активных реакций на внешние изменения.

Существуют различные практические инструменты совершенствования деятельности организаций, релевантными из которых являются модели качества. Среди европейских организаций широко распространена модель Европейского фонда управления качеством (EFQM – European Foundation for Quality Management), которая реализует новые идеи и лучшие практики в сфере менеджмента качества. В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на базе модели EFQM 2013 г. основной национальной премией по качеству является Премия Правительства РФ в области качества (по приказу Министерства промышленности и торговли РФ от 15.11.2022 г. № 4734) [1].

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ МОДЕЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ EFQM

Результатом крупного бенчмаркинга в сотрудничестве с европейскими компаниями, а также некоторыми организациями из Объединенных Арабских Эмиратов и Мексики была разработана новая версия модели EFQM 2020 г., в которой видоизменены ключевые направления функционирования выдающейся и конкурентоспособной организации [2]. Главным упором в исследованиях являлось то, как организации работали раньше, на основании чего генерировались выводы - как должна работать выдающаяся организация в будущем.

Предпосылками к переосмыслению модели EFQM 2013 г. и преобразованию ее в абсолютно новую модель, исходя из интервью главного операционного директора EFQM Дж. Муле и первого вице-президента Всероссийской организации качества В. Воробьева, стали шесть основных мегатрендов: глобализация 2.0, экологический кризис, индивидуализм и плюрализм ценностей, цифровизация, демографические изменения и технологическая конвергенция [3]. Модель привержена целям в области устойчивого развития и принципам Глобального договора Организации Объединенных Наций о социально ответственном бизнесе.

В новой модели в отличие от предыдущей версии концепция совершенства не представлена в явном виде. Она интегрирована во все ее новые критерии и разделы, также в данной модели можно найти собственные недостатки касаясь применения, поскольку некоторые разделы могут быть не понятны в реализации даже для практикующих европейских организаций, не говоря о воплощении их в России [4]. Например, можно отметить, что обобщены рекомендации по управлению персоналом, нет конкретики определения навыков, компетенций, действий для ориентации на сотрудничество с экосистемой [2; 5]. Следовательно, нельзя выделить из рекомендаций конкретные показатели или действия по измерению результативности деятельности организаций при реализации одной из главных позиций модели – социальной ответственности.

Помимо упомянутых фактов, отмечается полезность в плане злободневности основополагающих изменений идеи в новой модели: к примеру, большая поддержка создания культуры, основанной на креативности, творчестве, инновациях и сотрудничестве, ведь отмечается отставание в данной сфере во многих российских и европейских компаниях [4]. Вместе с тем важно отметить, что критерий «Лидерство» перетек в понятие «Организационная культура и лидерство». Таким образом, возросла роль организационной культуры во внутреннем климате организации, поскольку происходит смещение с жестких форм управления на более мягкие подходы, обеспечивающие социальную справедливость и рациональное управление, направленное на процветание.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЭКОСИСТЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Большое внимание уделяется понятию экосистемы организации, о которой организация должна заботиться наравне с созданием и предоставлением устойчивых ценностей для потребителей. Экосистема – это все те компоненты, что окружают организацию и влияют на ее деятельность с внешней стороны (рис. 1).

Составлено авторами по материалам источника [6]

Рис. 1. Основные компоненты экосистемы организации

Первым и наиболее важным фактором в случае модели EFQM 2020 является подробное описание экосистемы организации [6]. Необходимо обратить внимание на экономические, экологические и социальные составляющие экосистемы – только выдающаяся организация умеет выявлять, быстро и эффективно реагировать на возможности и риски, возникающие в экосистеме.

Вторым важным фактором является всесторонняя обратная связь всех участников и компонентов экосистемы (шестой критерий EFQM 2020: «Восприятие заинтересованными сторонами»). Новая тенденция в идеологии качества состоит в предвосхищении ожиданий и открытости потребителям посредством взаимодействия с экосистемой, которое может достигаться гибким моделированием бизнес-процессов с использованием цифровых технологий. Это тесно связано с проблематикой концепции Качества 4.0, поскольку мы до сих пор находимся в процессе урегулирования вопросов, связанных с введением в новый технологический уклад.

LNS Research (ведущая исследовательская и консалтинговая фирма для крупнейших промышленных компаний мира, которая впервые ввела определение концепции Качество 4.0) на 2022 г. определяет понятие Качество 4.0 как применение методологий технологического уклада (индустриальной трансформации) и новых цифровых технологий для трансформации управления качеством и достижения поэтапных улучшений в цепочке создания ценности [7]. Данная концепция вытекает из понятия Индустрии 4.0. В рамках функционирования европейских компаний часто подчеркиваются четыре основные области, на которые необходимо обратить внимание в контексте идеологии Качества 4.0: дизайн и разработка; производство; сервис; корпоративная культура [4]. В России по итогам пленарного заседания «Устойчивое развитие в условиях глобальных вызовов» руководителем Российской системы качества Максимом Протасовым было озвучено четыре основных момента в стратегии Качества 4.0: пересмотр стандартов системы менеджмента, корректировка индикаторов оценки качества управления, системы зеленой сертификации и рост влияния потребителей (открытость информации) [8].

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Основная идея модели EFQM 2020 сконцентрирована вокруг понятия «выдающаяся организация», все критерии и субкритерии модели соответствуют данному понятию. В результате анализа руководящих положений новой модели были определены основные характеристики выдающейся организации (рис. 2). Экономическая, социальная и экологическая устойчивость рыночных и нерыночных заинтересованных сторон становится новым стандартом успеха в бизнесе и управленческой ответственности, требующей формальной модели для отражения ожиданий, а сочетание конкуренции и сотрудничества в настоящее время является неотъемлемой частью ответственного лидерства [9].

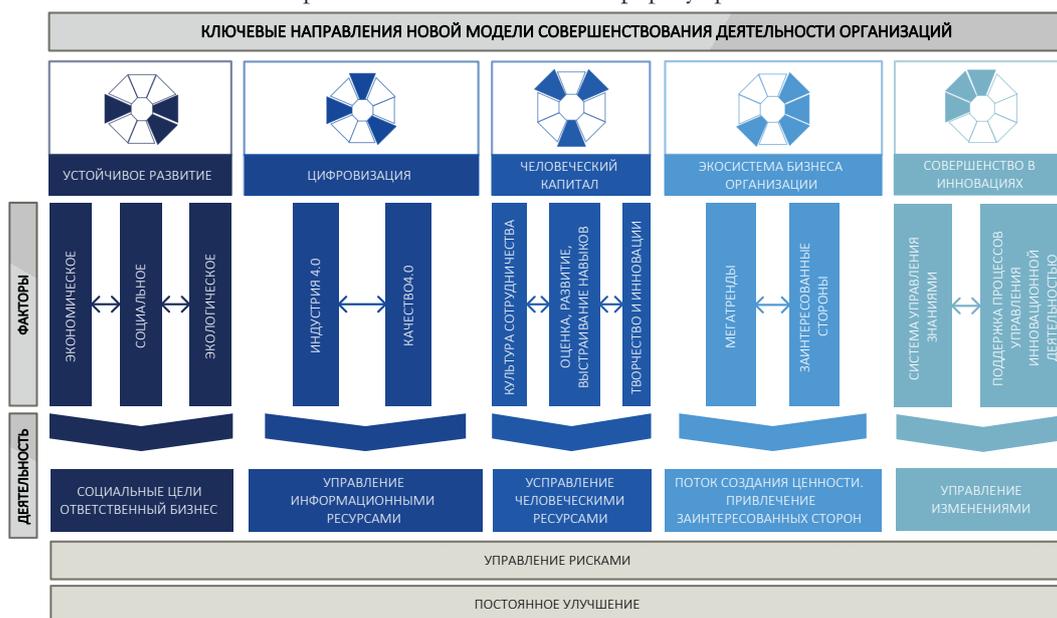
Составлено авторами по материалам источника [2]

Рис. 2. Основные характеристики выдающейся организации по модели EFQM 2020

Модель EFQM 2020 включает концепцию TQM, программу Индустрия 4.0, а также принципы и подходы устойчивого развития, что подчеркивает одновременное достижение выдающейся производительности, управляя преобразованием парадигмы Индустрии 4.0. Модель может обеспечить организациям комплексную обновленную и интегрированную бизнес-модель, а также влиять на систему управления качеством и организационное совершенствование в эпоху Индустрии 4.0 [10].

Устойчивое развитие предполагает осознанное ведение бизнеса, то есть ориентацию на модель «Люди-Планета-Прибыль», приверженность Глобальным целям Организации Объединенных Наций [11]. В условиях нестабильности «выдающейся» организации необходимо предпринимать быстрые и гибкие решения, а еще лучше заранее быть подготовленным к широким диапазонам изменений.

Если объединить все вышесказанное, появляется необходимость в определении ключевых направлений модели совершенствования в деятельности организаций в современных условиях (рис. 3). Они помогут стать лидером в своей экосистеме, станут вектором трансформации и повышения производительности на основе анализа современных тенденций в сфере управления качеством.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Ключевые направления модели совершенствования деятельности организаций в современных условиях

Таким образом, организациям необходимо определить, как заданные ключевые направления могут быть усовершенствованы. Чтобы облегчить работу в формате модели качества «система менеджмента качества» (СМК), авторами настоящего исследования предлагается принять к действию ряд управляющих воздействий и набор инструментов, позволяющих организациям развиваться в сторону успешной – «выдающейся» организации (табл. 1).

Таблица 1

Направления расширения модели управления организацией

Основной упор в совершенствовании модели управления организацией		Направление	Управляющее воздействие	Инструменты
Социальные цели	Человеческие устремления	Внедрение и развитие творческого потенциала и инноваций	– ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» [12]; – SA 8000 (система менеджмента социальной ответственности) [13]	QFD-функция
	Социальные устремления	Измерение эффективности с учетом достижения экологических, социальных целей	– Серия стандартов ISO 14000; – Принципы ESG	– Сбалансированная система показателей (BSC); – Семь инструментов анализа и контроля качества; – PEST-анализ
Управление ресурсами	Трудовые ресурсы	Измерение эффективности с учетом целей управления трудовыми ресурсами	– ISO 30414:2018 «Управление человеческими ресурсами» [14]; – Принципы ESG	– Сбалансированная система показателей (BSC); – Семь инструментов анализа и контроля качества
	Информационные ресурсы	Новые технологии Инновации Индустрия 4.0	– Своды знаний по управлению проектами (PMBOK); – ГОСТ Р ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту» [15]	– SWOT-анализ; – PEST-анализ
Поток создания ценности	Бизнес-процессы	Построение эффективной системы	– Серия стандартов ISO 9000; – ГОСТ Р 57524-2017 «Бережливое производство. Поток создания ценности» [16]	Методы и инструменты бережливого производства в управления качеством
	Требования экосистемы	Создание потока ценности с учетом тенденций экосистемы	– Глобальный договор Организации Объединенных Наций; – Принципы ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление)	Инструменты анализа и контроля качества
Привлечение заинтересованных сторон	Внешние заинтересованные стороны	Сотрудничество	Международные стандарты ИСО: – Стандарты систем менеджмента; – Отраслевые стандарты Премии по качеству: – Национальные (Премия Правительства Российской Федерации в области качества); – Международные (EFQM); – Региональные; – Крупных компаний (для поставщиков); – Профессиональных союзов	Самооценка (опросные листы, матрица, рабочие совещания, метод формуляров, имитация участия в конкурсе на номинацию Премии по качеству)

Основной упор в совершенствовании модели управления организацией		Направление	Управляющее воздействие	Инструменты
Привлечение заинтересованных сторон	Внутренние заинтересованные стороны	Лучшие условия труда; Поддерживание корпоративной культуры	– ГОСТ Р ИСО 45001-2020 «Системы менеджмента безопасности труда и охраны здоровья. Требования и руководство по применению» [17]; – ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» [12]; – SA 8000 (система менеджмента социальной ответственности) [13]	– Методы бережливого производства; – Внутренний аудит
Управление изменениями	Гибкость, планирование	Качество 4.0; Изменения в экосистеме	– Национальные стандарты ISO 9000; – Концепция TQM	– Цикл PDCA; – Модели управления изменениями
Риски	Менеджмент рисков	Готовность к кризисам, изменениям	– ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» [18]	– Матрица вероятностей (рисков) и влияния управления проектами; – Реестр рисков; – Шкала размера потенциального ущерба и вероятностей наступления рисков
Постоянное улучшение	Перспективное развитие Постоянное совершенствование	Обратная связь от ключевых заинтересованных сторон	– Национальные стандарты ISO систем менеджмента и отраслевых стандартов; – Модель EFQM	– Инструменты управления качеством; – Анкетирование; – Бенчмаркинг; – Оценка RADAR

Составлено авторами по материалам исследования

Результаты зарубежных исследований указывают на то, что методы управления качеством могут улучшить как постепенные, так и радикальные инновации бизнес-процессов. Также прослеживается прямая положительная связь с финансовыми и операционными показателями [19]. Следовательно, целесообразно интегрирование такой модели качества, как система менеджмента качества с моделями совершенствования для получения большей результативности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание устойчивой ценности и совершенствование деятельности организаций на сегодня наилучшим образом должна проходить с прямым и косвенным взаимодействием с экосистемой, а также

с упором на актуальные направления развития деятельности организаций, которые были определены посредством анализа нынешних тенденций управления качеством.

Определив ключевые направления в модели совершенствования деятельности организаций в рамках EFQM 2020, можно утверждать, что перед российскими компаниями открывается широкое пространство для реализации своих возможностей и внедрения изменений с учетом текущих тенденций, открывающихся с новой идеологией управления качеством, и в то же время со сложившейся ситуацией в экономике нашей страны.

Одной из основных проблем во внедрении изменений в бизнес-процессах и структурах компаний на основании модели совершенствования EFQM 2020 является обобщенность, расплывчатость и отсутствие конкретных предписаний критериев. Однако модель содержит определенный массив знаний, определяет вектор развития и с дополнением определенных методов, инструментов, подходов управления качеством, бережливого производства и пр. Модель EFQM 2020 может помочь организациям согласовать управленческие процессы с экосистемой и внутренними процессами с более технологической точки зрения и создать устойчивые ценности, которые может предоставить выдающаяся организация.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 15.11.2022 г. № 4734 «Об утверждении Положения о конкурсе на соискание премий Правительства Российской Федерации в области качества». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212270009> (дата обращения: 27.06.2023).
2. EFQM. *The EFQM Model*. <https://efqm.org/the-efqm-model/> (дата обращения: 27.06.2023).
3. Муле Дж., Воробьев В. *Модель EFQM 2020 – наилучшая инновация на пути к деловому совершенству*. <https://ria-stk.ru/mmj/adetail.php?ID=186094> (дата обращения: 27.06.2023).
4. Nenád J. The New EFQM Model: What is Really New and Could Be Considered as a Suitable Tool with Respect to Quality 4.0 Concept? *Quality Innovation Prosperity*. 2020;1(24):17–28. <https://doi.org/10.12776/qip.v24i1.1415>
5. ВОК. *Критерии модели EFQM 2013*. <https://efqm-rus.ru/model-efqm/model-efqm-2013/criterion/> (дата обращения: 27.06.2023).
6. Szabó G.H. Stakeholder Capitalism and the EFQM Model 2020 for Corporate Management. *Polgári Szemle*. 2020;(16):368–384. <https://doi.org/10.24307/psz.2020.1223>
7. Murugesan V. *What is Quality 4.0? And What It Isn't*. <https://blog.lnsresearch.com/what-is-quality-4.0-and-what-it-isnt> (accessed 07.07.2023).
8. ПРОКачество. *Пленарное заседание «Устойчивое развитие в условиях глобальных вызовов»*. <https://kachestvo.pro/vdk2021/program/11263/> (дата обращения: 03.07.2023).
9. EFQM. *United nations Sustainable Development Goals (UN SDGS)*. <https://efqm.org/efqm-lens-series/un-sdgs/> (accessed 30.06.2023).
10. Fonseca L., Amaral A. Quality 4.0: The EFQM 2020 Model and Industry 4.0 Relationships and Implications. *Sustainability*. 2021;13(6):3107. <https://doi.org/10.3390/su13063107>
11. Сафонов А. *Новая модель EFQM 2020: инновационные темы и концепции в менеджменте*. <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=196373> (дата обращения: 30.06.2023).
12. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. *ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности»*. <https://docs.cntd.ru/document/1200097847> (дата обращения: 30.06.2023).
13. Social Accountability International. *Social Accountability 8000*. New York: SAI; 2014. 16 p.
14. International Organization for Standardization. *ISO 30414:2018. Human resource management – Guidelines for internal and external human capital reporting*. Technical Committee ISO/TC 260; 2018. 35 p.
15. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. *ГОСТ Р ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту»*. <https://docs.cntd.ru/document/1200118020> (дата обращения: 30.06.2023).
16. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. *ГОСТ Р 57524-2017 «Бережливое производство. Поток создания ценности»*. <https://docs.cntd.ru/document/1200146135> (дата обращения: 30.06.2023).
17. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. *ГОСТ Р ИСО 45001-2020 «Системы менеджмента безопасности труда и охраны здоровья. Требования и руководство по применению»*. <https://docs.cntd.ru/document/1200175068> (дата обращения: 30.06.2023).
18. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. *ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство»*. <https://internet-law.ru/gosts/gost/73107/> (дата обращения: 30.06.2023).

19. García-Fernández M. Relationships between quality management, innovation and performance: A literature systematic review. *European Research on Management and Business Economics*. 2022;1(28):100172. <https://doi.org/10.1016/j.iedeen.2021.100172>

References

1. Russian Federation. *Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated 15 November 2022 No. 4734 "On Approval of the Regulations on the Competition for Prizes of the Government of the Russian Federation in the field of quality"*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212270009> (accessed 27.06.2023). (In Russian).
2. EFQM. *The EFQM Model*. <https://efqm.org/the-efqm-model/> (accessed 27.06.2023).
3. Mule J., Vorobyev V. *EFQM 2020 model is the best innovation on the way to business excellence*. <https://ria-stk.ru/mmj/adetail.php?ID=186094> (accessed 27.06.2023).
4. Nenadál J. The New EFQM Model: What is Really New and Could Be Considered as a Suitable Tool with Respect to Quality 4.0 Concept? *Quality Innovation Prosperity*. 2020;1(24):17–28. <https://doi.org/10.12776/qip.v24i1.1415>
5. EFQM. *EFQM 2013 Model criteria*. <https://efqm-rus.ru/model-efqm/model-efqm-2013/criterion/> (accessed 27.06.2023). (In Russian).
6. Szabó G.H. Stakeholder Capitalism and the EFQM Model 2020 for Corporate Management. *Polgári Szemle*. 2020;(16):368–384. <https://doi.org/10.24307/psz.2020.1223>
7. Murugesan V. *What is Quality 4.0? And What It Isn't*. <https://blog.insresearch.com/what-is-quality-4.0-and-what-it-isnt> (accessed 07.07.2023).
8. PROKachestvo. *Plenary Session "Sustainable Development in the Context of Global Challenges"*. <https://kachestvo.pro/vdk2021/program/11263/> (accessed 03.07.2023). (In Russian).
9. EFQM. *United Nations Sustainable Development Goals (UN SDGS)*. <https://efqm.org/efqm-lens-series/un-sdgs/> (accessed 30.06.2023).
10. Fonseca L., Amaral A. Quality 4.0: The EFQM 2020 Model and Industry 4.0 Relationships and Implications. *Sustainability*. 2021;13(6):3107. <https://doi.org/10.3390/su13063107>
11. Safonov A. *The New EFQM 2020 model: Innovative topics and concepts in management*. <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=196373> (accessed 30.06.2023).
12. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. *GOST R ISO 26000-2012 "Guidance for social responsibility"*. <https://docs.cntd.ru/document/1200097847> (accessed 30.06.2023). (In Russian).
13. Social Accountability International. *Social Accountability 8000*. New York: SAI; 2014. 16 p.
14. International Organization for Standardization. *ISO 30414:2018. Human resource management – Guidelines for internal and external human capital reporting*. Technical Committee ISO/TC 260; 2018. 35 p.
15. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. *GOST R ISO 21500-2014 "Guidance on project management"*. <https://docs.cntd.ru/document/1200118020> (accessed 30.06.2023). (In Russian).
16. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. *GOST R 57524-2017 "Lean production. Value Stream"*. <https://docs.cntd.ru/document/1200146135> (accessed 30.06.2023). (In Russian).
17. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. *GOST R ISO 45001-2020 "Occupational health and safety management systems. Requirements with guidance for use"*. <https://docs.cntd.ru/document/1200175068> (accessed 30.06.2023). (In Russian).
18. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. *GOST R ISO 31000-2019 "Risk management. Principles and guidance"*. <https://internet-law.ru/gosts/gost/73107/> (accessed 30.06.2023). (In Russian).
19. García-Fernández M. Relationships between quality management, innovation and performance: A literature systematic review. *European Research on Management and Business Economics*. 2022;1(28):100172. <https://doi.org/10.1016/j.iedeen.2021.100172>

Определение готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий

Старостин Василий Сергеевич

Канд. экон. наук, зав. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0002-2659-4391, e-mail: vs_starostin@guu.ru

Аржанова Кристина Александровна

Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0002-9785-5069, e-mail: ka_arzhanova@guu.ru

Долгополов Дмитрий Владиславович

Канд. экон. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0001-9179-0076, e-mail: dv_dolgopolov@guu.ru

Дитрих Алена Дмитриевна

Магистрант
ORCID: 0009-0002-7529-7892, e-mail: rbcekrmf220700@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В качестве ключевого вопроса данной статьи рассматривается определение готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для персонализации индивидуальных образовательных траекторий обучающихся (далее – ИОТ). В случае соответствия вуза предложенным группам факторов, включая развитую информационную архитектуру, появляется возможность более технологичного использования многомерных структурированных и неструктурированных данных для совершенствования различных видов вузовской деятельности. Высокотехнологичные маркетинговые аналитические инструменты способствуют сбору контекстных данных и сведений о различных процессах внутри университета, а также глубинному анализу цифровых следов обучающихся. Методы машинного обучения, предиктивной аналитики и современные генеративные нейросети позволяют создавать рекомендательные сервисы, с помощью которых индивидуальные образовательные траектории формируются с помощью машинного интеллекта, одновременно учитывая сотни параметров. За пределами задач по формированию ИОТ машинный интеллект может успешно решать задачи для других стейкхолдеров вуза: преподавателей, исследователей, администрации.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, маркетинг, вуз, персонализация, машинное обучение, индивидуальные образовательные траектории

Благодарности. Работа выполнена в рамках гранта Государственного университета управления (НИР №1011-23) «Формирование модели междисциплинарного применения технологий искусственного интеллекта для повышения персонализации высшего образования».

Для цитирования: Старостин В.С., Аржанова К.А., Долгополов Д.В., Дитрих А.Д. Определение готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий // Вестник университета. 2023. № 10. С. 29–39.

Determining university's readiness to implement AI technologies for personalizing educational paths

Vasiliy S. Starostin

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0002-2659-4391, e-mail: vs_starostin@guu.ru

Kristina A. Arzhanova

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0002-9785-5069, e-mail: ka_arzhanova@guu.ru

Dmitriy V. Dolgoplov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0001-9179-0076, e-mail: dv_dolgoplov@guu.ru

Alena D. Ditrikh

Graduate student
ORCID: 0009-0002-7529-7892, e-mail: rbcekrmf220700@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The key issue of the article is to determine readiness of HEIs to implement artificial intelligence and machine learning technologies for personalization of students' individual educational trajectories (hereinafter – IET). In case of compliance of HEIs with the proposed groups of factors, including developed information architecture, there is an opportunity to use multidimensional structured and unstructured data more technologically to improve various types of university activities. High-tech marketing analytical tools facilitate the collection of contextual data and insights into various processes within university, as well as in-depth analysis of learners' digital footprints. Methods of machine learning, predictive analytics, and modern generative neural networks allow to create recommendation services, with the help of which individual educational trajectories are formed by machine intelligence, simultaneously considering hundreds of parameters. Beyond the tasks of IET formation, machine intelligence can successfully solve tasks for other stakeholders of the university such as professors, researchers, and administration.

Keywords

Artificial intelligence, marketing, university, personalization, machine learning, individual educational trajectories

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the State University of Management grant (Scientific Research No. 1011-23) "Formation of a model for interdisciplinary application of artificial intelligence technologies to increase higher education personalization".

For citation: Starostin V.S., Arzhanova K.A., Dolgoplov D.V., Ditrikh A.D. (2023) Determining university's readiness to implement AI technologies for personalizing educational paths. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 29–39.

ВВЕДЕНИЕ

Применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения распространено в большинстве сфер общественной жизни, бизнеса и государственного управления. Одна из причин активного развития данной области состоит в реализации национальной программы «Цифровая экономика», которая ставит целью решение задач по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Сфера высшего образования за прошедшие несколько лет стала активно использовать технологии информационной аналитики для совершенствования ключевых процессов в управлении вузами. В большинстве случаев цифровая трансформация подразумевает использование целого портфеля цифровых инструментов, таких как: Big Data, блокчейн, облачное хранение, облачные платформы, дополненная реальность, нейросети и машинное обучение. Цифровая зрелость многих вузов остается на разном уровне, поскольку текущее состояние использования цифровых технологий зависит от многих факторов. Тем не менее технологическое оснащение университетов не должно являться итоговым показателем, даже несмотря на то что этот индикатор легче поддается измерению. Другими словами, насыщение образовательных организаций электронным оборудованием и цифровыми решениями не гарантирует качественных изменений в ключевых видах деятельности [1]. Важнее оценивать содержательные изменения, связанные с повышением уровня подготовки студентов, с достижениями в научно-исследовательской сфере, в оптимизации инфраструктуры и развитии кампуса, в управлении вузом.

Цель настоящего исследования состоит в разработке подхода к определению готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) для последующей персонализации образовательных траекторий учащихся. Основная гипотеза состоит в том, что не все вузы в одинаковой степени предрасположены и готовы к внедрению и использованию обозначенных информационных технологий.

Цифровизация ключевых процессов позволяет по-новому отслеживать показатели деятельности образовательного процесса, методическую работу, управление кампусом и инфраструктурой, научно-исследовательскую деятельность, внеучебную и воспитательную работу [2]. До настоящего момента большинство аналитических процессов в вузе были слабо структурированы и требовали значительной вовлеченности человека. С тех пор, как ключевые метрики могут быть собраны и проанализированы автоматически, возникают совершенно новые возможности предиктивной аналитики, которые позволяют находить глубинные взаимосвязи показателей, давать точные прогнозы и строить рекомендательные сервисы [3]. Такие сервисы, основывающиеся на работе нейросетей, направлены на совершенствование образовательного процесса, персонализацию образовательной траектории обучающихся, контроль и прогнозирование успеваемости и т.д. [4].

Для настройки конфигурации такой интеллектуальной информационно-аналитической системы, с одной стороны, необходимо определить степень готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта, а с другой – разработать систему показателей, которые анализируются по каждому виду деятельности образовательной организации. Вузы имеют разную степень предрасположенности и готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Это связано с рядом причин: от состояния IT-инфраструктуры до резистентности персонала к внедрению изменений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу данного исследования составили экспертные методы современного маркетингового анализа, глубинные интервью, фокус-группа, а также кейс-метод, который позволил провести анализ практики внедрения цифровых технологий в работу российских и зарубежных вузов. Объектом исследований являлись российские образовательные учреждения высшего образования. Были выбраны несколько ключевых предметов исследований, среди них: барьеры внедрения технологий ИИ в практику работы российских вузов; сферы компетенций маркетинговой деятельности вузов; факторы, определяющие степень готовности вузов к интеграции методов и инструментов ИИ; параметры реализации проекта внедрения ИИ в работу вуза; структура индивидуальной образовательной траектории студентов программ бакалавриата.

Программа исследования базировалась на привлечение представителей профессионального сообщества из семи вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга для проведения глубинных интервью и фокус-групп. Среди респондентов – представители административно-управленческого персонала, профессорско-преподавательского состава, а также специалисты в области IT-обеспечения университетов.

Серия качественных исследований состояла из семи структурированных интервью с респондентами, а также двух фокус-групп со специалистами в области информационных технологий. Следует отметить, что все респонденты-представители различных вузов с разной степенью результативности занимаются вопросами цифровой трансформации университетов, в том числе в части внедрения технологий искусственного интеллекта. На основе обобщения собранной информации были выявлены закономерности, которые были интерпретированы и легли в основу выводов, соответствующих цели исследования.

БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

На основе анализа практики работы вузов следует выделить ряд барьеров, которые препятствуют внедрению технологий машинного обучения и искусственного интеллекта (рис. 1).

1. Отсутствие методик сбора, анализа и интерпретации данных. С развитием информационных и вычислительных технологий проблемы технического характера отходят на второй план. Технологии становятся все более доступными даже для малых организаций. Ключевым вопросом становится осознанное участие человека – его способность ставить задачи, подбирать конфигурацию информационно-вычислительной системы и определение приоритетов использования предиктивной аналитики в вузе. Для решения этой задачи необходимо либо привлекать высококвалифицированные кадры, либо организовывать переобучение штатных специалистов образовательной организации. В отдельных случаях интеграцией подобных аналитических систем занимается профильная компания на аутсорсинге.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Барьеры внедрения технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в вузе

2. Уровень цифровой зрелости образовательной организации. Недостаточное развитие ИТ-инфраструктуры и вычислительных мощностей – постоянный сбор пользовательских и системных данных требует наличия необходимого оборудования и программного обеспечения [5]. Например, для контроля доступа на территорию кампуса вуза с контингентом около десяти тысяч студентов и преподавателей необходимо предусмотреть точки контроля входа/выхода, оборудованные системой распознавания лиц, а также облачное хранение данных доступа. В наименее технологичных процессах до сих пор используются пластиковые карты доступа, которые требуют постоянной замены и сами являются дополнительной статьей расходов. Высокая стоимость установки и обслуживания оборудования может также рассматриваться в качестве входного барьера для внедрения таких технологий.

3. Резистентность академической среды. Внедрение изменений, как правило, вызывает сопротивление сотрудников, которые привыкли к определенному складу и организации работы. Технические, методические и организационные нововведения требуют смены привычных процессов и в начале реализации непонятны большинству сотрудников. Более того, изменение некоторых академических процедур может потребовать корректировки норм оплаты труда, что тоже может стать барьером адаптации новых технологий [6]. Нововведения потребуют дополнительного обучения персонала, а также частичного изменения привычных процессов в вузе, таких как: организация и проведение экзаменов и контрольных мероприятий; учет посещаемости и успеваемости; администрирование личных дел студентов и слушателей и т.д.

4. Безопасность и этика используемых данных. В целом вопрос этики и права использования персональных данных регулируется соответствующим законодательством [7]. Технологии анализа данных используют обезличенные профайлы пользователей для построения корреляций и работы рекомендательных сервисов. Вместе с этим успешно работают вузы, которые готовят специалистов в сфере военных наук, обороноспособности, авиастроения и других сфер, относящихся к определенной категории секретности. Для таких образовательных организаций существуют ограничения в части сбора и анализа данных, относящихся к категории ограниченного доступа.

СФЕРЫ КОМПЕТЕНЦИИ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

На протяжении долгого времени маркетинг образовательной организации воспринимался очень узко и предполагал исключительно задачи, связанные с продвижением образовательных программ либо связями со средствами массовой информации. В настоящий момент топ-менеджмент большинства вузов рассматривает гораздо более широкий перечень приоритетов маркетингового обеспечения работы образовательной организации.

1. Разработка и управление портфелем образовательных программ. Образовательная программа является основным вузовским продуктом, который требует выполнения принятых маркетинговых процессов и использования соответствующих инструментов и технологий по разработке и управлению. Портфель образовательных программ состоит из различных уровней подготовки, начиная от подготовительных курсов, бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, докторантуры и заканчивая программами дополнительного профессионального образования. Конфигурация портфеля программ является объектом управления в зависимости от приоритетов, востребованности профессий и сфер и требует изменений. В качестве ключевых маркетинговых задач в данной области следует выделить рекурсивный анализ результатов предыдущих приемных кампаний вуза, а также мониторинг приоритетов абитуриентов и работодателей.

2. Осуществление приемной кампании на программы обучения. Выполнение контрольных цифр приема, а также набор студентов и слушателей на условиях обучения по договору – обязательный циклический процесс любого государственного вуза. Ключевой задачей является настройка программ маркетинговых коммуникаций, которая позволяет представить образовательные программы и проинформировать о процедуре подачи документов. В настоящее время значительная часть этой работы осуществляется в цифровой среде. Отсюда значительные требования предъявляются к совершенствованию официального сайта вуза, а также к представленности в различных социальных сетях.

3. Популяризация результатов научно-исследовательской деятельности. Привлечение внешних заказчиков для проведения научно-исследовательской работы, экспертизы и аудита. Многие вузы, особенно обладающие статусом исследовательского университета, имеют значительную долю в структуре доходов, генерируемую за счет проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Заказчиками такой интеллектуально емкой работы выступают государственные и частные организации, а также представители органов власти. Позиционирование и представление научного потенциала вуза также относятся к маркетинговым приоритетам образовательной организации.

4. Управление репутацией и связи с общественностью. Среди ключевых стейкхолдеров вуза можно выделить абитуриентов, студентов, преподавателей и администрацию, выпускников, учредителей и контролирующие организации и др. Формирование благоприятного имиджа возможно в процессе выстраивания взаимодействия с представителями данных сегментов. Инструментарий связей с общественностью используется пресс-службой или PR-отделом вуза.

5. Совершенствование образовательного процесса и инфраструктуры. Многокомпонентный процесс получения новых знаний объединяет различные аспекты, требует не только методической поддержки, но и развитой инфраструктуры, необходимой на территории кампуса. В маркетинговой практике физическое окружение (physical evidence) продукта или услуги подразумевает настройки материальных атрибутов и условий для решения пользовательской задачи. Для вуза это означает развитие кампуса, оптимизация аудиторного фонда, материально-техническое обеспечение, развитие IT-инфраструктуры. С другой стороны, организация учебного процесса оказывает огромное влияние на уровень подготовки специалистов, а также на степень их удовлетворенности. Для этих решений проводят следующие маркетинговые мероприятия: опросы студентов и слушателей о качестве преподавания отдельных дисциплин и учебных модулей; оценка студентами состояния учебной инфраструктуры вуза; оценка качества услуг, предоставляемых студентам на территории кампуса и пр.

6. Аналитическая подготовка принятия управленческих решений. Инструменты маркетинговых исследований позволяют собирать и анализировать данные, которые являются основой для принятия управленческих решений и внедрения изменений. Основные направления для проведения маркетингового аудита, связанного с совершенствованием учебного процесса: бенчмаркинг предложений вузов-конкурентов, мониторинг приоритетов родителей абитуриентов и самих абитуриентов, изучение требований работодателей к составу учебных дисциплин, оценка эффективности программ продвижения приемной

кампании, аудит качества учебного процесса и уровня успеваемости, мониторинг трудоустройства выпускников. Помимо этого, существуют отдельные аналитические задачи для управления научно-исследовательской, международной и воспитательной работой.

Среди представленных приоритетов маркетингового обеспечения работы вуза можно выделить три направления, в которых наиболее перспективно применение технологий предиктивной аналитики, машинного обучения и искусственного интеллекта в целом. К ним относятся: совершенствование образовательного процесса и инфраструктуры; разработка и управление портфелем образовательных программ; аналитическая подготовка принятия управленческих решений.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТЕПЕНЬ ГОТОВНОСТИ ВУЗА К ВНЕДРЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Не все вузы в одинаковой мере готовы к использованию современных информационных и операционных технологий. Для этого существует множество объективных и субъективных причин. Однако есть необходимость предварительно оценить степень готовности. Для проведения оценки степени предрасположенности и готовности вуза к нововведениям в данной сфере необходимо проанализировать разные группы параметров, которые в свою очередь имеют различную степень влияния на итоговый результат. Факторы, определяющие степень готовности высшего учебного заведения, можно разделить на шесть категорий, каждая из которых включает основные параметры для проведения предварительной оценки (табл. 1).

1. Определение целей и ожидаемых результатов. Использование современных технологий машинного обучения не должно являться самоцелью. Они рассматриваются в контексте решения актуальной для вуза задачи. Одна из проблем состоит в том, что зачастую руководство университетов не представляет возможности современных интеллектуальных ИТ-систем и нейросетей, что может ограничивать область их применения, поскольку текущие задачи до сих пор решаются традиционными средствами. Формулировка задачи может происходить в рамках любого вида деятельности вуза: от образовательного процесса до управления кампусом.

2. Цифровые компетенции профессорско-преподавательского и административного персонала. Работа нейросетей и других генеративных цифровых сервисов базируется на сборе и анализе данных, которые необходимо собирать и интерпретировать. Сбор данных происходит не только автоматическим путем – он подразумевает более технологичные способы работы преподавателей с использованием различных цифровых устройств и методов преподавания.

3. Цифровая грамотность студентов и слушателей. Существует мнение, что поколение молодых людей, родившихся после 2000 г., более уверенно владеет цифровыми навыками по сравнению с представителями поколения X и Y. Однако некоторые исследования показывают, что это далеко не так [6]. Проникновение цифровых устройств среди молодежи очень высокое, но перечень сфер применения остается довольно ограниченным: социальные сети, видеохостинги, коммуникация и развлечение. Уверенное и разнообразное применение диджитальных сервисов в процессе обучения позволяет собирать новые виды цифровых данных и внедрять рекомендательные сервисы.

4. Уровень цифровой зрелости вуза и развитие ИТ-инфраструктуры. Конфигурация цифровой инфраструктуры объединяет как оборудование, так и программное обеспечение, необходимое для решения задач с использованием искусственного интеллекта и машинного обучения. Это наиболее затратная статья для внедрения изменений. Архитектура информационно-аналитической, вычислительной и мультимедийной среды современного университета включает телекоммуникационное оборудование, автоматизированные рабочие места, сетевое и серверное обеспечение и др. Уровень цифровой зрелости подразумевает не только наличие оборудования и программного обеспечения, но и уровень их квалифицированного использования в деятельности вуза.

5. Портфель образовательных программ и методическое обеспечение учебного процесса. Персонализация образовательного процесса предполагает возможность выбора индивидуальных траекторий обучения, которые складываются из различных профессиональных сфер и предметных областей. Наличие широкого перечня образовательных программ и профильных специалистов, а также развитое методическое обеспечение учебного процесса позволяет гибко и разнообразно конфигурировать учебные профили и образовательные траектории [8]. Состав портфеля программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, докторантуры, дополнительного профессионального образования, онлайн-курсов является важной предпосылкой и определяет предрасположенность вуза к использованию ИИ для персонализации обучения.

6. Реорганизация внутренних управленческих процессов. Внедрение изменений в организации предполагает перенастройку привычных процессов. В случае высшего учебного заведения трансформация может затронуть систему распределения учебной нагрузки среди преподавателей, способы проведения промежуточной и итоговой аттестации, корректировку учебных планов, расписание, работу единого деканата и других подразделений. Уровень гибкости и скорость внедрения изменений напрямую зависят от масштабов реорганизации и готовности административно-управленческого персонала.

Таблица 1

Факторы оценки вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта

Группа факторов	Характер влияния	Оцениваемые параметры
Определение целей и ожидаемых результатов	Формулировка проблем и постановка задач, которые могут быть решены с помощью интеллектуальных цифровых решений	<ul style="list-style-type: none"> – Задачи учебно-образовательного процесса; – задачи научно-исследовательской деятельности; – задачи внеучебной и воспитательной работы; – задачи административно-управленческой работы
Цифровые компетенции профессиональной переподготовки специалистов и административного персонала	Уровень владения информационными технологиями, программами и оборудованием. Доступ к информационно-вычислительной инфраструктуре вуза	<ul style="list-style-type: none"> – Компьютерная грамотность (Уровень владения различными цифровыми устройствами); – медийная и информационная грамотность; – уровень цифровой безопасности; – этика использования данных
Цифровая грамотность студентов и слушателей	Уровень владения цифровыми сервисами и устройствами как в повседневной жизни, так в процессе обучения	<ul style="list-style-type: none"> – Наличие собственных цифровых устройств; – компьютерная и коммуникационная грамотность; – отношение к технологическим инновациям; – безопасность и этика цифровой коммуникации
Уровень цифровой зрелости вуза и развитие ИТ-инфраструктуры	Степень цифровизации ключевых административно-управленческих, учебных и научно-исследовательских процессов	<ul style="list-style-type: none"> – Количество персональных компьютеров на 100 студентов; – сетевое и другое цифровое оборудование и вычислительные мощности; – наличие информационных технологий, программного обеспечения и квалификация персонала; – функциональность сайта и внутреннего портала вуза; – электронный документооборот; – функциональность LMS-платформы
Портфель образовательных программ и методическое обеспечение учебного процесса	Широкая линейка образовательных программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и дополнительного профессионального образования позволяет комбинировать модули, учебные дисциплины, темы, а также форматы проведения занятий	<ul style="list-style-type: none"> – Количество программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, дополнительного профессионального образования; – количество реализуемых направлений подготовки; – частота обновления учебно-методических материалов

Группа факторов	Характер влияния	Оцениваемые параметры
Реорганизация внутренних управленческих процессов	Необходимые изменения сложившихся процессов, алгоритмов, а также время на внедрение изменений	– Количество человек, на которое распространяется эффект от внедряемого изменения; – направления изменений и их количество; – уровень квалификации ответственных сотрудников

Составлено авторами по материалам исследования

Как было сказано выше, потенциал генеративных сервисов и нейросетей очень широк и затрагивает десятки опций во всех основных видах деятельности университета. При положительной оценке готовности вуза в целом к внедрению и применению технологий искусственного интеллекта возникает необходимость точечной проверки целесообразности того или иного конкретного решения. Для этого предлагается макет чек-листа, в котором перечислены ключевые параметры для определения перспектив в рамках конкретного проекта внедрения новой технологии (табл. 2).

Таблица 2

Параметры реализации проекта внедрения искусственного интеллекта в работу вуза

Параметры	Особенности
Вид деятельности вуза	Указываются одно или несколько направлений деятельности, в рамках которых планируется использование новых технологичных решений: образовательная, воспитательная, научная и т.д.
Решаемая проблема/Постановка задачи	Постановка задачи связана с указанием специфических решаемых проблем в рамках выбранных видов деятельности вуза. Это могут быть как управленческие, так и процессные задачи
Ожидаемый эффект	Следует определить качественные и количественные метрики, по которым можно оценивать результат внедрения изменений
Необходимые технологии и оборудование	Стек технологических решений включает программное обеспечение, телекоммуникационное и мультимедийное оборудование, а также комплекс вычислительных мощностей
Ответственный персонал	Сотрудники вуза, ответственные за внедрение новых технологий искусственного интеллекта
Стоимость внедрения	Ориентировочная стоимость реализации проекта и условия финансирования

Составлено авторами по материалам исследования

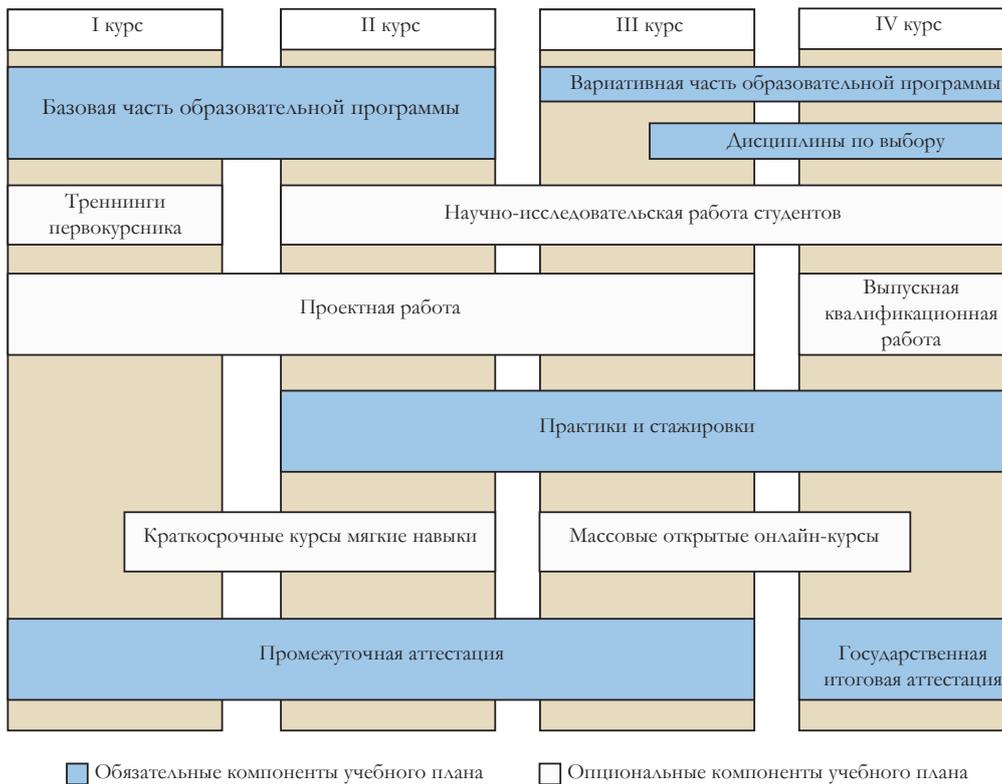
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящего исследования состояла в разработке подхода к определению готовности вуза к внедрению технологий ИИ для последующей персонализации образовательных траекторий учащихся. Исходная гипотеза о том, что вузы в разной степени предрасположены к внедрению новых информационных технологий, нашла свое подтверждение в результате использованных методов исследования. Были выявлены ключевые барьеры интеграции цифровых решений, а также расширены приоритеты маркетинговой деятельности вуза в целом. Предложенная модель оценки готовности университета объединяет группы факторов и формулирует ключевые вопросы для реализации различных проектов, связанных с использованием генеративных цифровых решений. Однако вектор их использования находился в плоскости построения индивидуальной образовательной траектории студента.

Индивидуальная образовательная траектория (далее – ИОТ) – один из векторов развития современного образования в Российской Федерации, предполагающий гибкий подход к образовательному процессу, возможность выбирать курсы, направления и темп обучения, а также активно участвовать в формировании

собственного образовательного плана [9]. Традиционный подход к формированию учебных планов имел ограниченную степень персонализации. Однако с развитием образовательных технологий и расширением форматов обучения появилась возможность адаптировать учебный процесс даже на уровне отдельного студента. Структура индивидуальной образовательной траектории состоит из обязательных и опциональных компонентов [10]. Главным регуляторным параметром может являться федеральный государственный образовательный стандарт по соответствующему направлению подготовки, регламентирующий трудоемкость учебного плана и степень усвоения базовых и профессиональных компетенций.

На рис. 2 предложена структура индивидуальной образовательной траектории студента программы бакалавриата государственного вуза. В зависимости от специфики конкретного учебного заведения элементы траектории могут варьироваться, а их продолжительность – меняться. Обязательные компоненты ИОТ предполагают утвержденную трудоемкость согласно учебному плану и имеют форму промежуточного или итогового контроля. Опциональные компоненты направлены на дополнительное профессиональное развитие выпускника [11].

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Структура индивидуальной образовательной траектории студента программы бакалавриата

Механизм организации индивидуальных образовательных траекторий предполагает несколько ключевых направлений:

- 1) учебно-методическая работа: разработка учебных планов с базовыми и вариативными компонентами; подготовка пула дисциплин по выбору, соответствующих направлениям подготовки; корректировка процедуры промежуточной аттестации и др.;
- 2) правовое обеспечение: разработка положений об организации ИОТ, заключение договоров о сотрудничестве для прохождения практик и стажировок студентов; переработка положений о руководителе образовательной программы, положений о проведении промежуточных и итоговых аттестаций и др.;
- 3) организационно-управленческая работа: координация учебных подразделений (кафедры, факультеты, институты); корректировка расписания и оптимизация аудиторного фонда; адаптация ИТ-инфраструктуры и др.

В качестве ключевого вопроса данной статьи рассматривалось определение готовности вуза к внедрению технологий искусственного интеллекта для персонализации индивидуальных образовательных траекторий обучающихся.

В случае соответствия вуза вышеизложенным факторам, включая развитую информационно-технологическую архитектуру, появляется возможность использования многомерных структурированных и неструктурированных данных. Высокотехнологичные маркетинговые аналитические инструменты способствуют сбору контекстных данных и сведений о различных процессах внутри университета, а также глубинному анализу цифровых следов обучающихся. Методы машинного обучения, предиктивной аналитики и современные генеративные нейросети позволяют создавать рекомендательные сервисы, с помощью которых индивидуальные образовательные траектории формируются с помощью машинного интеллекта, одновременно учитывая сотни параметров. За пределами задач по формированию ИОТ машинный интеллект может успешно решать задачи для других стейкхолдеров вуза: преподавателей, исследователей, администрации.

Библиографический список

1. Мерцалова Т.А., Дворецкая И.В. Российские школы через призму мониторинга цифровой трансформации образования (анализ различительных возможностей инструмента). *Современная аналитика образования*. 2020;12(42).
2. Павлова А. *Университеты выходят в флагманы цифровизации*. <https://rg.ru/2023/06/07/zachetki-ostalis-v-proshlom.html> (дата обращения: 15.07.2023).
3. Ferguson R., Brasher A., Clow D., Cooper A., Hillaire G., Mittelmeier J., Rienties B., Ullmann T., Vuorikari R. *Research Evidence on the Use of Learning Analytics – Implications for Education Policy*. Seville, Spain: Joint Research Centre; 2016. <http://dx.doi.org/10.2791/955210>
4. Соболевская О.В. *От зрелости к трансформации. Как измерить цифровизацию школы*. <https://iq.hse.ru/news/598508596.html> (дата обращения: 15.07.2023).
5. Шинкевич А.И., Идрисов А.Э. Основные вызовы и проблемы цифровой трансформации в условиях укрепления технологического суверенитета. *E-management*. 2023;3(6):51–58. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-51-58>
6. Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имаева Г.Р., Спиридонова Л.В. Цифровая грамотность российских педагогов. *Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе*. М.: Издательство НАФИ; 2019. 84 с.
7. Bérubé M., Giannelia T., Vial G. Barriers to the Implementation of AI in Organizations: Findings from a Delphi Study. *ScholarSpace*. 2021;6702–6711. <https://doi.org/10.24251/HICSS.2021.805>
8. Старостин В.С. Персонализация образовательного продукта при смешанном обучении в вузе. В кн.: Евстафьев В.А. (ред.). *Цифровизация как фактор повышения качества высшего образования в России: материалы XXVI Всероссийской научно-методической конференции заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью и смежных направлений по теме, Москва, 28–30 апреля 2022 г.* М.: Ассоциация коммуникационных агентств России; 2022. С. 130–137.
9. Старостин В.С., Чернова В.Ю. Цифровая трансформация образовательной инфраструктуры вуза. В кн.: Терелянский П.В. (ред.). *Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин: материалы II Международного научного форума, Москва, 6–7 декабря 2018 г.* М.: Государственный университет управления; 2018. С. 154–160.
10. Лаборатория цифровой трансформации образования Высшей школы экономики. *Мониторинг цифровой трансформации школ*. <https://ioe.hse.ru/cdle/mdts> (дата обращения: 15.07.2023).
11. Старостин В.С. Трансформация маркетинговых технологий в эпоху машинного интеллекта. *Вестник университета*. 2018;1:28–34. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-1-28-34>

References

1. Mertsalova T.A., Dvoretzskaya I.V. Russian schools through the prism of monitoring the digital transformation of education (analysis of the distinctive capabilities of the tool). *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 2020;12(42). (In Russian).
2. Pavlova A. *Universities enter the flagships of digitalization*. <https://rg.ru/2023/06/07/zachetki-ostalis-v-proshlom.html> (accessed 15.07.2023). (In Russian).
3. Ferguson R., Brasher A., Clow D., Cooper A., Hillaire G., Mittelmeier J., Rienties B., Ullmann T., Vuorikari R. *Research Evidence on the Use of Learning Analytics – Implications for Education Policy*. Seville, Spain: Joint Research Centre; 2016. <http://dx.doi.org/10.2791/955210>
4. Sobolevskaia O.V. *From maturity to transformation. How to Measure Digitalization of School*. <https://iq.hse.ru/news/598508596.html> (accessed 15.07.2023). (In Russian).
5. Shinkevich A.I., Idrisov A.E. Main challenges and problems of digital transformation in conditions of technological sovereignty strengthening. *E-management*. 2023;3(6):51–58. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-51-58> (In Russian).

6. Aimaletdinov T.A., Baimuratova L.R., Zaitseva O.A., Imaeva G.R., Spiridonova L.V. *Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the educational process*. Moscow: NAFI Publ. House; 2019. 84 p. (In Russian).
7. Bérubé M., Giannelia T., Vial G. Barriers to the Implementation of AI in Organizations: Findings from a Delphi Study. *ScholarSpace*. 2021;6702–6711. <https://doi.org/10.24251/HICSS.2021.805>
8. Starostin V.S. Personalization of educational product at mixed learning in higher education. In: Evstafiev V.A. (ed.). *Digitalization as a factor in improving the quality of higher education in Russia: Proceedings of the XXVI All-Russian Scientific and Methodological Conference of Heads of Departments of Marketing, Advertising, Public Relations, and Related Areas on the Topic, Moscow, April 28–30, 2022*. Moscow: Association of Communication Agencies of Russia; 2022. Pp. 130–137. (In Russian).
9. Starostin V.S., Chernova V.Yu. Digital transformation of the educational infrastructure of the university. In: Terelyansky P.V. (ed.). *Step into Future: Artificial Intelligence and Digital Economy. Revolution in management: New digital economy or new world of machines: Proceedings of the II International Scientific Forum, Moscow, December 6–7, 2018*. Moscow: State University of Management; 2018. Pp. 154–160. (In Russian).
10. Laboratory for Digital Transformation of Education of Higher School of Economics. Monitoring of Schools' Digital Transformation. *Monitoring the digital transformation of schools*. <https://ioe.hse.ru/cdle/mdts> (accessed 15.07.2023).
11. Starostin V.S. Transformation of marketing technologies in machine intelligence era. *Vestnik universiteta*. 2018;1:28–34. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-1-28-34> (In Russian).

Понятие, сущность и роль студенческой проектной деятельности и место проектного офиса в структуре ее управления

Громова Анна Ильинична

Магистрант

ORCID: 0000-0002-4787-3082, e-mail: anngromova@inbox.ru

Павловский Павел Владимирович

Ст. преп. каф. управления проектом

ORCID: 0000-0001-7597-0413, e-mail: t7020752@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются особенности организации проектной деятельности в образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО). Актуальность настоящего исследования определяется интересом ООВО к внедрению и развитию в ней проектной деятельности и использованию понятий, с ней связанных. Авторы говорят о том, что понятие проекта используется вузами не в своем прямом значении, но применяется для отражения практической деятельности студентов. В статье описываются особенности функционирования проектного офиса на базе университетов и их задачи. Приводятся обоснования привлечения сторонних организаций – аутсорсинга – для реализации функций верхнего уровня управления офиса управления проектами. Для подтверждения своих мыслей авторы прибегают к научной литературе и иным официальным источникам, подтверждающим верность и правильность доводов.

Ключевые слова

Управление проектами, образовательная организация, проектный офис, учебный проект, учебная проектная деятельность, аутсорсинг

Для цитирования: Громова А.И., Павловский П.В. Понятие, сущность и роль студенческой проектной деятельности и место проектного офиса в структуре ее управления // Вестник университета. 2023. № 10. С. 40–46.

The concept, essence and role of student project activities and project management office placement in the structure of its management

Anna I. Gromova

Graduate student

ORCID: 0000-0002-4787-3082, e-mail: anngromova@inbox.ru

Pavel V. Pavlovsky

Senior Lecturer at the Project Management Department

ORCID: 0000-0001-7597-0413, e-mail: t7020752@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article studies peculiarities of project activity organization in educational organizations of higher education. The relevance of the study is determined by higher education organizations' interest in introducing and developing project activity and using concepts related to it. The concept of project is used by higher education organizations not in its direct meaning, but to reflect students' practical activity. The article describes peculiarities of university-based project office functioning and their tasks. Justifications for involving third-party organizations such as outsourcing to implement functions of the upper management level of project management office have been given. The authors resort to scientific literature and other official sources that confirm correctness and validity of their arguments.

Keywords

Project management, higher education organization, project management office, educational project, learning project activities, outsourcing

For citation: Gromova A.I., Pavlovsky P.V. (2023) The concept, essence and role of student project activities and project management office placement in the structure of its management. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 40–46.

ВВЕДЕНИЕ

Слова и словосочетания «проект», «проектная деятельность», «управление проектами» сегодня можно услышать практически везде: о проектном подходе, об Agile, Kanban и иных вещах, связанных с проектным управлением, говорят практически во всех организациях, и образовательные организации высшего образования (далее – ООВО) – не исключение. Проектная деятельность в настоящее время является девизом развития современного общества [1].

Проектная деятельность включена и до сих пор активно включается в деятельность университетов, а именно в образовательную программу: вузы вносят дисциплины по управлению проектами, вводят проектную деятельность как обязательную составляющую обучения студентов и их аттестации. Однако такая деятельность в ООВО имеет свою специфику и ряд особенностей, не схожих с понятиями, заложенными стандартами проектного менеджмента и используемыми проектно-ориентированными организациями. Проектная деятельность в образовательных организациях ставит дополнительные узконаправленные цели, связанные со спецификой образовательной деятельности.

Все это не может не накладывать уникальный отпечаток на процессы, связанные с проектным управлением и проектными практиками в организации, в том числе в части управления проектным офисом в университете. Встают вопросы постановки задач и разработки правил, которые позволили бы как сохранить ценность от внедрения проектного офиса в организацию, так и не разрушить образовательные процессы в ООВО.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, сравним, как отличается деятельность по управлению проектами в ООВО от той, что существует в частном и иных секторах, не имеющих отношения к образованию, а именно:

- 1) что понимается под проектом и под образовательным проектом: на что он направлен;
- 2) какие отличительные черты несет студенческий проект и каковы особенности студенческой проектной деятельности;
- 3) в чем сходство и различие между деятельностью проектного офиса и деятельностью студенческого проектного офиса;
- 4) как адаптировать стандартные задачи офиса управления проектами под потребности ООВО.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проектом называется комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые направлены на достижение уникальной цели в условиях ограниченности ресурсов и времени [2]. Любой проект имеет свои отличительные черты, строится на следующих основных принципах:

- 1) наличие команды проекта: работа над проектом двух и более человек является основным признаком проекта;
- 2) в проекте всегда поставлены сроки, есть свой бюджет и ресурсы, за рамки которых нельзя выходить;
- 3) в проекте важен результат, а не процесс: любой проект направлен на достижение уникальной цели, на которую и для которой работает вся команда проекта [3].

Под проектом в университете – учебным или образовательным проектом – понимается средство, позволяющее студентам применить полученные ими в ходе обучения знания при работе над реальным проектом, у которого есть свои цели, сроки, бюджет, человеческие и иные ресурсы [4]. В учебном проекте студент самостоятелен, преподаватель его только курирует [5; 6]. Иными словами, проекты в ООВО и иных организациях имеют схожие компоненты – везде есть ограничения по времени и ресурсам, есть команда и прочее, – однако в итоге проектная деятельность студентов, в рамках которой они разрабатывают свои учебные проекты, имеет определенные особенности.

1. Студенческая проектная деятельность не сводится к обязательному достижению поставленных в учебном проекте целей в соответствии с заранее утвержденными планами, в рамках имеющего бюджета и пр., что в то же время является приоритетным для участника любого другого (не образовательного) проекта. Одними из имманентных задач проектного обучения в соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о практической подготовке обучающихся являются обучение студентов, предоставление им возможности в приобретении практического опыта

работы по выбранной специальности или в получении опыта в той сфере, которая им интересна и в которой они в дальнейшем хотели бы развиваться [7]. У университетов не стоит задача научить студентов правильно управлять проектами, программами и портфелями проектов. Им важно, чтобы обучающиеся в будущем стали профессионалами в своей сфере деятельности вне зависимости от того, будет ли в ходе работы над проектом получен какой-то практический результат [8; 9]. Следовательно, образовательный проект можно считать одним из видов дидактических средств [10]. Таким образом, студенческую проектную деятельность можно называть в то же время и студенческой практической деятельностью, или же проектным обучением, поскольку для обучающихся проектная деятельность является своеобразной тренировкой, закреплением знаний – обучением.

2. Разрабатываемые образовательные проекты чаще всего имеют обязательный характер для обучающихся и являются частью изучаемой дисциплины/программы в целом, как, например, в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», в Московском политехническом университете и в Государственном университете управления [11]. Однако в Дальневосточном федеральной университете проектная деятельность не носит учебный характер – она направлена на увеличение технологических инициатив [11].

3. Обязательность может вызывать у преподавателей (наставников), которые должны курировать студентов на протяжении их проекта, эффект отказа и нежелание заниматься данной работой, поскольку она требует овладения дополнительными, новыми для них навыками.

4. Может также вытекать тот факт, что проектная деятельность вуза является подотчетной, что естественным образом может вызывать у сотрудников стремление к достижению показателей отчетности, а не действительный интерес к проектам студентов и ведению данной деятельности.

5. Как таковых команд у студентов, исходя из целей проектной деятельности студентов в университете, нет, поскольку деятельность каждого студента направлена на развитие своих профессиональных навыков, которые станут основой их будущего. По большей части их можно назвать студенческими рабочими группами, которые могут стать командами [12].

Более того, в университете может быть реализована проектная деятельность, не имеющая своей целью обучение студентов, но необходимая для реализации внутренних административных или иных задач ООВО. Однако описанные авторами в данной статье положения данный момент не рассматривают.

Количество реализуемых в вузе учебных проектов формирует потребность в создании центра, который бы курировал и контролировал проектную деятельность обучающихся (управлял учебными проектами), – студенческого проектного офиса. На данный момент ООВО внедряют в свою структуру такие образования, и они так же, как и в случае с содержанием проектной деятельности, отличаются по функциям от тех офисов, которые создаются не в образовательной организации, в части того, что последние должны/могут.

1. Отбирать те проекты, которые принесли бы наибольшую выгоду организации, в то время как в ООВО разрабатываются все проекты, которые приносят студенты. Это является частью образовательного процесса. Тем не менее образовательные проекты все равно должны соответствовать минимально установленным вузом требованиям, но не должны обязательно соотноситься со стратегией вуза и быть направлены на ее реализацию.

2. Разрабатывать единый стандарт по управлению проектами, которому сотрудники должны следовать при разработке проектов. Это в свою очередь является разрушительным для студенческих проектов в силу того, что обучающиеся стремятся к получению навыков по своей специальности, для них важен процесс, а не результат разрабатываемого ими проекта, который они должны достичь благодаря правильно выстроенному порядку действий.

3. Назначать специалистов и прочие ресурсы на проекты и т.д. В ООВО студенческие команды формируются чаще всего самостоятельно, студенческий проектный офис планирует ресурсы в целом на проектную деятельность: распределяет преподавателей, выделяет помещения и пр. Также данная структура может искать внешние ресурсы для поддержки и реализации проектов – инвесторов.

4. Вести отчетность по достижению целей проектов, программ и портфелей проектов, по выполнению плана по ним и пр., что в вузе не является приоритетным или даже в целом не нужно, – студент получает практический опыт по своей специальности и это уже хорошо. Студенческий проектный офис может вести отчетность по результатам студенческой проектной деятельности: оценивать количество разработанных проектов по сферам деятельности, количество студентов, довольных проектной деятельностью и пр.

Следующей важной позицией является тот факт, что в ООВО за управление учебными проектами и управление проектным офисом, который выполняет данную функцию, отвечают люди, не имеющие квалификации по проектному менеджменту (в большинстве). Проектная деятельность в университете ставит перед собой совсем иные задачи в отличие от проектной деятельности в необразовательных организациях.

Несмотря на это, для успешной организации студенческой проектной деятельности, преподавателям и иным сотрудникам, задействованным в данной деятельности, необходимо иметь определенные навыки в области управления проектами, программами и портфелями проектов. Так, например, от сотрудников требуется правильно распределить ресурсы, вести их грамотный учет и готовить отчетность по ним, а также помогать в отборе и продвижении тех проектов, которые имели бы высокую ценность для внешней среды и могли бы быть проинвестированы. Если предыдущие позиции и особенности, свойственные ООВО, не оказывают негативного влияния на всю работу студенческого проектного офиса и организацию проектной деятельности со студентами, то данный факт оказывает и ставит задачу поиска решения данной проблемы. В данном случае решением может стать аутсорсинг.

РОЛЬ АУТСОРСИНГА В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Под аутсорсингом понимается передача части функций управления сторонним организациям. Аутсорсинг стал бы важной дополняющей ко всей работе офиса и позволил бы:

- 1) разгрузить сотрудников: им не нужно было бы думать о том, как эффективно распределить ресурсы между проектами, не нужно было бы предоставлять отчеты и думать, соответственно, о них, что в свою очередь могло бы снижать эффективность работы со студентами и пр.;
- 2) достигать целей эффективнее за счет имеющегося опыта в управлении проектами, программами и портфелями проектов у пришедших со стороны сотрудников в части управления ресурсами и помощи в продвижении и развитии проектов студентов при необходимости.

Однако при использовании аутсорсинга необходимо помнить, что главной целью является процесс получения практического опыта студентами. Это значит, что не нужно ставить жестких ограничений и вмешиваться в содержательную часть проектов, но нужно лишь помогать в распределении ресурсов, продвижении и развитии студенческих проектов в случае необходимости.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подытожим статью терминологией, сформированной в ходе исследования. Под учебным проектом понимается дидактическое средство по применению студентами знаний и навыков, полученных ими в рамках обучения, в ходе разработки проекта, имеющего определенные цели, сроки и ресурсы. Проект в общем понимании – это план по достижению уникального результата в заданные сроки и с имеющимися ресурсами.

Студенческая проектная или практическая деятельность (проектное обучение) – это групповая работа обучающихся над учебным проектом чаще всего в рамках определенной дисциплины образовательной программы с привлечением в качестве консультантов проектов преподавателей университета, не ставящая своей задачей достичь поставленных в учебном проекте целей. В общем под проектной деятельностью понимается выполнение командой проекта поставленных для достижения целей проекта задач.

Управлением учебными проектами называется деятельность сотрудников университета по планированию, организации, координации, мотивации и контролю студенческой проектной деятельности, а также распределению на нее ресурсов вуза. Управление проектами в широком смысле – это планирование, организация, контроль, мотивация и координация временных и иных имеющихся ресурсов командой проекта для достижения поставленных в проекте целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие и сущность проектной деятельности в ООВО значительно отличаются от тех понятий, что заложены в теории по проектному менеджменту. Проектную деятельность в вузе следует больше считать практической, направленной на овладение студентами определенными навыками, в ходе которой разрабатываются проекты, но при этом не ставится в качестве условия успешности обязательное создание в результате его реализации уникального товара, работы или услуги. Следовательно, это убирает необходимость в изучении и применении инструментов проектного менеджмента.

Все вышесказанное касается только студентов и их работы. Сотрудники, которые занимаются организацией студенческой проектной деятельности и управляют проектным офисом, должны не только строить содержательную часть работы со студентами в части приобретения ими профессиональных навыков, но и грамотно выстраивать систему, правильно распределять ресурсы и пр., что большинство не умеет делать в силу отсутствия соответствующих знаний и опыта. В связи с этим появляется потребность в аутсорсинге для реализации данных функций.

Таким образом, проектный офис в университете не должен мешать и противоречить деятельности вуза по приобретению студентами практических навыков в процессе их проектной деятельности, но должен выстраивать систему так, чтобы достижение важной и основной задачи выполнялось качественно, в срок и в рамках заложенного на нее бюджета и имеющихся ресурсов. Должны организовываться планирование и контроль деятельности подразделений, которые работают со студентами в части реализации ими проектной деятельности (по большей части – ресурсная поддержка), и в случае необходимости квалификационная, коммуникационная и финансовая поддержка успешных студенческих проектов.

Библиографический список

1. Катышевская Т.А. Сущность проектной деятельности. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2020;2(42):265–269.
2. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом». <https://docs.cntd.ru/document/1200089604> (дата обращения: 14.07.2023).
3. Мазур И.И., Шапиро В.Д. *Управление проектами: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации»*. М.: Омега-Л; 2010. 960 с.
4. Vc.ru. 7 мифов о проектной деятельности в вузах. Почему не стоит ее бояться. <https://vc.ru/education/157180-7-mifov-o-proektnoy-deyatelnosti-v-vuzah-pochemu-ne-stoit-ee-boyatsya?ysclid=le8lvtqej535046389> (дата обращения: 14.07.2023).
5. Мишин И.Н. Реализация проектной деятельности в системе студоцентрированного обучения. *Высшее образование в России*. 2022;3:140–151. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151>
6. Гергерт Д.В., Артемьев Д.Г. Практика внедрения проектно-ориентированного обучения в вузе. *Университетское управление: практика и анализ*. 2019;4:116–131. <https://doi.org/10.15826/umpa.2019.04.033>
7. Российская Федерация. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020 г. № 885/390 «О практической подготовке обучающихся» (с изменениями на 18.11.2020 г.). <https://docs.cntd.ru/document/565697405> (дата обращения: 14.07.2023).
8. Кудинова О.С., Скульмовская Л.Г. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций. *Современные проблемы науки и образования*. 2018;4:104.
9. Нагорный Д.О., Щербаков С.М. Проектная деятельность в вузе: особенности, проблемы, технологии управления. *Информатизация в цифровой экономике*. 2021;4(2):167–180. <http://doi.org/10.18334/ide.2.4.113393>
10. Шкунова А.А., Плешанов К.А. Организация проектной деятельности студентов в вузе: результаты научного исследования и перспективы развития. *Вестник Минского университета*. 2017;4. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-4-4>
11. Цирюльникова Е.А. Особенности организации проектной деятельности в процессе профессиональной подготовки студентов педагогического вуза. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2021;93(4):293–295.
12. Рыскулова М.Н. Группа, коллектив, команда. Соотношений понятий. *Современное педагогическое образование*. 2019;10:191–194.

References

1. Katyshevskaya T.A. The essence of project activities. *Skiff. Student Science Matters*. 2020;2(42):265–269. (In Russian).
2. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. *National Standard of the Russian Federation R 54869-2011 "Project management. Requirements for project management"*. <https://docs.cntd.ru/document/1200089604> (accessed 14.07.2023). (In Russian).
3. Mazur I.I., Shapiro V.D. *Project Management: textbook for students studying Organization Management*. Moscow: Omega-L Publ. House; 2010. 960 p. (In Russian).
4. Vc.ru. *Seven myths about project activities in universities and why you should not be afraid of it*. <https://vc.ru/education/157180-7-mifov-o-proektnoy-deyatelnosti-v-vuzah-pochemu-ne-stoit-ee-boyatsya?ysclid=le8lvtqej535046389> (accessed 14.07.2023). (In Russian).
5. Mishin I.N. Implementation of project activities in the system of student-centered learning. *Higher Education in Russia*. 2022;3:140–151. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151> (In Russian).
6. Gergert D.V., Artemyev D.G. Practical implementation of project-based learning at the university. *University Management: Practice and Analysis*. 2019;4:116–131. <https://doi.org/10.15826/umpa.2019.04.033> (In Russian).

7. Russian Federation. *Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Ministry of Education of the Russian Federation dated August 5, 2020, No. 885/390 "On practical training for students" (as amended on November 18, 2020)*. <https://docs.cntd.ru/document/565697405> (accessed 14.07.2023). (In Russian).
8. Kudinova O.S., Skulmovskaya L.G. Project activities in the university as a basis of innovation. *Modern Problems of Science and Education*. 2018;4:104. (In Russian).
9. Nagornyy D.O. Shcherbakov S.V. Project activity at the university: features, problems and management techniques. *Informationization in the Digital Economy*. 2021;4(2):167–180. <http://doi.org/10.18334/ide.2.4.113393> (In Russian).
10. Shkunova A.A., Pleshanov K.A. The organization of the project activities of university students: The results of the scientific research and development prospects. *Vestnik of Minin University*. 2017;4. (In Russian).
11. Tsurulnikova E.A. Special aspects of organizing activities during professional training of students of the pedagogical institution of higher education. *Scientific notes of Orel State University*. 2021;93(4):293–295. (In Russian).
12. Ryskulova M.N. Group, collective, team. Relationships of the concepts. *Modern Teacher Education*. 2019;10:191–194. (In Russian).

Место системы высшего образования в инновационной сфере в решении проблемы кадрового обеспечения инновационной экономики. Часть I

Кафиятуллина Юлия Насиховна

Ст. преп. каф. управления организацией в машиностроении
ORCID: 0000-0001-9569-7530, e-mail: yn_kafiyatullina@guu.ru

Прохорова Инна Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0001-8132-7184, e-mail: is_prokhorova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье проанализирована специфика подготовки профессиональных кадров по управлению инновациями в Российской Федерации. Объектом исследования является направление подготовки «Инноватика», реализующее методологию подготовки специалистов по управлению инновациями во всех сферах экономики. Цель исследования заключается в оценке соответствия методологии подготовки менеджеров по управлению инновациями требованиям современной концепции образования, предполагающей практикоориентированность образования и проведение в вузах фундаментальных и прикладных исследований, востребованных в инновационной экономике. Задача исследования – постановка проблемы реализации таких требований к системе высшего образования, как адаптивность выпускников требованиям рынка труда, их способность разрабатывать и реализовывать проекты и решать задачи инновационного развития. Исследование базируется на применении симплекс-метода Басадура по решению нестандартных проблем управления и формирует комплексное представление о проблемах подготовки кадров для инновационной экономики и использования профессиональных компетенций менеджера по инновациям в методологии проектного образования для реализации модели предпринимательского университета. В результате формулируется задача формирования коллаборации технических вузов, обладающих пулом технологических стартапов, но не формирующих компетенции по их коммерциализации с вузами, осуществляющими подготовку менеджеров по инновациям как специалистов по продвижению стартапа на рынок.

Ключевые слова

Инновационная экономика, глобальные тренды образования, направление подготовки «Инноватика», проектное образование, модель предпринимательского университета, менеджер по инновациям, технологический стартап

Для цитирования: Кафиятуллина Ю.Н., Прохорова И.С. Место системы высшего образования в инновационной сфере в решении проблемы кадрового обеспечения инновационной экономики. Часть I // Вестник университета. 2023. № 10. С. 47–55.

Higher education system placement in the innovation sphere in solving staffing innovative economy problem. Part I

Yuliya N. Kafiyatullina

Senior Lecturer at the Organization Management in Mechanical Engineering
ORCID: 0000-0001-9569-7530, e-mail: yn_kafiyatullina@guu.ru

Inna S. Prokhorova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in Construction
ORCID: 0000-0001-8132-7184, e-mail: is_prokhorova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes specifics of training personnel in innovation management in Russia. The object of the study is the direction of the Innovation training, which implements the methodology of training specialists in innovation management in all spheres of economy. The purpose of the article is to assess compliance of the training methodology in innovation management with the requirements of the modern concept of practice-oriented education and conducting fundamental and applied research in universities that are in demand in innovative economy. The objective is to formulate the problem of implementing such requirements for higher education system as adaptability of graduates and their ability to implement projects and facilitate innovative development. The research is based on the application of Basadur's simplex method to solve non-standard management problems and forms of comprehensive understanding of training personnel problems and use of professional competencies of innovation manager in the project education methodology for entrepreneurial university model implementation. As a result, the task of forming a technical universities collaboration with a pool of technological uncommercial startups has been formulated, as well as with universities that train innovation managers as specialists in promoting a startup to market.

Keywords

Innovative economy, global trends in education, direction of the Innovation training, project education, entrepreneurial university model, innovation manager, technology startup

For citation: Kafiyatullina Yu.N., Prokhorova I.S. (2023) Higher education system placement in the innovation sphere in solving staffing innovative economy problem. Part I. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 47–55.

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономика – это инновационная экономика, характерной чертой которой является сжатие длительности инновационного цикла технологий в геометрической прогрессии, обусловленное глобальной диффузией информационно-телекоммуникационных технологий. Технологический базис составляют технологии «Индустрии 4.0» – глобальной цифровизации всех физических активов на основе массового внедрения киберфизических систем в производство и потребление. Конечная цель цифровизации – цифровая трансформация (создание цифровых предприятий) и кастомизация (создание массового производства индивидуальных заказов) бизнеса.

Глобальные технологические тренды потребовали серьезных структурных изменений в производственном, организационном, технологическом, политическом и социальном устройстве национальной экономики. Проведенные исследования формирования инновационной экосистемы цифровой экономики в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) показывают, что, с одной стороны, российская экономика обладает достаточным интеллектуальным, технологическим, кадровым потенциалом [1–4]. С другой стороны, процесс цифровизации имеет ряд национальных особенностей, принципиально меняет инновационную инфраструктуру, бизнес-модели, модели коммуникаций в цифровой информационной среде и в связи с этим структуру рынка труда и систему высшего образования [1–6]. Управление инновациями, инновационные процессы, устойчивое развитие, проектное обучение – ключевые вопросы, которым посвящены современные исследования проблем подготовки кадров для цифровой экономики [3; 5–10].

Глобальными трендами образования стали цифровые технологии, компетенции управления устойчивым развитием, коммерциализации инноваций и реализации проектов. На рынке труда приобрели актуальность профессиональные навыки, составляющие основу подготовки менеджера по инновациям: управление внедрением нового, креативное и системное мышление, управление коммуникациями и командой, работа в условиях риска и неопределенности. Таким образом, развитие системы высшего образования в инновационной сфере представляет методологический и практический интерес для решения проблемы кадрового обеспечения инновационной экономики.

Методология исследования строится на системном анализе и симплекс-методе Басадура – технологии выбора нестандартного решения бизнес-проблемы путем ее выявления, идентификации, поиска и анализа вариантов решений по совокупности критериев, планирования и организации реализации решения [11]. Суть использования метода Басадура заключается в применении предложенной им технологии выявления конкретной проблемы в процессе реализации организационной инновации: поиск проблемы (выявление сути), выяснение деталей (оценка текущей ситуации), постановка конкретной проблемы (задачи, требующей решения).

В исследовании осуществлен поиск проблемы подготовки специалистов для инновационной экономики, определены требования к адаптивной инновационной экономике модели образования, дана оценка текущей ситуации реализации модели предпринимательского университета и проектного обучения для разработки инновационных студенческих стартапов, проведена оценка соответствия методологии подготовки менеджеров по инновациям потребностям бизнеса и инновационным трендам образования, поставлена задача решения проблемы реализации предпринимательских компетенций в технических вузах для продвижения технологических стартапов.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Глобальные вызовы XXI в. определяют место и роль инновационного образования в системе подготовки профессиональных кадров для инновационной экономики: цифровые технологии – «Индустрия 4.0»; инновационная экономика – цифровая трансформация бизнеса; глобальный тренд общества – адаптация к высокой скорости изменений; глобальный тренд образования – управление проектом и командой в условиях неопределенности. Радикальные изменения в экономике определяют революционные изменения на рынке труда. В качестве перспективных профессий выделяют профессии, обусловленные ростом сложности систем управления, автоматизации и роботизации, конкуренции на рынке труда.

В сложившихся условиях важнейшие черты успешного профессионала в XXI в. – адаптивность, готовность к непрерывности обучения и самосовершенствованию и психическая устойчивость к скорости изменений. Для этого все специалисты в любой области и отраслях деятельности должны уметь системно мыслить, управлять проектом, быть направленными на удовлетворение требований клиентов, использовать интеллектуальные системы и уметь работать в команде, быть способными к риску и постоянному самообразованию [12]. Общая модель современного образования представляет собой синтез проектного образования, образующего фундамент образовательных технологий, системы общих профессиональных навыков и компетенций, реализуемых через базовые концепции управления инновациями, позволяющих достигать обновления и стремиться к новому [2].

Национальные приоритеты в российской системе образования [5; 6; 13] заключаются в превращении вузов в исследовательские центры, соответствующие мировой практике, инновационные университеты, занятые в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (далее – НИОКР) и занятые в коммерциализации новаций по заказам производства. Новая образовательная модель представляет внедрение проектного обучения, в котором главной целью обозначено сближение университета с потребностями отраслей экономики и реальной профессиональной практикой. В связи с этим в России сформирована национальная парадигма образования – практико-ориентированное проектно-управленческое образование [8; 12].

Согласно формирующейся парадигме проектное обучение развивает практические навыки студентов по нестандартному мышлению и управлению проектом, командной работе и организации коммуникаций, продвижению идей и презентации проектов. Реализация такой модели образования позволяет интегрировать традиционное образование в поле практической деятельности по решению прикладных задач бизнеса в процессе совместной работы университета и представителей бизнеса с пулом проектов, требующих решения. Проектное обучение нацелено на разработку студентами востребованного практического решения через реализацию полного жизненного цикла проекта на основе междисциплинарного подхода, то есть на основе знаний по комплексу дисциплин. Системная работа студентов направлена на создание предпосылок для образования компаний – технологических стартапов, на создание уникального продукта и формирование научно-технического задела.

Проведенные исследования развития моделей высшего образования в России для инновационной экономики [14; 15] позволили выявить приоритетную модель высшего образования, позволяющую синтезировать в единое целое такие требования к подготовке кадров, как способность к нестандартному мышлению, управление проектом, предпринимательство – модель предпринимательского университета, то есть такая образовательная среда, которая формирует не только фундаментальные знания, методологию решения профессиональных задач, но и практические навыки по их адаптации при решении конкретных проблем по заказу бизнеса. Данная модель предполагает деятельность университета в сфере бизнес-исследований, формирования стартапов и организации взаимодействия с бизнесом по трансферу технологий в промышленность [15]. На сегодняшний день переход к модели предпринимательского университета набирает активность: в качестве выпускных квалификационных работ, начиная с 2021 г., согласно решению Министерства науки и высшего образования РФ, в 40 ведущих вузах страны (технических и исследовательских университетах) был введен формат «Стартап как диплом» с целью привлечения инвестиций в студенческие стартапы [16]. Сейчас в проекте участвуют 101 университет страны.

АНАЛИЗ ОПЫТА ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СТУДЕНЧЕСКИХ СТАРТАПОВ

Технологическим инструментом, а также методом подготовки студенческих проектов как стартапов для реализации стратегии высшего образования на основании вышеизложенного является система проектного обучения. В вузах реализация проектного обучения предусматривает наличие проектов, как особого вида учебной деятельности, обязательной части подготовки бакалавров.

Как показывают исследования, флагманами проектного обучения для подготовки технологических дипломов-стартапов выступают национальные исследовательские вузы, обладающие достаточным институциональным потенциалом для развития инновационных технологий образования: широкая связь с бизнесом, государственное финансирование, кадровый потенциал, наличие структурных единиц – бизнес-инкубаторов, сети телекоммуникаций [5; 6; 8; 10–12]. Для реализации проектного обучения

в организациях высшего образования в вузах происходит системная перестройка образования – создание институциональных механизмов:

- 1) институциональные изменения – модернизация образовательной модели, интеграция проектной работы в процесс обучения всех студентов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (далее – НИУ ВШЭ), Московский политехнический университет (далее – Московский Политех));
- 2) изменения в организации учебного процесса – внедрение проектного обучения как самостоятельной дисциплины по этапам образования начиная с 1 курса, по всем дисциплинам в комплексе – междисциплинарный подход (Уральский федеральный университет (далее – УрФУ), Южный федеральный университет (далее – ЮФУ), Государственный университет управления (далее – ГУУ));
- 3) управленческие изменения – создание отдельных подразделений, курирующих проектную деятельность (Московский Политех, Дальневосточный федеральный университет, ГУУ), появление новых структурных единиц, реализующих проектные форматы (НИУ ВШЭ);
- 4) изменения педагогических технологий – повышение квалификации, обучение и переобучение кураторов, введение новых образовательных форматов и зачетных единиц (Московский Политех, НИУ ВШЭ, ГУУ);
- 5) кадровые изменения – привлечения практиков, специалистов, преподавателей (Московский Политех);
- 6) коммуникационные изменения – появление новых каналов информации, проектных порталов и площадок (НИУ ВШЭ, ЮФУ, Нижегородский государственный университет, ГУУ), информационных технологий и платформ.

Для стимулирования творческой, предпринимательской технологической деятельности студентов Фонд содействия инновациям (Фонд Бортника) проводит ежегодный конкурс (с 2021 г.) «Студенческий стартап» в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства. Размер гранта по конкурсу составляет 1 млн руб.. Несмотря на внушительный грант, количество участников конкурса в 2022 г. нельзя назвать масштабным: всего победило 138 проектов (каждый второй проект, представленный на конкурс). В структуре проектов-победителей преобладали стартапы по цифровым технологиям (33 %), приборы с интеллектуальными производственными технологиями (25 %), а также в равных пропорциях (10 %) креативные технологии, медицина и новые материалы.

Кроме того, рейтинг предпринимательских университетов и бизнес-школ за 2022 г., составленный аналитическим центром «Эксперт», позволяет сделать следующие выводы о развитии студенческого технологического предпринимательства в вузах [17]. Наиболее инвестиционно-привлекательными являются стартапы у разработчиков с двойным (технико-экономическим) образованием – около 200 чел. привлекли инвестиции на 10 млн долл. США (50 тыс. долларов США на чел.), в то время как стартаперы с двойным технико-гуманитарным образованием привлекли инвестиции в объеме около 30 тыс. долл. США на чел. Выпускники технических вузов, несмотря на преимущество в количестве разработанных стартапов (1 000 чел.) имели наименьшую инвестиционную привлекательность (чуть более 4 тыс. долл. США на чел.). Приведенные результаты свидетельствуют о категорическом дефиците компетенций по коммерциализации и продвижению инноваций у инженеров.

В рейтинг предпринимательских вузов «Эксперта» вошли только 50 вузов страны, причем только первые 25 вузов имеют высокую инновационную активность: число стартапов от 100 до 70, доля подержанных стартапов от 100 % (Уфимский государственный авиационный технический университет) до 30% (Российский технологический университет (далее – МИРЭА), объем привлеченных инвестиций от 100 млн руб. (НИУ ВШЭ, Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский физико-технический институт, Московский инженерно-физический институт) до 30 млн руб. (УрФУ) [17]. Причем такие национальные исследовательские университеты, как УрФУ, Южно-Уральский государственный университет, Московский энергетический институт, МИРЭА, Новосибирский и Ижевский государственные технические университеты имели примерно равный рейтинг (20–25 место от 64 до 57 баллов).

Таким образом, очевидна проблема реализации стратегии инновационного образования и развития технологического предпринимательства в технических вузах страны. Основная причина – отсутствие навыков менеджмента и продвижения инновационных проектов у инженеров. Соответственно, встает дилемма: либо повышение квалификации и получение дополнительного экономического образования технологическими стартаперами, либо привлечение по аутсорсингу специалиста по коммерциализации технологических инноваций – технологического брокера.

Второй вариант имеет больше перспектив, так как специалист, заточенный на профессиональный отбор и продвижение технологий, выполнить свои задачи быстрее и эффективнее, чем инженер, который будет повышать квалификацию. Кроме того, в системе российского образования существует профессиональная подготовка таких специалистов по направлению «Инноватика».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ «ИННОВАТИКА» КАК АКТУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВНАЯ ПЛОЩАДКА КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ СТАРТАПОВ

Направление подготовки «Инноватика» на российском образовательном рынке появилось в начале 2000-х гг. как предметная область науки об управлении инновациями, которая формировалась как система научных знаний на протяжении XX в. на фундаментальных трудах Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетера, С.Ю. Глазьева [18]. Инноватика как наука представляет собой систему знаний и теорий о жизненных циклах инновации, инновационного процесса, продуктов, технологий, спроса, принципах технологического развития производства, механизме становления и развития технологических укладов в мировой экономике, принципах организации и управления инновационной деятельностью.

Актуальность инноватики для внедрения проектного образования и технологического предпринимательства обусловлена рядом факторов. Во-первых, методология подготовки специалистов – междисциплинарность знаний [18]. Инноватика находится на стыке гуманитарных и естественнонаучных наук, она аккумулирует знания в области философии, социологии, психологии, физики, химии, математики, информатики, экономики и менеджмента. Ее предметом исследования является инновационная деятельность, связанная с выбором лучших идей и разработок ученых на рынке новшеств, организации их производства на рынке предпринимательства, а также поиском инвестиций на рынке капитала для реализации идей и выбором лучшего варианта их вложения в реализацию идей. Именно междисциплинарность науки позволяет легко адаптировать принципы проектного обучения при подготовке таких специалистов.

Во-вторых, менеджер по инновациям работает одновременно на трех рынках: НИОКР, предпринимательства и венчурного финансирования. Его профессиональная деятельность – коммерциализация инноваций. Он учится работать в условиях риска и неопределенности, оценивать технологические тренды, анализировать рынок, искать нишу, выстраивать коммуникации, проектировать бизнес-модель, обосновывать финансирование, разрабатывать бизнес-план и управлять интеллектуальной собственностью, проводить презентации проекта, то есть делать все то, что составляет суть продвижения технологического студенческого стартапа.

Таким образом, инноватика как область профессиональных знаний представляет собой эффективную площадку проектного и предпринимательского образования, на базе которой осуществляется подготовка специалистов, обладающих комплексными знаниями для организации и продвижения технологических стартапов. Основные проблемы продвижения данного направления на образовательном рынке как базовой платформы реализации современной парадигмы образования заключаются в разрыве связи между инновационным предпринимательством в бизнесе и вузами, осуществляющими подготовку менеджеров по инновациям.

Для развития модели предпринимательского университета в технических вузах, где отсутствует подготовка специалистов с экономическим, управленческим и инновационным образованием, является актуальным симбиоз изобретателя с менеджером по инновациям, так как изобретателю нужен менеджер инновационного проекта: новатор в технической сфере редко владеет компетенциями коммерциализации инноваций. Инструментом такого симбиоза может служить коллаборация технических вузов и вузов, осуществляющих подготовку специалистов, умеющих организовать процесс коммерциализации технологических стартапов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная парадигма российского высшего образования соответствует требованиям к профессиональной подготовке специалистов для инновационной экономики. Тренд высшего образования к предпринимательской модели генерирует комплексную проблему адаптации проектного образования к потребностям предпринимательства как технологии, позволяющей формировать компетенции по разработке и реализации инновационных технологических проектов, востребованных в экономике и бизнесе.

Анализ текущей ситуации показывает, что в системе высшего образования параллельно реализуются две функции, позволяющие в комплексе решить проблему развития технологического предпринимательства и инновационной деятельности среди студенчества. С одной стороны, набирает темпы реализация программы «диплом как стартап», а с другой – приоритетными участниками являются исследовательские университеты, которые обладают возможностями комплексной разработки стартапа. Вузы, которые не формируют у студентов компетенций по коммерциализации и продвижению стартапов, имеют ограничения в реализации проектов.

В России существует образовательная система, которая аккумулирует в себе весь комплекс профессиональных компетенций, позволяющих их владельцу адаптироваться на современном рынке труда, упаковывать технологические стартапы и представлять их в виде инвестиционных меморандумов для бизнеса. Инноватика в полной мере позволяет реализовать концепцию предпринимательского образования и участия вуза в коммерциализации студенческих технологических стартапов.

Для закрепления компетенций по коммерциализации инноваций на основе междисциплинарности знаний в организации проектной деятельности бакалавров по инноватике и практической реализации технологических стартапов в вузах целесообразно использовать модель сетевого проектного обучения: реализация совместных проектов с техническими направлениями подготовки. Актуальной является задача разработки методологии и инструментария сетевого проектного обучения менеджеров по инновациям и инженеров-разработчиков в образовательной среде, не ограничиваясь рамками одного вуза. Авторами будет продолжено проведение исследования подходов к решению данной задачи, результаты которого будут опубликованы во второй части настоящей статьи.

Библиографический список

1. Волков А.Т., Гуреев П.М., Прохорова И.С. Анализ процессов цифровизации в системе образования России. В кн.: *Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: smart nations: экономика цифрового равенства: материалы III Международного научного форума, Москва, 9–10 декабря 2019 г.* М.: Государственный университет управления; 2020. С. 203–211.
2. Гуреев П.М., Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И., Прохорова И.С., Рассказова А.Ю., Гришин В.Н., Коновалова О.В., Морозова И.В., Родкина Т.В., Алпатова Е.А., Тинякова В.И., Дегтярева В.В., Кафиятуллина Ю.Н., Гуляева А.С. *Формирование и развитие инновационной среды в условиях цифровой экономики.* М.: РУСАЙНС; 2020. 206 с.
3. Gureev P.M., Degtyareva V.V., Prokhorova I.S. National features of forming a digital economy in Russia. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020), Vladivostok, October 2–4, 2018.* Vladivostok: Atlantis Press; 2019. Pp. 875–878. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9>
4. Prokhorova I.S., Zakharova A.V. Innovative potential of the national innovation system of the Russian economy for building a digital economy. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020), Vladivostok, October 2–4, 2018.* Vladivostok: Atlantis Press; 2019. Pp. 773–783. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.109>
5. Moseykin Yu.N. The Global Market of Educational Services: Current Trends and the Russian Practice. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience.* 2018;24(7):4942–4945. <https://doi.org/10.1166/asl.2018.11239>
6. Alzhanova A.A., Baineeva P.T., Bekmanova G.U. Global trends and national priorities in the field hinger education. In: *Industrial technologies and engineering icite: Proceedings of the VII International Conference, Shymkent, November 12–13, 2020.* Shymkent; 2020. Pp. 36–38.
7. Abad-Segura E., Gonzalez-Zamar M.D., Infante-Moro J.C., Garcia G.R. Sustainable management of digital transformation in hinger education: Global research trends. *Sustainability.* 2020;5:1–24. <https://doi.org/10.3390/su12052107>
8. Betta J., Boronina L., Senuk Z., Baliasov A. Project-based learning in training of a new generation of specialists: a corporative analysis. In: *Proceedings of the Nordsci Conference on Social Sciences, Helsinki, June 17–19, 2018.* Helsinki: Salma Consult LTD; 2018. Pp. 45–47.
9. Egorychev A.M., Mardakhaev L.V., Zarezky V.V., Akhtyan A.G., Tkachenko A.V. Management innovation processes in the system of Russian education. *Modern Journal of Language Teaching Methods.* 2018;8(12):403–412.
10. Tagunova I.A., Dolgaya O.I., Shaposnikova T.D., Sukhin I.G., Naydenova I.S. Education development trend in global dimension. In: *EEIA 2019: Proceedings of the International Conference "Education Environment for the Information Age", Moscow, June 4–5, 2019.* Moscow: Future Academy; 2019. Pp. 908–915.
11. Basadur M., Gelade H.A. *Using the Creative Problem Solving Profile (CPSP) to Diagnose and Solve Real Problems.* https://www.academia.edu/18220708/Using_the_Creative_Problem_Solving_Profile_CPSP_for_Diagnosing_and_Solving_Real_World_Problems/ (дата обращения: 21.07.2023).
12. Pavlova I., Chernobuk V. Project education in entrepreneurial universities: an exploratory analysis. In: Soliman K.S. (ed.). *VISION 2020: Innovation management, development sustainability, and competitive economic growth. Proceedings of the 28th International*

- Business Information Management Association Conference, Seville, November 9–10, 2016*. International Business Information Management Association; 2016. Pp. 3196–3204.
13. Ashmarina S., Nikulina E. Assessment of global trends impact on development of higher education system. *Problems and Perspectives in Management*. 2017;15(3):365–376. [https://doi.org/10.21511/ppm.15\(3-2\).2017.06](https://doi.org/10.21511/ppm.15(3-2).2017.06)
 14. Гнатюк О.Л. *Современные модели высшей школы. Часть 2. Дилеммы выбора российской модели высшего образования*. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014;3(2):202–210.
 15. Мкртычян Г.А. Предпринимательский университет: концепция и диагностика культуры. *Вестник Мининского университета*. 2014;4.
 16. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. *Стартап как диплом*. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/25900/> (дата обращения: 21.07.2023).
 17. Аналитический центр «Эксперт». *Рейтинг предпринимательских университетов и бизнес-школ – 2022*. <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-predprinimatelskikh-universitetov-i-biznes-shkol-2022/> (дата обращения: 21.07.2023).
 18. Волков А.Т., Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И., Прохорова И.С., Устинов В.С. Развитие направления высшего образования «Инноватика» на кафедре управления инновациями ГУУ. *Инновации*. 2019;12(254):35–46. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.254.12.005>

References

1. Volkov A.T., Gureev P.M., Prokhorova I.S. Analysis of digitalization processes in the Russian education system. In: *Step into the future: Artificial intelligence and digital economy: Smart nations: Economy of digital equality: Proceedings of the III International Scientific Forum, Moscow, December 9–10, 2019*. Moscow: State University of Management Publ. House; 2020. Pp. 203–211. (In Russian).
2. Gureev P.M., Dunenkova E.N., Onishchenko S.I., Prokhorova I.S., Rasskazova A.Y., Grishin V.N., Konovalova O.V., Morozova I.V., Rodkina T.V., Alpatova E.A., Tinyakova V.I., Degtyareva V.V., Kafiatullina Y.N., Gulyaeva A.S. *Formation and development of innovation environment in the digital economy*. Moscow: RUSAINS; 2020. 206 p. (In Russian).
3. Gureev P.M., Degtyareva V.V., Prokhorova I.S. National features of forming a digital economy in Russia. In: *Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2020), Vladivostok, October 2–4, 2018*. Vladivostok: Atlantis Press; 2019. Pp. 875–878. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9>
4. Prokhorova I.S., Zakharova A.V. Innovative potential of the national innovation system of the Russian economy for building a digital economy. In: *Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2020), Vladivostok, October 2–4, 2018*. Vladivostok: Atlantis Press; 2019. Pp. 773–783. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.109>
5. Moseykin Yu.N. The Global Market of Educational Services: Current Trends and the Russian Practice. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*. 2018;24(7):4942–4945. <https://doi.org/10.1166/asl.2018.11239>
6. Alzhanova A.A., Baineeva P.T., Bekmanova G.U. Global trends and national priorities in the field higher education. In: *Industrial technologies and engineering icite: Proceedings of the VII International Conference, Shymkent, November 12–13, 2020*. Shymkent; 2020. Pp. 36–38.
7. Abad-Segura E., Gonzalez-Zamar M.D., Infante-Moro J.C., Garcia G.R. Sustainable management of digital transformation in higher education: Global research trends. *Sustainability*. 2020;5:1–24. <https://doi.org/10.3390/su12052107>
8. Betta J., Boronina L., Senuk Z., Baliasov A. Project-based learning in training of a new generation of specialists: a corporate analysis. In: *Proceedings of the Nordsci Conference on Social Sciences, Helsinki, June 17–19, 2018*. Helsinki: Salma Consult LTD; 2018. Pp. 45–47.
9. Egorychev A.M., Mardakhaev L.V., Zarezky V.V., Akhtyan A.G., Tkachenko A.V. Management innovation processes in the system of Russian education. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(12):403–412.
10. Tagunova I.A., Dolgaya O.I., Shaposnikova T.D., Sukhin I.G., Naydenova I.S. Education development trend in global dimension. In: *EELA 2019: Proceedings of the International Conference “Education Environment for the Information Age”, Moscow, June 4–5, 2019*. Moscow: Future Academy; 2019. Pp. 908–915.
11. Basadur M., Gelade H.A. *Using the Creative Problem Solving Profile (CPSP) to Diagnose and Solve Real Problems*. https://www.academia.edu/18220708/Using_the_Creative_Problem_Solving_Profile_CPSP_for_Diagnosing_and_Solving_Real_World_Problems/ (accessed 21.07.2023).
12. Pavlova I., Chernobuk V. Project education in entrepreneurial universities: an exploratory analysis. In: Soliman K.S. (ed.). *VISION 2020: Innovation management, development sustainability, and competitive economic growth: Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference, Seville, November 9–10, 2016*. International Business Information Management Association; 2016. Pp. 3196–3204.
13. Ashmarina S., Nikulina E. Assessment of global trends impact on development of higher education system. *Problems and Perspectives in Management*. 2017;15(3):365–376. [https://doi.org/10.21511/ppm.15\(3-2\).2017.06](https://doi.org/10.21511/ppm.15(3-2).2017.06)

14. Gnatiuk O.L. Modern Models of Higher Education. Part 2. Dilemmas of choice of the Russian model of higher education. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2014;3(2):202–210. (In Russian).
15. Mkrtychyan G.A. The entrepreneurial university: Concept and diagnostics of culture. *Vestnik of Mimin University*. 2014;4. (In Russian).
16. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. *Startup as a diploma*. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/25900/> (accessed 21.07.2023). (In Russian).
17. Analytical Center “Expert”. *Rating of entrepreneurial universities and business schools – 2022*. <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-predprinimatelskikh-universitetov-i-biznes-shkol-2022/> (accessed 21.07.2023). (In Russian).
18. Volkov A.T., Dunenkova E.N., Onishchenko S.I., Prokhorova I.S., Ustinov V.S. Development of higher education “Innovation” at the Department of Innovation Management SUM. *Innovatsii*. 2019;12(254):35-46. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.254.12.005> (In Russian).

Лингвокоммуникационные аспекты применения новых технологий практической подготовки

Показаньев Владислав Юрьевич

Начальник Управления акселерационных программ и проектного обучения
ORCID: 0000-0002-1117-7843, e-mail: vu_pokazanev@guu.ru

Фирсова Светлана Владимировна

Ст. преп. каф. иностранных языков
ORCID: 0000-0002-8061-3215, e-mail: sv_firsova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Разработка и внедрение проектной методики обучения в Государственном университете управления способствовали развитию, координации и повышению эффективности исследовательской и проектной деятельности обучающихся. В вузе создана концепция экосистемы проектного обучения, адаптированная для студентов и направленная на развитие их предпринимательских способностей. В данной статье делается акцент на тех возможностях, которые предлагает проектный метод для улучшения содержания и качества процесса обучения в вузе. Метод также способствует повышению мотивации в обучении. Проектное обучение предусмотрено в рамках всех образовательных программ. Рассмотрены возможности консультаций по проектному обучению по дисциплине «Иностранный язык», в ходе исследования отмечено повышение заинтересованности студентов данной формой учебной деятельности и изучением иностранного языка в целом.

Ключевые слова

Проектное обучение, экосистема, профессиональная компетенция, коммуникационные навыки, гибкие навыки, иностранный язык

Для цитирования: Показаньев В.Ю., Фирсова С.В. Лингвокоммуникационные аспекты применения новых технологий практической подготовки // Вестник университета. 2023. № 10. С. 56–64.

Linguistic and communication application aspects of new practical training technologies

Vladislav Yu. Pokazanyev

Head of Acceleration Programs and Project Training Department
ORCID: 0000-0002-1117-7843, e-mail: vu_pokazanev@guu.ru

Svetlana V. Firsova

Senior Lecturer at the Foreign Language Department
ORCID: 0000-0002-8061-3215, e-mail: sv_firsova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Project-based learning methodology development and implementation at the State University of Management have contributed to development, coordination, and efficiency of research and students' project activities. The university has created a concept of project-based learning ecosystem adapted for students and aimed at developing their entrepreneurial abilities. The article emphasizes on the opportunities that the project method offers to improve the content and quality of learning process in higher education institution. The method also helps to increase motivation in learning. Project-based learning is provided in all educational programs. The possibilities of consultations on project-based learning in the Foreign Language course have been considered, the increase of students' interest in this form of learning activity and foreign language learning in general during the study also have been noted.

Keywords

Project-based training, ecosystem, professional competence, communication skills, soft skills, foreign language

For citation: Pokazanyev V.Yu., Firsova S.V. (2023) Linguistic and communication application aspects of new practical training technologies. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 56–64.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире большое внимание уделяется вопросу соответствия результатов обучения в высшей школе последующей профессиональной деятельности выпускников. Обычная ситуация начала трудовой деятельности выглядит следующим образом: знания и навыки выпускников, полученные в высшей школе, плохо коррелируются с требованиями и ожиданиями работодателей, как, впрочем, и сам формат работы не соответствует тому, что написано в учебниках и читалось на лекциях. В связи с этим в последние десятилетия задачей высшей школы стало создание и использование новых методов обучения, направленных на приведение в соответствие результатов обучения в области приобретенных практических навыков с запросами на рынке труда.

Одной из наиболее перспективных методик, отвечающих данной задаче, является проектный метод, широко применяемый в системе образования в средней и высшей школах. В настоящее время проекты используются для решения многих управленческих, производственных и социальных задач во всех странах мира [1]. Следовательно, интерес к использованию проектов в образовании закономерен. Переход Государственного университета управления (далее – ГУУ) на использование проектного обучения в образовательных целях и включение одноименной дисциплины в учебные планы по всем направлениям подготовки является существенным шагом к повышению качества образования обучающихся и приближению процесса обучения к практической профессиональной деятельности, которой выпускникам вуза предстоит в дальнейшем заниматься [2]. Стоит помнить, что в переводе с латинского языка термин «проект» означает «брошенный вперед».

ОБЗОР ИСТОРИИ МЕТОДА

Интерес к проектной методике развивался циклически, с каждым циклом добавляя что-то новое. Первые упоминания о сущности методики можно увидеть в работах Сократа. Его «майевтика» предполагала формулирование истины (рождение знания) через ответы на наводящие вопросы. Таким образом, Сократ не декларировал истину, а помогал своим ученикам прийти к ней самостоятельно.

Эпоха Возрождения также внесла вклад в зарождение проектной методики. «Проект» как термин впервые возник в это время и использовался в деятельности архитекторов и техников XIV в. Немного позднее проект перешел в сферу обучения детей, ориентируя их на самостоятельное создание проектов в сфере искусства для участия в конкурсах. Французский философ-гуманист Мишель Монтень говорил о преимуществах хорошо устроенного мозга перед наполненным извне. Его утверждение вписывается в концепцию проектной деятельности, подразумевающую приобретение новых знаний и навыков посредством исследования и создания нового продукта в ходе командной работы. Жак Руссо в одном из своих романов-трактатов о воспитании детей выдвинул идею о получении знаний из природы, собственного опыта и практики [3]. Также Руссо подчеркивал большую роль позитивной мотивации и интереса для решения практической ситуации.

Затем на какое-то время интерес к методу проектов угас. С появлением в Соединенных Штатах Америки такого направления как прагматическая педагогика, внедрившего принцип обучения через деятельный подход, ряд исследователей в лице Дж. Дьюи, Х. Килпатрика, Э. Коллингса по-новому подошли к понятию проектного обучения. Они разработали подход, в котором содержание обучения детей базируется на их опыте и результат выполненного проекта можно сразу применить. Также акцент ставился на заинтересованности детей процессом и результатом [3]. Джон Дьюи, американский философ и педагог, поставил прагматизм целью воспитания личности, когда в результате игровой и трудовой деятельности ребенок приходит к пониманию чего-то нового. В его трудах акцент сместился на развитие soft skills, как это называют сейчас, а именно навыков мышления и способности к самообучению [3].

Развитие проектного метода в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в начале XX в. связано с именем С.Т. Шацкого, открывшего первые в стране детские клубы. Шацкий продолжил разработку метода и после 1917 г. Он рассматривал занятия в классе как групповую работу учеников и учителя, ведущую к получению определенного результата в отличии от традиционного процесса обучения. Для развития советской школы метод проектов имел огромное значение, поскольку стал внедряться вместе с личностно-ориентированной педагогикой. Педагогические идеи нового общества ориентировались на воспитание у обучающихся высокой степени самостоятельности и развитие практической деятельности.

В связи с этим проектный метод с его прикладным, деятельностным подходом к обучению хорошо вписался в те реалии отхода от прежней системы образования. Самостоятельность и коллективный характер работы при выполнении проектов вывели проектный метод на первый план.

Между 1930-ми и 1960-ми гг. о методе проектов практически не упоминали. Публикации о его использовании отсутствуют по всему миру. В 1960–1990-е гг. как на Западе, так и в России, появились новые идеи развития метода проектов. Американские и европейские исследователи и педагоги пытались переосмыслить идеи Дж. Дьюи и У. Килпатрика и внедрить их в образование, делая акцент на развитии способности к самообучению, раскрытии творческого потенциала личности и индивидуальном подходе к каждому ученику.

В СССР в 1960-е гг. возрождению проектного метода поспособствовали работы Л.В. Занкова о развивающем обучении. Ребенок должен был искать и получать информацию самостоятельно с привлечением таких внешних источников, как посещение экскурсий, музеев, библиотек. Полученную информацию нужно было применять для решения конкретных задач. В 1970–1980-х гг. В.Ф. Шаталов стал использовать методику, задействовавшую всех учеников в классе при создании творческой работы, в ходе которой у учеников повышалась заинтересованность к процессу обучения и результату. Дальнейшее развитие проектного метода в России ставило своими задачами переход на коллективно-распределительный тип деятельности. Для увеличения заинтересованности обучающихся в самостоятельном получении знаний и их применении на практике большое внимание уделялось творческой активности учеников в ходе выполнения проектов.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДА

Существуют разные трактовки того, что такое проект. По нашему мнению, он представляет собой работу над решением практической задачи группой единомышленников с созданием нового подхода или переосмыслением и доработкой уже существующего. В данный процесс включены такие виды деятельности, как исследование, создание модели или нового продукта, планирование, организация и структурирование деятельности команды в ходе работы над проектом, а также расчет ресурсов, необходимых для выполнения проекта [4]. Процесс заканчивается презентацией проекта.

Проектная деятельность требует сформированности следующих навыков:

- использовать межпредметные знания и навыки [5];
- находить и пользоваться различными источниками информации;
- критически осмысливать информацию;
- аналитически мыслить;
- организовывать деятельность в ходе реализации;
- работать в команде;
- презентовать результаты своей деятельности;
- определять вклад каждого участника.

В ГУУ для эффективного внедрения проектного метода в процесс обучения создано отдельное подразделение «Управление акселерационных программ и проектного обучения» (далее – Управление), которое осуществляет организацию и координацию проектного обучения в университете.

Задачи, стоящие перед Управлением:

- 1) поддержка и организация эффективной реализации проектного обучения в ГУУ;
- 2) совершенствование взаимодействия между структурными подразделениями в рамках реализации проектного обучения [2];
- 3) разработка и обеспечение методологии ведения проектов, методологических и регламентирующих документов по взаимодействию структурных подразделений в рамках реализации проектного обучения [2];
- 4) развитие, координация и повышение эффективности исследовательской и проектной деятельности обучающихся ГУУ в сфере цифровой экономики и сквозных технологий;
- 5) развитие молодежного предпринимательства;
- 6) формирование компетенций обучающихся ГУУ в области проектного управления и предпринимательства;
- 7) формирование экосистемы проектного обучения в ГУУ.

Разработка и акселерация всех проектов ведется на цифровой платформе BusinessChain, которая позволяет создавать витрины проектов, к которым имеют доступ инвесторы, менторы и эксперты.

Данный инструмент позволяет привлекать инвесторов, создавать цифровое портфолио, что впоследствии упрощает процесс взаимодействия с потенциальными работодателями. В результате проектного обучения у студента формируются *soft skills*, а также профессиональные компетенции, навыки применения на практике знаний, полученных в ходе теоретического обучения [6]. Появляется возможность получить навыки создания нового бизнеса, нового продукта, а также их упаковки для привлечения инвестиций. У студентов даже могут открыться компании в процессе обучения, создать новую технологию, коммерциализировать ее, а также защитить проект как выпускную квалификационную работу (далее – ВКР).

Разработка и акселерация всех проектов ведется на цифровой платформе, которая позволяет создавать витрины проектов, к которым имеют доступ инвесторы, менторы и эксперты. Данный инструмент позволяет привлекать инвесторов, создавать цифровое портфолио, что впоследствии упрощает процесс взаимодействия с потенциальными работодателями [7]. Тематику и направление проекта могут предложить внешний или внутренний заказчик, преподаватель или сам студент. При этом проект должен соответствовать основным требованиям:

- «1) разрабатываемый результат проектной работы и пути решения должны содержать элементы новизны;
- 2) для выполнения работы над проектом должна быть создана команда (за исключением проектов в рамках образовательных программ магистратуры);
- 3) работа над проектом должна выполняться в рамках жизненного цикла проекта;
- 4) разработка проекта должна способствовать формированию профессиональных компетенций, определенных образовательной программой.

Основными особенностями проекта являются реальность поставленных проблем, междисциплинарность и интегральность деятельности. Важной характеристикой разрабатываемого проекта выступает его прикладной характер, то есть достижение такого результата, который можно будет применять в реальной практической деятельности [2, с. 6].»

С точки зрения целей и результатов существует два типа проектов:

- 1) исследовательский, главной целью которого является проведение исследования, в результате которого будет создан научно-прикладной продукт (статья/публикация, отчет, аналитический обзор, заявка на научный грант);
- 2) практико-ориентированный (прикладной) проект, основной целью которого является решение конкретной прикладной задачи, в результате чего могут быть получены разработанное и обоснованное проектное решение, бизнес-план, бизнес-модель и т.п. [8].

Вне зависимости от типа проекта обязательным этапом является концептуализация, то есть определение заинтересованных сторон решения. Проектная работа проходит обязательную акселерацию на цифровых платформах, что позволяет формировать цифровой след, который в дальнейшем может быть использован студентом при построении индивидуальной образовательной траектории, написании ВКР, трудоустройстве. Цифровая экосистема проектного обучения обеспечивает независимую оценку проекта экспертным сообществом.

Благодаря использованию цифровой экосистемы проектного обучения эксперты и кураторы могут проследить разработку студенческого проекта, начиная с идеи, провести проект по всем стадиям его развития, организовать консультации со специалистами из смежных дисциплин и привлечь необходимые ресурсы. В случае высокой эффективности проекта будут найдены заинтересованные заказчики и инвесторы. Этапы работы над проектом поделены на треки и регулярно мониторятся, даются экспертные оценки на всем жизненном цикле развития проекта. Это способствует усилению вовлеченности всех участников проектной деятельности ГУУ в образовательный процесс, что повышает его качество.

Концепция экосистемы проектного обучения адаптирована для студентов и направлена на развитие предпринимательских способностей (под предпринимательскими компетенциями понимаются не бизнес-компетенции, но в первую очередь способность генерировать, апробировать и развивать различные идеи) и цифровых компетенций. Концепция позволяет разрабатывать и проводить акселерацию рыночно-ориентированных, исследовательских и практико-ориентированных проектов, так как в основе лежит концептуализация проекта. Через генерацию и апробацию идей вуз получает возможность коммерциализировать создаваемые технологии и продукты, формировать сообщества будущих выпускников, мотивированных на создание нового продукта.

Экосистема решает ряд разноплановых задач, среди которых можно выделить:

- развитие компетенций предпринимательства у студентов;
- формирование сообщества выпускников;
- монетизация компетенций экспертов вуза;
- коммерциализация технологий и продуктов, создаваемых в рамках вуза;
- определение порядка и целеполагания по направлению проектного предпринимательства в рамках концепции Университета 3.0;
- формирование организационной практики проектного обучения и подготовка профессорско-преподавательского состава в качестве трекеров.

В учебных планах всех направлений подготовки всех форм обучения присутствует «Проектная работа» в течение всего периода обучения трудоемкостью в шесть зачетных единиц. Для формирования цифровых компетенций в области создания алгоритмов и программ, пригодных для практического применения в рамках проектной работы, в Университете функционирует Проектно-учебная лаборатория. На программах бакалавриата предусмотрена только командная проектная работа. Численность команды может варьироваться от двух до девяти человек. В магистратуре возможна индивидуальная работа над проектом. Проектное обучение в качестве части учебного плана является обязательным для всех студентов всех форм обучения. Данный вид учебной деятельности осуществляется с первого до последнего курса как на программах бакалавриата, так и на программах магистратуры.

В рамках дисциплины «Иностранный язык», согласно учебному плану, проводятся как практические занятия, так и консультации по проектному обучению, которые осуществляются средствами иностранного языка [9]. Форма работы в виде консультаций может служить отправной точкой на начальных стадиях разработки проекта. Использование иностранного языка позволяет находить и получать валидную информацию по теме проекта. Возможность проанализировать материал, взятый из зарубежных источников, может существенно расширить и дополнить концепцию проекта. Стоит отметить, что между публикацией новых разработок иноязычными авторами и возможностью ознакомиться с ними на русском языке (или совсем не узнать о них) проходит много времени, иногда до нескольких лет. Однако, пользуясь возможностями сети «Интернет», обучающиеся могут получить новую, необходимую им информацию из зарубежных источников практически в момент ее появления.

Данная работа должна отвечать определенным требованиям. Обучающимся необходимо:

- правильно сформулировать поисковой запрос;
- отобрать релевантные источники по теме проекта;
- проанализировать содержание источников с точки зрения их значимости для проекта.

В обязанности преподавателя-консультанта должны входить, с одной стороны, помощь команде студентов по вышеперечисленным пунктам, а с другой – используя полученные тексты-источники в качестве учебного материала, преподаватели иностранного языка продолжают работу по формированию компетенции устной и письменной коммуникации на иностранном языке. В ходе поиска материала по теме своего проекта студенты могут получить информацию по вариантам используемых практик в интересующей области, опыту работы других компаний и организаций по тематике студенческого проекта, а также историческому обзору метода или практик. Таким образом, использование дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык профессионального делового общения» при реализации проектов обучающимися может послужить примером укрепления междисциплинарных связей, что положительным образом скажется на обогащении содержания проекта и, в конечном итоге, приведет к увеличению интеллектуального потенциала обучающихся.

Консультации по проектному обучению в рамках дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык профессионального делового общения» в процессе поиска релевантных источников информации помогают обучающимся самостоятельно ориентироваться в информационном пространстве и осуществлять поиск, анализировать информацию для определения ее соответствия выбранной тематике проекта, формируют у студентов активную самостоятельную позицию в обучении, готовность к саморазвитию и способствуют овладению навыками командной работы. Одновременно занятия стимулируют межкультурную осведомленность, помогают находить решения в конфликтных и стрессовых ситуациях, учат толерантности и открытому восприятию [10].

В ходе работы преподаватель иностранного языка должен обратить внимание на следующие аспекты:

- 1) уточнение тематического поля проекта;

- 2) сбор материала;
- 3) поиск и изучение литературы в тематической области проекта;
- 4) анализ полученного материала, исходя из интересов проекта;
- 5) организация работы в команде;
- 6) изучение существующих практик реализации подобных проектов;
- 7) определение конечного продукта проекта;
- 8) презентация результатов работы [10].

Финальный этап консультации по проектному обучению должен представлять собой представление результатов проделанной работы на иностранном языке, логически выстроенных и обоснованных. Конечный результат может быть представлен в вербальной форме в виде презентации, участия в круглом столе или конференции, а также в письменной форме (тезисы или статья для публикации) [11]. Сама идея публикации результатов работы заинтересовала студентов и стимулировала их поисковый и познавательный интерес. Возможность получения дополнительной информации по теме проекта воодушевила часть студентов на активный подбор и анализ материала. Консультирование по проектному обучению в рамках дисциплин вывели учебный процесс на новый уровень. До этого момента студенты получали дополнительную информацию на иностранном языке по своим программам подготовки только в случае, если информация по теме входила в учебные планы дисциплины «Иностранный язык». С введением консультаций иноязычная информация начала соответствовать теме проекта, дисциплинам профессионального блока и образовательной программе, что явилось несомненным плюсом для усвоения новых знаний и формирования как иноязычных, так и профессиональных компетенций обучающихся.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

С целью определения уровня удовлетворенности формированием универсальной коммуникативной компетенции (УК-4) на иностранном языке на кафедре было проведено исследование в форме анкетирования, в котором участвовали 75 студентов второго и третьего курсов по направлению подготовки «Менеджмент». Вопросы касались степени удовлетворенности знаниями и навыками, приобретаемыми обучающимися на стандартных занятиях по иностранному языку (практические занятия) и в ходе занятий в рамках консультаций по проектному обучению. Обучающимся было предложено оценить результаты по пятибалльной шкале (табл. 1).

Таблица 1

Определение уровня формирования коммуникативной компетенции

Форма занятий	5		4		3		2		1		Затрудняюсь ответить	
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	
Практическое занятие	12,0	6,0	22,0	29,6	14,0	18,6	2,0	2,7	1,0	1,1	24,0	32,0
Консультация	21,0	28,0	37,0	49,3	6,0	8,0	2,0	2,7	-	-	9,0	12,0

Составлено авторами по материалам исследования

Исследование продемонстрировало повышение заинтересованности студентов к образовательному процессу при использовании консультаций по проектному обучению в рамках их собственного проекта по программе подготовки. Увеличилось количество студентов, оценивающих свою коммуникативную активность на 4 и 5 баллов, для занятий в форме консультаций. Кроме того, при сравнении количества обучающихся, затруднившихся дать ответ на вопрос об их удовлетворенности от практических занятий и консультаций, было отмечено, что практически втрое сократилось количество таких студентов в рамках консультаций, также сократилось количество тех, кто оценивал уровень удовлетворенности на 3 балла. Такая динамика результатов, по нашему мнению, говорит о возросшем интересе обучающихся к форме занятий в рамках консультаций по проектному обучению.

Дополнительно по желанию обучающимся было предложено назвать навыки, овладение которыми, на их взгляд, позволит им наиболее эффективно выполнить проектную работу в рамках образовательной программы. Большинство студентов (75 %) называли такие качества, как креативность, организационные

навыки, умение договариваться, слушать и учитывать мнение членов команды, стрессоустойчивость, умение расставлять приоритеты. В связи с этим необходимо отметить, что около 40 % студентов назвали необходимым для успешной работы над проектом такое качество, как харизма, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о неточном или ограниченном понимании значения данного качества. Таким образом, сформированность soft skills интересует студентов, и они понимают важность данных навыков.

Знание основ экономики, навыки статистических расчетов упомянули 28 % опрошенных, что, по мнению авторов, свидетельствует об отсутствии необходимости проводить расчеты в ряде проектов. 66 % опрошенных отметили необходимость наличия навыков коммерциализации результатов проектной деятельности. Знание и умение применять маркетинговые технологии назвали 37 %. Необходимость владения информационными навыками отметили 93 % студентов. Такой опрос позволил отметить превалирование soft skills, названных студентами более желательными для овладения при выполнении проекта, что еще раз подтверждает важность формирования гибких навыков вне зависимости от программы подготовки.

Таким образом, использование консультаций по проектному обучению и самого проектного метода в целом положительно сказывается на результатах и качестве обучения. Повышение заинтересованности студентов к обучающему процессу и, в частности, к изучению иностранного языка оказывает стимулирующее действие как на обучающихся, так и на профессорско-преподавательский состав, заставляя всех идти в ногу со временем, повышать свои знания и компетенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к проектной методике не случаен. Использование проектного метода в обучении в высшей школе приносит ощутимые и значимые результаты. Подытоживая все сказанное ранее в статье, стоит сказать, что проектная работа представляет собой форму познавательной активности обучающихся, связанную с их самостоятельной деятельностью по созданию нового продукта, подхода или решения и направленную на формирование профессиональных компетенций междисциплинарного характера [12]. Проведенное среди студентов исследование показало, что практическая направленность занятий в рамках проектной деятельности повышает мотивацию студентов к образовательному процессу, вызывает осознанный интерес к развитию soft skills компетенций, необходимых в том числе для успешной работы в команде над проектом, способствует развитию коммуникативных компетенций как на родном, так и на иностранном языке. Что касается использования проектного обучения для дисциплины «Иностранный язык», то в отличие от обучения по учебникам работа над проектом имеет для обучающихся практический, прикладной характер, несет элементы креативности и новизны и способствует повышению заинтересованности студентов к изучению иностранных языков.

Библиографический список

1. Павлюк Е.С. Реализация проектов в предпринимательской среде XXI века: инновации в условиях глобализации. *Экономика и предпринимательство*. 2022;3(140):710–713. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.140.03.129>
2. Государственный университет управления. *Положение о проектном обучении в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный университет управления»*. <https://guu.ru/wp-content/uploads/137-I.pdf> (дата обращения: 04.07.2023).
3. Пискунов А.И. (ред.). *История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп.* М.: ТЦ «Сфера»; 2001. 512 с.
4. Павлюк Е.С. Проектная технология как средство формирования ключевых компетенций в государственных образовательных организациях. В кн.: *Развитие общества и науки России в эпоху кризиса: теория, методология, практика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 13–14 апреля 2022 г.* Ростов-на-Дону: Профпресслит – Издательство «Манускрипт»; 2022. С. 229–231.
5. Салынская Т.В., Ясницкая А.А. Проектная деятельность как инструмент развития профессиональной личности студента. *Муниципальная академия*. 2021;3:88–96. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_03_88
6. Беркович М.И., Кофанова Т.А., Тихонова С.С. *SOFT SKILLS (мягкие компетенции) бакалавра: оценка состояния и направления формирования*. *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*. 2018;4:63–68.
7. Павлюк Е.С. Современные методы управления проектами в цифровой среде вуза. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2021;5-1(11):98–104. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.38.38.012>

8. Савинова С.Ю., Шубнякова Н.Г. Проектная деятельность в профессиональной подготовке бакалавров-менеджеров. *Теория и методика профессионального образования*. 2019;3:47–52.
9. Имаева Е.З., Сухарева Н.А. Проблемы преподавания: инновационные формы организации языкового образования. *Вестник педагогических наук*. 2022;1:201–204.
10. Фирсова С.В. Иноязычное проектное обучение в высшей школе. В кн.: Чудновский А.Д. (ред.). *Инновационные технологии преподавания иностранных языков в системе высшего образования*. М.; 2022. С. 100–122.
11. Салынская Т.В., Ясницкая А.А. Ключевые знания и навыки для профессиональной реализации студентов в цифровой среде. *Вестник университета*. 2022;2:72–79. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-72-79>
12. Бреднева Н.А. *Формирование проектной компетентности студентов в образовательном процессе вуза*. <https://uchimsya.com/a/ifUi2rdH> (дата обращения: 04.07.2023).

References

1. Pavlyuk E.S. Implementation of projects in the business environment of the xxi century: innovations in the context of globalization. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2022;3(140):710–713. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.140.03.129> (In Russian).
2. State University of Management. *Regulations on project training at the State University of Management*. <https://guu.ru/wp-content/uploads/137-I.pdf> (accessed 04.07.2023). (In Russian).
3. Piskunov A.I. (ed.). *History of pedagogy and education. From the origin of education in primitive society to the end of the XX century*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Sphera Shopping Center; 2001. 512 p. (In Russian).
4. Pavlyuk E.S. Project technology as a means of formation of key competencies in state educational organizations. In: *Society and science development in Russia in the era of crisis: Theory, methodology, practice: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, April 13–14, 2022*. Rostov-on-Don: Profpresslit – Manuscript Publ. House; 2022. Pp. 229–231. (In Russian).
5. Salynskaya T.V., Yasnitskaya A.A. Projects as a tool for the development of a student's professional personality. *Municipal Academy*. 2021;3:88–96. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_03_88 (In Russian).
6. Berkovich M.I., Kofanova T.A., Tikhonova S.S. SOFT SKILLS (soft competences) of a bachelor: Assessment of the state and directions of formation. *Vestnik VSU. Series: Economics and Management*. 2018;4:63–68. (In Russian).
7. Pavlyuk E.S. Modern methods of project management in the digital environment. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;5-1(11):98–104. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.38.38.012> (In Russian).
8. Savinova S.Yu., Shubnyakova N.G. Project activity in the professional training of bachelor managers. *Theory and Methodology of Vocational Education*. 2019;3:47–52. (In Russian).
9. Имаева Е.З., Сухарева Н.А. Teaching problems: Innovative forms of language education. *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2022;1:201–204. (In Russian).
10. Firsova S.V. Foreign language project training in higher education. In: Chudnovsky A.D. (ed.) *Innovative technologies of teaching foreign languages in the higher education system*. Moscow; 2022. Pp. 100–122. (In Russian).
11. Salynskaya T.V., Yasnitskaya A.A. Key knowledge and skills university students need in a digital environment. *Vestnik universiteta*. 2022;2:72–79. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-72-79>
12. Bredneva N.A. *Formation of students' project competence in the educational process of university*. <https://uchimsya.com/a/ifUi2rdH> (accessed 04.07.2023). (In Russian).

Проектирование при подготовке студентов по направлению подготовки «Юриспруденция»

Титор Светлана Евгеньевна

Канд. юрид. наук, доц. каф. частного права
ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, среди ведущих работодателей бытует мнение, что только 8 % выпускников профессиональных образовательных организаций готовы в полной мере к выполнению своих должностных обязанностей. Современная экономика, особенно на стадии развития импортозамещения и санкций, требует наличия сильного, высококвалифицированного конкурентоспособного работника. К современному профессиональному образованию предъявляются особые требования, оно нуждается в трансформации. Профессиональные компетенции современных выпускников продолжают оставаться в центре внимания. Непрерывное развитие техники и технологий требует от профессионального образования мобильности, гибкости, своевременной актуализации. В настоящем исследовании проанализирован опыт проектного обучения студентов направления подготовки «Юриспруденция» как способ повышения востребованности выпускников-юристов на рынке труда. Анализ проведен по подготовке специалистов-юристов.

Ключевые слова

Проектное обучение, практико-ориентированное обучение, исследовательская работа, метод проекта, правовое проектирование

Благодарности. Работа выполнена в рамках гранта Государственного университета управления (Научно-исследовательская работа № 1005-23).

Для цитирования: Титор С.Е. Проектирование при подготовке студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» // Вестник университета. 2023. № 10. С. 65–72.

Designing in students' training in the field of law

Svetlana E. Titor

Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. at the Private Law Department
ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

According to the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, there is an opinion among leading employers that only 8 % of professional educational organizations graduates are fully prepared to perform their job duties. Modern economy, especially in the stage of import substitution and sanctions, requires a strong and highly qualified competitive employee. Modern vocational education has special requirements, it needs transformation. Professional competencies of modern graduates continue to be the center of attention. Continuous development of techniques and technologies requires mobility, flexibility, and timely actualization from professional education. The study analyzes experience of Law project training of students as a way to increase the demand for law graduates in labor market. The analysis has been conducted on legal specialists training.

Keywords

Project training, practice-oriented training, research work, project method, legal design

Acknowledgements. The study was carried out under the grant of the State University of Management (Research paper No. 1005-23).

For citation: Titor E.T. (2023) Designing in students' training in the field of law. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 65–72.

ВВЕДЕНИЕ

На XXVI Петербургском Международном экономическом форуме Президентом Российской Федерации (далее – РФ, Россия) была обозначена необходимость создания механизмов эффективного трудоустройства выпускников, получающих профессиональное образование [1]. По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, работу после окончания профессиональной образовательной организации находят чуть более 50 % выпускников [2]. Более трети выпускников не работают по полученной специальности [3]. В связи с этим актуальным становится внедрение новых методик обучения профессии. Будущие юристы не являются исключением. Хотя трудно себе представить, что может проектировать юрист в своей детальнойности, исследование показывает, что метод проектирования актуален и для подготовки профессиональных юристов.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРИИ ПРОБЛЕМЫ

Внедрение практико-ориентированных компонентов в образовательный процесс, предполагающее командное выполнение проектов, предлагается ввести во все образовательные программы: инженерного, социально-экономического, гуманитарного, естественно-научного профиля [4]. В рамках реформирования в образовательный процесс внедряются такие технологии, как «практико-ориентированный» подход и «проектное обучение». В переводе с латыни слово «projectus» означает «выброшенный вперед», «выступающий», «бросающийся в глаза» [5]. Практико-ориентированный и проектный подходы к подготовке профессиональных специалистов были определены еще в 2014 г. [6]. Понятие «практико-ориентированное», или «проектное», обучение до настоящего времени не определено законодательно.

В основе проектного обучения лежит «метод проектов», который был озвучен еще в начале XX в. Джоном Дьюи [7]. Суть метода состоит в побуждении интереса обучающихся к определенным проблемам, для которых они путем проектирования (или проектной деятельности), а также с учетом полученных ими знаний и умений разрабатывают решения этой проблематики. При реализации метода проектирования обучающиеся учатся ставить цель проекта, развивают критическое мышление, развивают исследовательские навыки и т.д. Проектный метод предполагает детальную разработку проблемы, которая должна завершиться достижением реального практического результата, оформленного в некий итоговый продукт.

Метод проектирования – это не новое явление. История образования в России помнит его реализацию еще в 1920-е гг. Однако в 1930-е гг. этот метод был осужден и признан «легкомысленным прожектерством», ведущим к разрушению школы [8].

Современные исследователи полагают, что основой профессионального образования должно стать наложение усвоенного теоретического материала на канву будущей профессиональной деятельности [9]. Для этого необходимо последовательно проектировать или моделировать в рамках учебного процесса в разнообразных формах профессиональную деятельность. В таком формате образовательные технологии приобретают компетентностный подход, целью которого с помощью различных форм, методов и средств обучения у обучающегося формируются способности компетентно выполнять должностные обязанности своей будущей профессии. Целью проектного обучения также является выработка у обучающихся навыков командной работы, группового взаимодействия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на критическое отношение к проектному обучению будущих юристов, оно стало неотъемлемым элементом образовательной программы, включено практически во все базовые дисциплины как самостоятельная составляющая часть [10]. В программе «Право и управление», реализуемой в Государственном университете управления по направлению подготовки «Юриспруденция», проектное обучение выделено также как самостоятельная дисциплина.

Разработка проектов в рамках юридического образования определяется как вид отдельной, специально организованной деятельности студентов, нацеленной на формирование комплекса знаний, применительно к следующим сферам деятельности юриста:

- 1) правотворческой;
- 2) правоприменительной;

- 3) правоохранительной;
- 4) юридическо-консультационной.

Проекты, выполняемые в рамках направления подготовки «Юриспруденция», связаны с реализацией студентами знаний, умений и навыков, полученных ими при изучении учебных дисциплин, предусмотренных соответствующей образовательной программой. Применение в рамках проектной деятельности указанных знаний, умений и навыков направлено на формирование конкретных компетенций будущей профессиональной деятельности юриста по юридическому сопровождению деятельности коммерческих и некоммерческих организаций в области предпринимательской деятельности. В процессе проектной деятельности студентам предоставляется возможность применить теоретические знания в конкретных областях профессиональной деятельности юриста, связанных с правотворчеством, юридическим консультированием и правоприменением.

Формирование у обучающихся указанных выше компетенций посредством проектной работы позволяет будущим юристам на более высоком качественном уровне осуществлять:

- 1) квалификацию различных юридических фактов;
- 2) готовить юридические заключения по вопросам правового сопровождения бизнеса;
- 3) правильно оформлять результаты своей профессиональной деятельности;
- 4) представлять интересы граждан и бизнес сообществ по правовым вопросам в государственных и муниципальных органах управления, а также в судах.

В качестве предметных областей проектирования определяются:

- 1) юридическое сопровождение предпринимательской деятельности;
- 2) защита прав и законных интересов физических и юридических лиц в области предпринимательской деятельности;
- 3) защита прав и законных интересов физических лиц как потребителей услуг;
- 4) защита социально-трудовых прав физических лиц;
- 5) защита жилищных и семейных прав физических лиц;
- 6) защита прав физических лиц в области охраны окружающей среды;
- 7) защита прав студенчества;
- 8) представление интересов физических и юридических лиц в государственных органах и в суде;
- 9) юридическое консультирование по вопросам правового регулирования предпринимательской деятельности;
- 10) пропаганда правомерного поведения субъектов общественных отношений.

Студенты могут выбрать область знаний, где они хотят проектировать, например, специалист в области юридического консультирования по налогообложению или по другим вопросам правореализации (по усмотрению студента); юрисконсульт государственных и негосударственных организаций различных форм собственности (по выбору студента); специалист в области различных сфер правоприменительной и правоохранительной деятельности (по выбору студента). Таким образом, проектное обучение ориентирует студента на будущую профессиональную деятельность в области юриспруденции.

Процесс проектного обучения технологически предполагает следующие моменты:

- 1) выделение определенной проблемы (проблематики), требующей интегрирования знаний для поиска ее решения;
- 2) определение практической, теоретической, научной значимости ожидаемых результатов;
- 3) нацеливание обучающихся на самостоятельную деятельность;
- 4) формирование проектной инициативы, освоение исследовательских методов, оформление конечных результатов в итоговый продукт (проект).

При подготовке юристов могут реализовываться следующие виды проектов: исследовательские проекты и практико-ориентированные (прикладные) проекты. Исследовательские проекты направлены на сбор и обработку информации по отдельным вопросам правового регулирования в сфере предпринимательской деятельности, предполагающим разрешение возможных противоречий между фактическим состоянием общественных отношений и их правовым регулированием. В исследовательских проектах на основе анализа конкретного правового явления выявляются существующие проблемные аспекты правового регулирования и разрабатываются научно-обоснованные предложения по их разрешению. В процессе работы над проектом творческому коллективу рекомендуется определиться с гипотезой

исследования на основе изучения закономерностей развития и современного состояния правового регулирования общественных отношений применительно к теме исследования.

Результаты исследования могут быть представлены в форме научной статьи, отчета о научно-исследовательской работе, заявки на участие в гранте и т.д. Практико-ориентированные (прикладные) проекты представляют собой детальную разработку определенного проблемного аспекта в области реализации норм материального и процессуального права, нацеленную на достижение позитивного практически значимого результата. Иначе говоря, практико-ориентированный проект обязательно предполагает практический выход, то есть создание конечного продукта, который может быть использован в практической деятельности юриста. Данный вид проекта нацелен на будущие профессиональные интересы самих участников проекта или на интересы внешнего заказчика.

Конечным продуктом могут быть:

- 1) обобщение практики реализации отдельных нормативно-правовых предписаний, регулирующих общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности;
- 2) разработанные требования к отдельным гражданско-правовым сделкам, сопровождающих тот или иной вид предпринимательской деятельности;
- 3) разработанные проекты локальных правовых актов коммерческих и некоммерческих организаций, функционирующих в сфере предпринимательской деятельности;
- 4) создание контента в социальных сетях по пропаганде правовых знаний и систематическое участие в его функционировании;
- 5) организация и проведение публичных мероприятий по пропаганде правовых знаний среди населения.

В зависимости от объема и количества охваченных проектом дисциплин исследователи выделяют следующие типы проектов [11]:

- 1) монопрограммный (монопредметный), выполняемый по материалам конкретного предмета, охватывающий одну образовательную программу;
- 2) межпрограммный (межпредметный), выполняемый на интеграции нескольких смежных предметов, нескольких образовательных программ;
- 3) сетевой проект, реализуемый на основе консолидации обучающихся нескольких образовательных организаций;
- 4) надпредметный проект, выполняемый в рамках факультативной работы, изучения интеграционных курсов и т.д.

В процессе проектирования выделяют несколько базовых этапов [12].

1. Подготовительный этап. Этот этап охватывает постановку (выявление) проблемы, которую необходимо разрешить. Важным на данном этапе является правильность формулировки проблемы, определения ее актуальности и значимости для правоприменения.

2. Определение цели и задач проекта. Цели и задачи исследовательского и практико-ориентированного проектов различаются. В первом случае (исследовательский проект) цель излагается в виде определения проблематики исследования в прогностической плане, то есть прогноз ожидаемого результата. Цель исследовательского проекта излагается в виде действий: изучить, описать, объяснить, сравнить и т.д. В исследовательском проекте не может быть спрогнозирован конечный результат исследования, потому что он не ясен. Цель исследовательского проекта детализируется в задачах. Задачи определяют основные разделы исследования. Целью практико-ориентированного (прикладного) проекта является конечный результат, которого хотят достигнуть проектанты. Задачи такого проекта определяют этапы проектирования.

3. Третий этап различается в зависимости от вида проекта. Определяются объект и предмет исследования. Объект исследования – это какое-то явление, отношение, которое необходимо изучить. Предмет исследования – это конкретная проблема в рамках явления (отношения), которую нужно изучить. Предмет исследования, как правило, совпадает с темой самого исследования. На данном этапе определяется гипотеза исследования, то есть научное предположение результатов исследования. Третий этап практико-ориентированного (прикладного) проектирования складывается из прогнозирования результатов проектирования, детального описания ожидаемых результатов.

4. Четвертым этапом проектной работы следует выделить планирование. На этом этапе обучающиеся в своих подгруппах проводят обсуждение, обмен мнениями и согласование интересов.

5. На пятом этапе исследовательского проекта определяются методы исследования. Они обусловлены целью и задачами, предметом и объектом исследования. Для исследовательских проектов направления подготовки «Юриспруденция», кроме общенаучных методов, характерны сравнительно-правовой, формально-юридический методы, социально-правовой эксперимент и т.д.

6. Аналитический этап проектной работы заключается в уточнении задач, сборе информации, анализе, обобщении и систематизации полученных данных.

7. На заключительном этапе обучающиеся формулируют основные выводы проектной работы. Выводы исследовательского проектирования могут быть выражены в форме тезисов, научной статьи, монографии, отчета о научно-исследовательской работе, заявки на участие в гранте и т.д. Итоговый результат исследовательского проекта, а также промежуточные результаты должны пройти апробацию перед итоговой защитой. Возможны следующие способы апробации [13]:

- участие в конференциях;
- издание статей в научно-практических журналах;
- ведение блога или участие в работе форумов в сети «Интернет» по тематике проекта с получением и учетом обратной связи;
- выступление перед студентами на смежных с проблематикой проекта дисциплинах;
- участие в круглых столах;
- участие в конкурсах студенческих разработок.

Результатами практико-ориентированных (прикладных) проектов могут быть [14–17]:

- 1) обобщение практики реализации отдельных нормативно-правовых предписаний, регулирующих общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности;
- 2) разработанные требования к отдельным гражданско-правовым сделкам, сопровождающих тот или иной вид предпринимательской деятельности;
- 3) разработанные проекты локальных правовых актов коммерческих и некоммерческих организаций, функционирующих в сфере предпринимательской деятельности;
- 4) создание контента в социальных сетях по пропаганде правовых знаний и систематическое участие в его функционировании;
- 5) организация и проведение публичных мероприятий по пропаганде правовых знаний среди населения и т.п.

Оценка осуществляется по итогам каждого отчетного периода (в конце семестра). Оценка согласованности командной работы и вклада участников осуществляется всеми членами команды, а также непосредственным куратором команды, заказчиком проекта и комиссией при защите проекта. Она проводится анонимно каждым членом команды по критериям, заранее согласованными и принятыми членами команды перед началом проекта. Основные принципы оценки: прозрачность (понятности критериев) и объективность.

В образовательной программе, реализуемой в Государственном университете управления по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Право и управление», проектная работа выделена в отдельную дисциплину в объеме 6 зачетных единицы (216 ч.), которая реализуется в течение 1–3 курсов. Производственная практика студентов делится в образовательной программе на два вида: проектная практика и преддипломная практика. В рамках проектной практики обучающиеся реализуют свои наработки по проектной деятельности.

По результатам изучения дисциплины «Проектная работа», а точнее реализации проектирования, обучающиеся получают универсальные и профессиональные компетенции, такие как:

- 1) командная работа и лидерство: способность осуществлять взаимодействие и реализовывать свою роль в команде;
- 2) навыки правового сопровождения корпоративных процедур;
- 3) умение выбирать методы самоанализа и управления собой, использовать обратную связь как источник для самооценки и саморазвития;
- 4) умение устанавливать связь между своими действиями и получаемым результатом, понимать влияние своих слов и действий на других;
- 5) навыки обоснованного принятия решений в целях повышения эффективности командной работы, реализации запланированных действий.

Кроме того, в рамках практически всех дисциплин, кроме практических занятий, предусмотрен такой вид контактной работы со студентами, как проектная работа. В зависимости от объема дисциплины на проектное обучение отводится от 4 до 16 академических часов. Эту форму проектной работы определяет преподаватель, ведущий дисциплину. Например, по дисциплине «Трудовое право» студенты готовят проект кадровой документации по заданным кадровым процедурам: прием на работу, перевод на другую работу, изменение режима работы, применение дисциплинарного взыскания, увольнение по соответствующим основаниям. Каждый студент готовит проект самостоятельно, допускается работа в парах. В процессе подготовки проектов документов студенты применяют знания, полученные при изучении теоретической части дисциплины «Трудовое право», на практике, тем самым приобретая соответствующие навыки и умения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи отмечают положительные моменты проектной работы (метода проекта): студенты учатся слушать других, высказывать свои мысли, формулировать идею, идти на компромисс, выполнять общие решения. Учебный процесс в форме проектного обучения становится творческим, насыщенным, увлекательным и эффективным.

Применение проектного подхода в системе образования позволяет определить ситуацию со всеми ее характеристиками, обнаружить и описать проблемы, при решении которых данная ситуация будет считаться разрешенной. Проектное обучение исследователи называют одним из эффективных методов образования в вузе, позволяющих создавать удобные и гибкие связи между объектами и субъектами образовательной системы, направленной на приобретение широкого спектра умений, профессиональных компетенций обучающихся, позволяющих им стать конкурентоспособными.

Библиографический список

1. Министерство просвещения Российской Федерации. Владимир Путин предложил создать механизм ученического договора с будущими работодателями. <https://edu.gov.ru/press/7175/vladimir-putin-predlozhit-sozdat-mehanizm-uchenicheskogo-dogovora-s-buduschimi-rabotodatelayami/> (дата обращения: 12.07.2023).
2. Смотрим. Минтруд: 53% выпускников вузов и колледжей 2022 года нашли работу. <https://smotrim.ru/article/3250965> (дата обращения: 12.07.2023).
3. Известия. Сколько выпускников работает по специальности. <https://iz.ru/1283700/sergei-gurianov/vuz-i-nyne-tam-kak-vyruskniku-naiti-rabotu> (дата обращения: 12.07.2023).
4. Российская Федерация. Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» (утверждено президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 г. № 9). <http://government.ru/projects/selection/645/25681/> (дата обращения: 12.07.2023).
5. Академик: словари и энциклопедии. *Projectus*. <https://translate.academic.ru/projectus/la/ru/> (дата обращения: 12.07.2023).
6. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы». <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.07.2023).
7. Дьюн Дж. *Демократия и образование*. М.: Педагогика-пресс; 2000. 386 с.
8. LiveJournal. Постановление ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. <http://psyhistorik.livejournal.com/56331.html> (дата обращения: 12.07.2023).
9. Вербицкий А.А. Проблемы проектно-контекстной подготовки специалиста. *Высшее образование сегодня*. 2015;4:2–8.
10. Исаков В.Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования. *Журнал российского права*. 2021;8:5–19. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.095>
11. Оганнисян Л.А., Акопян М.А. Использование метода проектов в образовательном процессе. *Таврический научный обозреватель*. 2015;2-1:101–104.
12. Кашина Н.В. Проектное обучение как способ реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании. В кн.: Фролова С.В., Короткова С.Л., Сморгунова М.А. (ред.). *Компетентностный подход: современные аспекты развития образования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Волск, 25–28 ноября 2016 г.* Саратов: «Наука»; 2017. С. 78–79.
13. Тельнов Ю.Ф., Казаков В.А., Трембач В.М. Разработка системы, основанной на знаниях, для проектирования инновационных процессов создания продукции сетевых предприятий. *Бизнес-информатика*. 2020;3(14):35–53. <https://doi.org/10.17323/2587-814X.2020.3.35.53>

14. Автономов А.С. *Оценка социальных проектов*. М.: Юрист; 2015. 236 с.
15. Головки С.Б., Коханова Л.А., Черешнева Ю.Е. Проектное обучение как способ мотивировать на профессию (из опыта подготовки журналистов). В кн.: Бодров А.Г. *Развитие науки и образования*. Чебоксары: ИД «Среда»; 2018. С. 316–325. <https://doi.org/10.31483/r-21581>
16. Муллер О.Ю. Теоретические и практические аспекты внедрения проектного обучения в вузе. *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2021;1(5):6–9. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-1-6-9>
17. Табачук Н.П. Проектное обучение студентов вуза через подготовку социальных и образовательных стартапов. *Современные проблемы науки и образования*. 2021;6.

References

1. Ministry of Education of the Russian Federation. *Vladimir Putin proposed to create a mechanism for a student contract with future employers*. <https://edu.gov.ru/press/7175/vladimir-putin-predlozhit-sozdat-mehanizm-uchenicheskogo-dogovora-s-buduschimi-rabotodatelyami/> (accessed 12.07.2023).
2. Smotrim. *Ministry of Labor: 53 % of 2022 graduates of universities and colleges found a job*. <https://smotrim.ru/article/3250965> (accessed 12.07.2023). (In Russian).
3. Izvestia. *How many graduates work in their specialty*. <https://iz.ru/1283700/sergei-gurianov/vuz-i-nyne-tam-kak-vypuskniku-naiti-rabotu> (accessed 12.07.2023). (In Russian).
4. Russian Federation. *Passport of the priority project “Universities as centers of innovation creation space” (by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects dated October 25, 2016, No. 9)*. <http://government.ru/projects/selection/645/25681/> (accessed 12.07.2023). (In Russian).
5. Academic: dictionaries and encyclopedias. *Projectus*. <https://translate.academic.ru/projectus/la/ru/> (accessed 12.07.2023). (In Russian).
6. Russian Federation. *Order of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2014, No. 2765-r “On the Concept of the Federal Target Program of Education Development for 2016–2020”*. <https://www.consultant.ru> (accessed 12.07.2023). (In Russian).
7. Dewey J. *Democracy and Education*. Moscow: Pedagogika-press; 2000. 386 p. (In Russian).
8. LiveJournal. *Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated September 5, 1931, “On Primary and Secondary Schools”*. <http://psyhistorik.livejournal.com/56331.html> (accessed 12.07.2023). (In Russian).
9. Verbitsky A.A. Problems of project-contextual training of a specialist. *Higher Education Today*. 2015;4:2–8. (In Russian).
10. Isakov V.B. Prospects of reengineering of legal regulation, legal science and education. *Journal of Russian Law*. 2021;8:5–19. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.095> (In Russian).
11. Ogannisyanyan L.A., Akopyan M.A. Using the method of projects in the educational process. *Tavricheskij nauchny obozrevatel*. 2015;2-1:101–104. (In Russian).
12. Kashina N.V. Project-based learning as a way to realize the competence approach in professional education. In: Frolova S.V., Korotkova S.L., Smorgunova M.A. (eds.). *Competence approach: Modern aspects of education development: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Volsk, November 25–28, 2016*. Saratov: Nauka; 2017. Pp. 78–79. (In Russian).
13. Telnov Y.F., Kazakov V.A., Trembach V.M. Developing a knowledge-based system for the design of innovative product creation processes for network enterprises. *Business Informatics*. 2020;3(14):35–53. <https://doi.org/10.17323/2587-814X.2020.3.35.53> (In Russian).
14. Avtonomov A.S. *Evaluation of social projects*. Moscow: Yurist; 2015. 236 p. (In Russian).
15. Golovko S.B., Kokhanova L.A., Cheresheva Yu.Ye. Project-based learning as a way to motivate for the profession (from the experience of training journalists). In: Bodrov A.G. *Development of Science and Education*. Cheboksary: Sreda Publ. House; 2018. Pp. 316–325. <https://doi.org/10.31483/r-21581> (In Russian).
16. Muller O.Yu. Theoretical and practical aspects of the implementation of project training in the university. *Humanitarian and Pedagogical Research*. 2021;1(5):6–9. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-1-6-9> (In Russian).
17. Tabachuk N.P. Project training of university students through the preparation of social and educational startups. *Modern problems of science and education*. 2021;6. (In Russian).

Влияние санкций на развитие газовой отрасли в России

Аксенов Павел Алексеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0007-2854-8149, e-mail: pavel_aksenov_96@mail.ru

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующим. Газовая отрасль представляет собой важную структурную составляющую экономики России, которая не только направляет значительные средства в федеральный бюджет, но и воздействует на темпы экономического роста, производственный потенциал, развитие научно-технического прогресса. В ситуации введения антироссийских санкций становится необходимым сохранить получаемые доходы, реализуемые проекты и переключиться на новые рынки сбыта, проводя анализ всей совокупности рисков, с которыми компания может столкнуться. В связи с этим особенно важным является изучение воздействия санкций на развитие газовой отрасли в России и перспективы ее развития в современных реалиях. Предметом настоящей статьи являются основные тенденции развития газовой отрасли в условиях санкций. Цель исследования – изучение специфики влияния санкций на развитие газовой отрасли в России. В качестве методологии использовались анализ интернет-ресурсов, соответствующих тематике исследования, статистических данных, их синтез и обобщение. Основными результатами исследования являются изучение основных тенденций, специфики и перспектив развития газовой отрасли в условиях введения антироссийских санкций, определение санкционного риска в качестве одного из важнейших. Полученные результаты могут быть применены в рамках оценки будущих направлений развития российской газовой отрасли с учетом современной ситуации, а также в учебном процессе. Перспективами дальнейшего исследования по заданной тематике являются изучение особенностей воздействия различных рисков на развитие газовой отрасли в России и формирование рекомендаций по хеджированию и управлению ими.

Ключевые слова

Газовая отрасль России, сжиженный природный газ, санкционный риск, антироссийские санкции, Азиатско-Тихоокеанский регион, локализация

Для цитирования: Аксенов П.А. Влияние санкций на развитие газовой отрасли в России // Вестник университета. 2023. № 10. С. 73–80.

Impact of sanctions on the development of the gas industry in Russia

Pavel A. Aksenov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0007-2854-8149, e-mail: pavel_aksenov_96@mail.ru

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia

Abstract

The relevance of the study is conditioned by the following facts. The gas industry is an important structural component of the Russian economy. It not only contributes significant funds to the federal budget, but also affects economic growth rate, production potential, and development of scientific and technological progress. In the situation when anti-Russian sanctions are imposed, it becomes necessary to preserve the revenues received, projects underway and switch to new markets, analyzing the totality of risks that companies may face. In this regard, it is particularly important to study impact of sanctions on the Russian gas industry development and prospects for it in the current realities. The subject of the article is main trends in the gas industry development under sanctions. The purpose of the research is to study the specifics of the sanctions impact on the Russian gas industry development. The methodology used was the analysis of Internet resources corresponding to the research topic, statistical data, its synthesis, and generalization. The main results of the research are studying trends, specifics and prospects for the gas industry development in the context of introducing anti-Russian sanctions and defining the sanctions risk as one of the most important ones. The results obtained can be applied in assessing future development trends of the Russian gas industry considering the current situation, as well as in educational process. The prospects for further research on this topic include studying specifics of various risks impact on the Russian gas industry development and forming recommendations for hedging and managing them.

Keywords

Russian gas industry, liquefied natural gas, sanctions risk, anti-Russian sanctions, Asia-Pacific region, localization

Для цитирования: Aksenov P.A. (2023) Impact of sanctions on the development of the gas industry in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 73–80.

ВВЕДЕНИЕ

Введение и дальнейшее усиление антироссийских санкций привело к тому, что они распространились на все сферы хозяйствования. Однако наибольшее внимание по причине сырьевой направленности экспорта российской экономики было уделено газовой отрасли в целях снижения Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) планируемого объема добычи энергоресурсов и уменьшения величины их экспорта. Тем не менее значительного спада, несмотря на огромное санкционное давление, не произошло [1].

Санкции оказали значительное воздействие на развитие газовой отрасли в России, во-первых, способствуя трансформации внешней политики и ориентации на формирование взаимодействия с Китаем и странами Азии. Во-вторых, антироссийские санкции стимулировали процесс разработки собственных технологий и оборудования, вместо которых раньше использовались зарубежные. В-третьих, наиболее значительным риском для развития газовой отрасли в России представляется санкционный риск, который распространяется на всю отрасль, компании, проекты и может возникать на различных этапах их реализации. В связи с обозначенными выше положениями особенно важным является изучение влияния санкций на развитие газовой отрасли в России, что и раскрывается в настоящей статье.

ОСОБЕННОСТИ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ

По результатам 2022 г. Россия заняла второе место по объемам производства и добычи природного газа в мировом масштабе. В целях настоящего исследования остановимся на особенностях отечественной газовой отрасли.

Во-первых, основными экспортёрами газа являются компания «Газпром», а также аффилированные с ней организации, которые получили специальные лицензии на осуществление экспорта трубопроводного газа, или сжиженного природного газа (далее – СПГ) [2]. Они не только активно развивают экспортную деятельность, но и исследуют новые участки территорий для поиска залежей месторождений (например, за Полярным кругом), а также инвестируют средства в новые проекты по строительству необходимой инфраструктуры. В качестве масштабного российского проекта можно обозначить возведение специализированного хаба, предназначенного для сбора и экспорта СПГ на Дальнем Востоке в районе Хабаровского края [3].

Во-вторых, в настоящее время не до конца раскрыт российский потенциал по осуществлению экспорта СПГ мелкими партиями при помощи добычи из неразрабатываемых месторождений, для транспортировки ресурсов из которых не могут быть использованы стандартные трубопроводы. Данное направление получило активное развитие в 2019 г., когда перемещение подобных партий СПГ производилось из Якутии в Монголию. В настоящее время мелкотоннажный экспорт продолжается и, с точки зрения автора настоящего исследования, требует поиска новых рынков для экспорта.

В-третьих, основной тенденцией на международном рынке энергоресурсов является рост значения СПГ и нацеленность на увеличение объемов его добычи. Принимая во внимание российские запасы данного ресурса, а также важное значение его экспорта для экономики России, необходимо отметить, что страна сохраняет значимую роль на мировом рынке и полностью устранить Россию с международного рынка энергоресурсов у Соединенных Штатов Америки (далее – США) и стран Европейского союза не получится. Кроме того, стоит полагать, что в дальнейшем продолжится снабжение страны необходимыми технологиями, комплектующими и оборудованием [4].

ИЗУЧЕНИЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ГАЗОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В связи с текущей ситуацией особую важность приобретают те страны, которые, несмотря на давление со стороны Европы и США, продолжают взаимодействие с Россией. Вся совокупность антироссийских санкций, которая была назначена в отношении газового сектора экономики, распространялась не только непосредственно на организации, которые занимались продажей ресурсов на мировом рынке, но и на проекты, которые относились к данной отрасли, в том числе в отношении осуществления их финансирования. Современная ситуация на мировом энергетическом рынке и сложности с осуществлением расчетов и транзакций не приводят к тому, что Правительство РФ начинает принимать зеркальные меры. Напротив, все инициированные ранее проекты продолжают реализовываться.

В соответствии со ст. 1 Решения Совета Европейского Союза 2014/872/CFSP согласованные антироссийские санкции в области газового сектора подразумевают введение эмбарго на использование внешних финансовых инструментов фондирования, которые предусматривают погашение длительно-стью более 30 дней. Нормами данного документа определен перечень организаций, которые попадают под данные санкции, а именно «Газпромнефть», «Роснефть», «Транснефть», «Лукойл» и аффилированные или дочерние организации, в распоряжении которых находятся не менее 50 % от их долей [5].

Санкции, которые вводились против российского газового сектора со стороны США, подразумевали введение запрета на выдачу кредитов российским компаниям, которые занимаются производством, добычей или экспортом газа [6]. Кроме того, в соответствии с решением американской администрации организации из США не могли сотрудничать с Россией в рамках поиска, исследования и разработки месторождений. Эмбарго распространялось не только на головные компании, но и на аффилированные с ними структуры, а также связанные с СПГ проекты, осуществляемые по всему миру [7].

ОСОБЕННОСТИ И ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГАЗОВЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ С ИНОСТРАННЫМ УЧАСТИЕМ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Введение антироссийских санкций оказало огромное влияние на реализацию совместных с иностранными компаниями проектов. Остановимся подробнее на изучении основных тенденций в данном направлении.

Одним из наиболее показательных проектов в этой связи является «Ямал СПГ». В 2013 г. первой зарубежной организацией, которая подключилась к реализации данного проекта, стала французская нефтегазовая организация Total S.A., в дальнейшем в него были вовлечены Shell и China National Petroleum Corporation (CNPC). С российской стороны крупнейшим оператором возведения «Ямал СПГ» стал «НОВАТЭК», который в 2014 г., в период наиболее активной стадии строительства объекта, был включен в список компаний, находящихся под антироссийскими санкциями, что привело к прекращению доступа организации к внешнему фондированию и задержкам в осуществлении проекта [8]. Усиление санкционного давления приводит к тому, что основные инвесторы «Ямал СПГ» из «недружественных» стран приостанавливают деятельность или полностью прекращают сотрудничество, что способствует увеличению сроков реализации проекта, необходимости поиска новых источников финансирования и организаций-инвесторов, основную долю из которых в настоящее время представляют китайские корпорации [9].

Вопреки тому, что Россия представляет собой ведущего экспортера и производителя ресурса в мире, вследствие сложившейся традиции страна в большей мере была ориентирована на европейский рынок. Однако начало проведения специальной военной операции в 2022 г. привело к трансформации внешнеэкономической политики России и поиску новых рынков сбыта, одним из наиболее перспективных из которых является Азиатско-Тихоокеанский регион. Положительной тенденцией в отношении разработки данного направления является функционирование трубопроводов «Сила Сибири-1» и «Сила Сибири-2» (находится в стадии планирования), а также потенциально привлекательное в этой связи осуществление проектов «Владивосток-СПГ», «Сахалин-Китай» [10].

Особенно крупным партнером России в рамках реализации отечественных газовых проектов является Китай. Введение антироссийских санкций стимулировало повышение эффективности переговорного процесса в отношении осуществления проектов газопроводов «Сила Сибири» и «Сила-Сибири-2», которые позволяют проводить транспортировку СПГ с полуострова Ямал в Китай, приводят к росту потенциала китайского рынка и удовлетворению его потребности в данном ресурсе.

Помимо Китая, в целях расширения рынков сбыта и привлечения новых партнеров Россией в качестве перспективного может быть рассмотрено формирование взаимодействия с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН). Данное объединение может предоставить рынок сбыта СПГ, обладающий высоким потенциалом вследствие быстрого развития стран-участников, а также источники фондирования, которые необходимы для реализации газовых проектов. Взаимодействие с АСЕАН может заменить потери, которые понесла страна в результате ухода европейских инвесторов.

С учетом вышесказанного можно отметить, что партнерство АСЕАН и России предполагает развитие новых направлений взаимовыгодного сотрудничества в сферах и отраслях, которые представляют интерес и выгоду для обеих сторон и позволят обеспечить развитие торгово-экономических отношений.

В качестве подобной сферы может выступать газовая отрасль, что будет способствовать расширению и углублению взаимовыгодного сотрудничества между Россией и странами АСЕАН.

Антироссийские санкции не только оказали воздействие на направления реализации российского газа, но и показали необходимость создания и внедрения российских технологий взамен зарубежных, которые могут потребоваться как при добыче ресурса, так и в рамках технического обслуживания оборудования, используемого в процессе производства и транспортировки СПГ. Отечественные организации и ранее занимались изготовлением комплектующих, однако они не могли быть использованы в российских компаниях вследствие различных обстоятельств, что приводило к применению иностранных технологий. Наиболее показательными являются следующие примеры: применение разработок «Шелл» и «ЭйрПродактс» для разработки российских газовых месторождений [11]. В связи с этим в настоящее время особое значение уделяется разработке стратегий локализации в различных направлениях, связанных с разработкой и транспортировкой СПГ, среди которых важнейшие группы составляют оборудование для сжижения газа, газовые турбины, компрессоры и теплообменники.

Процессом локализации технологий СПГ в России в основном занимается «НОВАТЭК». В условиях антироссийских санкций научно-исследовательским подразделением организации была создана персональная, уникальная инновационная разработка, которая подразумевала увеличение производственной мощности при добыче СПГ на станции «Ямал СПГ» и называлась «Арктический каскад». Обозначенная технология была создана специально для внедрения в четвертую очередь проекта, которая была запущена в 2021 г. и подразумевала рост мощности до 0,9 млн тонн в год. Основным ее преимуществом была возможность применения в арктических условиях, в которых функционируют практически все заводы «НОВАТЭК». Помимо «Ямал СПГ», «Арктический каскад» применяется на трех очередях «Обского СПГ» [12].

В настоящее время разработка и применение отечественных технологий взамен зарубежных показывает свою жизнеспособность, принимая во внимание их активное использование в проектах «НОВАТЭК». Вместе с тем локализация производства еще до введения антироссийских санкций затронула сферу строительства трубопроводов, что говорит о том, что процессы замены зарубежного оборудования на отечественное с меньшей скоростью распространились на смежные отрасли хозяйствования [12].

Необходимо отметить, что существенную роль для развития российской газовой отрасли играет производство газозовозов с привлечением капитала отечественных, китайских и иных инвесторов, являющихся представителями «дружественных» стран. Если до введения антироссийских санкций данное направление финансировалось консорциумом финских, корейских и российских компаний, то в настоящее время необходима диверсификация инвесторов и поиск новых источников фондирования, так как «НОВАТЭК» в ближайшее время нацелен на реализацию нового проекта, создание своеобразного хаба, который будет сформирован на Камчатке для транспортировки СПГ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего в Китай. Он представляет собой терминал, осуществляющий складские, транзитные функции для предприятий «НОВАТЭК» [2].

Большое внимание в настоящее время также уделяется развитию направлений использования природного газа как в энергетике, так и в рамках промышленной добычи полезных ископаемых [4]. Подобные «зеленые» проекты играют значительную роль и в экономике, и в экологии. Их реализация предоставляет возможность не только сохранять окружающую среду и снижать вред, который наносят ей результаты жизнедеятельности человека, но и создавать рабочие места, стимулировать оптимальное использование располагаемых компаниями ресурсов. Финансирование «зеленых» проектов позволяет инвесторам получать стабильный доход, а их осуществление – повышать качество жизни населения. В связи с этим важным видится дальнейшая разработка данного направления.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ПОЯВЛЕНИЕ САНКЦИОННОГО РИСКА

Введение антироссийских санкций не могло не сказаться на отечественной газовой отрасли. Во-первых, несмотря на значительный рост фондирования со стороны организаций из Китая и Азии в целом, они в настоящее время не компенсируют полностью потерю европейского рынка. Вместе с тем это обуславливает важность расширения охвата и завоевания новых рынков для сбыта ресурса среди «дружественных» стран и в особенности государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на длительность отношений между странами АСЕАН и Россией, которые характеризуются прочностью

и надежностью, объем торгово-экономического сотрудничества между ними значительно ниже возможного. Это связано, прежде всего, с недостаточным вниманием со стороны России к расширению взаимодействия со странами АСЕАН, а также с вероятностью введения санкций в отношении этих стран со стороны бывших партнеров России из европейских и иных «недружественных» государств.

Тем не менее современные культурные и деловые связи РФ со странами Юго-Восточной Азии способствуют росту деятельности, углублению взаимодействия, в том числе по созданию и развитию новых масштабных проектов. Благоприятным фактором в этой связи является то, что на сегодняшний день между Россией и рядом стран АСЕАН, включая Камбоджу, Филиппины, Индонезию, Сингапур, Вьетнам и Лаосскую Народно-Демократическую Республику, заключены двусторонние инвестиционные соглашения о сотрудничестве. Высоким потенциалом обладает реализация совместных проектов России со странами АСЕАН, осуществляемых на совместной основе с публичным акционерным обществом «Газпром». Так, успешно действует российско-вьетнамское предприятие по разведке и добыче нефти и газа на шельфе юга страны (совместное предприятие «Вьетсовпетро»). В основе его функционирования лежит соглашение о разделе продукции газовых месторождений в стране. По результатам 2022 г. прибыль компании превысила запланированные показатели с обеих сторон на 73 %, несмотря на высокую волатильность цен на газ, снижение результативности основного месторождения («Блок 09-1»), повышение стоимости комплектующих и антироссийские санкции [2]. Высокой результативности деятельности совместного предприятия способствовали следующие положения:

- поддержка Вьетнамской нефтегазовой группы (PVN);
- формирование эффективной системы совместного процессного управления организацией;
- контроль безопасности деятельности;
- высокий потенциал вьетнамского рынка;
- эффективно организованная работа управления персоналом;
- результативное взаимодействие с администрацией и государственными органами власти;
- разветвленная сеть дистрибуции и возможность применения накопившегося маркетингового опыта.

Опыт совместного предприятия «Вьетсовпетро» показал, что эффективное управление позволяет нивелировать возможные риски, с которыми сталкиваются компании в рамках разработки месторождений и экспорта газа, и способствует развитию организации и ее прибыльному функционированию в длительном периоде. Ввиду этого данный опыт может быть использован в качестве перспективного направления дальнейшего развития взаимодействия. Важным для сотрудничества является наличие ряда совместных проектов между российскими газовыми компаниями и организациями стран-участниц АСЕАН. Это приведет к налаживанию связей и раскрытию потенциала сравнительно нового для России рынка в будущем.

Все вышесказанное, а также успешность функционирования русско-вьетнамского совместного предприятия «Вьетсовпетро» свидетельствуют о значительных возможностях результативного сотрудничества с АСЕАН, эффективная деятельность в странах которого может предоставить возможность выхода на рынки государств-участников, получения льготных условий деятельности, уменьшить назначаемые ими налоги и снизить численность административных барьеров. В связи с этим целесообразным является разработка взаимодействия на основании формирования совместных предприятий как в области экспорта газа и разработки месторождений, так и в отношении производства и комплексного снабжения высокотехнологичным оборудованием проектов по добыче, транспортировке и переработке газа. С точки зрения автора настоящего исследования, направление деятельности подобных организаций будет востребовано и со стороны России, и среди других компаний стран-участниц АСЕАН. Открытие совместного предприятия с расчетом на то, что это распространит мультипликативный эффект на другие страны Ассоциации, откроет новые перспективные рынки для российских газовых организаций.

Во-вторых, разработка и внедрение отечественных технологий и оборудования, созданных для применения в конкретных проектах, стимулирует развитие российского производства комплектующих и инновационных разработок, что является положительной тенденцией, которую спровоцировал запрет на использование и получение зарубежных технологий.

В-третьих, в современных экономических условиях, когда антироссийские санкции и прекращение деятельности многих компаний по изготовлению оборудования, комплектующих и технологий в России привели к их дефициту, актуальным видится применение оставшихся производственных мощностей от тех организаций, которые прекратили или приостановили деятельность в России, отечественными компаниями.

В-четвертых, реализация проектов в газовой сфере оказывается под влиянием различных внешних и внутренних рисков. Максимальное влияние на их осуществление оказывают экономические, культурные, правовые факторы, наименьшее – политические и общественные. Россия привлекательна для инвестиций по причине наличия больших залежей природного газа. Иностранцы вкладывают средства в углеводороды, разработку и освоение новых месторождений, информационные технологии.

Реализация проектов в России до сих пор остается привлекательной ввиду того, что в стране можно не только осуществлять их в области природных ископаемых, наиболее популярными из которых являются газовые ресурсы, но и задействовать высококвалифицированные человеческие ресурсы, использовать выгодное положение и имеющуюся инфраструктуру. Среди факторов внутренней среды, которые оказывают максимальное воздействие на привлекательность газовых проектов, являются финансовые, трудовые, производственные факторы. Применение разработок отечественных производителей позволяет снизить импортозависимость от технологий и зарубежного оборудования и повысить не только инвестиционную привлекательность проектов, но и скорость и возможность их реализации.

Вместе с тем, помимо традиционных для данной сферы функционирования рисков, на современные процессы в газовой отрасли значительное воздействие оказывает санкционный риск. Он распространяется на страны и организации, которые осуществляют финансирование газовых проектов в России, затрагивает их и подразумевает необходимость разработки новой политики риск-менеджмента в компаниях. Данный риск является комплексным, имеет внешнюю и внутреннюю природу одновременно, может появиться на различных этапах реализации проекта, доказательством чему является введение американских секторальных санкций в отношении «Северного потока-2». В связи с этим важным является хеджирование и мониторинг вероятности его возникновения в течение осуществления всего проекта и дальнейшего его введения в эксплуатацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Газовая отрасль в России в условиях введения и ужесточения санкций испытала воздействие различных факторов, среди которых важнейшими являются падение и лимитирование стоимости СПГ, разрыв соглашений о поставке ресурсов в «недружественные» страны, запрет на поставку оборудования, технологий, комплектующих, отсутствие возможности получения внешнего фондирования из европейских государств для реализации проектов. Однако обозначенные факторы также оказали и положительное воздействие на развитие отрасли, так как стимулировали создание и внедрение собственных инновационно-технологических разработок, диверсификацию и поиск новых стран-партнеров и направлений транспортировки СПГ. Наряду с данными положительными тенденциями стоит выделить вид риска, который распространяется на происходящие в рамках реализации проектов процессы и связан не только с воздействием внешних факторов, но и с привлечением фондирования, наличием необходимого оборудования и нацеленности на рост производительности и объема экспорта СПГ по привлекательным для страны ценам.

В целях дальнейшего развития газовой отрасли в России необходимыми являются поиск новых стран-партнеров из числа дружественных стран и расширение рынка сбыта продукции, а также поиск и привлечение внешнего фондирования. В настоящее время страна поддерживает сотрудничество с Китаем в отношении осуществления и финансирования различных газовых проектов. Вместе с тем видится целесообразным развитие взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Партнерство АСЕАН и России предполагает развитие новых направлений взаимовыгодного сотрудничества в сферах и отраслях, которые представляют интерес и выгоду для обеих сторон, позволяет обеспечить развитие торгово-экономических отношений при помощи формирования совместных предприятий, созданных для разработки, добычи и транспортировки газа.

Библиографический список

1. RGRU. Западные санкции ведут к трансформации нефтегазовой отрасли России. <https://rg.ru/2022/04/18/eksperty-obsudili-vozmozhnosti-razvitiia-rossijskogo-tek-pod-sankciiami.html> (дата обращения: 03.07.2023).
2. Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса. Нефтегаз России в 2023. https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/2/1118/ (дата обращения: 03.07.2023).
3. Энергетическая политика. Нефтегазовый комплекс России в период геополитической турбулентности: как найти верный ответ на санкции. <https://energypolicy.ru/neftegazovyy-kompleks-rossii-v-period-geopoliticheskoy-turbulentnosti-kak-najti-vernyj-otvet-na-sankczii/neft/2022/21/25/> (дата обращения: 03.07.2023).

4. Российский совет по международным делам. Влияние санкций ЕС на рынок газа РФ. <https://russiancouncil.ru/blogs/lgivargizova/vliyanie-sanktsiy-es-na-rynok-gaza-rf/> (дата обращения: 03.07.2023).
5. Балашов А.М. Влияние санкций на развитие бизнеса нефтегазовых корпораций в России. *Горная промышленность*. 2022;3:74–78.
6. Горбунова О.А. Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа. *Вестник евразийской науки*. 2018;2(10):1–7.
7. СК. Нефтегазовая отрасль в условиях санкций: ищем пути выхода. <https://sk.ru/news/neftegazovaya-otrasl-v-usloviyah-sankcij-ishem-puti-vyhoda/> (дата обращения: 03.07.2023).
8. Независимая газета. Как российскому ТЭК справиться с санкциями. https://www.ng.ru/energy/2022-06-13/9_8459_sanctions.html (дата обращения: 03.07.2023).
9. Спиридонов Н.С. Основные показатели эффективности стратегических решений в сфере производства нефти и природного газа. *Инновации. Наука. Образование*. 2021;36:1390–1395.
10. Горшкова А., Бушуев В. Энергопереход-2021: от заката до рассвета рынка нефти и газа. *Энергетическая политика*. 2022;1(167):4–5.
11. Kazarinov Yu.I. Factors affecting the operational reliability of main pipelines during the transportation of gas and oil. *Components of Scientific and Technological Progress*. 2021;12(66):6–9.
12. Фонд Карнеги. Российский нефтегаз и санкции: что дальше? <https://carnegie.ru/commentary/76720> (дата обращения: 03.07.2023).

References

1. RGRU. *Western sanctions are leading to the Russian oil and gas industry transformation*. <https://rg.ru/2022/04/18/eksperty-obsudili-vozmozhnosti-razvitiia-rossijskogo-tek-pod-sanktsiami.html> (accessed 03.07.2023). (In Russian).
2. Central Dispatching Department of the Fuel and Energy Complex. *Russian oil and gas in 2023*. https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/2/1118/ (accessed 03.07.2023). (In Russian).
3. Energy policy. *Russian oil and gas complex in Geopolitical Turbulence period: how to find the right answer to sanctions*. <https://energypolicy.ru/neftegazovyy-kompleks-rossii-v-period-geopoliticheskoy-turbulentnosti-kak-najti-vernyj-otvet-na-sankczii-neft/2022/21/25/> (accessed 03.07.2023). (In Russian).
4. Russian International Affairs Council. *Impact of the EU sanctions on the Russian gas market*. <https://russiancouncil.ru/blogs/lgivargizova/vliyanie-sanktsiy-es-na-rynok-gaza-rf/> (accessed 03.07.2023).
5. Balashov A.M. Impact of sanctions on business development of oil and gas corporations in Russia. *Mining industry*. 2022;3:74–78. (In Russian).
6. Gorbunova O.A. Impact of sanctions on the functioning of Russian companies in the oil and gas sector on the world oil and gas market. *The Eurasian Scientific Journal*. 2022;2(10):1–7. (In Russian).
7. SK. *Oil and gas industry under sanctions: looking for ways out*. <https://sk.ru/news/neftegazovaya-otrasl-v-usloviyah-sankcij-ishem-puti-vyhoda/> (accessed 03.07.2023).
8. Nezavisimaya gazeta. *How the Russian fuel and energy complex can cope with sanctions*. https://www.ng.ru/energy/2022-06-13/9_8459_sanctions.html (accessed 03.07.2023). (In Russian).
9. Spiridonov N.S. The main indicators of the effectiveness of strategic decisions in the field of oil and natural gas production. *Innovation. Science. Education*. 2021;36:1390–1395. (In Russian).
10. Gorshkova A., Bushuev V. Energy transition-2021: from dusk to dawn of the oil and gas market. *Energy policy*. 2022;1(167):4–5. (In Russian).
11. Kazarinov Yu.I. Factors affecting the operational reliability of main pipelines during the transportation of gas and oil. *Components of Scientific and Technological Progress*. 2021;12(66):6–9.
12. Carnegie Endowment. *Russian oil and gas and sanctions: what's next?* <https://carnegie.ru/commentary/76720> (accessed 03.08.2023).

Функции агентов региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровых трансформаций

Андросова Валерия Алексеевна

Мл. науч. сотр.

ORCID: 0009-0002-4556-3109, e-mail: androsovaleriya@mail.ru

Якимова Виленна Анатольевна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов

ORCID: 0000-0001-5866-5652, e-mail: vilena_yakimova@mail.ru

Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются роль и функции агентов в контексте развития предпринимательской экосистемы региона. Отражены теоретические аспекты агентской роли и выделены основные функции, которые выполняют агенты в предпринимательской экосистеме региона. В статье подчеркивается важность агентов как ключевых участников, обеспечивающих функционирование экосистемы. Методология исследования основана на методах оценки выполнения агентских функций с помощью рангового анализа в разрезе предлагаемых индикаторов. Проведена сравнительная оценка функционирования агентов в предпринимательских экосистемах регионов: Республика Татарстан, Челябинская область, Томская область, Забайкальский край, Амурская область. Проведенный анализ экосистем регионов по сравнению с эталонным регионом (Татарстан) позволил выделить дисфункции в работе агентов слабо развитых областей. Выявлено, что не в полной мере в отдельных регионах реализуются функции поддержки стартапов, научно-исследовательская и инновационная функции.

Ключевые слова

Агенты, функции, экосистемный подход, предпринимательство, предпринимательская экосистема, цифровизация

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00044 на тему: «Концептуальная модель региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровой среды», <https://rscf.ru/project/23-28-00044/>.

Для цитирования: Андросова В.А., Якимова В.А. Функции агентов региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровых трансформаций // Вестник университета. 2023. № 10. С. 81–91.

Functions of agents in regional entrepreneurial ecosystem in the conditions of digital transformations

Valeria A. Androsova

Junior Researcher

ORCID: 0009-0002-4556-3109, e-mail: androsovaleriya@mail.ru

Vilena A. Yakimova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance Department

ORCID: 0000-0001-5866-5652, e-mail: vilena_yakimova@mail.ru

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

Abstract

The article discusses the role and functions of agents in the context of entrepreneurial ecosystem development. Theoretical aspects of agent role have been reflected and main functions that agents perform in entrepreneurial ecosystem of region highlighted. The article highlights importance of agents as key players that ensure functioning of ecosystem. The research methodology is based on the methods of assessing fulfillment of agent functions by means of ranking analysis in the context of the proposed indicators. A comparative assessment of agents' functioning in entrepreneurial ecosystems of regions has been carried out in the Republic of Tatarstan, the Chelyabinsk Region, the Tomsk Region, the Trans-Baikal Territory, and the Amur Region. The analysis of regional ecosystems in comparison with the reference region (Tatarstan) made it possible to identify dysfunctions in the work of agents in underdeveloped regions. It has been revealed that functions of supporting start-ups and research and innovation functions are not fully implemented in some regions.

Keywords

Agents, functions, ecosystem approach, entrepreneurship, entrepreneurial ecosystem, digitalization

Acknowledgements. The article was prepared on the results of the research performed under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00044 on the topic: "Conceptual model of regional entrepreneurial ecosystem in the conditions of digital environment", <https://rscf.ru/project/23-28-00044/>.

For citation: Androsova V.A., Yakimova V.A. (2023) Functions of agents in regional entrepreneurial ecosystem in the conditions of digital transformations. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 81–91.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях предпринимательство выступает важным фактором развития экономической системы региона. Экосистемный подход в региональной экономике объясняет структуру и экономические отношения, возникающие между участниками, которыми являются предприятия, органы региональной власти, а также агенты. Современные исследования в области экосистем акцентируют внимание на агентах и экономических институтах.

Регион как экосистема рассматривается в научных трудах отечественных (С.П. Земцов, Р.И. Маликов, К.Е. Гришин, В.М. Тимирьянова, Л.А. Раменская и др.) и зарубежных ученых (Э. Лафуэнте, Ли Янг и др.) [1–5]. Под предпринимательской экосистемой региона ученые понимают динамичную институциональную структуру, которая определяет взаимодействия сторон, мобилизующих и поддерживающих ресурсы, предпринимательскую активность, стимулы к стартапам и новым видам предпринимательской активности (Э. Лафуэнте) [4].

Однако в условиях цифровых трансформаций претерпевают изменения функции агентов и усиливается роль тех агентов, которые обеспечивают формирование сетевых отношений и технологическое лидерство. Целью настоящего исследования является оценка выполнения функций агентов в предпринимательской экосистеме региона и выявление факторов, характеризующих отставание регионов от лидеров. Для реализации цели были поставлены и решены следующие задачи:

- выделены и сгруппированы ключевые функции агентов предпринимательской экосистемы в условиях воздействия цифровых трансформаций;
- разработано методическое обеспечение для оценки выполнения агентами функций с учетом влияния на предпринимательскую экосистему факторов цифровой среды;
- выявлены и ранжированы по степени приоритетности факторы, сдерживающие выполнение агентами предпринимательской экосистемы своих функций, на основе предлагаемой методики оценки разработанного комплекса индикаторов.

В первом разделе статьи представлен теоретический обзор научных исследований в области состава агентов предпринимательской экосистемы региона, проведен анализ функций агентов и их систематизация. В следующем разделе приведены методы и информационная база исследования, дана характеристика регионам как объектам исследования. В разделе «Оценка выполнения агентских функций в предпринимательской экосистеме региона» представлены результаты оценки и ранжирования факторов по степени приоритетности. На основе апробации методики выделены причины отставания регионов по ряду параметров и узкие места в функционировании экосистем.

АГЕНТЫ И ИХ ФУНКЦИИ В ЭКОСИСТЕМЕ

Эффективность функционирования предпринимательских экосистем определяется институциональными взаимодействиями между агентами, деятельность которых связана со стимулированием и поддержкой предпринимательства в регионе. Под агентами экосистемы понимаются участники, которые вовлечены в основные процессы экономики, поддерживают коммуникацию и обмениваются ресурсами, взаимодействуя между различными участниками [2]. К агентам предпринимательской экосистемы следует отнести предпринимателей, органы государственной власти и управления, институты развития и поддержки бизнеса, научные и образовательные организации, инженерно-технические центры, центры компетенций и иные организации.

Агенты экосистемы формируют единое экономическое пространство для реализации стратегически значимого проекта, решения значимой для региона проблемы или объединяются для роста масштаба за счет симбиоза и синергетических эффектов. Каждый из агентов имеет свою роль и обязанности, благодаря интеграции которых достигаются цели существования экосистемы.

В предпринимательской экосистеме взаимодействие агентов и институтов происходит на определенной ограниченной территории под влиянием факторов среды, на которой они действуют при наличии финансовых, интеллектуальных, трудовых и иных ресурсов [1; 6; 7]. Л.А. Раменская отмечает, что экономические агенты выступают ключевыми субъектами, формирующими региональную предпринимательскую экосистему, а понимание их функциональной роли позволяет определить, насколько эффективно работает экосистема в целом и какие факторы могут стимулировать или дестабилизировать работу общего механизма [3].

Взгляд на экосистему с точки зрения исследования функций агентов является полезным для определения типов агентов с позиции реализации предпринимательских проектов в регионе. Новые экономические условия привели к росту потребности в исследовании новых функций при учете воздействия факторов цифровой среды. Цифровые трансформации способствовали образованию новых предпринимательских экосистем – инновационных и цифровых, где ключевую роль агентов выполняют цифровые платформы и предприятия сектора информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Т.А. Найденова, Е.Н. Новокшенова отметили роль агентов в построении и активизации новых цепочек поставок для удовлетворения рыночных потребностей других участников экосистем [8]. Агенты являются источниками инноваций, их вклад в развитие экосистемы состоит во внедрении цифровых технологий для ускорения производственно-торговых процессов, выполнения услуг и создания новых продуктов [5; 9]. Они совместно формируют спрос и предложение, напрямую влияют на рост и развитие экономики, используя свои ресурсы, знания и опыт [7; 10]. Чем выше деловая активность предпринимательской экосистемы, доступнее ресурсы, знания, цифровые технологии, тем выше экономический эффект.

Агенты воздействуют на развитие и функционирование всей экосистемы, осуществляют предпринимательскую деятельность и являются неотъемлемыми участниками производственно-торговых процессов. В процессе анализа и обобщения исследований было выявлено, что ключевыми функциями агентов в условиях цифровых трансформаций являются следующие [1; 5; 8; 10; 11].

1. Обеспечение информационно-консалтинговыми ресурсами и информационными технологиями (далее – ИТ). Для роста предпринимательства требуются юридические, информационные, трудовые ресурсы, ИТ-сопровождение, доступ к сервисам с готовыми программными разработками. Агенты, предоставляющие такие услуги, могут помочь предпринимателям оптимизировать процессы и добиться эффективного управления бизнесом. Агентство ориентировано на содействие в поиске специалистов для развития бизнеса. Агенты оказывают услуги по тестированию и оценке различных аспектов бизнеса, таких как продуктовый дизайн, качество товаров и услуг, эффективность маркетинговых кампаний и др., чтобы помочь предпринимателям принимать обоснованные решения и развиваться в условиях высокой конкуренции. В цифровой среде экосистемы ключевыми агентами являются компании-лидеры сектора информационно-коммуникационных технологий и крупные сервисные организации в сфере сопровождения проектов в области внедрения цифровых технологий.

2. Финансирование и доступность инвестиций. Агенты могут помочь предпринимателям получить финансирование, осуществляя поиск потенциальных инвесторов и выступая представителями бизнеса на рынке капиталов. Например, в состав агентов входят центры поддержки малого и среднего предпринимательства, агентства по привлечению инвестиций, региональные центры «Мой бизнес», цифровые инвестиционные платформы, венчурные фонды. Содействуя в привлечении финансирования для бизнеса, агенты помогают в реализации проектов и их развитии, внедрении научных исследований и разработок, расширении производства и увеличении масштабов деятельности. Например, оказывается содействие местным предпринимателям в получении кредитов и займов на более выгодных условиях, что способствует развитию бизнеса в регионе. Агенты-консультанты могут помочь новым и действующим предпринимателям, содействуя в привлечении инвестиций и консультируя по повышению инвестиционной привлекательности проектов, разработке бизнес-планов, маркетинговом продвижении товаров, разработке маркетинговых стратегий. Финансовая поддержка цифровизации предпринимательства в рамках национальной программы «Цифровая экономика» способствует росту ИТ-проектов, их широкомасштабному внедрению в деятельность промышленных предприятий и сферу услуг.

3. Сетевые взаимодействия и партнерство. Совместное взаимодействие организаций, представление интересов своих членов и оказание им поддержки может привести к росту эффективности и масштабов бизнеса, расширению выхода на новые рынки или созданию новых продуктов и услуг. Агенты могут содействовать формированию сетевых отношений и построению сетевых производств, которые помогут предпринимателям расширить свой круг знакомств и наладить взаимодействие с другими компаниями и организациями. Сетевые формы взаимоотношений получили развитие при формировании в регионах кластеров, особых экономических зон, технопарков, которые в полной мере отвечают признакам предпринимательских экосистем. Управляющая компания, региональные органы власти, агентства по привлечению инвестиций, выступая в качестве агентов, обеспечивают функции формирования партнерства и заключения договоров на взаимовыгодной основе.

4. Функция поддержки стартапов. Инкубаторы и акселераторы бизнеса оказывают поддержку стартапам в первые годы их работы, предоставляя помещения для работы, консультации, обучающие программы, инвестиции, помощь в управлении, менторство и связи с другими предприятиями. Условия цифровой экономики требуют содействия ИТ-проектам и росту нового цифрового предпринимательства, поскольку на начальной стадии выхода на рынок такие предприятия сталкиваются с большими трудностями и несут высокие предпринимательские риски.

5. Научно-исследовательская и инновационная функция. Агенты помогают предпринимателям развивать свой бизнес, предоставив им необходимые кадры, а также оказывая содействие в повышении знаний и навыков в таких областях, как маркетинг, финансы и управление. Высшие и средние учебные заведения, бизнес-школы, курсы повышения квалификации и др. помогают предпринимателям получить необходимые знания и навыки для успешного ведения бизнеса. Научно-образовательные организации или эксперты проводят исследования в соответствующих областях, выявляют новые тренды и возможности для улучшения бизнеса. Важна поддержка и консультирование во внедрении цифровых решений для конкретного предприятия, формировании у предпринимателей цифровых навыков и умений при использовании программных продуктов.

6. Обеспечение научно-технической инфраструктурой. В условиях цифровой экономики важен доступ к инфраструктуре и платформам, а также работа центров и организаций, которые создают научные лаборатории для разработки и апробации цифровых проектов.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования основана на оценке выполнения агентских функций в предпринимательской экосистеме в разрезе индикаторов, ранжирования и агрегирования. Для реализации задач исследования предлагается методическое обеспечение, которое включает комплекс индикаторов, сгруппированных для оценки реализации агентских функций. Достоинством предложенных индикаторов выступает возможность оценки межрегиональных различий по качеству выполнения агентами функций. В качестве методов исследования используется сравнительный анализ регионов по ранговым показателям. Разработанный перечень индикаторов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Индикаторы для оценивания агентских функций в предпринимательской экосистеме региона в условиях цифровых трансформаций

Функция	Индикатор для оценивания выполнения агентских функций
Обеспечение ресурсами и информационными технологиями (ИТ) (F1)	F1.1. Доля организаций сектора информационного-коммуникационных технологий в общем числе организаций региона, % F1.2. Количество компаний ИТ-лидеров в регионе, ед. F 1.3. Количество интеграторов промышленных роботов в регионе, ед.
Финансирование и доступность инвестиций (F2)	F2.1. Общие инвестиции в проекты ИТ-сектора, млрд руб. F2.2. Количество инвестпроектов в ИТ, ед. F2.3. Государственные расходы по финансированию нацпроекта «Цифровая экономика», млн руб.
Сетевые взаимодействия и партнерство (F3)	F3.1. Количество действующих инновационных кластеров в регионе, особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития, ед. F3.2. Кластеры цифрового развития в регионе (кластеры информационных технологий), ед. F3.3. Количество технопарков в регионе, ед. F3.4. Доля организаций, использующих сеть «Интернет» для размещения заказов на товары (работы, услуги), в общем числе организаций, % F3.5. Удельный вес организаций, использующих ERP, % F3.6. Число мероприятий, организованных в точках роста, ед. F3.7. Процент мероприятий национальные технологические инициативы в точках роста, % F3.8. Количество участников в точках роста, ед. F3.9. Процент участников национальных технологических инициатив в точках роста, % F3.10. Индекс развития институтов в регионе

Функция	Индикатор для оценивания выполнения агентских функций
Поддержка стартапов и инновационной активности (F4)	F4.1. Число акселераторов и бизнес-инкубаторов, ед. F4.2. Число акселераторов федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства», ед. F4.3. Число проектов-победителей акселератора Спринт, ед. F4.4. Число стартапов в регионе и их рейтинг, ед. F4.5. Средний рейтинг стартапов, балл F4.6. Уровень инновационной активности организаций промышленного производства, % F4.7. Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
Формирование человеческого капитала (F5)	F5.1. Доля выпускников по ИТ-специальностям, % F5.2. Доля выпускников по специальности менеджмент, % F5.3. Рейтинг регионов по образовательному потенциалу в технической сфере
Обеспечение научно-технической инфраструктурой (F6)	F6.1. Научно-технологическая инфраструктура (по приоритетному направлению – цифровые технологии, роботизированные системы и т.п.) F6.2. Число инженерно-технических центров, легионирования и кружков робототехники в регионе, ед.

Составлено авторами по материалам источников [13–20]

В качестве объектов для проведения оценки выполнения агентских функций выбраны регионы с разным уровнем развития и специализации. В качестве эталона для сравнения выбрана республика Татарстан как один из самых развитых регионов Российской Федерации, специализирующийся на производстве автомобилей, переработки нефти и газа, угля, машиностроении. Существование крупных предприятий в республике Татарстан способствует не только росту местной экономики, но и укреплению локального потребительского рынка. Развитие проектов в области информационных технологий и инноваций происходит на базе особой экономической зоны «Иннополис», которую можно признать лучшим примером региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровой среды. Ядром экосистемы выступает университет «Иннополис», специализирующийся на подготовке будущих кадров для цифровой экономики. Реализуется концепция умного города с высокотехнологичными инновациями. Также известными цифровыми проектами региона является создание информационного портала «Проверенный бизнес», который поддерживается более 50 организациями.

Томская область специализируется на добыче полезных ископаемых, развит сектор обрабатывающей промышленности, транспортных услуг, связи, торговли и сельского хозяйства. В качестве активно развивающихся направлений сибирского региона являются нанотехнологии, биотехнологии и информационные технологии, что характеризует регион как перспективный с позиции цифровизации экосистем. Компании в секторе информационно-коммуникационных технологий региона растут быстрыми темпами – на 10–15 % ежегодно увеличиваются доходы. Для резидентов особых экономических зон технико-внедренческого типа сформирована уникальная деловая среда для роста высокотехнологичных компаний и активной работы агентов.

Челябинская область является промышленно развитым регионом с достаточно выгодным географическим расположением. На ее территории располагаются крупные металлургические и машиностроительные комплексы. Регион является лидером в области черной металлургии. Отличительная особенность области – формирование саморегулируемой инновационной региональной экосистемы на базе крупных промышленных корпораций. В Челябинске действует ИТ-парк (региональный оператор – Сколково), позволяющий реализовать программы по акселерации бизнеса.

Экономика Амурской области имеет экспортно-сырьевую направленность, отрасли специализации – электроэнергетика, аграрный сектор, нефтехимия, а также деревообработка. С 2015 г. активная роль агентов в формировании экосистем прослеживается с момента введения и функционирования на территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР, ТОСЭР) «Амурская». В регионе формируются предпосылки для создания технопарка и инновационной экосистемы.

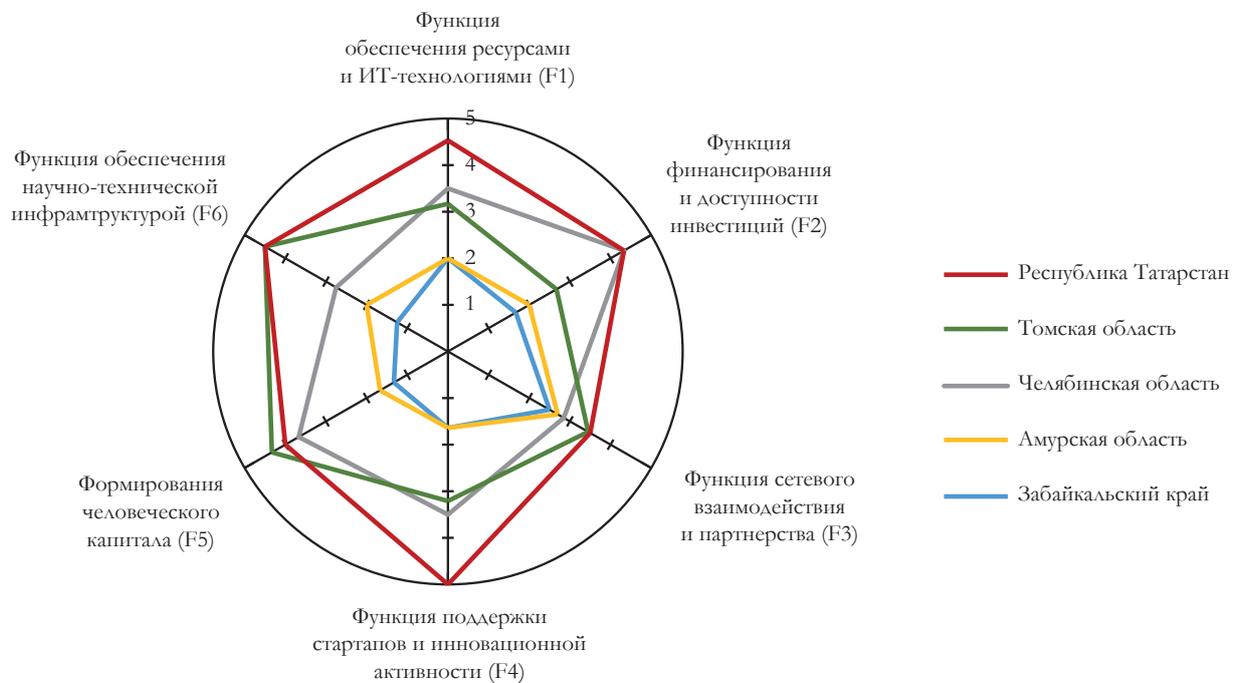
В Забайкальском крае ведущими отраслями являются транспорт, связь и торговля, а промышленность слабо развита по сравнению с другими регионами. ТОР «Забайкалье» образована в 2019 г. и реализует проекты в области строительства горно-перерабатывающих предприятий. Дальневосточные

регионы имеют меньшую плотность населения и меньший рынок для предпринимательской деятельности. Амурская область и Забайкальский край географически отдалены от Москвы как центра экономического лидерства, но имеют близкое расположение к азиатским странам с высоким потенциалом в сфере цифровых технологий [12].

Исходные данные собраны в разрезе исследуемых регионов за период действия национальной программы «Цифровая экономика» в 2018–2022 гг. для оценки индикаторов. Данные за четырехлетний период были сведены к среднему значению путем расчета среднеарифметической. Для возможности их сопоставления произведен перевод данных с помощью ранговой оценки в программном продукте SPSS-статистика. Ранги присваивались в баллах в диапазоне [0; 5]. Далее ранги были агрегированы в шесть сводных индикаторов на основе расчета среднего значения, что позволяет оценивать выполнение шести функций (F1–F6). При сравнении количественной оценки индикаторов рассчитано отклонение от показателей лидера, которое позволяет сделать вывод о причинах в отставании и существующих недостатках в предпринимательской экосистеме.

ОЦЕНКА ВЫПОЛНЕНИЯ АГЕНТСКИХ ФУНКЦИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭКОСИСТЕМЕ РЕГИОНА

Исходя из специфики региональных возможностей и особенностей экономического развития произведена оценка выполнения агентских функций в предпринимательских экосистемах регионов (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Оценка выполнения функций агентов в предпринимательской экосистеме региона в условиях цифровых трансформаций

Ранговый анализ показывает, что республика Татарстан является несомненным лидером по формированию предпринимательских экосистем в связи с высокой деловой активностью агентов и реализации ими своих функций. Томская область близка к лидеру по оценке выполнения научно-исследовательской и инновационной функций, но менее развита в области финансового обеспечения и поддержки стартапов для роста нового бизнеса. В то же время экономику Челябинской области отличает наличие финансовых ресурсов и поддержка проектов в области цифровой экономики, но слабо развита научно-техническая инфраструктура. Такие нарушения в Томской и Челябинской областях между реализацией агентских функций делают предпринимательскую систему несбалансированной и приводят к неустойчивому состоянию, экономический эффект становится ниже, чем у региона-лидера. Дальневосточные регионы намного уступают в оценках по сравнению с лидером и регионами с развитой индустрией. Для определения дестабилизирующих функций отстающих регионов рассчитаны отклонения ранговых

баллов в разрезе оцененных индикаторов. Ранжирование отклонений значений по сравнению с регионом-лидером представлено в табл. 2.

Таблица 2

Ранжирование значимых факторов, характеризующих причины отставания регионов от лидера с развитыми агентскими функциями предпринимательских экосистем

Приоритет	Амурская область		Забайкальский край	
	Фактор	Отклонение от ранговой оценки лидера	Фактор	Отклонение от ранговой оценки лидера
1	F4.6	– 4	F2.3	– 4
2	F5.3	– 4	F3.1	– 4
3	F3.3	– 3,5	F4.7	– 4
4	F4.1	– 3,5	F6.2	– 4
5	F4.2	– 3,5	F3.3	– 3,5
6	F2.3	– 3	F4.1	– 3,5
7	F3.5	– 3	F4.2	– 3,5
8	F3.10	– 3	F4.3	– 3,5
9	F4.4	– 3	F4.4	– 3
10	F4.5	– 3	F4.5	– 3
11	F4.7	– 3	F4.6	– 3
12	F3.1	– 3	F5.1	– 3
13	F1.1	– 2,5	F5.3	– 3

Составлено авторами по материалам исследования

Главным фактором цифровизации является готовность предпринимательства к инновациям и научно-технический потенциал образовательной сферы. В Амурской области научно-исследовательская и инновационная функция агентов не выполняется в полной мере, что является недостатком при формировании экосистемы в регионе. Несмотря на потенциал роста и расширение предпринимательства в рамках ТОР, наличие и функционирование технопарков (F3.3 на третьем месте по уровню отставания) в сфере высоких технологий позволили бы региону обеспечить приток высококвалифицированных кадров. Слаборазвита функция поддержки стартапов. Регион испытывает проблемы в наличии и эффективности работы бизнес-инкубаторов и участии бизнеса в программах акселерации, в том числе в сфере ИТ.

Забайкальский край отстает по источникам финансирования для реализации проектов в области цифровой экономики. Несмотря на наличие ТОР, в регионе отсутствуют иные формы сетевого объединения бизнеса и предоставления условий, стимулирующих рост и развитие предпринимательства. В качестве недостатков следует отметить низкие затраты предприятий на инновации и слабое развитие научно-технической поддержки. Таким образом, аналогично Амурской области в качестве приоритетных стратегических направлений следует отметить развитие агентских функций, направленных на поддержку стартапов, научно-исследовательской и инновационной поддержки предприятий. Основным агентом для реализации данных функций в регионе должны стать научно-образовательные учреждения, органы региональной власти, стимулирующие программы по развитию научного и образовательного потенциала региона.

Авторами настоящего исследования обобщены выявленные факторы развития и дисбаланса предпринимательских экосистем и дана сравнительная характеристика в развитых и слаборазвитых регионах (табл. 3).

**Сравнительная характеристика функций агентов
в предпринимательских экосистемах региона**

Критерий сравнения	Развитые регионы	Слаборазвитые регионы
Обеспечение ресурсами и информационными технологиями (F1)	Наличие в экосистеме ИТ-компаний, которые выступают лидерами в отрасли региона и имеют высокие позиции на отечественном рынке цифровых технологий. Устойчивая поддержка и взаимоотношения создают возможности для ускоренного роста цифровизации региона	Регион является реципиентом в сфере ИТ-ресурсов и имеет потребности в технологических разработках и их обслуживании. Слабо развиты межрегиональные связи в области доступности к ИТ-ресурсам. Центр поддержки предпринимательства организует тренинги и конференции для предпринимателей, на которых обсуждается теория и на практике демонстрируются различные инструменты и технологии, необходимые для развития бизнеса. Широкий спектр консалтинговых услуг для малого и среднего бизнеса
Финансирование и доступность инвестиций (F2)	Доступно финансирование по федеральным программам и высокий уровень привлечения инвестиций в ИТ-проекты, развиты проекты в области государственно-частного партнерства. Высокие позиции региона в рейтингах по благоприятным условиям для ведения бизнеса. Действует большое количество налоговых льгот, особенно для новых инвесторов, а также имеется развитая система поддержки предпринимателей	Агентами выступают Фонд содействия кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства, Центр кредитной поддержки предпринимательства. Условия для бизнеса менее благоприятны: высокий уровень налогов и недостаточная поддержка для новых предпринимателей. Фокус на льготы по земельным и имущественным налогам, предоставление субсидий на развитие инфраструктуры
Сетевые взаимодействия и партнерство (F3)	Особые экономические зоны технико-внедренческого типа с развитой инфраструктурой, формирования и реализация проекта «Умный город»	Торгово-промышленная палата, Союз промышленников, предпринимателей и работодателей, территории опережающего развития
Поддержки стартапов и инновационной активности (F4)	Высокоэффективная поддержка и рост стартапов, действуют бизнес-инкубаторы в ИТ-парках	Поддержка и развитие стартапов на базе инкубатора «Мой бизнес»
Формирования человеческого капитала (F5)	Развитая система профессионального образования в сфере подготовки кадров для цифровой экономики, которая дает возможность роста инновационного потенциала. Приток студентов в образовательные учреждения за счет высокого научно-образовательного потенциала и благосостояния жизни в регионе	Невысокое количество образовательных программ и выпускников в ИТ-сфере по сравнению с развитыми регионами, недостаточное количество инновационных инициатив в бизнесе и неразвитые взаимосвязи в сфере «бизнес-образование»
Обеспечение научно-технической инфраструктурой (F6)	Наличие высокоразвитой инновационной и цифровой инфраструктуры позволяет компаниям оперативно реагировать на изменения в рыночной среде	Существует проблема нехватки качественной инфраструктуры, особенно в регионах, удаленных от центра, что может влиять на рост расходов

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Предпринимательская экосистема развитых регионов имеет больше конкурентных преимуществ, чем в отстающих регионах, в то время как последняя может иметь свои сильные стороны. Предпринимательские экосистемы в отстающих регионах отличаются по уровню развития экономики, инфраструктуре, условиям для бизнеса и инновациям. Однако в регионах есть возможности для развития бизнеса и инвестирования, и многие предприниматели успешно работают и создают партнерские сети.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что в условиях цифровых трансформаций агенты в предпринимательской экосистеме являются ключевыми участниками, обеспечивающими функционирование экосистемы, помогающими формировать новые проекты в ИТ-сфере и эффективно использовать доступные ресурсы. Они выполняют следующие функции: обеспечение ресурсами и ИТ-технологиями, сетевых взаимодействий и партнерств, финансирование, поддержка стартапов, научно-исследовательская и инновационная функция, обеспечение научно-исследовательской инфраструктурой. Агенты предоставляют доступ к необходимым ресурсам и услугам, помогают развивать бизнес-проекты «с нуля» и масштабировать готовые цифровые решения в бизнес, организуют менторинг и обучение начинающих предпринимателей. Правильно организованная и сбалансированная работа агентов может содействовать формированию полноценной экосистемы и способствовать росту экономики и улучшению качества жизни в регионе.

В продолжение настоящего исследования представляется возможным выделить уникальные функции агентов, присущие отдельным типам агентов. Ограничением настоящей работы является малый объем объектов исследования, увеличение которых в дальнейшем может привести к повышению достоверности и качеству результатов исследования. В последующих работах будут сформулированы конкретные рекомендации региональным органам власти и институтам поддержки бизнеса для рационального распределения функций между агентами и открытия в регионе новых агентств и точек роста, направленных на стимулирование развития предпринимательства в условиях цифровой среды.

Библиографический список

1. Земцов С.П., Бабурин В.А. Предпринимательские экосистемы в регионах России. *Региональные исследования*. 2019;2(64):4–14.
2. Маликов Р.И., Гришин К.Е., Тимирьянова В.М. Конфигурация региональных предпринимательских экосистем через призму пространственного и иерархического анализа. *Экономика региона*. 2022;4:974–987. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-1>
3. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях. *Управление*. 2020;11(4):16–28. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
4. Lafuente E., Zoltán J. Ács and László Szerb. A composite indicator analysis for optimizing entrepreneurial ecosystems. *Research Policy*. 2021;51(9):104379. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104379>
5. Li-Ying J., Sofka W., Tuertscher Ph. Managing innovation ecosystems around Big Science Organizations. *Technovation*. 2022;116:102523. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102523>
6. Овчинникова А.В., Зимин С.Д. Оценка связей предпринимательских экосистем с уровнем экономического развития регионов России. *Journal of Applied Economic Research*. 2021;20(3):362–382. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.3.015>
7. Смицких К.В. Теоретические аспекты взаимодействия акторов предпринимательской экосистемы. *Креативная экономика*. 2022;16(10):3901–3912. <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116323>
8. Найденова Т.А., Новоклюнова Е.Н. Предпринимательские экосистемы в исследовательском поле. *Вестник БГУ. Экономика и менеджмент*. 2022;3:79–90. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-3-79-90>
9. Третьякова Е.А., Фрейман Е.Н. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях. *Вопросы управления*. 2022;1(74):6–20. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-6-20>
10. Прохорова В.В., Кобозева Е.М. Концептуальные подходы к сущностной характеристике предпринимательских экосистем. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2019;11(2):106–112.
11. Самусенко С.А. Влияние качества предпринимательских экосистем регионов России на развитие сектора цифровой экономики. *Вопросы управления*. 2021;2(69):32–46. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-32-46>
12. Якимова В.А., Хмура С.В. Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики Дальнего Востока России. *Экономика региона*. 2022;18(3):943–959. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22>
13. Единая межведомственная информационно-статистическая система. *Официальный сайт*. <https://www.fedstat.ru/?ysclid=lg4ytrhxv3q744426625> (дата обращения: 31.07.2023).
14. RAEX Rating Review. *Рэнкинг крупнейших российских групп и компаний в области информационных и коммуникационных технологий (2021 год)*. https://raex-rr.com/pro/b2b/IT/biggest_it_corp_rating/2021/ (дата обращения: 31.07.2023).
15. TAdviser. *Официальный сайт*. <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 31.07.2023).

16. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. *Технопарки в сфере высоких технологий*. <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/445/> (дата обращения: 31.07.2023).
17. Ассоциация Акселераторов и Бизнес-инкубаторов. *Официальный сайт*. <https://www.oneup.ru/> (дата обращения: 31.07.2023).
18. Startup Ranking. *Official website*. <https://www.startupranking.com/> (дата обращения: 31.07.2023).
19. Госрасходы. *Цифровые технологии*. <https://spending.gov.ru/np/D/fp/D5/receivers/> (дата обращения: 31.07.2023).
20. Фонд национальной технологической инициативы. *Центры компетенции НТИ*. <https://nti2035.ru/technology/competence> (дата обращения: 31.07.2023).

References

1. Zemtsov S.P., Baburin V.L. Entrepreneurial ecosystems in Russian. *Regional studies*. 2019;2(64):4–14. (In Russian).
2. Malikov R.I., Grishin K.E., Timiryanova V.M. Configuration of regional entrepreneurial ecosystems through the prism of spatial and hierarchical analysis. *Economy of Regions*. 2022;4:974–987. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-1> (In Russian).
3. Ramenskaya L.A. The concept of ecosystem in economic and management studies. *The Manager*. 2020;11(4):16–28. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2> (In Russian).
4. Lafuente E., Zoltán J. Ács and László Szerb. A composite indicator analysis for optimizing entrepreneurial ecosystems. *Research Policy*. 2021;51(9):104379. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104379>
5. Li-Ying J., Sofka W., Tuertscher Ph. Managing innovation ecosystems around Big Science Organizations. *Technovation*. 2022;116:102523. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102523>
6. Ovchinnikova A.V., Zimin S.D. Assessment of relations of business ecosystems with the level of economic development of regions of Russia. *Journal of Applied Economic Research*. 2021;20(3):362–382. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.3.015> (In Russian).
7. Smitskikh K.V. Theoretical aspects of the interactions between actors in the entrepreneurial ecosystem. *Creative Economy*. 2022;16(10):3901–3912. <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116323> (In Russian).
8. Naydenova T.A., Novokshonova E.N. Business ecosystems in the research field. *BSU Bulletin. Economy and Management*. 2022;3:79–90. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-3-79-90> (In Russian).
9. Tretyakova E.A., Freiman E.N. Ecosystem approach in modern economic research. *Management Issues*. 2022;1(74):6–20. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-6-20> (In Russian).
10. Prokhorova V.V., Kobozeva E.M. Conceptual approaches to the essential characteristics of entrepreneurial ecosystems. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2019;11(2):106–112. (In Russian).
11. Samusenko S.A. The impact of regional entrepreneurial ecosystems quality on the development of the digital economy sector in Russia. *Management Issues*. 2021;2(69):32–46. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-32-46> (In Russian).
12. Yakimova V.A., Khmura S.V. Determinants of investment attraction to economic growth points of the Russian Far East. *Economy of Regions*. 2022;18(3):943–959. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22> (In Russian).
13. Unified Interdepartmental Information and Statistical System. *Official website*. <https://www.fedstat.ru/?ysclid=lg4ytpxv3q744426625> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
14. RAEX Rating Review. *Ranking of the largest Russian groups and companies in the field of information and communication technologies (2021)*. https://raex-rr.com/pro/b2b/IT/biggest_it_corp_rating/2021/ (accessed 31.07.2023). (In Russian).
15. TAdviser. *Official website*. <https://www.tadviser.ru/> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
16. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. *Technoparks in the sphere of high technologies*. <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/445/> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
17. Association of Accelerators and Business Incubators. *Official website*. <https://www.oneup.ru/> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
18. Startup Ranking. *Official website*. <https://www.startupranking.com/> (access date: 31.07.2023).
19. Public Expenditures. *Digital Technologies*. <https://spending.gov.ru/np/D/fp/D5/receivers/> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
20. Fund of the National Technological Initiative. *NTI Competence Centers*. <https://nti2035.ru/technology/competence> (accessed 31.07.2023). (In Russian).

Амплификация факторов трансформаций региональных рынков в контексте теории поколений

Близкий Роман Сергеевич

Д-р экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0002-7580-6768, e-mail: blizkeyRS@gmail.com

Диваева Эльвира Альфретовна

Д-р экон. наук, проф. каф. банковского дела и предпринимательства
ORCID: 0000-0002-3659-7924, e-mail: ea_divaeva@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья обобщает научные представления о сущности регионов и региональных рынков Российской Федерации (далее – РФ) как активно трансформирующихся систем экономических отношений в сложных геополитических и социально-экономических условиях. Авторами предложена процессно-ролевая модель функционирования региональных рынков РФ, рассмотрены связь и зависимость медианы численности и возрастной структуры населения страны, выделена доминирующая проблема старения и сокращения численности трудоспособного населения. Исследователи предлагают учитывать комбинаторику факторов теории поколений в рамках развития региональных рынков РФ. Достижение исследования состоит в разработке теоретико-методических положений, обосновывающих амплификацию факторов развития рынков с учетом разных архетипов поколений потребителей, представленных потребительских триггеров, а также регуляторных аспектов региональной политики, нацеленной на укрепление общероссийской гражданской идентичности и социальной стабильности в обществе. Методы научного исследования: системный анализ, анализ и синтез, экономико-статистический метод, методы абстрагирования и индуктивной логики. Цель исследования – на основе анализа закономерностей преобразований региональных рынков РФ и соответствующих региональных специфик определить содержание значения региональных рынков, разработать процессно-ролевую модель с учетом сложившихся парадигм региональной экономики, реализующую дилемму противоречий поколений потребителей, бизнеса и государства в запросах, ценностях, пространстве рынка, влекущую причинно-следственную связь амплификации факторов трансформации рынков РФ. Область применения полученных результатов многогранна – от организаций рыночной инфраструктуры до государственных структур. Последним результаты будут полезны при реализации государственных программ.

Ключевые слова

Региональные рынки, рыночная инфраструктура, амплификация, факторы, поколение, пространственное развитие, модель, персонализация, трансформация

Для цитирования: Близкий Р.С., Диваева Э.А. Амплификация факторов трансформаций региональных рынков в контексте теории поколений // Вестник университета. 2023. № 10. С. 92–104.

Amplification of factors of regional markets transformations in the context of generation theory

Roman S. Blizkiy

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Accounting, Audit and Taxation Department
ORCID: 0000-0002-7580-6768, e-mail: blizkeyRS@gmail.com

Elvira A. Divaeva

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Banking and Entrepreneurship Department
ORCID: 0000-0002-3659-7924, e-mail: ea_divaeva@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article summarizes scientific ideas about essence of Russian regions and regional markets as actively transforming systems of economic relations in complex geopolitical and socio-economic conditions. The authors propose a process-role model of Russian regional markets functioning, consider relationship and dependence of median number and age structure of the country's population, highlight the dominant problem of aging and decline in the number of able-bodied population. The researchers propose to consider combinatorics of the generations theory factors within the framework of Russian regional markets development. The research achievement consists in theoretical and methodological provisions development justifying amplification of market development factors considering different archetypes of consumer generations, consumer triggers presented, as well as regulatory aspects of regional policy aimed at strengthening the all-Russian civil identity and social stability in society. Methods of scientific research: system analysis, synthesis, economic and statistical method, methods of abstraction and inductive logic. The purpose of the study is to determine the content of regional markets meaning on the basis of the analysis of Russian regional markets regularities of transformations and corresponding regional specifics, to develop a process-role model considering existing paradigms of regional economy, realizing the dilemma of contradictions of consumers generations, business and state in the demands, values, and space of the market, entailing causal relationship of amplification of Russian markets transformation factors. The scope of application of the results obtained is multifaceted – from market infrastructure organizations to state structures. The latter will find the results useful in implementing state programs.

Keywords

Regional markets, market infrastructure amplification, factors, regional and local markets, generation, convergence, model, personalization, transformation

For citation: Blizkiy R.S., Divaeva E.A. (2023) Amplification of factors of regional markets transformations in the context of generation theory. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 92–104.

ВВЕДЕНИЕ

Территориальное развитие и совершенствование межбюджетных отношений в условиях достижения целей устойчивого развития Российской Федерации (далее – РФ, Россия) требуют постоянной и системной координации управленческих решений, принимаемых на всех уровнях управления – от федеральных органов исполнительной власти до высших должностных лиц субъектов и глав образований. Существующая сегодня проблема дифференциации регионов и территорий обусловлена многообразием причинно-следственных связей, определяющих факторы развития субъектов РФ, среди которых выделяются социально-экономические условия, объемы бюджетной поддержки, специфика межбюджетных отношений, природно-географические характеристики, а также процесс развития региональных и локальных рынков. Согласно Указу Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», среди перечня национальных целей РФ особо выделяются обеспечение развития РФ, повышение уровня жизни граждан, раскрытие таланта человека [1].

Талант человека – это особый природный или приобретенный объем знаний, умений, навыков, реализация которых на практике будет раскрыта полноценно только в благоприятных условиях его применения, поэтому создаваемые условия необходимо максимально приближать к человеку по его восприятию и архетипу времени. Выделяется еще одна значимая проблема – преемственность поколений (в том числе элит общества). Поиск решений по временным интервалам преемственности поколений, их адаптации, особенностям вовлечения в рыночную среду – процесс сложный и неоднозначный. По мнению авторов настоящего исследования, посредством системной и циклической работы, направленной на накопление и применение новых знаний в обществе с учетом эволюции истории «человеческого капитала», опыта реализации передовых практик в бизнес-среде, анализа трендов на рынках можно достичь динамического компромисса между разными социально-возрастными группами в решении вопросов эффективной реализации ролей и функций.

Декомпозиции вышеуказанных проблем привели нас к поиску гармонизации предложений на региональном уровне развития рынков, изучению их динамики, тенденций, усиления (амплификации) факторов трансформаций при синхронизации внедрения триггеров инноваций нового поколения потребителей (теории поколений). Объективизация составных элементов предлагаемой процессно-ролевой модели функционирования региональных рынков, а также дальнейшее правоприменение предложений строятся на анализе нормативно-правовых актов РФ (далее – НПА), структуре государственных программ субъектов РФ, Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. [2].

Сформированная гипотеза исследования сводится к разработке теоретико-методических положений, обосновывающих амплификацию факторов развития рынка товаров и услуг с учетом разных архетипов поколений потребителей, процессов адаптации потребительских триггеров и с сопоставлением норм регуляторной политики, нацеленной на укрепление общероссийской гражданской идентичности и социальной стабильности в обществе.

Актуализации роли и места региональных и локальных рынков в масштабах национальных показателей развития государства посвящена обширная коллекция научных трудов. Среди значимых научных трудов по вопросам регулирования региональной политики можно назвать труды Я.П. Силина, Л.С. Невьянцевой и др.; по вопросам определения индикаторов состояния и развития региональных и локальных рынков – работы Л.А. Третьяковой, В.В. Строева В.В, И.И. Рахмеевой и др.; по вопросам обоснования положений теории поколений в цифровой среде – труды Т.А. Береговской, Р.В. Ершовой, К.Е. Косыгиной и др. [3–10].

Недостаточность комплексности и системности анализа, индуктивной логики процессов обобщения результатов исследований в триаде направлений – региональная политика, региональные рынки и теория поколений – с позиции выделения связей, факторов трансформаций и взаимодействий остаются исследованными не до конца.

ОБЪЕКТНО-СУБЪЕКТНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Характеристика взаимосвязи объектно-субъектных процессов, обеспечивающих влияние на всестороннее развитие субъектов РФ (в том числе региональных рынков), и основополагающих государственных правовых документов представлена на рис. 1. Мониторинг данного рисунка демонстрирует актуальность

обеспечения развития регионов с позиции как федерального уровня в виде разработок стратегий, политик и программ, так и уровня субъектов РФ с обоснованием региональных проектов развития территорий с их инвестиционной привлекательностью. Структура и состояние региональных рынков в системе развития социально-экономического положения регионов РФ должны способствовать ускорению реализации основных задач и достижению соответствующих результатов в рамках единого экономического пространства РФ.

*Примечание: Минэкономразвития России – Министерство экономического развития Российской Федерации

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Взаимодействие основных регуляторных документов и объектно-субъектных процессов развития регионов Российской Федерации и региональных рынков

Таким образом, необходимость исследования объектно-субъектных процессов, проблем дифференциации регионов посредством трансформации региональных и локальных рынков в единстве с особенностями развития положений теории поколений (в том числе с внедрением триггеров инноваций нового поколения) обусловлена стремлением изучения силы амплификации факторов, влияющих на состояние и закономерности развития региональных рынков, содержания региональных программ и обоснования инфраструктуры рынка.

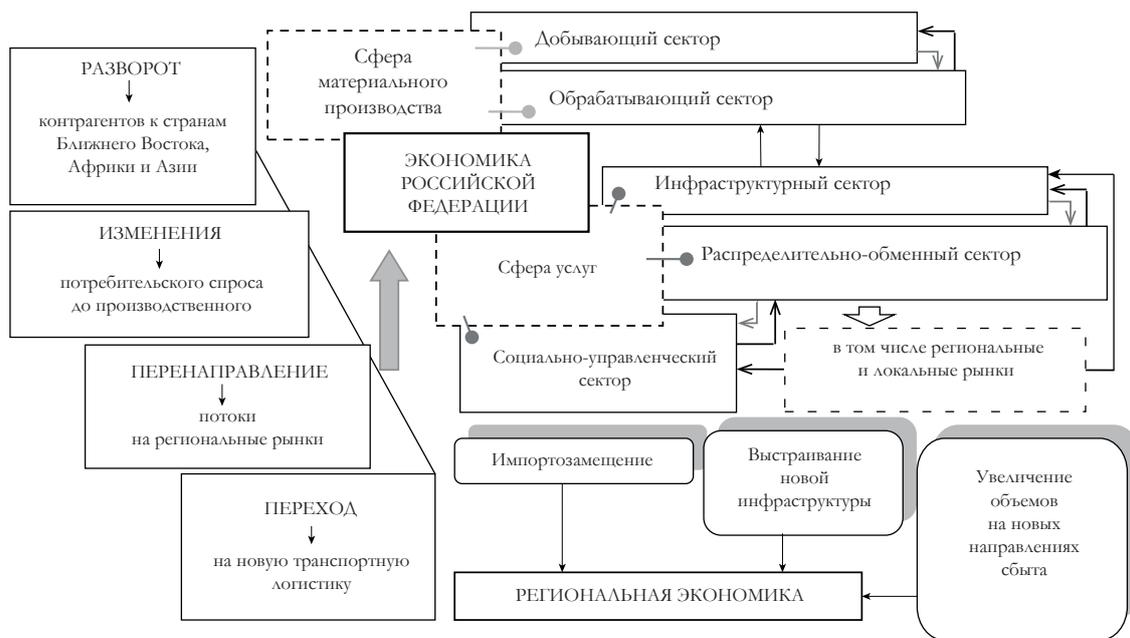
ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время Россия переживает серьезную структурную перестройку производственных и финансовых отношений, осуществляет перезапуск и перенастройку экономики регионов. Все это обусловлено ее беспрецедентным положением на геополитическом пространстве. В своих работах В.А. Спендер отмечал кардинальные изменения внешних условий и усиление мер государственной поддержки, при этом Е.А. Плешакова выделяла долгосрочные и краткосрочные факторы преобразований структуры экономики [11; 12]. В отраслях регионов, FMCG-рынках, проявляются выступления индустриальных рисков, прежде всего связанных с бесперебойной организацией обеспечения производственных процессов и ростом цен. В исследованиях А.Т. Алиева акцентировалось внимание о нарастающих проблемах перестройки структуры экономики еще до начала проведения специальной военной операции в 2022 г. и о высокой

инертности российского бизнеса в смене схем поставок и низкой заинтересованности в переменах даже при наличии отечественных аналогов [13]. Субъекты РФ находятся в особом положении, а режим их стабильности зависит от слаженности и ответственности всех участников процесса воспроизводства.

Сущность и место региональных рынков в новых турбулентных условиях перестройки экономик регионов России требуют дополнительных исследований, оценки факторов трансформаций и подходов интерпретаций. Темпы развития РФ в целом отличаются от развития стран «Большой двадцатки» (G20). По данным Федеральной службы государственной статистики, за I квартал 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого отчетного года снижение внутреннего валового продукта составило 1,8 % [14]. Обратим внимание, что на данную ситуацию повлияло в том числе сокращение оптовой и розничной торговли (2-е место).

Трансформационные процессы в российской экономике в условиях серьезного противоборства и геополитических вызовов уже демонстрируют специфику переходных тенденций, а именно: изменение от потребительского к производственному спросу на рынках; перенаправление потоков от внешних рынков к внутренним (региональным и локальным); разворот от контрагентов из стран коллективного Запада, Соединенных Штатов Америки к странам Ближнего Востока, Африки и Азии; переход от устоявшихся ранее цепочек логистических потоков на новые, более сложные и дорогие; массовая реструктуризация субъектов экономической активности в переходе от экономики потребления к экономике производства в условиях перемен с возможным введением военного положения. На рис. 2 представлена схема тенденций трансформаций в экономике РФ и место региональных рынков. В основе схемы задействованы материалы из официальных источников [15; 16].

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Тенденции трансформаций организационной структуры экономики Российской Федерации и региональных рынков

Как видно из рис. 2, на федеральном уровне усиливается внимание к региональной экономике и ее региональным рынкам по трем приоритетным направлениям: импортозамещение, перестройка инфраструктуры и ориентация на освоение новых рынков сбыта. Выявление особенностей развития субъектов РФ выделяет необходимость в определении понятия региональных рынков, а некоторых случаях – систем региональных рынков. На наш взгляд, заслуживает внимания оценка понятия регионального рынка профессора М.Г. Лапаевой, согласно которой она определяет ее сущность как особую территориальную организацию сферы обращения с учетом согласования интересов между производителями и потребителями [17]. Другой аспект восприятия сложности категории региональных рынков как крупных межрегиональных торгово-экономических кластеров с функциями обслуживания регионов, формирующих рыночную зону, предлагает А.С. Новоселов [18]. Третий аспект исследования рынка с позиции социальной защищенности участников рыночных отношений, специфики их ограничений, в том числе

через систему удовлетворения потребностей, исследует Г.В. Черкасская [19]. В условиях формирования единства экономического пространства РФ можно согласиться с позицией А.В. Митрофанова о гармонизации рыночных отношений, правовых норм и единых подходов в обеспечении свободного движения капитала, основных и дополнительных факторов производства [20].

Таким образом, синтез разных точек зрения ученых сводит нас к восприятию авторского суждения. Региональный рынок как многогранная экономическая категория отражает состояние сбалансированности и гармонизации всех факторов производства, оптимальности социально-экономических отношений (отзывов) и реакций потребителей (субъектов региональной экономики) на результаты обеспечения удовлетворения потребностей в рамках субъекта РФ или межрегионального укрупнения торгово-экономических кластеров субъектов РФ. Отметим о прямой зависимости преобразований структуры региональных рынков и потребностей субъектов рынка от уровня конкретного развития экономики региона (субъекта РФ). Специализация, межрегиональная кластеризация, барьеры и механизмы интеграции входа на национальные, международные рынки, а также уровень конкуренции в регионе обеспечивают трансформацию региональной сферы обращения.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ И ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Особое внимание стоит обратить на факторы, обеспечивающие влияние на масштабность, скорость и глубину трансформаций на региональном рынке преобразований, – это широта потребностей субъектов региональных рынков (экономико-правовые, торгово-посреднические, информационные, цифровые трансформации и т.д.), демографическое состояние региона (в том числе средний возраст трудоспособного населения, пол, уровень образованности и т.д.) и специфика территорий региона (природно-климатический, ландшафтный, природно-ресурсный потенциал развития региона).

Рассмотрим закономерности развития дотационных субъектов РФ в своих укрупненных федеральных округах РФ (табл. 1). Табличные данные сформированы из разных источников и отражают официальную позицию государственных органов [21–23]. Анализ данных осуществлялся с применением статистической методологии. Под трудоспособным возрастом принята градация, установленная методикой Федеральной службы государственной статистики, где возраст женщин принят за интервал 16–56 лет, а мужчин – 16–61 лет [22].

Динамика показателей свидетельствует о разных уровнях развития федеральных округов и соответствующих регионов в них. Выбор разделения регионов на доноров и реципиентов позволяет увидеть масштабы проблем дифференциации развития самодостаточности и самокупаемости в округах и субъектах РФ. Сегодня доля регионов доноров составляет 24,71 % от общего количества регионов, поэтому поиск решений по выравниванию субъектов РФ в среднесрочной и долгосрочной перспективах актуально для многих регионов. Межбюджетные отношения в виде выделения ассигнований по дотациям на выравнивание бюджетов наиболее существенны в субъектах Северо-Кавказского федерального округа.

В процессе анализа можно выделить связь и зависимость медианы численности и возрастной структуры населения России. Хотя общая величина численности населения РФ незначительно увеличилась, как показано в табл. 1, в разрезе 48 субъектов РФ наблюдается сокращение трудоспособного населения. Лидерами среди них являются Алтайский край, Архангельская, Кировская и Оренбургская области. Внутренний региональный продукт на душу населения демонстрирует четкую привязку региональных рынков к сырьевой ориентации субъектов РФ (Чукотский автономный округ, Магаданская область и Камчатский край). На рис. 3а и 3б представлены диаграммы населения страны по разным возрастам. На них видно движение баланса пола мужчин и женщин, показывается специфика разных по возрасту групп потребителей и активной части населения, задействованной в создании добавочного продукта.

Как видно из рис. 3а и 3б, создаются особые архетипы потребителей, для которых характерны свои специфичные предпочтения, реакции на перемены рынков, подходы к управлению инвестициями на рынках, желание и возможности быть вовлеченными в оборот разных рыночных отношений. Теория поколений в условиях развития цифровой среды рассматривается как одно из направлений, раскрывающее проблемы отношений разных поколений, механизмов перехода и обоснования решений в поиске консолидирующих ценностей разновозрастных групп.

Таблица 1

Укрупненные показатели социально-экономического развития дотационных субъектов Российской Федерации в федеральных округах за 2021 г., 2022 г. и 2023 г.

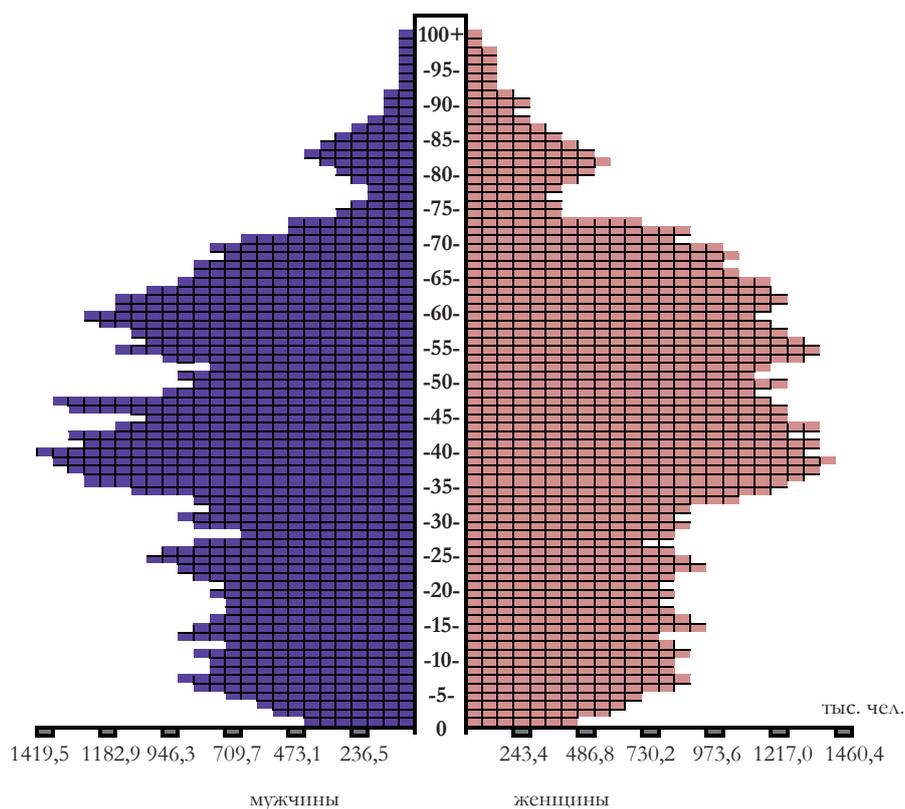
Федеральный округ / субъекты Российской Федерации	Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (тыс. руб.)		Население (чел.)		Население в трудоспособном возрасте (чел.)	ВРП* на душу населения (руб.)		
	2022 г.		01.01.2022 г.				01.01.2023 г.	
	2022 г.	2023 г.	01.01.2022 г.	01.01.2023 г.			01.01.2023 г.	2021 год
Центральный федеральный округ	81263181,5	42501617,9	39104400	40240256	22369499	1 064 007,3		
11 дотационных субъектов РФ*	81 263 181,50	42 501 617,90	12 381 662,00	12 156 624,00	6 934 906,00	5 116 840,80		
... + 7 субъектов РФ – доноры округа			26722738	28083632	15434593	–		
Северо-Западный федеральный округ	28553199,9	14414107,1	13901069	13867347	7995322	1 193 253,5		
Республика Карелия	8 169 922,90	3 702 046,60	603067	527880	337401	737 781,9		
Республика Коми	342 202,70	1 010 353,80	803477	726434	467022	1 059 960,4		
Архангельская область	10 165 065,90	5 429 941,60	1114322	1005687	625689	941 762,5		
3 других дотационных субъектов РФ	9 876 008,40	4 271 765,10	2 227 163,00	2 196 055,00	1 257 038,00	1 596 816,90		
... + 4 субъекта РФ – доноры округа	–	–	9153040	9411291	5308172	–		
Южный федеральный округ	76429873,2	40189782,8	16434898	16642052	9326114	483 149,9		
8 дотационных субъектов РФ	76 429 873,20	40 189 782,80	16 434 898,00	16 642 052,00	9 326 114,00	3 509 392,70		
Северо-Кавказский федеральный округ	194070487,5	174993413	9997336	10205730	5905214	270 038,6		
Республика Дагестан	80 181 662,50	71 350 339,70	3153857	3209781	1933459	259 076,4		
6 дотационных субъектов РФ	113 888 825,00	103 643072,90	6 843 479,00	6 995 949,00	3 971 755,00	1 452 007,70		
Приволжский федеральный округ	91223288,3	64976980,3	28844264	28683247	16235226	582 867,6		
Республика Башкортостан	18 890 282,30	13 812 834,90	4001678	4077600	2264084	499 044,8		
Кировская область	13 925 060,60	8 824 328,70	1234780	1138112	663188	387 457,5		
Оренбургская область	5 529 978,50	3 010 429,40	1924578	1841377	1075043	721 025,2		

Окончание табл. 1

Федеральный округ / субъекты Российской Федерации	Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (тыс. руб.)		Население (чел.)		Население в трудоспособном возрасте (чел.)		ВРП* на душу населения (руб.)
	2022 г.	2023 г.	01.01.2022 г.	01.01.2023 г.	01.01.2022 г.	01.01.2023 г.	
	2022 г.	2023 г.	01.01.2022 г.	01.01.2023 г.	01.01.2022 г.	01.01.2023 г.	
8 других дотационных субъектов РФ	52 877 966,90	39 329 387,30	12 291 620,00	12 137 772,00	6 914 467,00	6 760 593,00	3 790 262,50
... + 3 субъекта РФ – доноры округа	–	–	9391608	9488386	5318444	5344992	–
Уральский федеральный округ	15414930,5	10117525,8	12294961	12259126	7024854	6937906	1 356 291,3
Курганская область	14 574 634,70	10 117 525,80	805510	761586	424911	390328	330 642,2
Челябинская область	840 295,80	–	3418606	3407145	1920287	1903419	595 385,4
... + 4 субъекта РФ – доноры округа	–	–	8070845	8090395	4679656	4644159	–
Сибирский федеральный округ	92017335	60681573,4	16889404	16645802	9612782	9371221	666 040,6
Алтайский край	32 473 758,10	20 800 766,20	2268179	2130950	1253435	1162062	370 434,3
7 других дотационных субъектов РФ	59 543 576,90	39 880 807,20	9 414 922,00	9 324 947,00	5 359 191,00	5 254 055,00	3 553 520,30
... + 2 субъекта РФ – доноры округа	–	–	5206303	5189905	3000156	2955104	–
Дальневосточный федеральный округ	179608550,3	132064103	8091244	7903864	4757826	4668032	909 459,1
Камчатский край	44 178 144,90	36 553 491,10	312704	288730	194081	174969	1 081 102,0
Магаданская область	4 734 658,00	2 049 050,70	137767	134315	84153	83026	2 273 882,2
Чукотский автономный округ	13 508 220,60	8 142 735,80	50040	47840	32034	30741	2 734 862,7
7 других дотационных субъектов РФ	117 187 526,80	85 318 825,30	7 106 556,00	6 972 444,00	4 165 124,00	4 076 721,00	5 098 861,20
... + 1 субъект РФ – донор округа	–	–	484177	460535	282434	269722	–

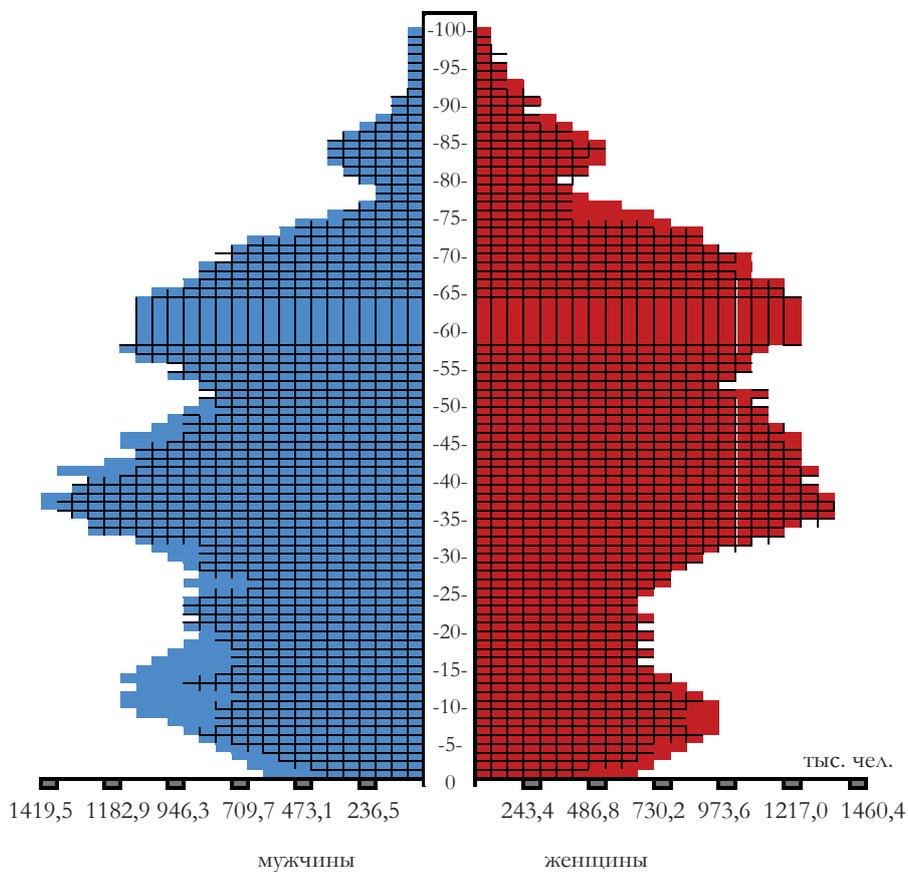
*Примечание: РФ – Российская Федерация, ВРП – внутренний региональный продукт

Составлено авторами по материалам источников [21–23]

Составлено авторами по материалам источника [21]

Рис. 3а. Возрастно-половая диаграмма населения Российской Федерации по годам на 01.01.2022 г.

Составлено авторами по материалам источника [21]

Рис. 3б. Возрастно-половая диаграмма населения Российской Федерации по годам на 01.01.2023 г.

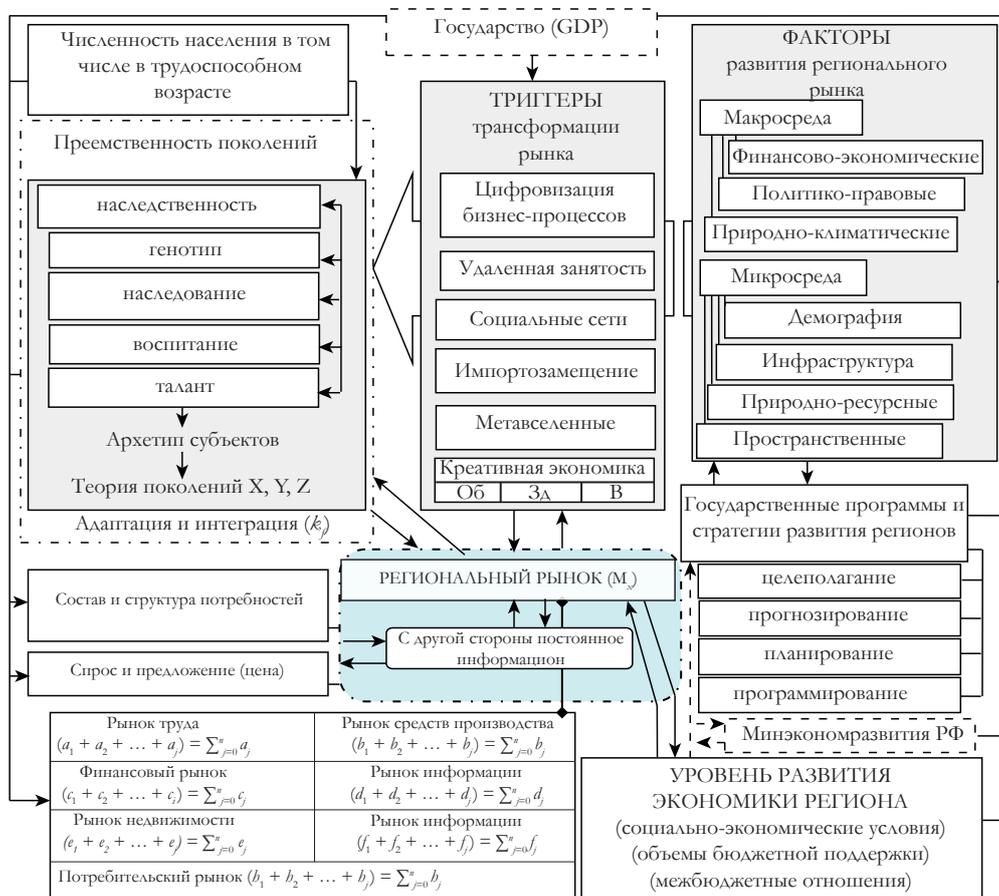
В работах Т.А. Береговской выделяются три разных поколения (X, Y и Z), обосновывается их поведение и отношение друг к другу [8]. Разделить на отдельные части потоки поколений для развития как индивидуальных, так и производственно-рыночных отношений нельзя и невозможно – все поколения взаимодействуют, плавно переходя из возраста в возраст, заменяя и внося свои ценности и новые взгляды, в том числе на механизмы трансформаций на региональных рынках. Можно выделить основные триггеры трансформаций рынков и внедрить их в обиход экономик: цифровизация бизнес-процессов, удаленная занятость, социальные сети, импортозамещение, метавселенные и расширение глубины новых знаний.

ПРОЦЕССНО-РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА

Обоснуем направления трансформационных преобразований на региональных рынках в условиях проведения специальной военной операции, присоединения новых субъектов РФ, санкций и ограничений:

- 1) элементы региональных рынков (создание новых подходов и правил по диверсификации и конверсии целевых действий участников рыночных отношений);
- 2) трансформации функций и организация инфраструктуры региональных рынков посредством преобразований функции регионального процесса воспроизводства конкурентоспособных товаров и услуг;
- 3) переориентация потребностей субъектов региональных рынков, в том числе на фоне оперативных и тактических задач обеспечения оборонных комплексных мероприятий и общего процесса импортозамещения;
- 4) переход к образованию региональных центров поддержки, ассоциаций субъектов региональных рынков и сетевых организаций рыночной инфраструктуры с участием новых субъектов РФ;
- 5) устранение разрывов в территориальном развитии посредством дифференциации (кластеризации) дотационных регионов и совершенствования соответствующих механизмов распределения бюджетных и межбюджетных отношений субъектов РФ с помощью фактически выполненных целевых индикаторов (показателей) государственных программ развития регионов, в том числе региональных рынков.

Консолидируя результаты исследования, предлагаем рассмотреть авторскую процессно-ролевую модель, в которой можно выделить многие важные составляющие ее функционирования (рис. 4).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Процессно-ролевая модель функционирования регионального рынка

Выделим процессно-ролевую модель функционирования регионального рынка как совокупность взаимодействующих процессов, влияющих в итоге на состояние рынка, его общие и частные характеристики развития роли субъектов, региональных рынков с учетом архетипов теории поколений и подтвердим гипотезу об амплификации факторов развития. Как видно из рис. 4, результат процессно-ролевой модели можно в дальнейшем интерпретировать с применением инвариантного моделирования. При этом универсальную единицу, характеризующую рынок как динамичную систему, можно выразить в виде системных инвариантов, формализующих свое символическое представление в формуле:

$$M_x = \sum_{i=1}^{n=6} M_i = M_1 + M_2 + M_3 + M_4 + M_5 + M_6 + M_7,$$

где M_x – обозначение определенного x регионального рынка, M_i – инварианты рынка, M_1 – комплексность рынка (интегрированный показатель диффузии элементов и их свойств), M_2 – динамичность на рынке, отражающая взаимодействие элементов и их свойства, M_3 – структурность рынка (описывает структуру рынка и ее свойства), M_4 – адаптивность возрастных предпочтений потребителей рынка (описывает объем вовлечения на рынок инноваций разновозрастных групп и их свойства), M_5 – освоенность бюджетных ассигнований рынка (отражает свойства объемов поддержки и достижений реализации государственных программ и стратегий в регионе), M_6 – иерархичность трансформаций на рынке (описывает свойства влияния элементов (триггеров) и их интеграцию), M_7 – эмерджентность рынка (представляет собой свойство, образующееся исключительно в единстве взаимодействия инвариантов рынка). Предлагаемые системные инварианты на теоретическом или реальном объекте могут быть задействованы комплексно или частично, подчеркивая особенности и специфику свойств данного рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективность дальнейшего постулирования научных результатов развития процессно-ролевой модели, предложенной в исследовании, поможет в разработке системных подходов, определяющих комплекс свойств проактивного развития на региональном рынке, позволит скоординировать решения и объемы социально-экономических мер по гармонизации адаптации спроса потребителей разных поколений в регионе. Область применения полученных результатов многогранна – от организаций рыночной инфраструктуры до государственных структур. Последним результаты будут полезны при реализации государственных программ «Реализация государственной национальной политики» в части предложений по гармонизации интересов потребителей разных поколений на рынках РФ, нацеленных на повышение социальной стабильности в обществе, и «Экономическое развитие и инновационная экономика» в части обоснования ключевых триггеров, влияющих на тенденции и роль квалифицированных потребителей на рынке.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102792289> (дата обращения: 12.06.2023).
2. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 12.06.2023).
3. Silin Ya.P., Animitsa E.G. Evolution of the regional economics paradigm. *Journal of New Economy*. 2020;1(21):5–28. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-1-1>
4. Невьянцева Л.С. Научные подходы к исследованию понятия «региональная инвестиционная политика». *Вестник университета*. 2021;7:124–130. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-7-124-130>
5. Третьякова Л.А., Астахин А.С. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, комплексный подход к оценке дифференциации регионов (территорий). *Вестник университета*. 2020;4:107–114. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-4-107-114>
6. Строев В.В., Анисимов Н.Ю., Ломовцева О.А. Постковидное развитие территории Дальнего Востока: проблемы и решения региональных точек роста. *Вестник МПГУ. Серия: Экономика*. 2021;3(29):19–29. <https://doi.org/10.25688/2312-6647.2021.29.3.2>
7. Рахмеева И.И., Лысенко А.Н., Близкий Р.С. Исследование региональных процессов цифровизации. *Управление устойчивым развитием*. 2021;2(33):14–21.

8. Береговская Т.А., Гришаева С.А. Поколение Z: потребительское поведение в цифровой среде. *Вестник университета*. 2020;1:92–99. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-92-99>
9. Ершова Р.В., Корягина Т.М. *Психологические особенности цифрового поколения: от теории к практике исследования*. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет; 2021. 123 с.
10. Косыгина К.Е. Вовлеченность населения региона в онлайн-участие: опыт некоммерческих организаций. *Вестник университета*. 2021;12:157–167. <https://doi.org/11.26425/1816-4277-2021-12-157-167>
11. Сплендер В.А., Палюх А.И. Федеральный бюджет как основной источник финансирования структурной перестройки российской экономики в условиях нестабильности. *Форум*. 2023;2(28):48–53.
12. Плешакова Е.А. Процессы трансформации экономики в современной России. *E-Scio*. 2023;5(80):603–611.
13. Алиев А.Т., Желтенков А.В., Балдин К.В. Проблемы и потенциал развития экономики, промышленного производства и инноваций в современной России. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2023;2:48–58. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2023-2-48-58>
14. Федеральная служба государственной статистики. *Ростат представляет первую оценку ВВП за I квартал 2023 года*. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/209465> (дата обращения: 12.06.2023).
15. Российская Федерация. *Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»*. <http://kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения: 12.06.2023).
16. Российская Федерация. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р)*. https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporuyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 12.06.2023).
17. Лапаева М.Г., Гузина А.А. Теоретические основы формирования региональных рынков. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2016;9:51–54.
18. Новоселов А.С. Теоретические аспекты исследования региональных рынков. *Регион: Экономика и Социология*. 2008;3:3–22.
19. Черкасская Г.В. Региональные и локальные рынки публичных социальных обязательств в современных условиях. *Теория и практика общественного развития*. 2023;6:162–168. <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.6.19>
20. Митрофанов А.В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2013;2:46–52.
21. Федеральная служба государственной статистики. *Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту*. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 12.06.2023).
22. Российская Федерация. *Федеральный закон от 06 декабря 2021 г. N 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов»*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (дата обращения: 12.09.2023).
23. Федеральная служба государственной статистики. *Национальные счета. Валовой региональный продукт*. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (дата обращения: 12.06.2023).

References

1. Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020, No. 474 “On national goals of development of the Russian Federation for the period up to 2030”*. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102792289> (accessed 12.06.2023). (In Russian).
2. Russian Federation. *Order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019, No. 207-r “On the approval of the spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025”*. <https://base.garant.ru/72174066/> (accessed 12.06.2023). (In Russian).
3. Silin Ya.P., Animitsa E.G. Evolution of the regional economics paradigm. *Journal of New Economy*. 2020;1(21):5–28. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-1-1>
4. Nevyantseva L.S. Scientific approaches to the study of the concept of “regional investment policy”. *Vestnik universiteta*. 2021;(7):124–130. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-7-124-130> (In Russian).
5. Tretyakova L.A., Astakhin A.S. Spatial development of territories: Status, trends, integrated approach to assessing the differentiation of regions (territories). *Vestnik universiteta*. 2020;(4):107–114. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-4-107-114> (In Russian).
6. Stroev V.V., Anisimov N. Yu., Lomovtseva O.A. Postcovid development of the territory of the Far East: problems and solutions of regional growth points. *Vestnik of Moscow City Pedagogical University. Series: Economics*. 2021;3(29):19–29. <https://doi.org/10.25688/2312-6647.2021.29.3.2> (In Russian).
7. Rakhmeeva I.I., Lysenko A.N., Blizkiy R.S. Research of regional processes of digitalization. *Sustainable development management*. 2021;2(33):14–21. (In Russian).

8. Beregovskaya T.A., Grishaeva S.A. Generation Z: Consumer behavior in digital ecosystem. *Vestnik universiteta*. 2020;(1):92–99. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-92-99> (In Russian).
9. Ershova R.V., Koryagin T.M. *Digital technologies as a psychological challenge*. Kolomna: State Social and Humanitarian University Publ. House; 2021. 123 p. (In Russian).
10. Kosygina K.E. Involvement of the population of the region in online participation: experience of non-profit organizations. *Vestnik Universiteta*. 2021;(12):157–167. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-12-157-167> (In Russian).
11. Splender V.A., Palyukh A.I. The federal budget as the main source of financing the structural restructuring of the Russian economy in conditions of instability. *Forum*. 2023;2(28):48–53. (In Russian).
12. Pleshakova E.A. Processes of transformation of the economy in modern Russia. *E-scio*. 2023;5(80):603–611. (In Russian).
13. Aliev A. T., Zheltenkov A. V., Baldin K. V. Problem and potential of economic development, industrial production and innovation in modern Russia. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*. 2023;2:48–58. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2023-2-48-58> (In Russian).
14. Federal State Statistics Service. *Rosstat submits the first rating of GDP for the first quarter of 2023*. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/209465> (accessed 12.06.2023). (In Russian).
15. Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated January 16, 2017, No. 13 “On approval of the Fundamentals of Regional Development State Policy of the Russian Federation for the period up to 2025*. <http://kremlin.ru/acts/bank/41641> (accessed 12.06.2023). (In Russian).
16. Russian Federation. *Strategy for the spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025 (by the Order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019, No. 207-r)*. https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (accessed 12.06.2023). (In Russian).
17. Lapaeva M.G., Gushchina A.A. *Theoretical foundations of the formation of regional markets*. *Intellect. Innovation. Investments*. 2016;9:51–54. (In Russian).
18. Novoselov A.S. Theoretical aspects of the study of regional markets. *Region: Economics and Sociology*. 2008;3:3–22. (In Russian).
19. Cherkasskaya G.V. Regional and Local Markets of Public Social Obligations in Modern Conditions. *Theory and Practice of Social Development*. 2023;6:62–168. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.19> (In Russian).
20. Mitrofanov, A. V. Unity of economic space: approaches to interpretation and content of the concept / A. V. Mitrofanov // *Bulletin of Penza State University*. 2013;2:46–52. (In Russian).
21. Federal State Statistics Service. *The population of the Russian Federation by gender and age* <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (accessed 12.06.2023). (In Russian).
22. Russian Federation. *Federal Law dated December 6, 2021, No. 390–FZ “Of the Federal Budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024”*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (accessed 12.06.2023). (In Russian).
23. Federal State Statistics Service. National accounts. *Gross regional product*. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vrp_1998.xlsxx (accessed 12.06.2023). (In Russian).

Оценка пространственной неоднородности занятости в российских регионах

Васильева Рогнеда Ивановна¹

Мл. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-5539-3145, e-mail: ronav999@gmail.com

Ампенова Дарья Максимовна²

Магистрант

ORCID: 0000-0002-7092-3842, e-mail: daria.ampenova@urfu.me

¹Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

²Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

В исследовании рассматривается проблема пространственной неоднородности занятости в российских регионах. Несмотря на довольно высокие показатели по Российской Федерации (далее – Россия) и их положительную динамику, ситуация в регионах разительно отличается. При этом неоднородность распределения занятых между регионами может усиливаться в результате влияния одних территорий на другие. Целью настоящего исследования является оценка пространственной неоднородности и пространственных автокорреляционных эффектов между российскими регионами по численности занятых. В качестве основного метода исследования в работе применяется методология Морана для расчета локальных и глобальных индексов пространственной автокорреляции, а также методология Анселина для формирования пространственной матрицы. Результаты исследования демонстрируют, что среди российских регионов существует высокий потенциал к кластеризации по количеству занятых. При этом отчетливо выделяется группа западных регионов, которые имеют большую территориальную связность, характеризуемую выраженным пространственным взаимовлиянием. Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий развития регионов России, в частности дальневосточных, а также при определении приоритетных целей развития.

Ключевые слова

Занятость, пространственная неоднородность, пространственная автокорреляция Морана, матрица Анселина, регионы России

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0019 «Моделирование пространственного развития территорий с позиции обеспечения экономической безопасности».

Для цитирования: Васильева Р.И., Ампенова Д.М. Оценка пространственной неоднородности занятости в российских регионах // Вестник университета. 2023. № 10. С. 105–114.

Assessment of spatial heterogeneity of employment in Russian regions

Rogneda I. Vasilyeva¹

Junior Researcher

ORCID: 0000-0001-5539-3145, e-mail: ronav999@gmail.com

Darya M. Ampenova²

Graduate Student

ORCID: 0000-0002-7092-3842, e-mail: daria.ampenova@urfu.me

¹Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

²Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract

The article studies the problem of spatial heterogeneity of employment in Russian regions. Despite the rather high indicators for Russia and their positive dynamics, the situation in the regions is strikingly different. Heterogeneity of employment distribution between regions can be intensified as a result of the influence of some territories on others. The purpose of the study is to assess spatial heterogeneity and spatial autocorrelation effects between Russian regions in terms of employment. As the main research method, the paper applies Moran's methodology to calculate local and global spatial autocorrelation indices and Anselin's methodology to form a spatial matrix. The results of the study demonstrate that among Russian regions there is a high potential for clustering by the number of employed people. At the same time, a group of western regions is clearly distinguished, which have greater territorial cohesion characterized by pronounced spatial mutual influence. The results of the study can be used in formulating strategies for Russian regions development, in particular, the Far Eastern regions, as well as in determining priority development goals.

Keywords

Employment, spatial heterogeneity, Moran's spatial autocorrelation, Anselin matrix, Russian regions

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023 No. 0327-2021-0019 “Modeling of territorial spatial development from the position of ensuring economic security”.

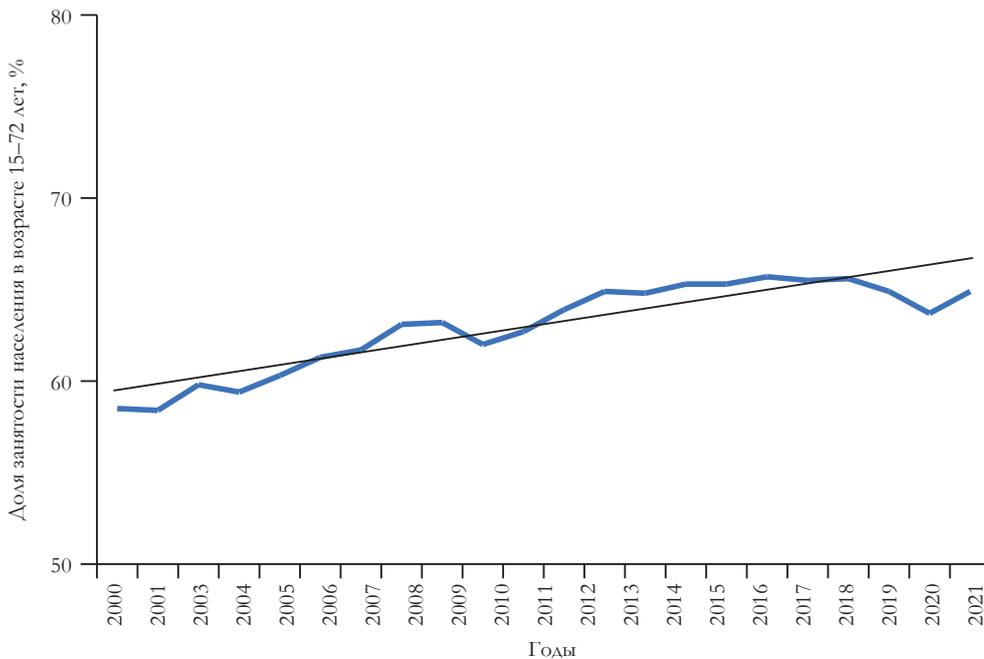
For citation: Vasilyeva R.I., Ampenova D.M. (2023) Assessment of spatial heterogeneity of employment in Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 105–114.

ВВЕДЕНИЕ

Уровень занятости является одним из основных показателей рынка труда, который позволяет оценить текущую ситуацию и сформировать направление для макроэкономической и социальной политики государства. Несмотря на то что уровень занятости остается достаточно высоким в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и имеет в целом положительную динамику даже в условиях кризисов и внешнеэкономических шоков, многие исследователи подчеркивают неоднородность занятости в структурном и региональном разрезе [1–3]. Стоит отметить, что сельские территории, а также менее населенные и более отдаленные от центра регионы в большинстве случаев имеют более низкие показатели занятости, что является одной из проблем, обозначенных в современной Стратегии пространственного развития РФ [4]. Помимо этого, низкие показатели межрегиональной миграции приводят к проблемам на региональных рынках труда.

Стратегическое планирование развития российских регионов нуждается в разработке универсального подхода к определению ключевых положений и направлений стратегии развития территориальных систем [5]. Глобальная пандемия коронавирусной инфекции оказала масштабное структурное влияние на процессы в мире, которые отразились на макроэкономической ситуации в целом и на России в частности. Динамика уровня занятости в России (рис. 1) демонстрирует положительный тренд. Тем не менее в 2020 г. наблюдался значительный спад, что является последствием пандемии COVID-19 и ограничениями, введенными со стороны правительства. Министерство труда и Министерство экономического развития РФ отмечают восстановление рынка труда в 2021 г., на что указывает восходящий тренд с 2020 г. по 2021 г.

Составлено авторами по материалам источника [6]

Рис. 1. Динамика уровня занятости в Российской Федерации за 2000–2021 гг.

Цель данного исследования – оценить пространственную неоднородность и пространственные автокорреляционные эффекты, возникающие между российскими регионами по численности занятых. Данное исследование вносит вклад в существующую отечественную научную литературу о неоднородности региональной занятости в России. Результаты исследования могут быть использованы при разработке федеральной и региональной политики в области повышения занятости.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема трудоустройства населения является одной из главных социально-экономических проблем. Занятость связана с производством, распределением и потреблением материальных благ, поэтому является важной экономической составляющей. Характеристики занятости и использования трудового потенциала общества не только представляют экономический интерес, но и являются основными показателями, отражающими политику государства в сфере труда.

Пространственный аспект региональной занятости является объектом многочисленных исследований. Подтверждается, что региональная занятость подвержена влиянию пространственной автокорреляции, что указывает на сложность пространственного характера моделируемого процесса [7]. Некоторые авторы подтверждают, что региональные рынки труда группируются в пространстве: регионы с высоким (низким) уровнем занятости (безработицы) окружены регионами с высоким (низким) уровнем занятости (безработицы) [8]. Значительные пространственные эффекты существуют на региональных рынках труда и подтверждают важность тесной координации между регионами при формировании рынка труда и мерах региональной политики. Помимо этого, пространственные эффекты, возникающие на региональных рынках труда, устойчивы к экономическим спадам, что подтверждает важность тесной координации между регионами, а также необходимость разработки мер на рынке труда и региональной политики во время различных кризисов [9].

Отечественные исследования подчеркивают, что Россия отличается высокой дифференциацией по социально-экономическим показателям, что сказывается на величине и характере пространственных эффектов. В исследовании, проведенном на выборке по регионам России за период с 2005 г. по 2016 г., авторы разделили регионы на три группы в зависимости от состояния рынка труда в отдельном регионе и граничащих с ним субъектов [10]. Группа НН (high-high) включает регионы с благоприятной ситуацией на рынках труда, которые окружены в основном процветающими регионами. Две группы регионов с менее благоприятной ситуацией расположены на юге России (LL1, low-low), в Южной Сибири и Забайкалье (LL2, low-low).

Регионы группы LL2 не подвержены влиянию ситуации на других локальных рынках; регионы групп LL1 и НН подвержены влиянию остальных регионов России, и степень этого влияния уменьшается с увеличением географического расстояния между регионами. Более того, регионы группы LL1 конкурируют с соседними: если ситуация в одном из них улучшается, то чаще всего это происходит за счет использования ресурсов других субъектов. Таким образом, результаты исследования подчеркивают различия между пространственными эффектами, влияющими на занятость, и пространственной неоднородностью регионов России. Пространственная неоднородность регионов изучается в многочисленных работах И.В. Наумова, а также в исследованиях зарубежных авторов, проведенных на основе данных по странам Европейского союза и по штатам Соединенных Штатов Америки [11–14].

Стратегия повышения занятости в российских регионах в 2020–2021 гг. должна быть основана на комплексном подходе. Государству необходимо активно работать над созданием благоприятных условий для развития бизнеса, инфраструктуры и инновационных проектов, а также поддерживать социальные предприятия и развитие малых городов и сел [15; 16].

На фоне пандемии в целях поддержки бизнеса и населения Правительством РФ был разработан комплекс антикризисных мер, направленных на поддержание доходов населения, в частности тех, кто остался без работы, а также на поддержку бизнеса. Таким образом, необходимость реализации масштабных программ, направленных на смягчение экономических последствий от введения ограничительных мер, потребовала существенного смягчения бюджетной политики.

Принятые меры позволили замедлить снижение занятости, но не исключить полностью рост безработицы. Регистрируемая безработица, по данным Министерства труда РФ, на 26 августа 2020 г. составила 3,6 млн чел. В отпусках без сохранения заработной платы, в простое или на неполной занятости находилось 1,2 млн чел. По итогам 2021 г. численность безработных (по методологии Международной организации труда) оценивается на уровне 3,8 млн чел., уровень безработицы составляет 5 % от численности рабочей силы. В рамках базового варианта прогноза социально-экономического развития РФ в 2022–2024 гг. темп роста экономики составит 3 % в год [17].

Метод пространственной автокорреляции Морана и кластерный анализ по методологии Анселлина показали свою эффективность в вопросах изучения степени цифровизации среди регионов, экономического развития и распространения последствий влияния пандемии коронавируса в России [18]. Одними из ключевых индикаторов экономического развития российских регионов являются показатели экономического потенциала и пространственного размещения занятых. В ходе пространственного анализа было выявлено, что локализация этих ресурсов определяет региональную дифференциацию по производительности труда [19]. Анализ существующей литературы подтверждает необходимость исследования пространственной неоднородности и степени взаимовлияния российских регионов по занятости в контексте современных вызовов, что вносит существенный вклад в научную литературу и имеет практическую значимость для совершенствования государственной политики.

ОБЗОР МЕТОДОЛОГИИ

Для анализа были использованы данные Единой межведомственной информационно-статистической системы по численности занятых (в тыс. чел.) за 2021 г. по 85 регионам России (В исследовании используются данные по 85 регионам, входящим в состав РФ на 2021 г.) [20]. В исследовании приведена оценка пространственной взаимосвязи между российскими регионами по показателям занятости. С целью оценки показателей использовалась методология Морана для расчета локальных индексов и глобальных индексов, в основе которой лежит матрица весов расстояний [12]. Данная методология учитывает не только характеристику какого-либо фактора на обследуемой территории, но и влияние на регион со стороны других территорий, что позволяет осуществить кластеризацию субъектов в пространстве, оценить концентрацию ресурсов на территории страны, определить случайность распределения субъектов по исследуемому признаку в пространстве, а также оценить тесноту их взаимосвязи. Для расчета индекса Морана авторами используются две матрицы расстояний: матрица линейного расстояния между субъектами РФ и матрица наличия смежных границ. Расчеты произведены с применением программы для электронных вычислительных машин [21].

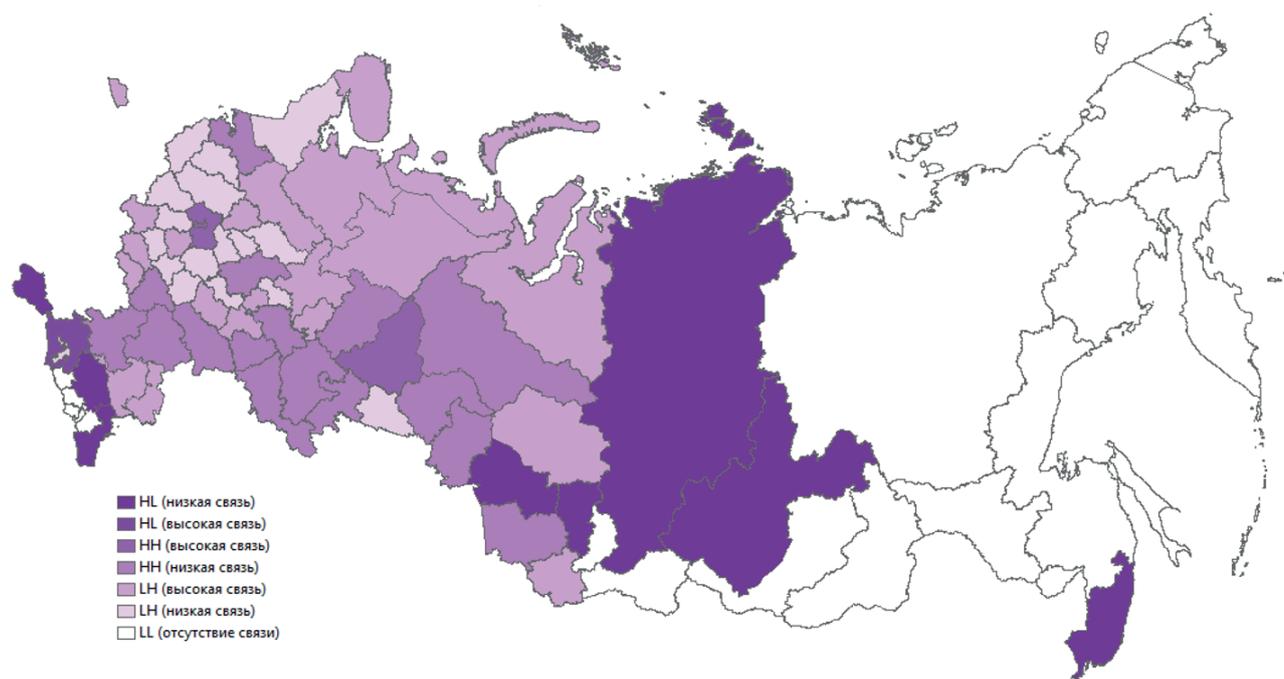
На основе рассчитанных локальных индексов Морана также сформированы матрицы пространственных весов по методологии Л. Анселина, которые позволяют определить полюса роста, периферийные территории и региональные кластеры [22]. Кластерный анализ проведен с использованием усовершенствованной диаграммы рассеивания индексов пространственной автокорреляции П. Морана за 2021 г., которая представлена в табл. 1 [23]. Глобальный индекс Морана по занятости также рассчитан для 2020 г. для сопоставления с результатами 2021 г. [20].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На рис. 2 представлено распределение регионов России по четырем квадрантам матрицы пространственных весов с учетом степени пространственной взаимосвязи по показателю занятости в 2021 г. Результаты оценки демонстрируют несколько выбросов: регионы с высокими показателями занятости, но слабым пространственным влиянием, например, Красноярский край, Приморский край, Иркутская область, Новосибирская область. При этом увеличение занятости в данных регионах может приводить к снижению данного показателя в других субъектах РФ. Стоит отметить, что в восточном макрорегионе Приморский край и Иркутская область являются одними из наиболее развитых экономических центров, что делает их более привлекательными для потенциальной рабочей силы. Однако большая часть восточных территорий не имеет пространственной взаимосвязи по занятости с другими территориями РФ, что подчеркивает необходимость стимулирования развития в данных субъектах и повышения их связности.

Отдельные кластеры формируют регионы Урала, Центральной России и Юга. Так, Краснодарский край, имея высокие показатели занятости, оказывает существенное отрицательное пространственное влияние на другие субъекты. Повышение числа занятых в данном регионе отрицательно влияет на число занятых в регионах, относящихся к зоне его влияния, например, Астраханская область и Республика Калмыкия. При этом Ростовская область, которая также подвержена влиянию Краснодарского края, имеет относительно высокие показатели занятости, демонстрирует высокий потенциал к росту занятости. В частности, в 2021 г. отмечается высокий абсолютный прирост занятости в Ростовской области (увеличение на 43,2 тыс. чел.). Одним из выбросов на южном направлении является республика Дагестан, которая продемонстрировала наибольший абсолютный прирост занятости в 2021 г. – 79 тыс. чел. (в относительном выражении – 7,3 %). Данный рост обусловлен резким сокращением занятости в республике в 2020 г. (снижение занятости на 120 тыс. чел.). Таким образом, рост занятости в 2021 г. покрыл только 60 % предшествующего сокращения занятости.

Москва и Московская область формируют отдельный кластер, пространственное влияние которого на занятость в других регионах является положительным. Стоит отметить, что эти территории имеют наибольшие абсолютные показатели по общей занятости, в частности в Москве общий абсолютный показатель занятости составил 7,14 млн чел., или около 10 % от общего количества занятых по России. В наибольшей степени их влиянию подвержены Владимирская, Вологодская, Калужская, Кировская, Ярославская и др. области.

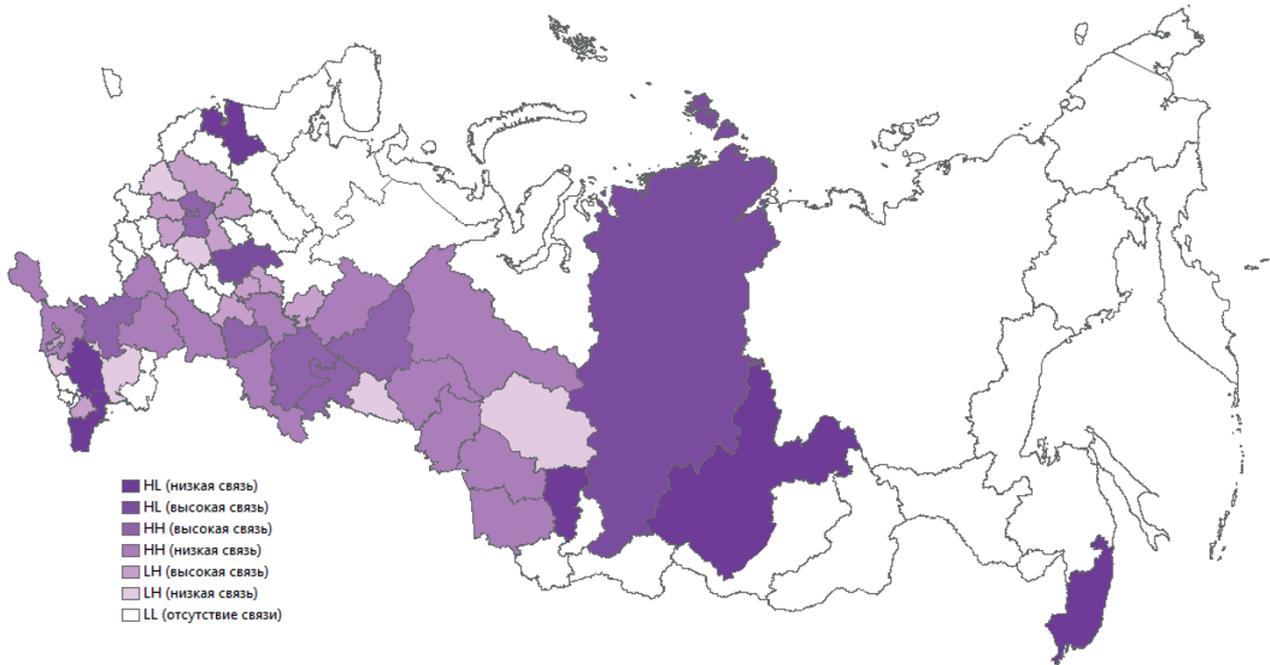
Составлено авторами по материалам источника [21]

Рис 2. Распределение регионов Российской Федерации по квадрантам матрицы пространственной автокорреляции в 2021 г. (с использованием матрицы линейных расстояний)

Свердловская, Челябинская, Тюменская и Оренбургская области, а также Ханты-Мансийский автономный округ, Пермский край, Республика Башкортостан и др. подвержены относительно слабому влиянию со стороны полюсов роста и относятся, согласно результатам исследования, к периферийным территориям с высоким потенциалом роста. Стоит отметить, что Свердловская область продемонстрировала прирост занятости на 50 тыс. чел. за период с 2020 г. по 2021 г. При этом территориальное влияние со стороны регионов Урала распространяется на Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Коми, Томскую, Курганскую области и др. и имеет отрицательный эффект. Таким образом, увеличение занятости на периферийных территориях негативно сказывается на занятости территорий, которые подвержены их влиянию. Данная закономерность объясняется влиянием пандемии COVID-19, которая негативно сказалась на рынках труда во многих регионах. Тем не менее, если большая часть регионов Урала не испытала сильного снижения занятости, то, согласно данным Главного управления по труду и занятости населения Курганской области, ситуация на рынке труда является довольно напряженной, в связи с чем региональные власти вводят дополнительные меры для повышения уровня занятости.

Результаты анализа с использованием матрицы смежных границ, которая демонстрирует пространственные взаимосвязи исключительно граничащих территорий, в целом подтверждают результаты с использованием матрицы линейных расстояний (рис. 3). Стоит отметить, что при использовании матрицы линейных расстояний ряд северных регионов, таких как Ямало-Ненецкий автономный округ и Ненецкий автономный округ являются получателями влияния по занятости со стороны других регионов, в то время как результаты, полученные с помощью матрицы смежных границ, не подтверждают данное влияние. Это косвенно свидетельствует о том, что рабочая миграция в северные регионы осуществляется в большей степени с территорий Центральной России, Урала и Юга, нежели из граничащих субъектов.

Большая часть территорий вошла в квадрант LL и не имеет значимой пространственной взаимосвязи с граничащими субъектами. Красноярский край тем не менее является полюсом роста и оказывает влияние на Томскую область и Ханты-Мансийский автономный округ. Нижегородская область в свою очередь оказывает значимое влияние на республику Марий Эл и республику Чувашия, а также Ивановскую и Владимирскую области.

Составлено авторами по материалам источника [21]

Рис 3. Распределение регионов Российской Федерации по квадрантам матрицы пространственной автокорреляции в 2021 г. (с использованием матрицы смежных границ)

Москва и Московская область также являются центрами западного регионального кластера и оказывают значительное влияние на смежные территории, в частности Тверскую, Смоленскую, Калужскую, Ярославскую области. Помимо этого, выделяется кластер уральских регионов, в который вошли Свердловская и Челябинская области, демонстрирующие высокие показатели занятости и влияющие на занятость в граничащих субъектах. Среди территорий Южного федерального округа сильное влияние оказывает Ростовская область. При этом основными получателями данного эффекта являются республика Крым, Севастополь, Краснодарский край, которые вошли в квадрант периферийных территорий, демонстрирующих высокий потенциал к росту. В то же время негативный эффект наблюдается для республик Адыгея и Калмыкия.

Достаточно высокую связность по показателям занятости демонстрируют регионы Центрального, Северо-западного, Южного, Приволжского и Уральского федеральных округов. В Сибирском федеральном округе высокие показатели занятости демонстрируют Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области, несмотря на то что степень их пространственного влияния остается низкой. В Дальневосточном федеральном округе высокая занятость и низкое пространственное взаимовлияние наблюдаются в Приморском крае.

Таблица 1

Обобщение результатов пространственного автокорреляционного анализа по методике П. Морана

Методы оценки	Матрица линейных расстояний (нормированная)		Матрица смежных границ (нормированная)	
	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
Глобальный индекс Морана	0,0294	0,0286	0,1063	0,1071
Стандартная ошибка	0,0005	0,0005	0,0009	0,0009
Математическое ожидание	0,000004	0,000004	0,000015	0,000015
Z-оценка	63,9074	63,0976	113,0413	115,3724
p-value	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Составлено авторами по материалам исследования

В табл. 1 представлены сводные результаты пространственного анализа по методологии Морана. Глобальный индекс Морана является значимым и положительным, что свидетельствует об усилении кластеризации по занятости в РФ. Положительная Z-оценка также говорит о том, что похожие регионы имеют тенденции к более близкому расположению друг к другу. Иначе говоря, регионы с низкой и высокой занятостью располагаются в относительной близости к субъектам с аналогичными показателями занятости. При этом значимая статистика свидетельствует о более упорядоченном распределении занятых по регионам, нежели носит хаотичный характер распределения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании проведена оценка пространственных эффектов и кластеризация регионов по занятости в России. Результаты исследования демонстрируют высокий потенциал к кластеризации по количеству занятых в российских регионах. При этом отчетливо выделяется группа западных регионов, которые имеют большую территориальную связность, характеризуемую выраженным пространственным взаимовлиянием, в то время как восточные регионы страны не оказывают влияния на другие регионы и сами не подвержены данному влиянию. Основными центрами являются Красноярский край, Иркутская область и Приморский край. Тем не менее, несмотря на высокие показатели занятости, вышеуказанные субъекты имеют низкую степень пространственного влияния.

Низкая населенность данных территорий является одной из основных проблем, в связи с чем региональная политика должна уделять особое внимание программам повышения уровня жизни и создания рабочих мест для повышения уровня занятости, а также инфраструктурного развития территорий дальневосточного макрорегиона, которые позволят повысить связность с западными регионами РФ.

Библиографический список

1. Демьянова А.В., Рыжикова З.А. *Занятость и безработица: что говорят альтернативные измерители?* www.econorus.org/con2020/program.html?vid=report&eid=3495 (дата обращения: 26.07.2023).
2. Гилтман М.А. Индивидуальные детерминанты занятости в России: региональные и отраслевые особенности. Вестник Томского государственного университета. *Экономика*. 2018;43:88–106. <https://doi.org/10.17223/19988648/43/6>
3. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regional inequality in large post-Soviet countries. *Regional Research of Russia*. 2011;1(1):15–26. <https://doi.org/10.1134/S2079970511010138>
4. Министерство экономического развития Российской Федерации. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года*. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 26.07.2023).
5. Индугенко А.Н., Владыка М.В., Гасий С.К. Региональный бюджет и проблемы его дефицитности. Вестник Брянского государственного университета. 2014;4:116–119.
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система. *Уровень занятости населения*. <https://www.fedstat.ru/indicator/34027> (дата обращения: 26.07.2023).
7. Furková A., Chocholatá M. Spatial econometric approach to the EU regional employment process. *Central European Journal of Operations Research*. 2021;29:1037–1056. <https://doi.org/10.1007/s10100-020-00714-5>
8. Kivi L. Spatial Interactions of Regional Labor Markets in Europe. *SSRN Electronic Journal*. 2019;3330778. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3330778>
9. Kivi L., Paas T. Spatial interactions of employment in European labor markets. *Eastern Journal of European Studies*. 2021;12:196–211. <https://doi.org/10.47743/ejes-2021-SI09>
10. Demidova O.A., Daddi P., Medvedeva E.V., Signorelli M. Modeling the Employment Rate in Russia: A Spatial-Econometric Approach. *Economy of Region*. 2019;14(4):1383–1398. <https://doi.org/10.17059/2018-4-25>
11. Наумов И.В., Барыбина А.З. Пространственная регрессионная модель инновационного развития регионов России. Вестник Томского государственного университета. *Экономика*. 2020;52:215–232. <https://doi.org/10.17223/19988648/52/13>
12. Naumov I.V., Dubrovskaya J.V., Kozonogova E.V. Digitalization of Industrial Production in the Russian Regions: Spatial Relationships. *Economy of Region*. 2020;3(16):896–910. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-17>
13. Chen Y. New Approaches for Calculating Moran's Index of Spatial Autocorrelation. *PLoS ONE*. 2013;7(8):e68336. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0068336>

14. Metelli L., Natoli F. The International Transmission of US Tax Shocks: A Proxy-SVAR Approach. *IMF Economic Review*. 2021;2(69):325–356. <https://doi.org/10.1057/s41308-021-00136-6>
15. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 26.07.2023).
16. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 26.07.2023).
17. Министерство труда Российской Федерации. Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2022–2024 гг. <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/1324?ysclid=lgj4hjl5p398366467> (дата обращения 26.07.2023).
18. Соловьева Т.С. Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий. *Экономика труда*. 2022;7(9):1147–1166. <https://doi.org/10.18334/et.9.7.114801>
19. Rusanovskiy V.A., Markov V.A. Employment and Labor Productivity in Macroregions of Russia: Spatial Interdependence. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;2(29):135–143. <https://doi.org/10.1134/S1075700718020120>
20. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 26.07.2023).
21. Наумов И.В. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022680630. Пространственный автокорреляционный анализ индикаторов социально-экономического развития регионов по методике П. Морана. <https://sciact.uic.ru/ru/public/patent/33> (дата обращения: 26.07.2023).
22. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association-LISA. *Geographical Analysis*. 1995;2(27):93–115.
23. Наумов И.В., Отмахова Ю.С., Красных С.С. Методологический подход к моделированию и прогнозированию воздействия пространственной неоднородности процессов распространения COVID-19 на экономическое развитие регионов России. *Компьютерные исследования и моделирование*. 2021;3(13):629–648. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-3-629-648>

References

1. Demyanova A.V., Ryzhikova Z.A. *Employment and unemployment: what do alternative measures tell?* www.econorus.org/con2020/program.phtml?vid=report&cid=3495 (assessed 26.07.2023). (In Russian).
2. Giltman M.A. Individual Determinants of Employment in Russia: Regional and Industrial Peculiarities. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2018;43:88–106. <https://doi.org/10.17223/19988648/43/6> (In Russian).
3. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regional inequality in large post-Soviet countries. *Regional Research of Russia*. 2011;1(1):15–26. <https://doi.org/10.1134/S2079970511010138>
4. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. *Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025*. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (assessed 26.07.2023). (In Russian).
5. Indutenko A.N., Vladika M.V., Gasij S.K. Regional budget and its problems scarce. *The Bryansk State University Herald*. 2014;4:116–119. (In Russian).
6. Unified interdepartmental information and statistical system. *Level of population employment*. <https://www.fedstat.ru/indicator/34027> (accessed 26.07.2023). (In Russian).
7. Furková A., Chocholatá M. Spatial econometric approach to the EU regional employment process. *Central European Journal of Operations Research*. 2021;29:1037–1056. <https://doi.org/10.1007/s10100-020-00714-5>
8. Kivi L. Spatial Interactions of Regional Labor Markets in Europe. *SSRN Electronic Journal*. 2019;3330778. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3330778>
9. Kivi L., Paas T. Spatial interactions of employment in European labor markets. *Eastern Journal of European Studies*. 2021;12:196–211. <https://doi.org/10.47743/ejes-2021-SI09>
10. Demidova O.A., Daddi P., Medvedeva E.V., Signorelli M. Modeling the Employment Rate in Russia: A Spatial-Econometric Approach. *Economy of Region*. 2019;14(4):1383–1398. <https://doi.org/10.17059/2018-4-25>
11. Naumov I.V., Barybina A.Z. The Spatial Autoregression Model of Innovative Development of Russian Regions. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2020;52:215–232. <https://doi.org/10.17223/19988648/52/13> (In Russian).
12. Naumov I.V., Dubrovskaya J.V., Kozonogova E.V. Digitalisation of Industrial Production in the Russian Regions: Spatial Relationships. *Economy of Region*. 2020;3(16):896–910. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-17>
13. Chen Y. New Approaches for Calculating Moran's Index of Spatial Autocorrelation. *PLoS ONE*. 2013;7(8):e68336. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0068336>
14. Metelli L., Natoli F. The International Transmission of US Tax Shocks: A Proxy-SVAR Approach. *IMF Economic Review*. 2021;2(69):325–356. <https://doi.org/10.1057/s41308-021-00136-6>

15. Russian Federation. *The Decree of the President Federation dated 21.07.2020 No. 474 "On national development goals of Russian Federation for the period up to 2030"*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (assessed 26.07.2023). (In Russian).
16. Russian Federation. *Order of the Russian Government dated 13.02.2019 No. 207-R "On acceptance of Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025"*. <http://government.ru/docs/35733/> (assessed 26.07.2023). (In Russian).
17. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. *The Forecast of labor resources balance for 2022–2024*. <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/1324?ysclid=lgj4hjzl5p398366467> (assessed 26.07.2023).
18. Soloveva T.S. Features of the Russian population employment in the context of spatial development of the territories. *Ekonomika truda*. 2022;7(9):1147–1166. <https://doi.org/10.18334/et.9.7.114801> (In Russian).
19. Rusanovskiy V.A., Markov V.A. Employment and Labor Productivity in Macroregions of Russia: Spatial Interdependence. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;2(29):135–143. <https://doi.org/10.1134/S1075700718020120>
20. Federal State Statistics Service. *Regions of Russia. Socio-economic indicators*. https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (assessed 26.07.2023). (In Russian).
21. Naumov I.V. Certificate of state registration of the computer program No. 2022680630. Spatial autocorrelation analysis of indicators of regional socio-economic development according to the P. Moran's method. <https://sciact.uiec.ru/ru/public/patent/33> (accessed 26.07.2023). (In Russian).
22. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association-LISA. *Geographical Analysis*. 1995;2(27):93–115.
23. Naumov I.V., Otmakhova Yu.S., Krasnykh S.S. Methodological approach to modeling and forecasting the impact of the spatial heterogeneity of the COVID-19 spread on the economic development of Russian regions. *Computer Research and Modeling*. 2021;3(13):629–648. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-3-629-648> (In Russian).

Место и роль наукоемких бизнес-сегментов в вертикально интегрированных нефтегазовых компаниях

Качалкина Кристина Геннадиевна

Соискатель

ORCID: 0000-0002-8280-9764, e-mail: kkachalkina@gmail.com

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Россия

Аннотация

Развитие нефтегазовой отрасли происходит под влиянием глобальных тенденций, которые в большинстве своем носят негативный, ограничивающий характер. Совершенствование и прикладное использование научных ресурсов являются одними из ключевых факторов, позволяющих ответить на сложившиеся вызовы. Актуальность развития наукоемкого бизнес-сегмента отмечается отраслевым экспертным сообществом. Актуальные версии Энергетической стратегии и Стратегии научно-технического развития отраслей топливно-энергетического комплекса включают задачи развития импортозамещающих технологий и оборудования, проведения с этой целью научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и повышения научных компетенций. Эти задачи транслируются в стратегии отдельных вертикально интегрированных нефтегазовых компаний, и, следовательно, возникает потребность проанализировать место и роль наукоемкого бизнес-сегмента таких компаний, чтобы оценить его возможность обеспечить их стратегическое устойчивое развитие. По результатам анализа подтверждена важность наукоемкого бизнес-сегмента для стратегического устойчивого развития нефтегазовых компаний. Обозначена потребность в актуализации инструментов и методов стратегического планирования развития наукоемких сегментов с целью согласования творческой деятельности по созданию научного результата с формализованными целями и вызовами развития компаний.

Ключевые слова

Вертикально интегрированные нефтегазовые компании, наукоемкий бизнес-сегмент, корпоративная наука, НИОКР, научно-техническое развитие, стратегическое развитие, нефтегазовая отрасль

Для цитирования: Качалкина К.Г. Место и роль наукоемких бизнес-сегментов в вертикально интегрированных нефтегазовых компаниях // Вестник университета. 2023. № 10. С. 115–124.

Place and role of science-intensive business segments in vertically integrated oil and gas companies

Kristina G. Kachalkina

Applicant

ORCID: 0000-0002-8280-9764, e-mail: kkachalkina@gmail.com

Ufa State Petroleum University, Ufa, Russia

Abstract

Oil and gas industry development is influenced by global trends, which are mostly negative and restrictive in nature. Improvement and applied use of scientific resources are some of the key factors that allow us to respond to the challenges. The relevance of knowledge-intensive business segment development is noted by the industry expert community. The current versions of the Energy Strategy and the Strategy for Scientific and Technical Development of Fuel and Energy Sector Industries include tasks of developing import-substituting technologies and equipment, conducting R&D for this purpose, and improving scientific competencies. These tasks are translated into the strategies of individual vertically integrated oil and gas companies, and, therefore, there is a need to analyze the place and role of knowledge-intensive business segment of such companies in order to assess its ability to ensure their strategic sustainable development. According to the analysis results, importance of knowledge-intensive business segment for strategic sustainable development of oil and gas companies has been confirmed. The need to actualize the tools and methods of strategic planning for knowledge-intensive segments development in order to align activity to create scientific results with formalized goals and challenges of company development has been identified.

Keywords

Vertically integrated oil and gas companies, science-intensive business segment, corporate science, R&D, research and technology advancement, strategic development, oil and gas industry

For citation: Kachalkina K.G. (2023) Place and role of science-intensive business segments in vertically integrated oil and gas companies. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 115–124.

ВВЕДЕНИЕ

Нефтегазовая отрасль является стратегически важной для развития Российской Федерации (далее – РФ, Россия), обеспечения экономической и энергетической безопасности страны. Нефтегазовые компании формируют треть бюджетных доходов страны: в 2020 г. их доля составила 28 %, в 2021 г. – 36 %, а в 2022 г. выросла до 42 % [1]. В современных геополитических условиях развитие этой отрасли будет также способствовать развитию смежных отраслей, таких как машиностроение, информационные технологии и робототехника, поскольку нефтегазовые компании выступают по отношению к ним заказчиком. В условиях санкций и ограничений на использование зарубежных технологий и оборудования у российских производителей появится возможность занять появившуюся долю рынка.

Исторически нефтегазовая отрасль в России характеризовалась высокой наукоемкостью, поскольку был запрос на технологии разработки месторождений, вводимых в 1930–1950-е гг.. После распада Союза Советских Социалистических Республик научная активность закономерно сократилась, а инициатива на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) исходила от сервисных предприятий и производителей оборудования, предлагавших услуги и технологии вертикально интегрированным нефтегазовым компаниям (далее – ВИНК). Новый этап развития корпоративной науки начался в 2010-х гг., когда продуктивность добычи стала падать и теперь уже ВИНК инициировали запрос на НИОКР. Это стимулировало развитие корпоративной науки, усиление роли корпоративных университетов, возвращение «внутренних» специалистов [2].

В настоящее время развитие нефтегазовой отрасли происходит под влиянием глобальных тенденций, которые в большинстве своем носят негативный, ограничивающий характер. В целях преодоления этих барьеров ВИНК могут использовать научные ресурсы – знания, НИОКР, компетенции сотрудников – для создания новых технико-технологических и управленческих решений с целью содействия устойчивому развитию. Развитие и прикладное использование научных ресурсов как ключевого фактора преодоления сложившихся вызовов активно отмечается отраслевым экспертным сообществом. Повестка научно-технического развития нефтегазового комплекса (далее – НГК) активно обсуждалась в докладах на Промышленном энергетическом форуме (далее – ПЭФ) и Тюменском нефтегазовом форуме в 2022 г. и была освещена в материалах специального издания «Коммерсантъ» по итогам ПЭФ [3]. Также, согласно исследованию Высшей школы экономики, по состоянию на 2022 г. компании НГК формируют 12,1 % затрат на инновации и производят 13,9 % инновационной продукции в промышленности страны [4]. В том же исследовании рассмотрено и подтверждено позитивное стимулирующее влияние НГК на развитие смежных отраслей и научного потенциала страны и ее регионов, хотя речь идет о нефтегазовых кластерах, нежели отдельных компаниях.

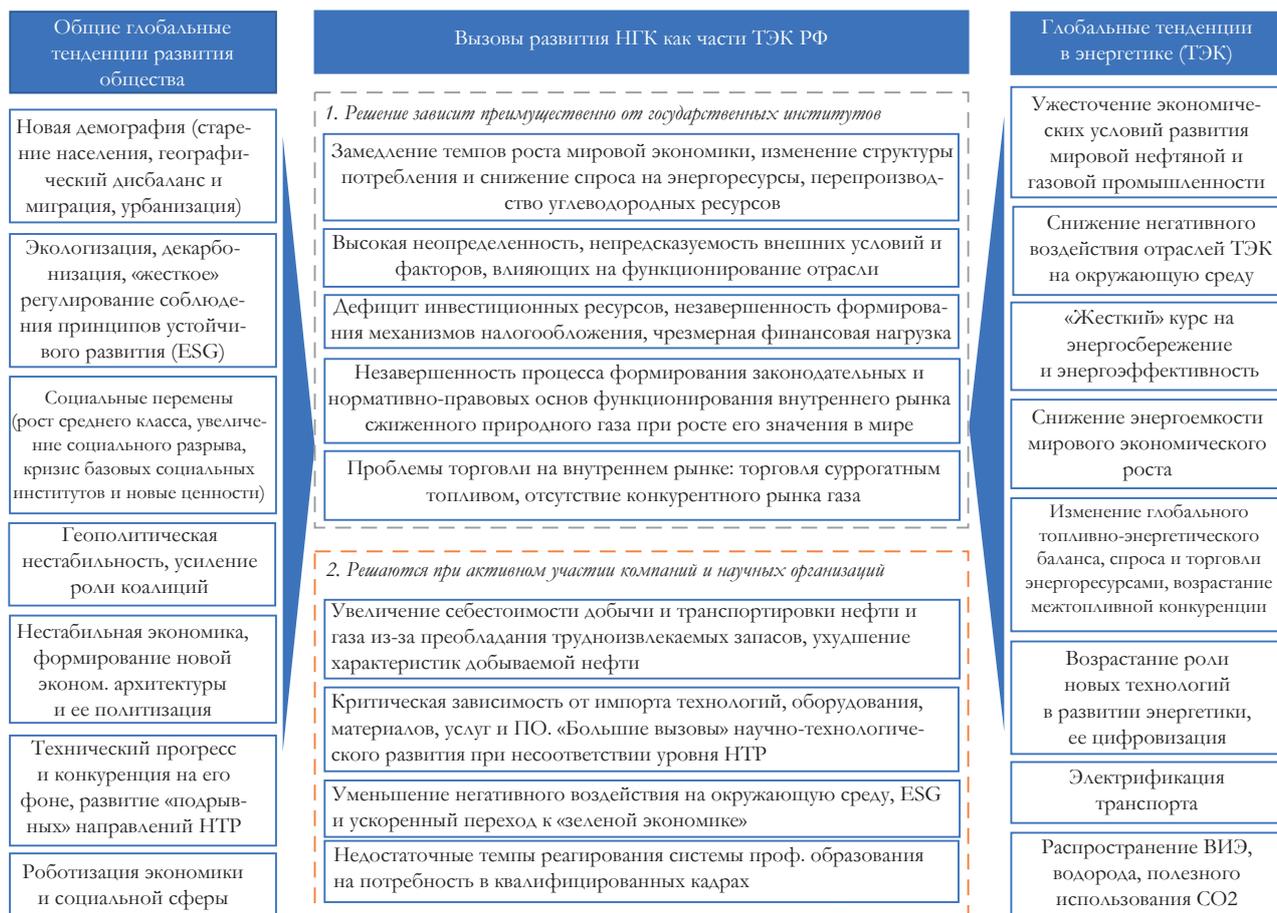
Таким образом, научная активность отрасли растет. В связи с этим целесообразно изучить место и роль наукоемкого бизнес-сегмента (далее – НБС) как фактора и ресурса обеспечения стратегического развития ВИНК, а также уточнить преимущества корпоративной модели получения знаний в сравнении с аутсорсингом.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ РОССИИ

Развитие нефтегазовой отрасли является комплексной задачей, тесно связано с научно-технологическим развитием и перспективами топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) и регулируется целым рядом официальных стратегий и программ на нескольких уровнях:

- 1) Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 г. [5];
- 2) Прогнозом научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса на период до 2035 г. [6];
- 3) Стратегией научно-технологического развития РФ [7];
- 4) региональными стратегиями социально-экономического развития субъектов федерации в части развития добывающих отраслей;
- 5) стратегиями развития компаний и отдельных бизнес-сегментов, а также долгосрочными программами научно-технического развития отдельных ВИНК.

Анализ этих стратегических документов позволил сформировать картину тенденций и следующих из них вызовов развития нефтегазовых компаний как части ТЭК РФ (рис. 1).

*Примечание: ТЭК – топливно-энергетический комплекс; НТР – научно-техническая революция; ПО – программное обеспечение; ВИЭ – возобновляемые источники энергии

Составлено автором по материалам источников [5–7]

Рис. 1. Тенденции и вызовы, влияющие на стратегическое развитие нефтегазовых компаний

Вызовы, стоящие перед отраслью в целом и отдельными нефтегазовыми компаниями, можно условно поделить на две группы:

- 1) вызовы, которые можно решить только системно на уровне РФ и преимущественно посредством выработки мер, нормативных документов и регулирования такими государственными институтами, как Министерство энергетики РФ, Министерство экономического развития РФ (выделены серым пунктиром на рис. 1);
- 2) вызовы, которые находятся в поле влияния нефтегазовых компаний и научных организаций, ведущих деятельность в нефтегазовой сфере: ВИНК, отдельные научно-исследовательские (проектные) институты и научно-производственные предприятия, а также вузы (выделены оранжевым пунктиром).

При решении вызовов второй группы содействие государственных институтов также необходимо и значимо, однако возможность компаний повлиять на них более значительно, чем на вызовы первой группы. Эти вызовы связаны с обеспечением устойчивого развития компаний и потому часто являются частью стратегических документов и планов компаний. Решение этих вызовов невозможно без вовлечения научных ресурсов ВИНК с целью создания новых технико-технологических и управленческих решений по адаптации к тенденциям и содействию устойчивому развитию, что отмечал также Р.Е. Шепелев [8]. В связи с этим такая деятельность часто включается в задачи, решение которых ставится перед наукоемким бизнес-сегментом.

КОРПОРАТИВНАЯ НАУКА ПРОТИВ АУТСОРСИНГА ЗНАНИЙ В НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЯХ

До 1890-х гг. существовали отдельные научные лаборатории и центры, часто – при университетах. Корпоративная наука как наука при промышленных предприятиях начала формально развиваться в конце 1890-х гг. и вплоть до 1990-х гг. активно обеспечивала промышленные предприятия необходимыми научными результатами (табл. 1).

**Основные вехи развития и модели организации науки
на промышленных предприятиях**

Этап	Внутренний фокус	Внешний фокус	Поиск баланса
Годы	1890–1990 гг.	1990–2000 гг.	2000 г. – наст. вр.
Модели организации НИ-ОКР*	1. 1890–1920 гг. Первые лаборатории при предприятиях и их масштабирование до крупных исследовательских центров 2. 1930-е гг. Технологический скаутинг для поиска и покупки технологий и/или исследовательских команд 3. 1960-е гг. Проектный подход к НИ-ОКР, всесторонняя оценка их эффективности 4. 1980-е гг. Стратегии НИОКР	Оптимизация затрат и аутсорсинг в виде: 1) консорциумов крупных промышленных предприятий; 2) партнерских исследовательских программ	Экосистемы при крупных предприятиях при наличии внутренних научных центров (отделов и дочерних обществ)
Задачи участников НИ-ОКР	Оптимизация продуктов и производства Рост компетенций предприятия Повышение конкурентоспособности	Получить новейшие достижения с наименьшими затратами	Получать новейшие достижения Развивать конкурентоспособность

*Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено автором по материалам источника [9; 10]

В 1990-е гг. начали развиваться новые отрасли – информационные технологии (ИТ), био- и нанотехнологии. Наука стала характеризоваться сложностью и удорожанием НИОКР, гораздо более быстрыми темпами технологического развития и сокращением жизненного цикла продуктов, необходимостью обладания специфическими узкими компетенциями. Научные подразделения промышленных предприятий не обладают гибкостью и компетенциями для такой деятельности. Это привело к выводу науки вновь за пределы компаний при одновременной зависимости промышленности от новых технологий. Такая зависимость есть источник риска и фактор снижения конкурентоспособности. В связи с этим стали развиваться партнерские модели. В настоящее время распространена модель корпоративных экосистем, посредством которых формируются устойчивые научные партнерские связи и развиваются собственные внутренние центры НИОКР, часто в виде кластеров.

Таким образом, наука на промышленных предприятиях в настоящее время носит двойственный характер. «Внешняя» ее часть в большей степени сводится к проведению доконкурентных исследований и содействию развитию сопутствующих технологий, например, робототехники для обслуживания нефтепроводов. «Внутренняя» часть базируется на решении непосредственно отраслевых задач, стоящих перед конкретным предприятием. Организационные особенности корпоративной науки в нефтегазовой отрасли описаны В.Ю. Линником [11]. Современная корпоративная наука выполняется кросс-функциональными внутренними командами на основе продуктового подхода, что может снижать научную и творческую новизну таких НИОКР, зато она производит конкретные технологии и продукты, необходимые предприятию на рынке.

Таким образом, необходимый научный результат как продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе, будет критерием выбора между корпоративной наукой и аутсорсингом:

- 1) решение конкретных отраслевых задач – корпоративная наука;
- 2) проведение фундаментальных, межотраслевых исследований – экосистемная модель.

МЕСТО НАУКОЕМКИХ БИЗНЕС-СЕГМЕНТОВ В ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЯХ

По данным Министерства энергетики РФ, по состоянию на 01.01.2021 г. в РФ действует 11 ВИНК [6]. Анализ документов их стратегического развития показал, что компании намерены решать такие задачи, как снижение себестоимости добычи, внедрение новых технологий добычи трудноизвлекаемых запасов

и высоковязкой нефти, разработка импортозамещающих технологий для развития рынка сжиженного природного газа и др. Это невозможно без развития новых технологий и наращивания профессиональных компетенций своих сотрудников – эти вопросы являются значимой повесткой ВИНК и ее дочерние общества (далее – ДО) на ближайшую перспективу.

Научная активность ВИНК традиционно достаточно высока, цифровизация и развитие технологий включены в повестку компаний с начала 2000-х гг. Как уже было отмечено, на 2022 г. нефтегазовые компании формируют 12,1 % российских затрат на инновации и производят 13,9 % инновационной продукции [4]. При этом около 80 % инвестиций в НИОКР в ТЭК носят прикладной характер, и фундаментальной наукой игроки отрасли не занимаются [12].

Предложенный критерий выбора между корпоративной наукой и аутсорсингом не является абсолютным. Тем не менее понимая, что вызовы, стоящие перед ВИНК, носят отраслевой характер, можно полагать, что основную работу по получению научного результата будут выполнять внутренние научные центры – ДО, совокупность которых можно назвать наукоемким бизнес-сегментом. Критерии отнесения предприятия к наукоемкому в российской и мировой практике пока достаточно размыты [13]. На основе группировки наукоемких отраслей Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), рекомендаций Евростата и Организации экономического сотрудничества и развития, а также с учетом особенностей нефтегазовой отрасли предлагается выбрать три критерия, по которым ДО можно отнести к наукоемким:

1) основной вид деятельности по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности – относится к высокотехнологичным или наукоемким отраслям, представленным в Приложении № 1 к Методике расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации», утвержденной приказом Росстата от 15.12.2017 г. № 832 [14];

2) доля затрат на НИОКР – должна быть выше, чем в среднем по ВИНК;

3) хозяйственная самостоятельность – является самостоятельным ДО головной (материнской) компании с высоким уровнем автономности, выпускающим отдельный вид продукта (работы, услуги), то есть являющимся стратегической бизнес-единицей.

В соответствии с этим критерием к наукоемким общества ВИНК можно отнести четыре группы ДО (табл. 2).

Таблица 2

Группы наукоемких дочерних обществ вертикально интегрированных нефтяных компаний

Группа	Основной ОКВЭД2	Типы предприятий
1 группа	72. Научные исследования и разработки	Научно-исследовательские (проектные) институты
2 группа	71. Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	Научно-технические центры, нефтесервис с высокой долей НИОКР* и/или проектно-изыскательные работы
3 группа	85. Образование	Корпоративные институты
4 группа	61. Деятельность в сфере телекоммуникаций 62. Разработка компьютерного программного обеспечения 63. Деятельность в области информационных технологий	Научно-технические центры, организации в области услуг IT и связи, автоматизации

*Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено автором по материалам исследования

С учетом допущений и наличия данных в открытом доступе доля наукоемких БС в 10 российских ВИНК («Газпром», «Гатнефть», «Газпром нефть», «Роснефть», включая ДО «Башнефти», «Лукойл», «Русснефть», «Сургутнефтегаз», «Новатэк», «Славнефть» и «ННК») на конец 2021 г. составила 6,9 % от всего количества ДО в структурах ВИНК. Отметим, что научных ресурсов в ВИНК по факту больше. Во-первых, в некоторых ВИНК наукоемкие предприятия объединены под одним ДО и, следовательно, не подходят по критерию № 3, хотя входят в структуру ВИНК. Во-вторых, имеются научно-исследовательские

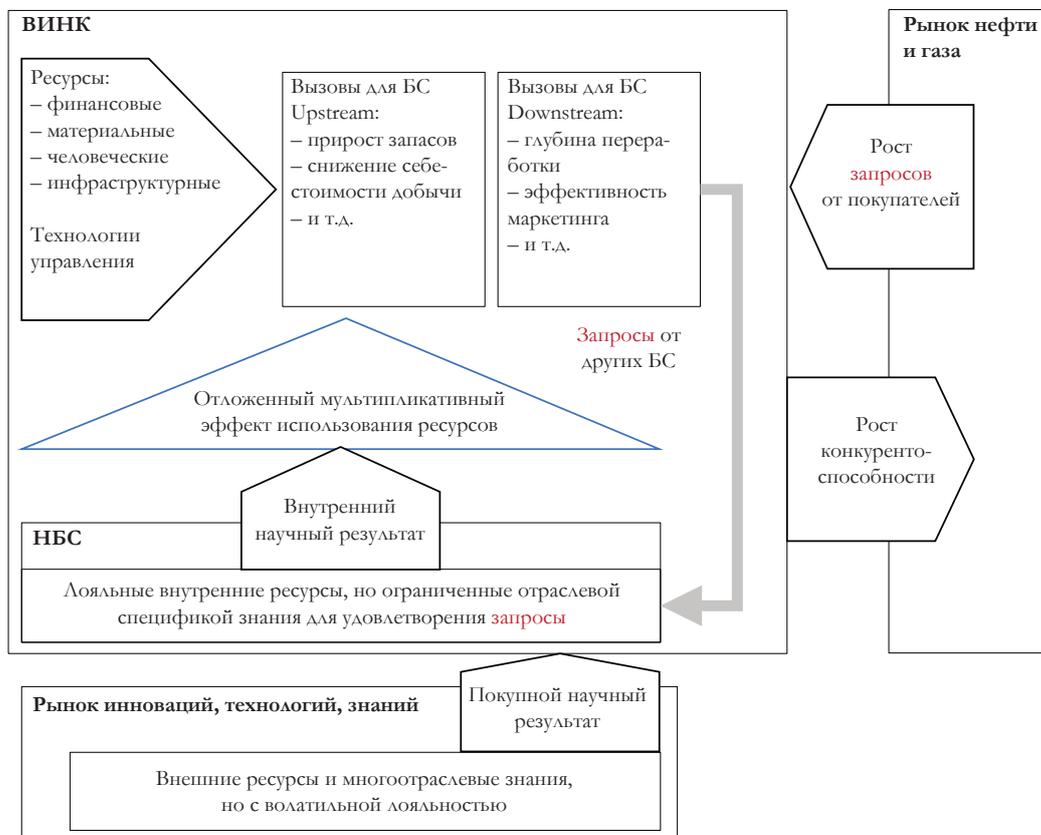
и научно-технические советы, центры и подразделения внутри ДО, основной ОКВЭД2 которых не соответствует критерию № 1, при этом доля затрат на НИОКР может быть высока. В-третьих, необходимо учитывать кластеры: заключаются партнерские соглашения с предприятиями, организациями и учреждениями вне ВИНК, приносящие значительные научные результаты (экосистемная модель).

РОЛЬ НАУКОЕМКОГО БИЗНЕС-СЕКМЕНТА И ВКЛАД НАУЧНОГО РЕЗУЛЬТАТА В СОЗДАНИЕ ЦЕННОСТИ ВИНК

Продуктом деятельности НБС является научный результат. Именно научный результат создает ценность, и его значимость можно оценить как вклад в цепочку создания ценности ВИНК и создаваемую добавленную стоимость.

Цепочку создания стоимости в нефтегазовой отрасли рассматривали А.Н. Вдовин, С.А. Токарева с соавторами. А.Н. Вдовин составил схемы цепочки создания стоимости для газовой и нефтяной промышленности, где оценил вклад НИОКР лишь в 1 % создаваемой стоимости, при этом вклад технологий и оборудование добычи – в 37 % [15]. В нефтепереработке НИОКР, по мнению А.Н. Вдовина, и вовсе создает 0,5 % стоимости, а технологии и оборудование – 17 %. Такая оценка кажется не совсем соответствующей реальности, поскольку создание самих технологий и оборудования было бы невозможным без проведения НИОКР. Кроме того, добавленная стоимость отражает краткосрочную реакцию рынка, а внедрение результатов НИОКР имеет отложенный, часто долгосрочный результат, что отмечено также С.А. Токаревой с соавторами [16]. Следовательно, можно сделать вывод, что ценность, создаваемая НБС, будет значительно выше, поскольку их продукт заложен изначально и в другие элементы цепочки ценности, что порождает мультипликативный эффект, который в действительности сложно оценить, в том числе из-за временного лага.

Следовательно, научный результат, создаваемый НБС в том числе в сотрудничестве с внешними игроками, должен развиваться опережающими темпами, а ДО, формирующие НБС, должны быть стратегическим носителем технологической ценности и лояльными владельцами необходимых отраслевых научных результатов. Как следствие, место НБС в ВИНК можно схематично представить на рис. 2.

*Примечание: ВИНК – вертикально интегрированная нефтегазовая компания, БС – бизнес-сегмент, НБС – наукоемкий бизнес-сегмент

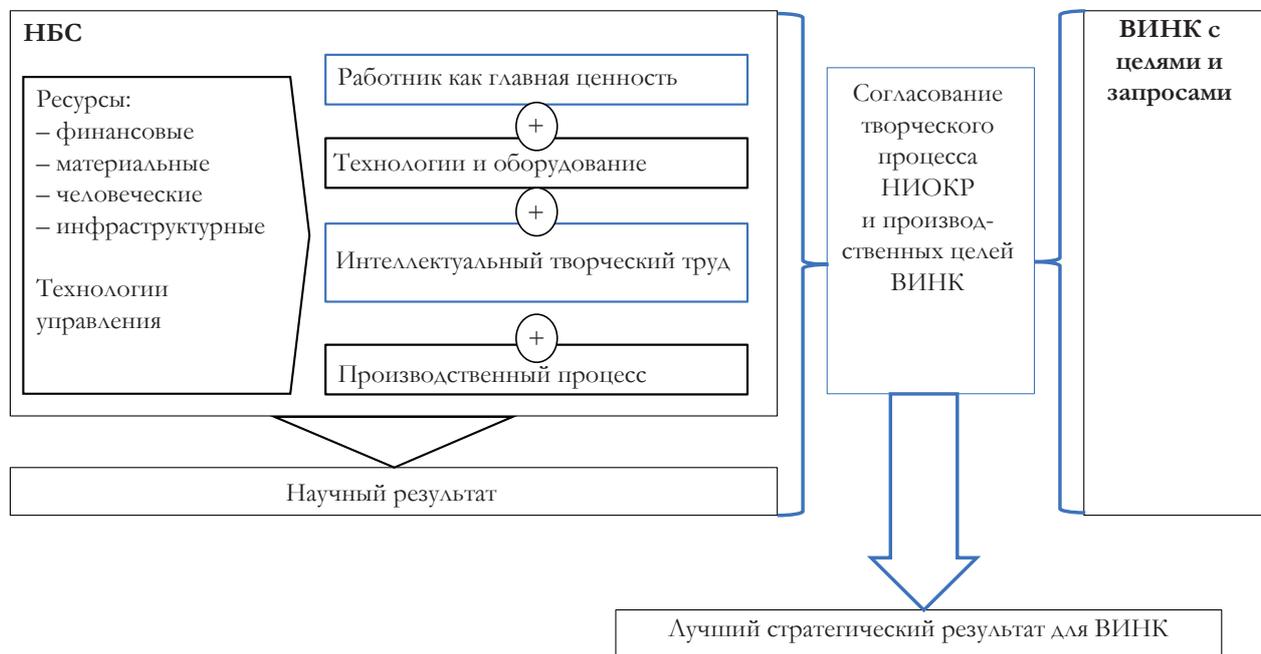
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Место наукоемких бизнес-сегментов в вертикально интегрированных нефтегазовых компаний

Вызовы, стоящие перед ВИНК и отраслью, обрабатываются бизнес-сегментами ВИНК и потребителями и предстают в виде запросов. Таким образом, ключевая роль НБС в ВИНК заключается в создании мультипликативного эффекта (выделен синим на рисунке), повышающего эффективность использования ресурсов основных бизнес-сегментов и удовлетворения запросов (как внутреннего, так и внешнего) через получение научного результата, создаваемого с использованием внутренних и внешних ресурсов. При этом целесообразно сделать допущение, что ВИНК может принять рациональное решение о том, генерировать ли научный результат внутри посредством собственных ДО или покупать его с целью повышения конкурентоспособности.

МОДЕЛЬ ВКЛЮЧЕНИЯ НАУКОЕМОГО БИЗНЕС-СЕГМЕНТА В СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ ВИНК

Подходы к управлению НИОКР разрабатывались М. Портером, Р. Грантом, Т. Бекманном, К. Прахаладом, Г. Хамелем, Х. Ли, Д. Хислопом, Б. Мильнером и др. В настоящее время превалирует концепция управления знанием, согласно которой управление НИОКР должно включать гуманитарные методы и механизмы и потому тесно связано с принципами человекоориентированного управления и концепциями интеллектуального и человеческого капиталов [17]. Одновременно сложность управления НИОКР, неопределенность результатов при высоких инвестициях при их стратегической значимости, специфические особенности корпоративной культуры, бизнес-процессов НБС ставят управление научным результатом в фокус всех корпоративных уровней. В связи с этим внутренняя модель НБС предстает как система, преобразующая ресурсы и использующая технологии управления с целью создания научного результата, который обеспечит устойчивое развитие ВИНК. При этом на основе на современных концепциях управления НИОКР и особенностях корпоративной науки ключевым отличием модели от других бизнес-сегментов, прежде всего upstream и downstream, становится необходимость учета работника как носителя главной ценности (знаний) и поиска баланса между созданием условий для творческого процесса проведения НИОКР и достижением четко отраслевых производственных целей ВИНК (рис. 3).

*Примечание: НБС – наукоёмкий бизнес-сегмент, ВИНК – вертикально интегрированная нефтегазовая компания, НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Внутренняя модель наукоёмкого бизнес-сегмента ВИНК

Такое согласование и позволит получить необходимый мультипликативный эффект и раскроет потенциал НБС, что позволит производить научный результат, гарантирующий лучший стратегический результат для ВИНК. Согласование целесообразно проводить в триаде «работник – НБС – ВИНК»,

чтобы обеспечить устойчивое развитие всех корпоративных уровней, и включить его в процесс стратегического планирования развития НБС. Результатом такого планирования будет лучшее соответствие стратегии вызовам за счет соответствия современным подходам к управлению НИОКР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных геополитических условиях стратегическое развитие нефтегазовой отрасли и ее компаний формирует новые запросы к науке. Такая отраслевая наука может быть реализована «внутри» ВИНК как корпоративная наука, когда речь идет о создании научных продуктов, гарантирующих конкурентное преимущество, а может и вовне – в партнерстве с другими компаниями-конкурентами или научными организациями для проведения фундаментальных исследований. Корпоративный наукоемкий бизнес-сегмент занимает 6,9 % от общего числа дочерних обществ в российских ВИНК. Хотя его вклад в создаваемую цепочку ценности сложно оценить в силу отложенного мультипликативного эффекта, можно говорить о его значимости, поскольку получаемые научные результаты влияют не только на ВИНК, но и на сопутствующие отрасли экономики. При этом наукоемкий бизнес-сегмент должен развиваться опережающими темпами и создавать для ВИНК стратегически важные результаты, которые позволят ускорить адаптацию к вызовам и обеспечить устойчивое развитие.

В связи с этим стратегическое планирование развития наукоемкого бизнес-сегмента с учетом особенностей корпоративной науки становится актуальной задачей. Ее решение требует анализа и актуализации инструментов планирования, которые позволят обеспечить согласование творческого процесса создания научного результата с вызовами и целями развития ВИНК в соответствии с современными методами управления НИОКР, опирающимися на человекоцентричные подходы. Результатом решения задачи может стать новый инструментарий планирования, который позволит наукоемкому сегменту увеличить создаваемый мультипликативный эффект, что приведет к достижению лучшего стратегического результата в рамках устанавливаемых ВИНК целей развития.

Библиографический список

1. Российская Федерация. *Краткая ежегодная информация об исполнении федерального бюджета*. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub (дата обращения 08.07.2023).
2. Хасанов М.М. Логика нефтяной науки: где искать пути к неисчерпаемости углеводородных запасов. *Neftegaz.ru*. 2020;9(105):15–20.
3. Коммерсантъ. *Review «Промышленно-энергетический форум»*. <https://www.kommersant.ru/doc/5570067> (дата обращения: 08.07.2023).
4. Абашкин В.А., Березной А.В., Гохберг Л.М., Куценко Е.С. *Инновационные и промышленные кластеры в нефтегазовом секторе*. М.: НИУ ВШЭ; 2022. 86 с.
5. Российская Федерация. *Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (принята распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р)*. <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 16.07.2023).
6. Российская Федерация. *Прогноз научно-технологического развития отраслей ТЭК России на период до 2035 года (принят Приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 21.12.2021 г. № 1436)*. <https://minenergo.gov.ru/node/6366> (дата обращения: 16.05.2023).
7. Российская Федерация. *Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (принята Указом Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 г. № 143)*. <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (дата обращения: 16.07.2023).
8. Волков А.Т., Шепелев Р.Е. Современное состояние нефтегазовой отрасли – источника спроса инноваций. *Вестник университета*. 2019;6:68–76. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-68-76>
9. Андреева Н. Корпоративная наука: догнать нельзя игнорировать. *Атомный эксперт*. 2021;7(92):10–17.
10. Никулина О.В., Мирошниченко О.В. Сравнительный анализ особенностей финансирования инновационной деятельности компаний нефтегазового комплекса в мировой экономике. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016;32(314):23–39.
11. Линник В.Ю., Линник Ю.Н. Барьеры на пути инновационного развития научно-исследовательских организаций нефтегазодобывающей отрасли. *Вестник университета*. 2018;12:37–42. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-37-42>
12. Энергетика и промышленность России. *Инновации в энергетике: от формальных НИОКР к технологиям будущего*. <https://www.eprussia.ru/epr/361/1509722.htm> (дата обращения: 16.07.2023).

13. Корчагова Л. А., Корчагов С. А. Влияние наукоемкости и инноваций на развитие экономики в России. *Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право*. 2018;3:77–89. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2018-3-64-76>
14. Российская Федерация. *Методика расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации»* (утверждена приказом Федеральной службы государственной статистики от 15.12.2017 г. № 832). https://www.gks.ru/metod/metodika_832.pdf (дата обращения: 16.07.2023).
15. Вдовин А.Н. Формирование цепочек создания стоимости продукции предприятий топливно-энергетического комплекса России. *Экономический анализ: теория и практика*. 2011;44(251):23–28.
16. Токарева С.А., Ремисhevская К.В., Захаров Д.Ю. Влияние системы управления НИОКР на цепочку создания ценности нефтегазовых компаний. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2019;1(27):68–73. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-1-27-68-73>
17. Илякова И.Е., Савина Т.Н. Обеспечение научно-технического потенциала инновационного развития крупнейших отечественных корпораций: оценка, проблемы, тенденции. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016;7(340):131–143.

References

1. Russian Federation. *Brief annual information on federal budget execution*. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd_rub (accessed 08.07.2023). (In Russian).
2. Khasanov M.M. Logic of Petroleum Science: Where to Look for Ways to Inexhaustibility of Hydrocarbon Reserves. *Neftgaz.ru*. 2020;9(105):15–20. (In Russian).
3. Kommersant. *Industrial and Energy Forum Review*. <https://www.kommersant.ru/doc/5570067> (accessed 08.07.2023). (In Russian).
4. Abashkin V., Bereznoy A., Gokhberg L., Kutsenko E. *Innovation and Industrial Clusters in the Oil and Gas Sector*. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2022. 86 p. (In Russian).
5. Russian Federation. *Energy strategy of the Russian Federation for the period up to 2035 (by the order of the Government of the Russian Federation dated June 9, 2020, No. 1523-r)*. <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (accessed 16.07.2023). (In Russian).
6. Russian Federation. *Forecast of scientific and technological development of the Russian fuel and energy complex for the period up to 2035 (by the Order of the Ministry of Energy of Russia dated December 21, 2021, No. 1436)*. <https://minenergo.gov.ru/node/6366> (accessed 16.07.2023). (In Russian).
7. Russian Federation. *Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation (by Decree of the President of the Russian Federation dated March 15, 2021, No. 143)*. <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (accessed 16.07.2023). (In Russian).
8. Volkov A.T., Shepelev R.E. Current state of the oil and gas industry as a source of demand of innovations. *Vestnik universiteta*. 2019;6:68–76. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-68-76> (In Russian).
9. Andreeva N. Corporate science: catching up cannot be ignored. *Atomic Expert*. 2021;7(92):10–17. (In Russian).
10. Nikulina O.V., Miroshnichenko O.V. A comparative analysis of the specifics of financing of oil and gas companies' innovative activities in the world economy. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2016;32(314):23–39. (In Russian).
11. Linnik V.U., Linnik U.N. Barriers to innovative development of research organizations oil and gas industry. *Vestnik universiteta*. 2018;12:37–42. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-37-42> (In Russian).
12. Energy and industry of Russia. *Energy innovation: from formal R&D to future technologies*. <https://www.eprussia.ru/epr/361/1509722.htm> (accessed 16.07.2023). (In Russian).
13. Korchagova L.A., Korchagov S.A. Impact of science-intensity and innovations on the development of Russian economy. *RSUH/RG-GU BULLETIN. Series Economics. Management. Law*. 2018;(3):64–76. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2018-3-64-76> (In Russian).
14. Russian Federation. *Methodology for calculating the indicators “Share of products of high-tech and knowledge-intensive industries in gross domestic product” and “Share of products of high-tech and knowledge-intensive industries in gross regional product of the constituent entity of the Russian Federation”* (by order of the Federal State Statistics Service dated December 15, 2017, No. 832). https://www.gks.ru/metod/metodika_832.pdf (accessed 16.07.2023). (In Russian).
15. Vdovin A.N. Formation of value chains for the production of enterprises of the fuel and energy complex of Russia. *Economic analysis: theory and practice*. 2011;44(251):23–28. (In Russian).
16. Tokareva S.A., Remishevckaya K.V., Zakharov D. Yu. Influence of the R&D management system on the chain of creating the value of oil and gas companies. *Ufa State Petroleum Technological University Bulletin. Science, Education, Economy. Series: Economy*. 2019;1(27):68–73. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-1-27-68-73> (In Russian).
17. Ilyakova I.E., Savina T.N. The scientific and technical potential of innovative development of major domestic corporations: support, assessment, challenges, trends. *National Interests: Priorities and Security*. 2016;7(340):131–143. (In Russian).

Основы формирования кадровой политики на примере Ульяновской области Российской Федерации

Мухаметов Дамир Алмазович

Аспирант

ORCID: 0009-0006-1546-8863; e-mail: damirqwerty@gmail.com

Пустынникова Екатерина Васильевна

Д-р экон. наук, проф. каф. экономики и предпринимательства

ORCID: 0000-0003-1254-2707; e-mail: ebrezneva@list.ru

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия

Аннотация

В статье рассматривается влияние кадровой политики на развитие региона. В качестве общенаучных методов исследования использовались анализ, дедукция, описание. Авторы исследуют факторы, влияющие на доступность и формирование кадров в регионе, а также анализируют связь между спросом и предложением на рынке труда региона. Подчеркивается инновационное направление формирования экономики региона и ее связь с кадровой политикой. Важным аспектом является разработка регламентов, стандартов и квалификационных характеристик. Авторы делают вывод, что внешняя и внутренняя среды значительно влияют на содержание кадровой политики региона. В результате исследования предложены принципы и направления формирования эффективной кадровой политики региона. Необходимо разработать эффективную кадровую политику на основе общей стратегии развития региона с включением перспективных целей использования кадровых ресурсов, улучшения инфраструктуры для развития кадрового потенциала.

Ключевые слова

Кадровая политика, регион, стратегия, кадровый потенциал, человеческий ресурс, нормативные положения, инновация

Для цитирования: Мухаметов Д.А., Пустынникова Е.В. Основы формирования кадровой политики на примере Ульяновской области Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 125–134.

Basis of forming personnel policy on the example of the Ulyanovsk region of Russia

Damir A. Mukhametov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0006-1546-8863; e-mail: damirqwerty@gmail.com

Ekaterina V. Pustynnikova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Entrepreneurship Department

ORCID: 0000-0003-1254-2707; e-mail: ebrezneva@list.ru

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Abstract

The article studies impact of personnel policy on regional development. Analysis, deduction, and description were used as general scientific methods of research. The authors studied the factors affecting availability and formation of personnel in the region, and analyzed relationship between supply and demand in labor market of the region. The innovative direction of regional economy formation and its connection with personnel policy has been emphasized. An important aspect is the development regulations, standards and qualification characteristics. The authors conclude that external and internal environments significantly affect the content of regional personnel policy. As a result of the study, principles and directions of effective regional personnel policy formation have been proposed. It is necessary to develop an effective human resources policy based on the general strategy of regional development with the inclusion of prospective goals for the use of human resources and improvement of infrastructure for developing human resources potential.

Keywords

Personnel policy, region, strategy, personnel potential, human resources, regulations, innovation

For citation: Mukhametov D.A., Pustynnikova E.V. (2023) Basis of forming personnel policy on the example of the Ulyanovsk region of Russia. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 125–134.

ВВЕДЕНИЕ

Основой стратегии инновационного развития производственной и хозяйственной деятельности региона является эффективная региональная кадровая политика, которая должна быть согласована с этой стратегией. Сложившаяся экономическая ситуация требует проведения решительных мер по сохранению и укреплению кадрового потенциала, чтобы негативное влияние кризиса не привело к потере важных кадровых ресурсов региона. Региональная кадровая политика является важной составляющей успешной стратегии развития региона. Игнорирование потребности в проектировании и реализации кадровой стратегии может повлечь снижение воспроизводства кадров в настоящем и снижение кадрового потенциала в будущем.

Высокая безработица, которая более ярко выражена среди молодежи, порождает проблему социального характера (суициды и преступления, совершенные молодежью). Так, в 2021 г. каждый третий совершивший преступление был возрастом менее 30 лет [1]. Еще одним камнем преткновения является часто проявляющийся в кадровой политике региона бессистемный характер, который заключается во фрагментарном механизме подготовки, трудоустройства, адаптации и ротации кадров; отсутствует четкая связь кадровой политики и социально-экономических программ региона.

Кадровая политика региона является ключевым фактором для решения проблем, связанных с развитием экономики региона. Чтобы справиться с вызовами современной экономической ситуации, необходимо разработать долгосрочную кадровую политику, которая бы учитывала социально-экономические программы и стратегии развития территорий. Эта политика должна быть направлена на подбор, обучение и использование кадров в наиболее эффективном и результативном ключе, чтобы удовлетворить потребности развития региональной экономики. Также необходимо предпринимать меры по стимулированию молодых людей к научно-исследовательской и инновационной деятельности, что способствовало бы повышению квалификации кадров и к общему увеличению количества квалифицированных кадров. В целом эффективная региональная кадровая политика является важным элементом стратегии инновационного развития производственной и хозяйственной деятельности.

ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования разных ученых (А. Доронина, Г. Сыдунова и др.) подчеркивают различные аспекты кадровой политики региона [2; 3]. Тем не менее, несмотря на ценность этих исследований, стоит уделить внимание разработке концептуальных основ формирования кадровой политики региона.

В Ульяновской области имеется значительный потенциал кадров, но наблюдаются неудовлетворенный спрос со стороны предприятий на работников инженерно-технических специальностей, а также несбалансированность спроса и предложения на рынке труда по вышеуказанным специальностям (табл. 1) [4].

Таблица 1

Спрос и предложение на рынке труда Ульяновской области по профессиям «инженер»

Профессия	Свободных рабочих мест по вакансиям в регионе	Количество граждан на учете
Инженер-технолог	70	1
Инженер-конструктор	50	4
Инженер-программист	29	3
Инженер по качеству	14	3
Инженер по подготовке производства	13	0
Инженер-исследователь	11	0

Составлено авторами по материалам источника [4]

За период с 2017 г. по 2021 г. количество сотрудников, работающих в организациях Ульяновской области, включая сферу науки, сократилось с 17,6 тыс. чел. до 15,5 тыс. чел. (на 21,5 %) [5]. Одной из основных причин сокращения является недостаток кадров в научных сферах. Не хватает высококвалифицированных специалистов для применения научных разработок на производстве. Современные требования

производства достаточно заметно отличаются от требований, предъявляемых к будущим специалистам в образовательных учреждениях: подготовка к профессиям узкого профиля, что ограничивает их профессиональную гибкость и мобильность, недостаточное развитие навыка адаптации к быстро изменяющимся условиям и требованиям производства и др. Это в свою очередь затрудняет эффективность труда на рабочем месте.

В связи с этим актуальным становится вопрос разработки концептуальных основ эффективной кадровой политики. Необходимо пополнение кадрового состава, занимающегося научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами на предприятиях, высококвалифицированными выпускниками вузов и научных организаций: численность работников, выполнявших научные исследования и разработки в 2019 г., составляла 4 929 чел., когда в 2018 г. данная численность составляла 5 011 чел. [6].

Разработка эффективной кадровой политики является необходимой мерой для укрепления научной сферы в Ульяновской области и повышения конкурентоспособности региона. Для этого необходимо развивать передовую исследовательскую инфраструктуру вузов и научных центров, систему поддержки молодых талантов и привлекать научных сотрудников именно из Российской Федерации (далее – РФ, Россия) к различным проектам. Президент РФ В.В. Путин отмечал: «Именно образование и наука, технологический суверенитет сегодня стали не просто важными, а в значительной степени решающими, ключевыми факторами национальной безопасности, качества жизни людей» [7].

Кроме того, необходимо обеспечить подготовку кадров рабочих профессий, соответствующую современным требованиям производства. В настоящее время на рынке труда Ульяновской области большой спрос на кадры рабочих профессий. Наглядно это представлено на табл. 2 [4].

Таблица 2

Спрос и предложение на рынке труда Ульяновской области по рабочим профессиям

Профессия	Свободных рабочих мест по вакансиям в регионе	Количество граждан на учете
Аккумуляторщик	214	0
Слесарь механосборочных работ	291	31
Медицинская сестра	196	22
Оператор станков с программным управлением	153	4
Механик	158	24
Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования	112	10

Составлено авторами по материалам источника [4]

Кадровая политика выражает собой некую специфическую форму управления, которая объединяет управление в разных секторах экономики и территориальное управление в регионе с целью обеспечить создание рабочих мест для населения, удовлетворить потребности в кадрах различных предприятий и организаций региона, а также рационально распределить кадры по видам деятельности и отраслям. Это позволяет повысить эффективность использования кадров на предприятиях и организациях региона и способствует его общему развитию.

В современных условиях кадровая политика должна быть ориентирована на личность, учитывать интересы и потребности каждого работника и опираться на научные исследования. Это означает, что при разработке и реализации кадровой политики необходимо учитывать, что люди – это наиболее важный ресурс предприятий и организаций. Хорошая кадровая политика должна быть нацелена на удовлетворение потребностей и интересов сотрудников, а не только на достижение бизнес-целей компании, опираясь на прочно сформированную научную базу. Это помогает не только привлекать и удерживать талантливых работников, но и повышать эффективность их работы, улучшать работу коллектива и создавать благоприятную рабочую атмосферу. Это означает, что необходимо учитывать различные факторы, влияющие на совершенствование таких человеческих ресурсов, как социально-экономическая ситуация в регионе, научно-образовательная база и ее доступность для населения, уровень оплаты труда и условия работы и др.

Важным элементом современной кадровой политики является также поддержка и развитие кадрового потенциала региона, включая повышение квалификации и переподготовку работников, создание условий для творческой и инновационной деятельности, а также привлечение молодых и талантливых специалистов в регион. Кадровая политика должна быть гибкой и адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям, что позволит повысить эффективность использования кадрового потенциала региона и обеспечить его устойчивое развитие. Исследования показали, что главными факторами, которые могут ограничить реализацию такой политики, являются: несоответствие законодательной базы современным реалиям, латентность в обществе, экономический кризис, несогласованность в социально-политических коммуникациях, недостаточная проработка теоретических и методологических основ подготовки персонала в условиях инновационного развития, адаптация гражданского общества к условиям внутренней и внешней политики.

В настоящее время развитие региональной экономики стало более инновационным и социально ориентированным [8]. С каждым годом предприятия тратят все больше средств на инновационную деятельность (табл. 3) [9]. Это привело к возрастающим требованиям к системе кадрового обеспечения. Работники должны быть готовы к переходу на инновационный путь развития экономики, быстро адаптироваться к новым процессам и постоянно развиваться профессионально. Также они должны стремиться к максимальной реализации своего потенциала и уметь работать в команде для достижения общих целей организации.

Таблица 3

Динамика основных показателей инновационной деятельности в Российской Федерации

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Уровень инновационной активности организаций, %	14,6	12,8	9,1	10,8	11,9
Затраты на инновационную деятельность, млн руб.:					
в действующих ценах	1416922,8	1484901,1	1954133,3	2134038,4	2379709,9
в постоянных ценах 2010 г.	854546,0	814135,2	1037170,7	1124776,5	1076596,9
в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	2,5	2,2	2,1	2,3	2,0
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.:					
в действующих ценах	4166998,7	4516276,4	4863381,9	5189046,2	6003342,0
в постоянных ценах 2010 г.	2513116,6	2476164,5	2581275,9	2734963,5	2715952,8
в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	7,2	6,5	5,3	5,7	5,0

Составлено авторами по материалам источника [9]

Стоит отметить, что описанный ранее низкий уровень предложения со стороны трудовых ресурсов «инженерных» профессий на рынке труда и высокий уровень затрат на инновационную деятельность может быть связан с несколькими факторами:

1) конкуренция между работодателями (например, по профессии «инженер-технолог» на территории Ульяновской области конкурируют около 20 предприятий: Филиал публичного акционерного общества «Ил»-Авиастар, акционерное общество «Промтех-Ульяновск», акционерное общество «Научно-производственное предприятие «Завод Искра» и т.д.), что приводит к увеличению зарплат, которые предлагают предприятия, чтобы привлечь и удержать высококвалифицированных инженеров;

2) несоответствие квалификационных характеристик выпускников образовательных учреждений требованиям предприятий: поиск специалистов за пределами региона, что может повлечь дополнительные затраты на переезд, поиск жилья и прочие расходы, а также затраты на повышение квалификации имеющих «проверенных» сотрудников;

3) дефицит кадров инженерных профессий затрудняет реализацию инновационных проектов, что приводит к дополнительным затратам и увеличению продолжительности разработки и реализации инновационных проектов.

В таких условиях важно разработать и реализовать кадровую политику, которая бы учитывала конкретные региональные условия. Кроме того, роль кадровой политики увеличивается и на уровне организаций. Она должна быть основана на стратегии инновационного развития отрасли и включать в себя перспективные направления использования кадрового потенциала отрасли и региона, а также мотивацию и развитие кадровых ресурсов, обновление и совершенствование кадрового потенциала [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Успешная реализация кадровой политики, которая бы учитывала данные направления, поможет достичь конкурентных преимуществ в региональной и отраслевой экономике и повысить эффективность трудовых процессов в организациях. Следует отметить, что в Ульяновской области в настоящее время отсутствует стратегия кадрового развития. Это может негативно сказаться на эффективности кадровой политики в регионе и требует внимания и разработки соответствующих мер.

В регионе необходимо разработать и реализовать стратегию кадровой политики, которая будет направлена на достижение стратегических целей экономического развития региона и целей кадровой политики непосредственно. Важно также определить баланс между экономической и социальной эффективностью использования человеческих ресурсов в регионе. Это означает, что кадровая политика должна учитывать не только экономические интересы, но и социальные потребности работников и общества в целом. Таким образом, целью кадровой политики в исследуемом регионе должно быть создание благоприятной среды для развития бизнеса и общества, а также обеспечение достойных условий труда и жизни для всех работников, а все участники региона должны участвовать в выработке и реализации принципов и общей идеологии кадровой политики.

Кроме того, применение новых информационных технологий позволяет оптимизировать процессы управления персоналом, ускорить принятие решений и улучшить коммуникацию между сотрудниками и руководством. В результате актуализации кадрового менеджмента и использования новых инструментов и технологий система управления персоналом в регионе может эффективно функционировать и решать производственные, технические и технологические задачи.

Условия внешней и внутренней среды должны учитываться при реализации кадровой политики региона, так как они значительно влияют на ее содержание. Внешняя среда может оказывать значительное влияние на кадровую политику региона, поскольку она включает в себя широкий спектр условий, которые могут влиять на доступность кадров, спрос на определенные профессиональные категории, а также на качество рабочей среды и перспективу карьерного роста. Так, к важным условиям внешней среды можно отнести состояние регионального рынка труда, средний размер заработной платы в регионе, средний размер прожиточного минимума, законодательную и нормативную базу, состояние уровня рыночной конкуренции, качество и уровень жизни граждан региона, специфику регионального устройства и др.

К важным условиям внутренней среды, которая также играет важную роль, стоит отнести концепцию и стратегию развития региона, стратегию формирования человеческих ресурсов, сформированный механизм управления, стиль и методы работы. Они определяют основные направления и приоритеты кадровой политики в регионе и формируют ее основу. Учитывая все эти факторы и условия, можно разработать эффективную кадровую политику, которая будет соответствовать потребностям региона и обеспечивать эффективное управление персоналом.

Кадровая политика региона является долгосрочным направлением работы с кадровыми ресурсами, однако она также должна быть гибкой и способной к корректировкам в соответствии с текущей ситуацией и потребностями региона. В частности, в условиях развития региональной экономики, кадровая политика должна учитывать новые требования и вызовы, связанные с применением новых технологий, изменениями в бизнес-моделях и другими факторами. Следовательно, для обеспечения эффективного управления персоналом и поддержки развития региональной экономики кадровую политику необходимо корректировать и совершенствовать в соответствии с современными реалиями.

Кадровая политика региона должна решать целый ряд задач, связанных с управлением человеческими ресурсами. Так, важно не только формировать и обеспечивать кадровое обновление региона

в соответствии с его стратегией развития и современными вызовами, но и улучшать управление человеческими ресурсами в регионе и анализировать эффективность трудовых ресурсов, в том числе оценивать уровень укомплектованности штатной численности организаций. Все эти задачи должны решаться в тесном взаимодействии с другими компонентами стратегии развития региона. Такая кадровая политика позволит региону привлекать и удерживать квалифицированных специалистов, обеспечивать эффективное использование человеческих ресурсов, а также содействовать реализации стратегии развития региона.

Для того чтобы сформировать кадровую политику региона, необходимо руководствоваться следующими принципами:

- 1) стратегия формирования и развития человеческих ресурсов региона должна учитывать изменяющиеся требования рынка труда и инновационной деятельности;
- 2) кадровая политика должна постоянно совершенствоваться и учитывать новейшие технологии, используемые в данной сфере;
- 3) кадровое обеспечение должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить его гибкость и быструю адаптацию к изменениям на рынке труда;
- 4) мобильность трудовой деятельности на условии свободного выбора работы и рабочего места, что ведет к повышению качества кадрового потенциала региона;
- 5) социальная ответственность в формировании, развитии и использовании человеческих ресурсов (кадровая политика должна учитывать социальные и этические аспекты при формировании и использовании человеческих ресурсов);
- 6) самостоятельность хозяйствующих субъектов в принятии управленческих решений по совершенствованию кадрового потенциала;
- 7) в разработке и реализации кадровой политики региона должны принимать участие различные стороны, включая предприятия и компании, образовательные учреждения, а также органы государственной власти, – такое сотрудничество позволяет разработать и реализовать более эффективную кадровую политику, соответствующую потребностям региональной экономики и учитывающую интересы всех участников.

В ходе подготовки персонала к выполнению соответствующих должностных обязанностей одними из важнейших аспектов являются освоение и закрепление компетенции: универсальных, профессиональных, общекультурных и др. Таким образом, при обучении и стажировании персонала к выполнению тех или иных должностных обязанностей базисным документом являются образовательные стандарты.

Образовательные стандарты выполняют важную роль в разработке кадровой политики. Их можно разделить на две группы.

1. Квалификационные требования к техническим специалистам и специалистам основных групп профессий и нормативы их численности в зависимости от специфики региона на краткосрочную и долгосрочную перспективу (5 и 10 лет соответственно). Сюда также включаются стандарты образовательного процесса (перечни специальностей (профессий), учебные программы и планы, включая повышение квалификации, границы рабочей нагрузки преподавателей и др.). Таким образом, первая группа стандартов позволит определить перспективу формирования кадров в общем и перспективу подготовки кадров в частности.

2. Вторая группа стандартов определяет ключевые моменты, характеризующие распределение и использование персонала. К ним относятся стандарты по управлению персоналом, включающие процедуры отбора, найма, оценки и развития персонала, а также стандарты по оплате труда и социальному обеспечению – права и обязанности работников и работодателей, условия и порядок оплаты труда, а также системы стимулирования и компенсации [11].

Использование системы региональных и отраслевых стандартов при разработке кадровой политики позволит обеспечить ее гибкость, адаптивность и эффективность, что в свою очередь отразится на показателях деловой активности и результативности региона.

Для эффективного управления кадрами в организации необходимо иметь систему регламентов, то есть определенные правила и процедуры, которые помогают установить порядок действий по управлению персоналом. Подобная система может включать в себя различные элементы, такие как структуры управления организацией, определение норм трудовых ресурсов, разработку штатных расписаний, перечни должностей и специалистов, в том числе инженерных, а также паспорта организаций с описанием

их кадровых ресурсов. Все эти элементы должны быть хорошо проработаны и согласованы между собой, чтобы обеспечить эффективное использование кадровых ресурсов организации. Кроме того, нормативы соотношения между различными категориями персонала также являются важным элементом этой системы регламентов. Все это позволяет оптимизировать распределение персонала в организациях и предприятиях, а также использовать кадры эффективно для развития и достижения целей организаций.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в Ульяновской области имеется значительный потенциал кадров, но наблюдается несбалансированность спроса предложения на рынке по рабочим профессиям. В 2022 г. в Ульяновской области количество студентов среднего профессионального образования составляло 26 441 чел. – кадровый ресурс. На инженерное дело, технологии и технические науки приходится большая часть студентов – 43,86 % от общего числа. Как видно из табл. 1, имеется значительное расхождение между спросом и предложением по данной профессии. В 2020 г. удельный вес численности выпускников образовательных организаций, завершивших обучение по образовательным программам среднего профессионального образования, трудоустроившихся в течение одного года после завершения обучения, в общей численности выпускников, завершивших обучение по образовательным программам среднего профессионального образования, составил 59,20 % [12].

Одним из факторов, влияющих на такую несбалансированность спроса и предложения, являются квалификационные характеристики специалистов. Квалификационные характеристики служат основой для разработки должностных инструкций, содержащих конкретный перечень должностных обязанностей работников с учетом особенностей организации труда и управления, прав, ответственности и компетентности работников, а также перечня должностей на предприятии [13]. В настоящее время квалификационные характеристики будущих специалистов определяются в основном образовательными учреждениями, однако очевидно, что при их разработке и использовании необходимо участие работодателей, которые имеют спрос в данных трудовых ресурсах.

Различные государственные организации и министерства определяют, какие должности могут быть заняты выпускниками в зависимости от их уровня образования и специальности. Такие перечни должностей помогают работодателям понимать, какие требования они могут предъявлять к соискателям на конкретные должности. Также это может быть полезно для выпускников, которые могут выбрать профессию и направить свои усилия на получение необходимой квалификации для конкретной должности [14]. Однако в условиях быстрого развития науки и технологий и ускорения инновационных процессов подобные перечни могут стать устаревшими и не соответствовать современным требованиям производства. В связи с этим могут потребоваться дополнительные анализ и оценка ситуации на предприятии для определения потребностей в персонале и соответствующих специальностях.

Таким образом, важно привлекать работодателей, в том числе и бизнес-структуры, к разработке квалификационных характеристик для подготовки специалистов, чтобы обеспечить сбалансированность спроса и предложения на рынке труда. Потребность в инновационных кадрах позволит определить перечень должностей, в том числе с учетом стратегического развития. Такой перечень также дает возможность установить четкий норматив численности персонала и оценить эффективность использования трудовых ресурсов.

На региональном уровне развития кадровой политики нормативы численности квалифицированных рабочих и специалистов, в том числе их обоснование, для инновационного развития различных отраслей промышленности имеют большое значение. Это позволит выявить оптимальное и устойчивое количество соответствующих работников и специалистов. При разработке данных стандартов в случае необходимости стоит вводить корректирующие коэффициенты, а в долгосрочной перспективе следует актуализировать методику по подготовке персонала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующая необходимость в новой кадровой политике, включая региональную, связана с изменением тенденций в экономическом развитии как на мировом, так и на региональном уровнях. Следовательно, сейчас основное внимание уделяется именно тем стратегиям развития ресурсов, которые способны стабилизировать и ускорить экономическое развитие: научно-технические, производственные и кадровые. Важным аспектом при реализации вышеуказанных стратегий является реиндустриализация – сейчас много внимания уделяется созданию новых производственных ресурсов и развитию науки

и технологий, чтобы повысить эффективность экономической деятельности и обеспечить стабильный экономический рост.

Сегодня выбор места для производства зависит не столько от сопутствующих расходов, сколько от других факторов, таких как наличие квалифицированных рабочих, необходимой инфраструктуры, объем внутреннего рынка и др. Требования к квалификации сотрудников возрастают на фоне сокращения численности персонала.

Необходимость реиндустриализации является ключевым фактором будущего экономического развития не только страны в целом, но и ее регионов. Это связано с изменением характера конкуренции, динамики и структуры спроса, а также с появлением новых технологий и бизнес-моделей. Промышленный сектор как ядро обеспечения экономического роста в условиях новой индустриализации может обеспечить регион и страну в целом новыми рабочими местами, тем самым действуя на снижение уровня безработицы, увеличить темпы роста производительности труда, обеспечить экономический рост и конкурентоспособность на уровне макро- и микроэкономики. Таким образом, кадровая политика региона должна выстраиваться на основе общей стратегии развития региона, при этом включая перспективные цели использования кадровых ресурсов, развитие инфраструктуры для развития кадрового потенциала.

Библиографический список

1. Щербакоев Е. *Преступность в России, 2021 год*. <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0943/barom04.php> (дата обращения: 23.07.2023).
2. Доронина О. Актуальные проблемы формирования региональной кадровой политики. *Экономическое пространство: сборник научных трудов*. 2012;63.
3. Сыдунова Г. *Кадровая политика в условиях кризиса: инновационный подход*. М.: Высшая Школа; 2002. 74 с.
4. Агентство по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области. *Спрос и предложение на рынке труда*. <https://ulyanovsk-zan.ru/statistics/> (дата обращения: 23.07.2023).
5. Ульяновскстат. *Рынок труда и занятость населения*. <https://uln.gks.ru/folder/40291> (дата обращения: 23.07.2023).
6. Министерство экономического развития и промышленности Ульяновской области. *Инновационный портрет Ульяновской области*. <https://ekonom73.ru/mesmerize/activities/departament-investitsionnoj-politiki/otdel-razvitiya-innovatsij-i-predprinimatelskoj-deyatelnosti/innovatsionnaya-deyatelnost/innovatsionnyj-portret-ulyanovskoj-oblasti/> (дата обращения: 23.07.2023).
7. Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. *Научный кадровый потенциал страны: состояние, тенденции развития и инструменты роста*. <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127381/> (дата обращения: 23.07.2023).
8. Российская Федерация. *Постановление Правительства Ульяновской области от 13.07.2015 г. № 16/319-П «Об утверждении стратегии социально-экономического развития ульяновской области до 2030 года» (с изм. от 10.01.2022 г.)*. <https://docs.cntd.ru/document/463710828> (дата обращения: 23.07.2023).
9. Институт статистических исследований и экономики знаний. *Развитие инновационной деятельности в 2021 году*. <https://issek.hse.ru/news/760571653.html> (дата обращения: 23.07.2023).
10. Холикова Г.М. Целевые программы как инструмент государственного и муниципального регулирования. *Бюллетень науки и практики*. 2018;12:404–408. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2272719>
11. Пряжников Е.Ю. *Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров*. М.: Издательство Юрайт; 2019. 452 с.
12. МИРЭА – Российский технологический университет. *Характеристика системы среднего профессионального образования*. https://monitoring.miccedu.ru/iam/2020/_spo/material.php?type=2&id=10606 (дата обращения: 23.07.2023).
13. Профессиональные стандарты и справочники должностей. *Квалификационные характеристики должностей работников образования*. https://classdoc.ru/eksd/19_obrazov/ (дата обращения 23.07.2023).
14. Радостева М.В. Производительность труда: основные тенденции и ключевые факторы развития на современном этапе. *Экономика и менеджмент систем управления*. 2018;3-1:162–172.

References

1. Shcherbakova E. *Crime in Russia, 2021*. <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0943/barom04.php> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
2. Doronina O. Actual problems of forming regional personnel policy. *Economic space: collection of scientific papers*. 2012;63. (In Russian).

3. Sydunova G. *Personnel policy in a crisis: an innovative approach*. M.: Higher School, 2002. 74 p. (In Russian).
4. Agency for Human Potential and Labor Resources Development of the Ulyanovsk Region. *Demand and supply in the labor market*. <https://ulyanovsk-zan.ru/statistics/> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
5. Ulyanovskstat. *Labor market and employment of the population*. <https://uln.gks.ru/folder/40291> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
6. Ministry of Economic Development and Industry of the Ulyanovsk Region. *Innovative portrait of the Ulyanovsk region*. <https://ekonom73.ru/mesmerize/activities/departament-investitsionnoj-politiki/otdel-razvitiya-innovatsij-i-predprinimatel'skoj-deyatelnosti/innovatsionnaya-deyatelnost/innovatsionnyj-portret-ulyanovskoj-oblasti/> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
7. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. *Scientific personnel potential of the country: state, development trends and growth tools*. <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127381/> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
8. Russian Federation. *Decree of the Government of the Ulyanovsk Region dated July 13, 2015, No. 16/319-P "On Approval of the Strategy for Social and Economic Development of the Ulyanovsk Region until 2030" (as amended on January 10, 2022)*. <https://docs.cntd.ru/document/463710828> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
9. Institute for Statistical Research and Economics of Knowledge. *Development of innovative activity in 2021*. <https://issek.hse.ru/news/760571653.html> (accessed 23.07.2023). (In Russian).
10. Kholikova G.M. Target programs as a tool for state and municipal regulation. *Bulletin of Science and Practice*. 2018;12:404–408. (In Russian).
11. Pryazhnikova E.Yu. *Psychology of work: theory and practice: a textbook for bachelors*. M.: Yurait Publ. House; 2019. 452 p. (In Russian).
12. MIREA – Russian Technological University. *Characteristics of secondary vocational education system*. https://monitoring.miccedu.ru/iam/2020/_spo/material.php?type=2&id=10606 (accessed 23.07.2023). (In Russian).
13. Professional standards and job directories. *Qualification characteristics of the positions of educators*. https://classdoc.ru/eksd/19_obrazov/ (accessed 23.07.2023). (In Russian).
14. Radosteva M.V. Labor productivity: the main trends and key factors of development at the present stage. *Economics and management of control systems*. 2018;3-1:162–172. (In Russian).

Программно-целевой подход в поддержке развития туризма: опыт зарубежных стран

Сергиенко Наталья Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления
ORCID: 0000-0001-9042-8454, e-mail: nssergienko@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены программные меры поддержки развития туристической отрасли за рубежом. Опыт отдельных стран позволяет выделить системные мероприятия, направленные на развитие объектов инфраструктуры туризма, создание новых рабочих мест как в самой отрасли, так и в сопряженных с ней направлениях. Комплекс принятых документов в ответ на последствия пандемии COVID-19 направлен на разностороннюю помощь туристическому бизнесу и поддержке занятости в нем. На примере опыта отдельных стран представлены результаты обобщения комплекса программно-целевых документов по финансовому обеспечению реализации программ поддержки туризма. В статье показано, что отдельные программы поддержки туристической отрасли в зарубежных странах, имеющие социальную направленность, продолжают, что позволяет получить синергетический эффект от формирования стратегического подхода при разработке мер поддержки туризма посредством целевых программ.

Ключевые слова

Туризм, бюджет, госпрограмма, государственная поддержка, национальный проект, занятость, государственные расходы, самозанятые, доходы бюджета

Для цитирования: Сергиенко Н.С. Программно-целевой подход в поддержке развития туризма: опыт зарубежных стран // Вестник университета. 2023. № 10. С. 135–143.

Program-target approach in support of tourism development: Experience of foreign countries

Natalia S. Sergienko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the State and Municipal Management
ORCID: 0000-0001-9042-8454, e-mail: nssergienko@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article studies program measures to support tourism industry development abroad. Experience of individual countries allows us to highlight systemic measures aimed at developing tourism infrastructure facilities and creating new jobs both in the industry itself and in related areas. The set of adopted documents in response to the consequences of the COVID-19 pandemic is aimed at multifaceted assistance to the tourism business and support of its employment. The results of generalizing the complex of program-targeted documents on the financial provision of implementing tourism support programs have been presented on the example of the experience of individual countries. The article shows that individual programs supporting the tourism industry in foreign countries with a social orientation are relevant, which allows to obtain a synergetic effect from forming a strategic approach in developing measures to support tourism through targeted programs.

Keywords

Tourism, budget, state program, state support, national project, employment, government spending, self-employed, budget revenues

For citation: Sergienko N.S. (2023) Program-target approach in support of tourism development: Experience of foreign countries. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 135–143.

ВВЕДЕНИЕ

Доходы стран от туризма могут значительно варьироваться в зависимости от многих факторов: масштаб индустрии туризма, численность туристов, тип туризма (массовый или эксклюзивный), разнообразие туристического продукта и др. По данным Всемирной туристической организации (далее – ВТО), в 2019 г. доходы от международного туризма составили около 1,5 трлн долларов США, что составляет около 2 % мирового валового внутреннего продукта (далее – ВВП). В развивающихся странах доходы от туризма могут составлять значительную долю ВВП и играть важную роль в экономике страны. Например, в 2019 г. топ-5 стран мира по доходам от туризма были Соединенные Штаты Америки, Испания, Франция, Таиланд и Великобритания, а в топ-5 стран Африки по доходам от туризма вошли Марокко, Египет, Южно-Африканская Республика, Тунис и Танзания.

Однако эти данные относятся к периоду до пандемии COVID-19, которая серьезно повлияла на индустрию туризма во всем мире, и доходы от туризма существенно снизились. Предполагается, что восстановление туризма займет несколько лет, и пока трудно предсказать, какие будут доходы от туризма в ближайшем будущем. В связи с этим интерес представляет программно-целевой подход при поддержке данной отрасли в разных странах.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальность рассмотрения проблем туризма при формировании государственной политики имеет особое значение в посткоронавирусный период [1–4]. Вопросы формирования государственной экономической политики и развития отраслей рассмотрены в контексте комплексного развития территорий, в том числе в сфере туризма [5–9]. Особый интерес представляют работы о зарубежной сфере туризма [10; 11]. Заслуживает рассмотрения зарубежный опыт кластерной модели управления в изучаемой отрасли [12; 13].

Однако в дискуссиях специалистов и представителей научных кругов практически не затрагиваются вопросы программного подхода в поддержке туристического бизнеса. Вопросы развития туризма на основе применения программно-целевого подхода в формировании государственной политики обуславливают комплексное решение проблем отрасли.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Туризм является одним из основных источников доходов бюджета Италии. Согласно данным ВТО, в 2019 г. Италия заняла пятое место в мире по доходам от международного туризма, заработав около 44 млрд долларов США [14]. Туризм также является одной из важнейших отраслей экономики Италии и создает значительное количество рабочих мест в различных сферах: гостиничный бизнес, рестораны, транспорт и развлечения. Однако индустрия туризма в стране серьезно пострадала от пандемии COVID-19, и в 2020 г. доходы от международного туризма в Италии упали на 66 % по сравнению с предыдущим годом. Туристический сектор в государстве сейчас находится в процессе восстановления, и правительство страны предпринимает следующие меры для поддержки отрасли: финансовая помощь для малых и средних предприятий, работающих в сфере туризма, и содействие в развитии внутреннего туризма [15].

В экономике Австралии туризм играет значительную роль, что влияет на формирование ВВП и занятость. В 2020 г. и 2021 г. прямой вклад туризма в ВВП составил 32,4 млрд австралийских долларов, что составляет 1,6 % от общего объема ВВП. Это снижение почти на 50 % по сравнению с 2018–2019 гг., когда туризм составлял 3,1 % от общего объема ВВП. На конец 2021 г. в туристическом секторе было создано 507 тыс. рабочих мест, что на 167 400 меньше, чем в 2018–2019 гг., при этом за тот же период времени туристический экспорт сократился на 96 % до 1,7 млрд австралийских долларов в 2020–2021 гг. [16].

Доходы Испании от туризма являются одними из самых высоких в мире. Согласно данным ВТО, в 2019 г. Испания заняла второе место в мире по доходам от туризма после Соединенных Штатов Америки с общей суммой в 92 млрд долларов США. Однако из-за пандемии COVID-19 туристическая отрасль Испании значительно пострадала, что привело к значительному снижению доходов [16]. Согласно данным испанского Национального института статистики (INE), в 2020 г. доходы от туризма в стране упали на 78,5 % по сравнению с предыдущим годом. Однако сейчас в Испании отрасль туризма постепенно восстанавливается, вместе с этим растут и доходы от нее.

Применение программно-целевого подхода в разработке мероприятий по поддержке развития туристической отрасли в отдельных странах проявляется в разработке стратегических документов органами государственной власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стратегический документ, в котором излагаются политика и приоритеты Италии в области развития туристического сектора на определенный период (обычно от трех до пяти лет), – это Piano Nazionale del Turismo, национальная программа развития туризма в стране [16]. Он включает различные меры для развития туристической отрасли, в том числе повышение качества туристических услуг, развитие туристической инфраструктуры и продвижение Италии как туристического направления. Национальный туристический план разработан Министерством культурного наследия, деятельности и туризма Италии во взаимодействии и с консультациями с другими соответствующими правительственными учреждениями и сторонами, заинтересованными в развитии индустрии туризма. План направлен на содействие устойчивому развитию туризма, улучшение качества туристических услуг и повышение конкурентоспособности страны как туристического направления.

Национальный план развития туризма обычно включает в себя ряд инициатив и проектов: разработка новых туристических достопримечательностей и услуг, улучшение инфраструктуры и транспортных сетей, маркетинговые кампании и пр. План является важным инструментом для руководства развитием индустрии туризма в Италии, которая вносит значительный вклад в экономику страны. Это помогает обеспечить устойчивый и ответственный рост отрасли, обеспечивая баланс между потребностями посетителей и сохранением культурного наследия и природных ресурсов Италии [16].

В стране реализуются несколько госпрограмм поддержки туризма.

1. Bonus Vacanze – это программа, которая действовала с июля 2020 г. по декабрь 2021 г. и применялась к определенным видам туристических услуг. Она позволила итальянцам использовать налоговые скидки для оплаты отпуска в Италии. Программа предусматривает возможность получения налогового кредита в размере 30 % от стоимости отпуска, ограниченной до 1 500 евро на семью.

2. Vacanze Aperte – это программа, которая была запущена итальянским правительством в 1950-е гг. Она направлена на содействие социальной интеграции, культурному обмену и личностному росту среди молодых людей из разных регионов Италии. Предлагается широкий спектр мероприятий: занятия спортом, искусством, музыкой и языковыми курсами, а также экскурсии и экскурсии по местам, представляющим культурный и исторический интерес. Программа открыта для всех детей и молодежи в возрасте от 6 до 18 лет, и она бесплатна для участников. Программа, как правило, организуется местными властями в сотрудничестве со школами, культурными ассоциациями и другими общественными организациями. За прошедшие годы “Vacanze Aperte” стала популярной традицией в Италии, в которой ежегодно принимают участие тысячи молодых людей. Она дает возможность молодым людям расширить свой кругозор, завести новых друзей и узнать о разнообразии и богатстве культурного наследия Италии.

3. Fondo di Garanzia – это программа, которая предоставляет гарантии на кредиты для малых и средних предприятий в туристической отрасли. Это помогает малым предприятиям получить доступ к финансированию и развитию своего бизнеса.

Кроме того, в Италии принят режим tax free, который позволяет иностранным туристам получить возврат налога на добавленную стоимость (далее – НДС) на товары, которые они покупают в Италии во время своего отпуска. Это позволяет сделать покупки более привлекательными для туристов. Чтобы иметь право на возврат НДС, покупка должна соответствовать определенным критериям, то есть должна быть совершена в течение 90 дней с момента отправления на сумму, превышающую минимальную стоимость. Процесс возврата обычно включает получение формы возврата НДС у продавца во время покупки и предъявление ее вместе с товаром и паспортом сотруднику таможи для подтверждения при выезде из страны. Система tax free разработана для поощрения туризма и стимулирования расходов нерезидентов в стране. Таким образом, Италия активно работает над поддержкой туристической отрасли и старается помочь компаниям выжить в условиях экономических трудностей, вызванных пандемией COVID-19.

Австралийский постоянный комитет по туризму (ASCOT), который возглавляет Austrade и в который входят представители Tourism Australia, туристических организаций штатов и территорий, а также соответствующих государственных департаментов, выступают ответственными за политику в области

туризма [17]. В марте 2022 г. была опубликована Долгосрочная национальная стратегия Австралии в области экономики туризма «ПРОЦВЕТАЙ 2030» (проект THRIVE 2030) [18]. Проект направлен на то, чтобы помочь туристической экономике восстановиться и вернуться к долгосрочному устойчивому росту. Его целью являются возврат к уровню расходов на посетителей до пандемии в размере 166 млрд австралийских долларов к 2024 г. и увеличение их до 230 млрд австралийских долларов к 2030 г. Региональные направления составляют примерно 40 % от этой цели.

План действий стратегии ориентирован на начальный этап восстановления до 2024 г. Он содержит семь приоритетных областей с 66 мероприятиями для правительств и туристического сектора. В реализации программы THRIVE 2030 участвует 21 федеральное госучреждение. В мае 2022 г. федеральное правительство выделило 48 млн австралийских долларов на мероприятия, связанные с туризмом [19]. Этот пакет обеспечит поддержку качественных туристических продуктов, модернизацию инфраструктуры, обучение и повышение квалификации работников, а также помощь предприятиям в привлечении международных посетителей.

Непосредственной задачей Австралии во время пандемии COVID-19 было оказание поддержки сильно пострадавшим секторам туризма. С марта 2020 г. правительство страны предоставило более 20 млрд австралийских долларов в виде помощи отрасли туризма и гостиничного бизнеса посредством адресной и нецелевой поддержки, включая субсидии на заработную плату (например, для людей, ищущих работу) и отраслевые программы помощи. Это включало партнерство со штатами и территориями для реализации программ поддержки бизнеса. Так, в рамках этой помощи краткосрочные меры, профинансированные Фондом помощи и восстановления после COVID-19 в размере 1 млрд австралийских долларов, включали:

- 1) финансовую помощь региональным авиакомпаниям (100 млн австралийских долларов);
- 2) помощь региональной сети авиаперевозок (198 млн австралийских долларов);
- 3) поддержку поездок потребителей в связи с COVID-19 (258 млн австралийских долларов);
- 4) региональное восстановление Партнерства (100 млн австралийских долларов);
- 5) программу грантов на проведение деловых мероприятий (56 млн австралийских долларов);
- 6) программу поддержки австралийских зоопарков и аквариумов (139,6 млн австралийских долларов).

На развитие туризма в Австралии в 2021–2022 гг. было выделено 155,3 млн австралийских долларов [19]. Кроме того, среди среднесрочных мер поддержки для возобновления роста в секторе можно отметить пакет мер в области туризма и авиации на сумму 1,2 млрд австралийских долларов в рамках Национального плана восстановления экономики, программу поддержки сети туристической авиации (204 млн австралийских долларов), программу восстановления регионального туризма (50 млн австралийских долларов) и расширение сети гарантированных кредитов для малого и среднего бизнеса. Соответствующее финансирование было также предоставлено в виде 233 млн австралийских долларов на развитие туризма и другой инфраструктуры в национальных парках и дополнительной поддержки для укрепления культурного и креативного сектора Австралии (около 800 млн австралийских долларов).

Во время закрытия международных границ Австралии оживление было вызвано отдыхом австралийцев дома. Tourism Australia провела кампанию «Отдыхайте здесь в этом году» по восстановлению внутреннего рынка, призывая австралийцев поддержать туристический сектор, отправившись в отпуск внутри страны. Направления кампании включали «Эпические путешествия» и «Дар путешествий». Кроме того, Tourism Australia запустила национальную программу по контенту Experience стоимостью 12 млн австралийских долларов, которая субсидирует новые маркетинговые направления и активы для использования операторами туристических услуг в целях улучшения продвижения на рынке.

Испания имеет ряд государственных программ, направленных на поддержку туризма в стране [20]. Plan Nacional e Integral de Turismo (PNIT) – это национальная программа туризма, принятая правительством Испании в 2012 г., которая определяет стратегию развития туризма в Испании на ближайшие годы. В рамках этой программы проводятся различные мероприятия и инициативы, направленные на улучшение условий для туристов и поддержку туристической отрасли в целом. Были разработаны меры по улучшению инфраструктуры и конкурентоспособности туристической отрасли, а также по увеличению числа туристов, посещающих страну. На момент принятия PNIT было объявлено, что на реализацию мероприятий будет выделено более 7 млрд евро. Однако необходимо уточнить, что это число относится к бюджету на период до 2020 г. Вероятно, объем расходов был увеличен или пересмотрен в дальнейшем.

Programa de Fomento del Turismo de Interior является программой государственной поддержки, направленной на развитие внутреннего туризма в Испании. Она предназначена для поддержки туристических мероприятий и продвижения регионов, находящихся внутри страны. Программа была запущена в 2019 г., и ее целью является создание новых рабочих мест и увеличение экономического влияния туризма в регионах Испании. Для достижения этой цели правительство Испании предоставляет гранты на реализацию проектов, связанных с туризмом: создание новых туристических маршрутов, развитие туристической инфраструктуры, проведение мероприятий и фестивалей. Программа финансируется Министерством промышленности, торговли и туризма Испании, и ежегодный бюджет на нее выделяется из общих фондов государства. Конкретный объем расходов на Programa de Fomento del Turismo de Interior может изменяться в зависимости от годовых бюджетных ассигнований.

В 2020 г. в ответ на пандемию COVID-19 в Испании была запущена программа поддержки туризма Plan Renove Turismo [16]. Ее цель – финансирование обновления и модернизации гостиничной базы, улучшение транспортных маршрутов и других объектов, связанных с туризмом. Общий объем расходов на программу составил 300 млн евро, из которых 216 млн евро были выделены на субсидии для предприятий сектора туризма на обновление своей инфраструктуры и улучшение энергоэффективности, а оставшиеся 84 млн евро – на финансовую помощь при покупке новых туристических услуг и продуктов в Испании.

Кроме того, продолжает функционировать социальная программа Programa de Turismo Social («Программа социального туризма»), которая направлена на предоставление возможности путешествовать людям с низкими доходами, пенсионерам и другим социально уязвимым группам [21]. Programa de Turismo Social была запущена правительством Испании в 2004 г., и она призвана предоставлять возможность более широкому кругу граждан Испании отправляться в путешествия по стране. Программа финансируется государством и доступна для людей с ограниченными возможностями, пенсионеров, безработных и других категорий людей, которые могут находиться в трудной жизненной ситуации. Она финансируется правительством, и в 2021 г. было объявлено о расширении программы социального туризма с целью поддержки сектора туризма и стимулирования внутреннего туризма в Испании.

Основные меры поддержки в рамках этой программы включают в себя:

- 1) предоставление субсидий на поездки и размещение в отелях для людей с ограниченными возможностями, ветеранов и пожилых людей;
- 2) предоставление льгот для путешествий на общественном транспорте для людей с ограниченными возможностями, пожилых людей и молодежи;
- 3) разработку специальных туристических маршрутов, которые позволяют людям с ограниченными возможностями посетить наиболее интересные и значимые места в Испании;
- 4) меры по улучшению инфраструктуры туризма и развитию туристического бизнеса в отдаленных и малонаселенных районах, которые обеспечат равномерное распределение выгод от туризма по всей стране.

На уровне регионов Испании реализуется Plan de Competitividad Turística («План повышения конкурентоспособности туризма») – это программа, которая финансирует различные исследования и проекты, направленные на повышение конкурентоспособности туристической отрасли в регионах Испании. Она была запущена в 2006 г. и направлена на повышение конкурентоспособности страны как туристической дестинации и на развитие туристического бизнеса в различных регионах государства. Каждый регион самостоятельно определяет конкретные проекты и мероприятия, которые будут финансироваться в рамках этой программы. К ним, как правило, относятся создание различной инфраструктуры, обучение и подготовка кадров в сфере туризма, продвижение и маркетинг туристических продуктов и пр.

В 2019 г. для государственной поддержки развития внутреннего туризма в Испании была начата Programa de Fomento del Turismo de Interior, направленная на повышение популярности маршрутов в неизвестных или менее известных регионах Испании. Ее целью является создание новых рабочих мест и увеличение экономического влияния туризма в регионах страны. Для достижения этой цели правительство Испании предоставляет гранты на реализацию проектов, связанных с туризмом: создание новых туристических маршрутов, развитие туристической инфраструктуры, проведение мероприятий и фестивалей. Программа финансируется Министерством промышленности, торговли и туризма Испании, и ежегодный бюджет на нее выделяется из общих фондов государства. Конкретный объем расходов на Programa de Fomento del Turismo de Interior может изменяться в зависимости от годовых бюджетных ассигнований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Пандемия COVID-19 серьезно повлияла на развитие туризма в мире. Проблемы, возникшие в условиях пандемии, могут еще долго отражаться на развитии экономик в разных странах. К таким проблемам относятся следующие.

1. Ограничения на международные поездки. Во многих странах действуют ограничения на въезд и выезд, что замедляет развитие туризма. Кроме того, многие туристы по-прежнему боятся путешествовать в другие страны из-за рисков, связанных с COVID-19.

2. Потеря рабочих мест и доходов в индустрии туризма. Многие отели, рестораны, туристические агентства и другие компании, связанные с туризмом, были вынуждены закрыть или сократить свою деятельность во время пандемии, что привело к потере рабочих мест и доходов для многих людей.

3. Дисбаланс между массовым и экологическим туризмом. Многие эксперты отмечают, что в результате пандемии туристы все больше проявляют интерес к экологическому туризму и посещают менее населенные места, но существует опасность, что с восстановлением массового туризма могут возобновиться экологические проблемы и проблемы перенаселения.

4. Рост цен на туристические услуги. Многие туристические компании и отели вынуждены повышать цены на свои услуги, чтобы компенсировать убытки, понесенные во время пандемии. Это может привести к тому, что туризм станет менее доступным для многих людей.

5. Риски для здоровья. Несмотря на то что многие страны вводят паспорта вакцинации и другие меры по защите туристов, риски заболевания COVID-19 по-прежнему высоки. Это может ограничить желание многих людей путешествовать и снизить спрос на туристические услуги.

6. Усиление конкуренции между участниками туристического бизнеса.

Частичным решением данных проблем выступает комплекс мероприятий, заложенных как в целевых программах развития туризма в целом, так и в отдельных подпрограммах, направленных на поддержание занятости населения и развитие малого бизнеса. Такое решение имеет синергетический эффект при достижении национальных целей и задач.

Библиографический список

1. Ботавина Е.Б., Кайдалова Т.А. Гостиничный и туристический бизнес в современной Франции и Германии. *Вестник университета*. 2023;2:57–65. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-57-65>
2. Донскова Л.И., Маковецкий М.Ю., Баранников А.А. Исследование потребителей на рынке внутреннего туризма в период пандемии: предпочтения и тенденции. *Сервис в России и за рубежом*. 2023;1(17):33–46. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7793279>
3. Комов В.Э. Особенности развития туристического комплекса республики Крым в условиях пандемии COVID-19. *Самоуправление*. 2021;2:126–132.
4. Комов В.Э. Проблемы развития туристического комплекса России в современных условиях. *Самоуправление*. 2021;2:121–126.
5. Бальнин И.В. Порядок и особенности организации государственного управления в условиях распространения коронавирусной инфекции. *Самоуправление*. 2020;2:49–52.
6. Бальнин И.В. Национальные проекты в Российской Федерации: 12 ключевых ошибок и авторские рекомендации по их исправлению. *Экономика и предпринимательство*. 2019;12:296–299.
7. Зуденкова С.А. Проблемы формирования и реализации государственных программ. *Самоуправление*. 2019;4(117):110–112.
8. Мусаева З.С. Региональный туризм в России: современное состояние и пути развития. *Вестник университета*. 2017;6:83–87.
9. Shubtsova L.V., Kostromina E.A., Chelyapina O.I., Grigorieva N.A., Trifonov P.V. Supporting the tourism industry in the context of the coronavirus pandemic and economic crisis: Social tourism and public-private partnership. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2020;11:1427–1434.
10. Donskova L.I., Varannikov A.L., Redkin A.G. State regulation of tourism and tourism policy: foreign and Russian experience. *Государственная служба*. 2022;1(135-24):86–92. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-1-86-92>
11. Александрова А.Ю. Кластерные принципы организации туристского пространства (мировой опыт). В кн.: *Роль туризма в модернизации экономики российских регионов*. Петрозаводск: Изд-во Кар НЦ РАН; 2010. С. 21–27.
12. Кицис В.М., Елисеева А.В. Опыт зарубежных стран развития туристских кластеров. *Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский электронный журнал*. 2020;6:68–73.
13. Шевцова В.В., Нагорная М.С. Зарубежный опыт кластерной модели управления в сфере туризм. *Управление в современных системах*. 2019;1(21):7–13.

14. World Tourism Organization. *UNWTO 2022: A Year in Review*. <https://www.unwto.org/unwto-2022-a-year-review> (дата обращения: 15.07.2023).
15. Ministero del turismo della Repubblica Italiana. *Dati e Statistiche*. <https://www.ministeroturismo.gov.it/dati-e-statistiche/> (дата обращения: 15.07.2023).
16. Organization for Economic Co-operation and Development. *Tourism Trends and Policies 2022*. <https://ezpro.faru:2117/10.1787/a8dd3019-en.3> (дата обращения: 15.07.2023).
17. Australian Trade and Investment Commission. *Ensuring long-term growth for the visitor economy*. <https://www.austrade.gov.au/australian/tourism/policy-and-strategy> (дата обращения: 15.07.2023).
18. Australian Trade and Investment Commission. *THRIVE 2030 Strategy*. <https://www.austrade.gov.au/news/publications/thrive-2030-strategy> (дата обращения: 15.07.2023).
19. Australian Trade and Investment Commission. *Grants and support for tourism businesses*. <https://www.austrade.gov.au/australian/tourism/grants-and-support-for-tourism-businesses> (дата обращения: 15.07.2023).
20. Noja Escapado. *Plan de competitividad turística de noja evaluación de objetivos*. <http://www.nojaturismo.com/6.EVGESTION.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).
21. Ministerio de Trabajo y Economía Social. *Programa de Fomento del Empleo*. <https://www.mites.gob.es/es/informacion/incentivos/index.htm> (дата обращения: 15.07.2023).

References

1. Botavina E.B., Kaidalova T.A. Hotel and business in modern France and Germany. *Vestnik universiteta*. 2023;2:57–65. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-57-65> (In Russian).
2. Donskova L.I., Makovetsky M.Yu., Barannikov A.L. Consumer research in the domestic tourism market during the pandemic: preferences and trends. *Service in Russia and abroad*. 2023;1(17):33–46. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7793279> (In Russian).
3. Komov V.E. Features of the development of the tourist complex of the Republic of Crimea in the conditions of the COVID-19 pandemic. *Samoupravlenie*. 2021;2:126–132. (In Russian).
4. Komov V.E. Problems of development of the tourist complex of Russia in modern conditions. *Samoupravlenie*. 2021;2:121–126. (In Russian).
5. Balynin I.V. Order and features of the organization of governance in conditions of the dissemination of coronavirus infection. *Samoupravlenie*. 2020;2:49–52. (In Russian).
6. Balynin I.V. National projects in the Russian Federation: 12 key errors and copyright recommendations for their correction. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2019;12:296–299. (In Russian).
7. Zudenkova S.A. Problems of formation and realization of state programs. *Samoupravlenie*. 2019;4(117):110–112. (In Russian).
8. Musayeva Z.S. Regional tourism in Russia: Modern state and ways of development. *Vestnik universiteta*. 2017;6:83–87. (In Russian).
9. Shubtsova L.V., Kostromina E.A., Chelyapina O.I., Grigorieva N.A., Trifonov P.V. Supporting the tourism industry in the context of the coronavirus pandemic and economic crisis: Social tourism and public-private partnership. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2020;11:1427–1434.
10. Donskova L.I., Barannikov A.L., Redkin A.G. State regulation of tourism and tourism policy: foreign and Russian experience. *State Service*. 2022;1(135-24):86–92. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-1-86-92>
11. Alexandrova A.Yu. Cluster principles of organization of tourist space (world experience). In: *The role of tourism in modernization of the Russian regions' economy*. Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences Publ. House; 2010. Pp. 21–27. (In Russian).
12. Kitsis V.M., Eliseeva A.V. Experience of foreign countries in the development of tourist clusters. *Economic Development and Research Journal*. 2020;6:68–73. (In Russian).
13. Shevtsova V.V., Nagornaya M.S. Foreign experience of cluster model of management in tourism. *Management in modern systems*. 2019;1(21):7–13. (In Russian).
14. World Tourism Organization. *UNWTO 2022: A Year in Review*. <https://www.unwto.org/unwto-2022-a-year-review> (accessed 15.07.2023).
15. Ministero del turismo della Repubblica Italiana. *Dati e Statistiche*. <https://www.ministeroturismo.gov.it/dati-e-statistiche/> (accessed 15.07.2023). (In Italian).
16. Organization for Economic Co-operation and Development. *Tourism Trends and Policies 2022*. <https://ezpro.faru:2117/10.1787/a8dd3019-en.3> (accessed 15.07.2023).
17. Australian Trade and Investment Commission. *Ensuring long-term growth for the visitor economy*. <https://www.austrade.gov.au/australian/tourism/policy-and-strategy> (accessed 15.07.2023).

18. Australian Trade and Investment Commission. *THRIVE 2030 Strategy*. <https://www.austrade.gov.au/news/publications/thrive-2030-strategy> (accessed 15.07.2023).
19. Australian Trade and Investment Commission. *Grants and support for tourism businesses*. <https://www.austrade.gov.au/australian/tourism/grants-and-support-for-tourism-businesses> (accessed 15.07.2023).
20. Noja Escapado. *Plan de competitividad turística de noja evaluación de objetivos*. <http://www.nojaturismo.com/6.EVGESTION.pdf> (accessed 15.07.2023). (In Spanish).
21. Ministerio de Trabajo y Economía Social. *Programa de Fomento del Empleo*. <https://www.mites.gob.es/es/informacion/incentivos/index.htm> (accessed 15.07.2023). (In Spanish).

Развитие российского промышленного производства

Титов Алексей Константинович

Соискатель

ORCID: 0000-0001-8514-8060, e-mail: titovka21@rambler.ru

Национальный исследовательский технологический университет МИСиС, г. Москва, Россия

Аннотация

В исследовании, представленном в статье, оцениваются основные факторы, влияющие на успешные процессы промышленного производства в регионах Российской Федерации (далее – РФ) в последнее время. Он учитывает неблагоприятные последствия пандемии и санкций для производства промышленных предприятий. В центре дискуссии – проведение экспертизы промышленного производства в РФ в современных условиях и прогнозирование его дальнейшего развития. Во введении представлен обзор научной литературы финансовых экспертов и исследователей, изучающих явления промышленного производства. Целью настоящего исследования является изучение состояния развития промышленного производства РФ с учетом региональной экономической эволюции в условиях санкций. Проведена исчерпывающая оценка факторов, определяющих промышленное развитие, а также основных экономических показателей деятельности промышленных компаний. Статья также включает исследование работ ученых, которые участвовали в оценке этого вопроса как с отечественной, так и с зарубежной точки зрения. Особое внимание уделено факторам, характеризующим цикл промышленного производства в РФ и ее регионах. В заключении автор подвел итоги проведенного исследования и обзора научных материалов. Суть этого обобщения заключается в одобрении непрерывной трансформации управления региональным промышленным производством в будущем. Также выдвигаются предложения по устойчивому развитию промышленного производства в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова

Регионы, промышленное производство, экономика, региональная политика, эффективность, инвестиции

Для цитирования: Титов А.К. Развитие российского промышленного производства // Вестник университета. 2023. № 10. С. 144–151.

Russian industrial production development

Alexey K. Titov

Applicant

ORCID: 0000-0001-8514-8060, e-mail: titovka21@rambler.ru

National University of Science and Technology “MISIS”, Moscow, Russia

Abstract

The study assesses main factors affecting successful processes of industrial production in Russian regions in recent times. It considers the unfavorable effects of the pandemic and sanctions on industrial enterprises production. The discussion centers on the examination of industrial production in modern Russia and forecasting its further development. The introduction presents a review of scientific literature of financial experts and researchers studying the phenomena of industrial production. The purpose of the study is to examine the state of industrial production development in Russia considering regional economic evolution under sanctions. An exhaustive assessment of the factors determining industrial development, as well as main economic indicators of industrial companies' performance, has been carried out. The article also includes a study of the works of scientists who participated in assessing this issue from both domestic and foreign points of view. Special attention has been paid to the factors that characterize the industrial production cycle in Russia and its regions. In conclusion, the author summarized the results of the conducted research and review of scientific materials. The essence of this generalization is to endorse continuous transformation of regional industrial production management in the future. Proposals for sustainable development of industrial production in the long term have also been put forward.

Keywords

Regions, industrial production, economy, regional policy, efficiency, investment

For citation: Titov A.K. (2023) Russian industrial production development. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 144–151.

ВВЕДЕНИЕ

Российская промышленность переживает трудные времена. 2022 г. для регионов стал особенно сложным: многие промышленные предприятия полностью пересмотрели свое дальнейшее развитие. Все это связано с изменением не только структуры рынка, но и составом и структурой основных конкурентов. В связи с введенными санкциями в отношении российского производства были серьезно нарушены цепочки поставок, доставок и транспортировки не только произведенной продукции, но и сырья, материалов и прочих составляющих нормальный производственный процесс. Это все оказало негативное влияние на производственный процесс промышленного производства и его отдельные предприятия [1].

Актуальный вопрос содействия эффективному развитию промышленных компаний обсуждался рядом видных зарубежных ученых, таких как: А. Вебер, Р. Кантильон, В. Лаундхарт, А. Леш, В. Леонтьев, Дж. Локк, Т. Мальтус., К. Маркс, Б. Олин, Д. Рикардо, П. Самуэльсон, А. Смит, Дж. Стюарт, Дж. Б. Сэй, Дж. Тунен, М. Фридман, Т. Хегерстанд, П. Гейне, Э. Хекшер и др. Их вклад во многом повлиял на формирование теорий, вращающихся вокруг систематизации особенностей субъектов и регионов. Среди российских научных исследований можно отметить работы таких выдающихся специалистов, как И.Г. Александров, А. Арбатов, А.Г. Гранберг, Н.И. Дорогов, Д.Н. Карпунин, В.А. Лисичкин, Т.Г. Морозова, Н.Н. Некрасов, В.С. Немчинов, А.С. Новоселов, А.Е. Пробст, С.П. Проханов, Р.И. Шнипер и др.

Теоретические и прагматические элементы, которые исследовались учеными в контексте регионального промышленного производства Российской Федерации (далее – РФ, Россия), оказали большое влияние на множество исследований и постоянный прогресс в плане оценки и анализа промышленных усилий. Следует отметить, что, несмотря на все проведенные исследования и изучение проблем развития промышленного производства в меняющихся экономических условиях, эта тема по-прежнему требует дальнейшего изучения. Эта потребность очевидна как в теоретических, так и в практических аспектах исследования. Труды затрагивают все направления данной области исследований и методологии рассмотрения факторов, существенно влияющих на конфигурацию эффективного промышленного развития в различных экономических ситуациях [2; 3].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена вышеупомянутыми моментами, а также определяет ее цель и задачи. Основная цель данного исследования – изучить развитие промышленных компаний в различных регионах России в условиях санкций. Соответственно, в ходе настоящего исследования были намечены и решены следующие задачи:

- 1) проведена оценка состояния развития современных промышленных предприятий в регионах России в условиях сложившейся экономической ситуации;
- 2) даны предложения по трансформационным мерам, направленным на более эффективное развитие региональной промышленности.

Основное внимание в исследовании сосредоточено на организационных и экономических аспектах, а также на связанных с ними промышленных процессах, характерных для российской промышленности. Объект исследования – российские промышленные предприятия, являющиеся опорой экономики страны.

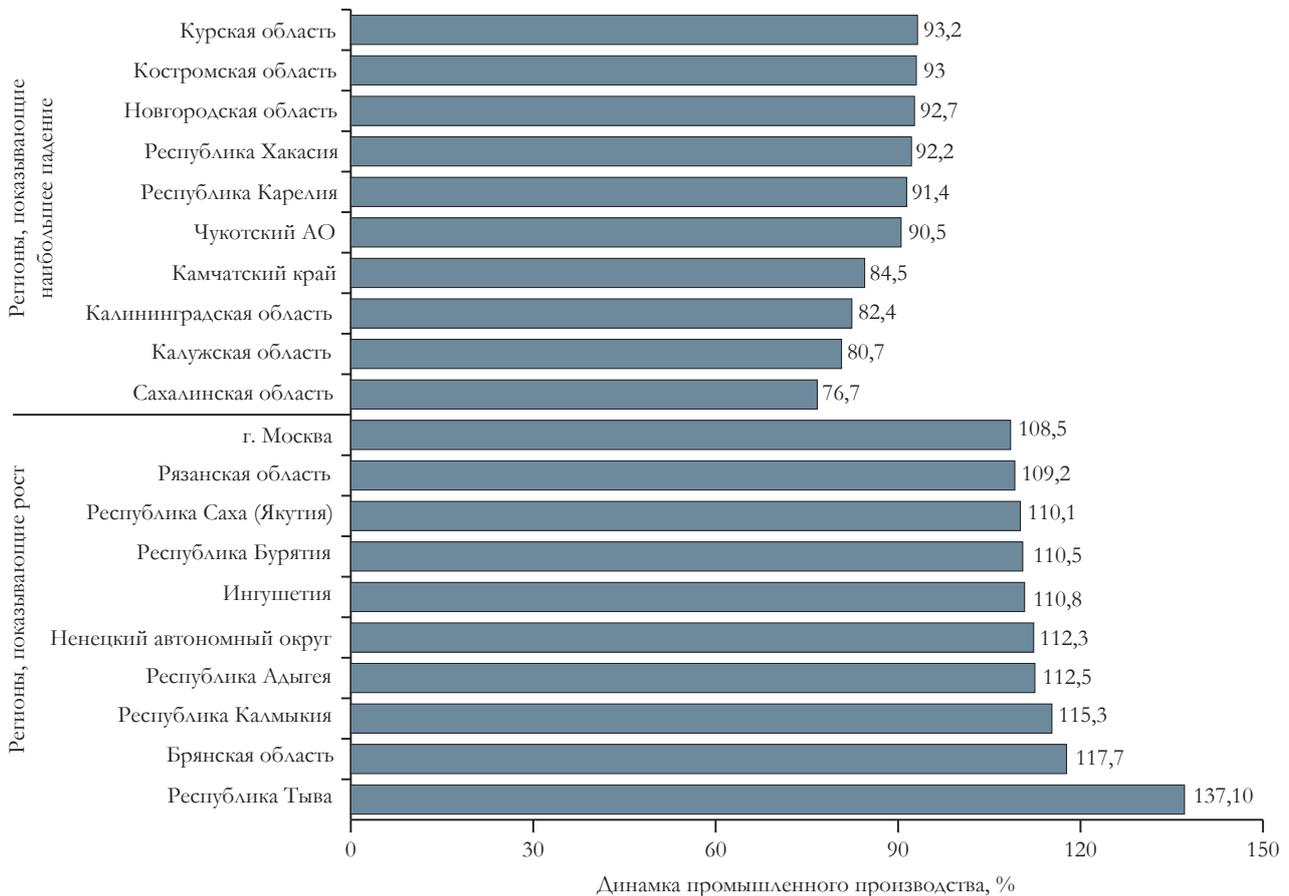
РЕЙТИНГ РЕГИОНОВ ПО ДИНАМИКЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Исследование посвящено тщательному изучению результатов промышленного производства по итогам 2022 г. и играет важную роль в выявлении как промышленного роста, так и конкретных секторов, в которых темпы производства были более подвержены колебаниям. Судя по распространенной статистике, завершение 2022 г. стало непростым периодом для российской промышленности. Данные Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) показали, что к концу года на промышленной арене в России действительно наблюдался спад: промышленное производство упало примерно на 0,6 %. Эта цифра указывает на спад общей производительности, намекая на потенциальные препятствия, с которыми отрасль, возможно, столкнулась в 2022 г.

Однако более глубокое изучение конкретных статистических отчетов Росстата помогает понять тенденции промышленного производства в течение года. Позитивной динамики или роста в промышленном производстве России не произошло, как можно было бы логично ожидать. Отсутствие роста производительности не является недавним явлением, поскольку оно началось в апреле 2022 г. С течением времени замедление промышленного производства приобрело еще более масштабный характер.

В декабре 2022 г. было замечено, что снижение производительности было весьма выраженным и составило 4,3 % [4; 5]. Данное снижение демонстрирует практически спад производительности промышленного сектора по сравнению с предыдущими месяцами.

Чтобы иметь более полную картину, углубимся в обсуждение регионов России, которые лидируют по темпам промышленного производства. Одновременно сосредоточим внимание и на тех регионах, которые отстают или считаются «аутсайдерами» по производительности промышленности. В оценке учитываются данные Росстата за 2022 г. Эта работа поможет определить те области, где темпы добычи были относительно высокими или низкими в течение года, что приводит к выводам, показанным на рис. 1.

Составлено автором по материалам источника [5]

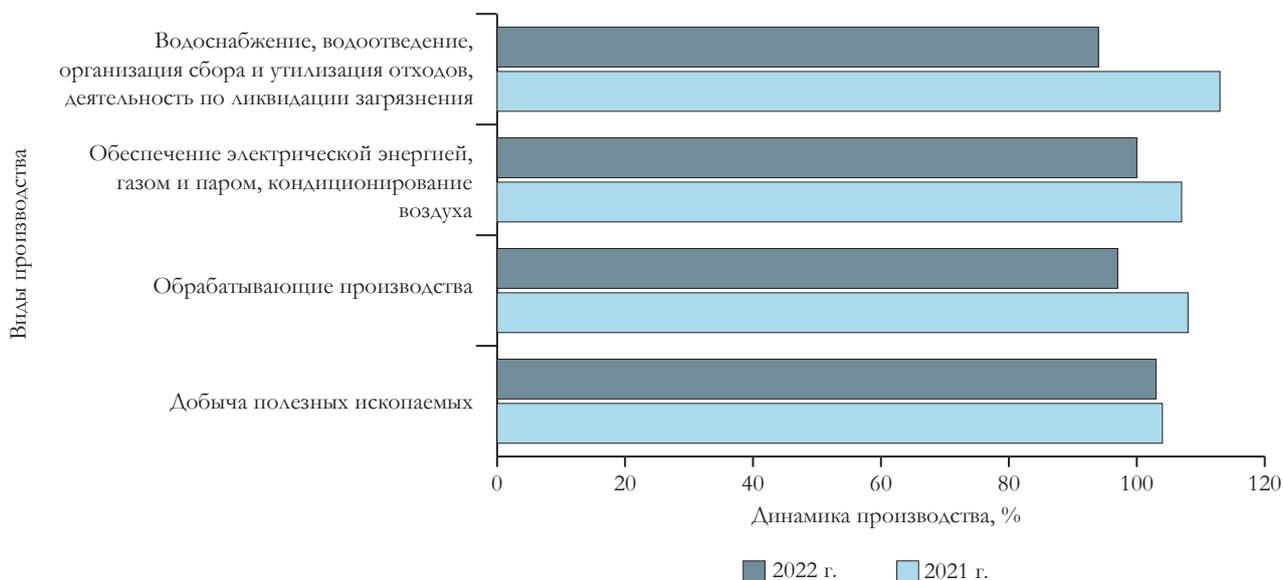
Рис. 1. Рейтинг лучших и худших регионов по динамике промышленного производства

Оценка различных промышленных показателей по нескольким регионам России показывает значительные различия внутри страны. В первую десятку рейтинга вошли такие регионы, как Республика Тыва, Брянская область, Республика Калмыкия и др. Они продемонстрировали прогрессивный рост и устойчивость своих промышленных секторов, что отличало их от остальных. На другом конце спектра несколько регионов продемонстрировали менее благоприятные промышленные результаты. Отдельного упоминания в этом плане заслуживают Сахалинская, Калужская и Калининградская области [6; 7].

Более тщательный анализ отстающих регионов дает дополнительную информацию. Неутешительные результаты в Сахалинской области объясняются спадом добычи полезных ископаемых, который снизился на ошеломляющие 26,5 %. Снижение связано с уходом ряда иностранных компаний с рынка России, что оказало пагубное влияние на добывающую отрасль области. Однако в Калужской и Калининградской областях сценарий рисует иную картину: снижение производительности промышленности не ограничивалось одним сектором – напротив, оно было, скорее, универсальным, пронизывающим все виды промышленного производства.

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ПО ВИДАМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Чтобы расширить наше понимание разнообразного промышленного ландшафта в России, стоит изучить, как уровни производства в промышленности страны трансформировались в разных типах. Данные, содержащие такую информацию, показаны на рис. 2. Такое сравнительное визуальное представление важно для изучения изменений в промышленном производстве. Это также позволяет провести более детальное и научное исследование различий между регионами России, тем самым поддерживая процесс оценки.

Составлено автором по материалам источника [8]

Рис. 2. Динамика производства по видам промышленного производства

В 2022 г. снижение наблюдалось по всем категориям промышленного производства в России из-за множества проблем и сдерживающих факторов. Самый глубокий спад наблюдался в секторе водоснабжения, утилизации и переработки отходов, а также деятельности по ликвидации загрязнений. Статистика указывает на значительный спад (на 18,7 %) по сравнению с показателями деятельности предыдущего года. В производственном секторе к концу периода оценки в 2022 г. также наблюдался спад: сектор снизился на 8,7 % по сравнению с соответствующими данными, зафиксированными в 2021 г. [8; 9].

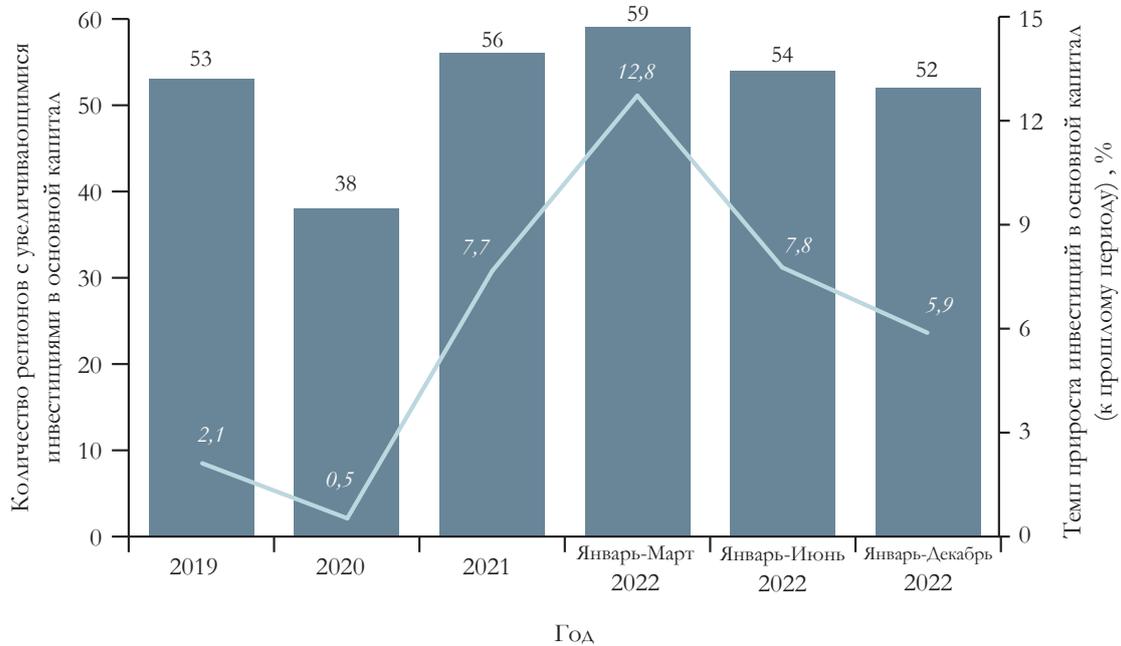
При более внимательном рассмотрении производства в обрабатывающей промышленности выяснилось, что несколько подотраслей внесли основной вклад в общий спад. Например, в отраслях, занимающихся производством автомобилей, произошел серьезный спад. Основная причина этой неудачи заключалась в неупорядоченности технологических и логистических аспектов, которые имеют решающее значение для поддержания темпов производства. Еще одной наиболее пострадавшей сферой стала деревообрабатывающая отрасль ввиду резкого падения мирового спроса на российскую древесину. Такое снижение спроса было напрямую связано с введением санкций против России. Тенденция снижения производства наблюдалась также в отраслях, специализирующихся на создании электрооборудования, табачных и текстильных изделий, что еще больше усугубляло замедление темпов промышленного производства [10–12].

ДИНАМИКА ПРИРОСТА ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

Начало санкций со стороны стран, определенных как враждебные по отношению к России, вызвало массовый стресс в отечественном промышленном производстве. Можно углубиться в основные проблемы, которые способствовали потрясениям в промышленном секторе России в 2022 г. Во-первых, сырьевому сектору страны пришлось столкнуться с многочисленными ограничениями и запретами, которые препятствовали бесперебойной работе. Во-вторых, нехватка важнейших деталей и компонентов

оборудования создала проблему для непрерывного производства, поскольку из-за введенных санкций были нарушены цепочки поставок. Третья принципиальная проблема связана с уходом иностранных инвесторов, которые ранее финансировали многие ключевые отрасли экономики России.

Рис. 3 иллюстрирует предстоящий спад инвестиций в основной капитал промышленных компаний, который произошел к концу 2022 г. В первой половине 2023 г. наблюдался самый резкий спад. Тем не менее до тех пор, пока Центральный банк РФ не предоставит дополнительные данные по этому фактору, комплексная оценка этих показателей невозможна.

Составлено автором по материалам источника [12]

Рис. 3. Динамика прироста инвестиций в основной капитал и в регионы

Стимул такого снижения инвестиций имеет в первую очередь внешнее происхождение и представляет собой серьезную проблему на региональном уровне. Учитывая, что оперативное решение этой проблемы представляет значительные трудности, регионам придется разработать изобретательские стратегии, чтобы поддержать своих нынешних инвесторов и привлечь новых.

Основными проблемами, встречающимися в российской промышленности, являются снижающиеся инвестиции и низкий внутренний спрос. Снижение спроса подкрепляется инфляционными процессами и уходом заработных плат в нисходящую точку на всей территории страны. В период общего ужесточения, обусловленного международными санкциями и ограничениями, стратегии поддержки российской производственной отрасли на национальном уровне обоснованы и имеют значение. Расширение международных связей с государствами, позитивно относящимися к экономической модели России, рассматривается как потенциальная тактика.

В ответ на сложившуюся обстановку российский промышленный сектор начал перестраиваться в сторону новых рынков, открывая радикально новые возможности для установления партнерских отношений. Этот фактор в какой-то степени сглаживает предполагаемое снижение объема промышленного производства, которого раньше не наблюдалось в периоды кризисов.

Важно отметить, что региональные экономические составляющие российского промышленного производства тесно связаны с показателями секторального производства. Эта связь оказывает решающее воздействие на общую динамику промышленной статистики по всей России, отражая ситуацию на промышленных рынках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным барьером на пути расширения и развития промышленных предприятий является отсутствие стабильных и надежных источников сырья, необходимого для производства. Это особенно применимо к тем промышленным секторам, которые зависят от иностранных поставок сырья и различных

ключевых компонентов для производства. Для оказания помощи промышленным регионам были сформулированы перспективные стратегии, ориентированные прежде всего на те сегменты российского промышленного сектора, в которых происходят сбои или полное прекращение гарантированных зарубежных поставок материалов и комплектующих.

Современные механизмы поддержки, распространяющиеся на промышленные регионы, делают упор на районы, лишенные надежных глобальных источников сырья и многочисленных критически важных компонентов, необходимых для стандартных производственных процессов. Сохраняющаяся угроза глобальной пандемии еще больше усложняет ситуацию и, как ожидается, останется проблемой в течение нескольких предстоящих лет. Кроме того, восходящая тенденция инфляции неблагоприятно влияет на темпы роста российской экономики, которые постепенно увеличиваются на фоне волатильности и волнений на фондовых рынках, а также введения новых санкций.

Правительство РФ намерено вернуться к обычному финансовому законодательству в обозримом будущем (в 2022 г. данная инициатива не была реализована). Эта отсрочка служит мерой предосторожности, позволяющей избежать любых дополнительных препятствий экономическому развитию, которые могут возникнуть из-за роста инфляции и, как следствие, замедления механизмов экономического роста.

Прогнозы показывают, что рост российского промышленного производства, скорее всего, замедлится. Оценки за 2023 г. отражают продолжающуюся тенденцию к снижению, при этом, по данным Министерства экономического развития РФ, ожидается дополнительный регресс почти на 1,3 %. По выводам и оценкам министерства, существенный рост промышленного производства в России реально прогнозируется только с 2024 г.

Библиографический список

1. Грачев С.А. Анализ взаимосвязи отдельных параметров цифровизации и устойчивого развития национальных особенностей. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;1:45–56. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114349>
2. Нормова Ю.В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;1(12):463–478. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114057>
3. Логачева Н.А. Модель оценки уровня цифровой трансформации региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;1(496):88–110. <https://doi.org/10.24891/re.20.1.88>
4. Мельников Р.М. Влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью в российских регионах. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;3(20):424–450. <https://doi.org/10.24891/re.20.3.424>
5. Горовой А.А., Шлафман А.И. Концепция развития интегрированных предпринимательских инноваций. *Перспективы науки*. 2014;6(57):21–24.
6. Заборовская О.В. Развитие региональной экономики: потенциал активизации туристской деятельности. В кн.: *Медиа, демократия, рынок в современном обществе: материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1 января – 31 декабря 2012 г.* СПб: Астерион; 2012. С. 75–83.
7. Огородникова Е.П., Добродомова Л.А. Производительность труда как фактор увеличения конкурентоспособности промышленных предприятий. В кн.: *Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях: сборник XVII Международной научно-практической конференции, Оренбург, 20 апреля 2022 г.* Волгоград: Сфера; 2022. С. 175–178.
8. Открытый журнал. *Промышленное производство в России: итоги 2022 года*. <https://journal.open-broker.ru/research/promyshlennoe-proizvodstvo-v-rossii/> (дата обращения: 30.07.2023).
9. Нормова Ю.В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;1:463–478. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114057>
10. Shcherbakov D.S., Tikhonov A.A., Prokhorov V.T., Volkova G.Yu. The relationship between digital production and standardization for quality management of priority and preferred products for consumers in the regions of the southern federal district and the north Caucasus federal district. *Theoretical & Applied Science*. 2022;3(107):506–545.
11. Донцова О.И., Толкачев С.А., Комолов О.О. Российская промышленность: влияние санкций и перспективы импортозамещения. *Экономика, предпринимательство и право*. 2019.4(9):271–288. <http://doi.org/10.18334/epp.9.4.41512>
12. Жабин А.П., Вагин С.Г. Основные тенденции и принципы стратегического управления устойчивым развитием производства. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2008;6(44):27–33.

References

1. Grachev S.A. Analysis of the relationship between certain parameters of digitalization and sustainable development: national characteristics. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022;1:45–56. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114349> (In Russian).
2. Normova Yu.V. Heterogeneity of the Russian regional technological space. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022;1(12):463–478. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114057> (In Russian).
3. Logacheva N.A. A model for assessing the level of digital transformation of the region. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2022;1(496):88–110. <https://doi.org/10.24891/re.20.1.88> (In Russian).
4. Melnikov R.M. The impact of economic, social and environmental factors on life satisfaction in Russian regions. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2022;3(20):424–450. <https://doi.org/10.24891/re.20.3.424> (In Russian).
5. Gorovoy A.A., Shlafman A.I. The concept of development of integrated entrepreneurial innovations. *Science Prospects*. 2014;6(57):21–24. (In Russian).
6. Zaborovskaya O.V. Development of regional economy: potential of tourist activity activation. In: *Media, democracy, market in modern society: Proceedings of the VI Interuniversity scientific-practical conference, St. Petersburg, January 1 – December 31, 2012*. St. Petersburg: Asterion; 2012. Pp. 75–83. (In Russian).
7. Ogorodnikova E.P., Dobrodomova L.A. Labor productivity as a factor in increasing the competitiveness of industrial enterprises. In: *Actual problems of economic activity and education in modern conditions: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference, Orenburg, April 20, 2022*. Volgograd: Sfera; 2022. C. 175–178. (In Russian).
8. Otkrytyi zhurnal. *Industrial production in Russia: the results of 2022*. <https://journal.open-broker.ru/research/promyshlennoe-proizvodstvo-v-rossii/> (accessed 30.07.2023). (In Russian).
9. Normova Yu.V. Heterogeneity of the Russian regional technological space. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022;1:463–478. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114057> (In Russian).
10. Shcherbakov D.S., Tikhonov A.A., Prokhorov V.T., Volkova G.Yu. The relationship between digital production and standardization for quality management of priority and preferred products for consumers in the regions of the southern federal district and the north Caucasus federal district. *Theoretical & Applied Science*. 2022;3(107):506–545.
11. Dontsova O.I., Tolkachev S.A., Komolov O.O. About Russian industry: the impact of sanctions and import substitution prospects. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. 2019.4(9):271–288. <http://doi.org/10.18334/epp.9.4.41512> (In Russian).
12. Zhabin A.P., Vagin S.G. The main trends and principles of strategic management of sustainable development of production. *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2008;6(44):27–33. (In Russian).

Выявление потенциальных угроз экономической безопасности в коммерческой организации

Агеева Ольга Андреевна

Д-р экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0002-8772-1702, e-mail: miroya@mail.ru

Матыцына Юлия Дмитриевна

Аспирант
ORCID: 0000-0002-5518-0163, e-mail: julia_19971@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье раскрыты методы выявления потенциальных угроз экономической безопасности коммерческой организации, прежде всего алгоритм экспресс-диагностики ее финансово-хозяйственной деятельности. Целью исследования является выявление угроз экономической безопасности коммерческой организации и построение алгоритма по их устранению при помощи инструментов внутреннего контроля. Задачи заключаются в проведении финансового анализа организации, систематизации основных показателей, подвергаемых оценке, выявлении наиболее значимых угроз и, как следствие, разработке мер, позволяющих укрепить экономическую безопасность коммерческой организации. Методология проведения исследования заключалась в обобщении существующего инструментария внутреннего контроля, а также в разработке рекомендаций по повышению экономической безопасности коммерческой организации. Разработанная авторами и представленная в статье методика внутреннего контроля для выявления и устранения угроз экономической безопасности коммерческой организации отличается от существующих похожих методик тем, что она дополняет внутренние угрозы новым специфическим видом угроз, с одной стороны, возникающих вовне, а с другой – влияющих на коммерческую организацию напрямую на микроуровне. Предложено устранять подобного рода угрозы с помощью системы внутреннего контроля путем расширения ее инструментария.

Ключевые слова

Внутренний контроль, экономическая безопасность, угрозы, экспресс-диагностика, контрольная среда, оценка рисков, процедуры контроля, информация и коммуникация, мониторинг

Для цитирования: Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Выявление потенциальных угроз экономической безопасности в коммерческой организации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 152–162.

Identifying potential threats to economic security in a commercial organization

Olga A. Ageeva

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Accounting, Audit and Taxation Department
ORCID: 0000-0002-8772-1702, e-mail: miroya@mail.ru

Yulia D. Matytsyna

Postgraduate Student
ORCID: 0000-0002-5518-0163, e-mail: julia_19971@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article reveals methods of identifying potential threats to economic security of commercial organization, primarily the algorithm of express diagnostics of its financial and economic activities. The purpose of the study is to identify threats to economic security of commercial organization and to build an algorithm to eliminate them with the help of internal control tools. The objectives are to conduct a financial analysis of organization, to systematize main indicators subject to evaluation, to identify the most significant threats and, as a consequence, to develop measures to strengthen economic security of commercial organization. The methodology of the research consisted in generalizing existing internal control toolkit, as well as in developing recommendations to improve economic security of commercial organization. The internal control methodology developed by the authors and presented in the article to identify and eliminate threats to economic security of commercial organization differs from existing similar methods in that it supplements internal threats with a new specific type of threats, on the one hand, arising externally, and on the other hand – affecting commercial organization directly at the micro level. It has been proposed to eliminate such threats with the help of the internal control system by expanding its tools.

Keywords

Internal control, economic security, threats, express diagnostics, control environment, risk assessment, control procedures, information and communication, monitoring

For citation: Ageeva O.A., Matytsyna Yu.D. (2023) Identifying potential threats to economic security in a commercial organization. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 152–162.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день значимость экономической безопасности хозяйствующего субъекта стремительно растет. Обуславливается это возникновением большого количества угроз, которые негативно сказываются на финансовой стабильности коммерческой организации. Важными аспектами становятся устранение потенциальных угроз, обеспечение конкурентоспособности предприятия, а также защита его экономических интересов. Соответственно, экономическая безопасность становится основой существования любой организации, так как она направлена на наиболее эффективное использование корпоративных ресурсов для предотвращения угроз и создания условий стабильного функционирования хозяйствующего субъекта.

Угрозы экономической безопасности дестабилизируют экономическую деятельность хозяйствующего субъекта, препятствуют реализации его коммерческих интересов, снижают намеченные показатели экономического развития, а также могут привести организацию к лишению активов и капитала, а впоследствии – к ее банкротству. В связи с этим тема исследования как никогда актуальна.

На государственном уровне угроза экономической безопасности трактуется как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в экономической сфере [1]. Авторы по-разному трактуют понятие «угроза экономической безопасности». Наиболее точным, с нашей точки зрения, является определение, которое сформулировал доктор экономических наук В.К. Сенчагов, который подчеркнул, что «угроза экономической безопасности хозяйствующего субъекта – это совокупность внешних и внутренних факторов, создающих опасность его нормальному функционированию и существованию» [2, с. 52].

Полагаем, что на микроуровне основным инструментом, позволяющим своевременно выявить и предотвратить возможные угрозы, является внутренний контроль, который на основе оценки и анализа рисков минимизирует негативные факторы и влияет на принятие адекватных в сложившейся ситуации управленческих решений.

Оценка хозяйственной деятельности имеет важное значение при проведении экономического анализа результатов работы организации, так как в итоге составляются обобщающие выводы об эффективности предпринимательской деятельности хозяйствующего субъекта и уровне его экономической безопасности.

ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКА ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Экспресс-диагностика финансово-хозяйственной деятельности представляет собой анализ и оценку деятельности коммерческой организации за выбранный краткосрочный период на основе учетных данных. Такая диагностика позволяет разработать концепцию проекта по автоматизации и обеспечению экономической безопасности коммерческой организации.

На основе проведенной диагностики осуществляется внутренний контроль, представляющий собой процесс формирования, распределения и использования ресурсов с целью своевременного принятия и реализации управленческих решений, сохранности имущества организации, а также соблюдения законодательства. Внутренний контроль в коммерческой организации как элемент достижения ее экономической безопасности представляет собой систематизированную совокупность мероприятий, направленных на обеспечение руководством бесперебойной и безопасной работы финансовой, кадровой, технической, технологической, маркетинговой и других служб организации с целью повышения эффективности ее деятельности. Проведение экспресс-анализа предусматривает использование нескольких методик, которые включают определенные виды коэффициентов и показателей, перечень которых зависит от отраслевой принадлежности организации.

Рассмотрим данные финансовой отчетности общества с ограниченной ответственностью «Пегас», которое является коммерческой организацией и функционирует в сфере химической промышленности, в частности производит полимерные покрытия (табл. 1). За базисный и отчетный период дадим в таблице каждому показателю условное обозначение для удобства дальнейшего рассмотрения формул расчета.

Таблица 1

Исходные данные для проведения экспресс-диагностики финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации

Показатели	Условное обозначение	Базисный период (БП)		Отчетный период (ОП)		Абсолютные отклонения, тыс. руб.	Темп прироста, %
		тыс. руб.	% к итогу	тыс. руб.	% к итогу		
<i>Бухгалтерский баланс</i>							
Активы (стр. 1600)							
Внеоборотные активы (стр. 1100), в т.ч.:	ВА	51 064	22,1	60 557	22,5	+ 9 943	+ 18,6
Основные средства (стр. 1150)	ОС	45 664	19,8	36 271	13,4	- 9 393	- 20,6
Оборотные активы (стр. 1200), в т.ч.:	ОА	179 645	77,9	210 148	78,2	+ 30 503	+ 17,0
Запасы (стр.1210+1220)	З	114 594	49,7	126 215	47,0	+ 11 621	+ 10,1
Дебиторская задолженность (стр. 1230 + 1260)	ДЗ	49 508	21,5	61 405	22,9	+ 11 897	+ 24,0
Денежные средства (стр. 1250)	ДС	15 543	6,7	18 633	6,9	+ 3 090	+ 19,9
Пассив (стр. 1700)							
Собственный капитал (стр. 1300)	СК	89 957	39,0	160 842	59,4	+ 70 885	+ 78,8
Заемный капитал (стр.1400+1500-1530), в том числе:	ЗК	140 752	61,0	109 863	40,6	- 30 889	- 21,9
Долгосрочные обязательства (стр. 1400)	ДП	79 633	34,5	69 589	25,3	- 11 044	- 13,9
Краткосрочные обязательства (стр. 1500)	КП	61 119	26,5	73 148	27,2	+ 12 029	+ 19,7
Валюта баланса	ВБ	230 709	100	270 705	100	+ 39 996	+ 17,3
<i>Отчет о финансовых результатах</i>							
Выручка (стр. 2110)	В	369 096	-	439 820	-	+ 70 724	+ 19,2
Себестоимость продаж (стр. 2120)	С	283 428	-	340 274	-	+ 56 813	+ 20,0
Прибыль (убыток) от продаж (стр. 2200)	П	4 317	-	1 606	-	- 2 711	↓
Чистая прибыль (убыток) (стр. 2400)	ЧП	-16 769	-	-8 771	-	+ 7 998	↑
<i>Вспомогательные показатели</i>							
Собственные оборотные средства	СОС	118 526	-	169 874	-	+ 51 348	
Среднегодовая величина активов/капитала		205 347	-	249 707	-	+ 44 360	+ 21,6
Среднегодовая стоимость основных средств		51 011	-	40 968	-	- 10 043	↓
Среднегодовая величина собственного капитала		98 342	-	125 400	-	+ 27 058	+ 27,5

Составлено авторами по материалам исследования

Исходя из данных табл. 1, можно сделать вывод о том, что преобладающую долю в структуре актива баланса занимают оборотные средства. Темп прироста внеоборотных активов выше, чем аналогичный темп по оборотным активам на 1,6 %, что свидетельствует о снижении оборачиваемости и дальнейшем

увеличении производственной базы средств хозяйствующего субъекта. Доля дебиторской задолженности в составе оборотных активов выросла в 1,2 раза, что может быть результатом расширения рынков сбыта, предоставления регулярных отсрочек по платежам своим контрагентам, а также может говорить о неэффективной работе ответственных сотрудников по сокращению суммы задолженности.

Анализ структуры пассива баланса позволяет оценить финансовое состояние организации на основании средств, которые она имеет в распоряжении и куда они вкладываются. Согласно данным бухгалтерского баланса, в отчетном периоде собственный капитал превалирует в структуре пассива баланса и занимает 61 %. Данный показатель увеличился в отчетном периоде в два раза, что возможно только при повышении кредитоспособности организации. В отчетном периоде наблюдается снижение долгосрочных обязательств на 11 044 тыс. руб., что является положительным фактором, поскольку позволяет рассчитаться также с кредитными организациями. Валюта баланса за рассматриваемый увеличилась на 17,3 %. Данный факт свидетельствует о расширении деятельности организации посредством дополнительного инвестирования средств в ее развитие.

Можно констатировать, что в отчетном периоде произошло увеличение объемов продаж, поскольку выручка увеличилась на 19,2 %. Темп прироста расходов (20,1 %) превышает темп прироста выручки (19,2 %), что является неблагоприятным фактором, свидетельствующим о снижении эффективности деятельности и неблагоприятной тенденции изменения соотношения затрат и результатов. В отчетном периоде значительно увеличились коммерческие расходы организации, которые повлияли на уменьшение прибыли от продаж на 2 711 тыс. руб.. Финансовый результат до налогообложения является отрицательным, то есть вместо прибыли предприятие получило убыток. Причина такой ситуации, на наш взгляд, заключается в финансировании нового дополнительного вида деятельности – предоставлении услуг по перевозкам. Прибыль, остающаяся в распоряжении организации, увеличилась на 7 998 тыс. руб. в связи с продажей лишнего имущества.

Далее специалистами проводится экспресс-анализ финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации общества с ограниченной ответственностью «Пегас» (табл. 2).

Таблица 2

Экспресс-диагностика предпринимательской деятельности общества с ограниченной ответственностью «Пегас»

Показатель	Формула расчета	БП	ОП	Абсолютное отклонение	Норматив показателя
<i>Оценка показателей рентабельности</i>					
Рентабельность продаж (ROS)	$ROS = \Pi / В$	1,2	0,4	- 0,8	2,8
Рентабельность собственного капитала (ROE)	$ROE = ЧП / СК$	- 17,1	- 7,0	+ 10,1	6,3
Рентабельность активов (ROA)	$ROA = ЧП / ВБ$	- 8,2	- 3,2	+ 5,0	5
Рентабельность продукции	$R_{\text{пр}} = \Pi / С$	1,5	0,5	- 1	1
<i>Оценка ликвидности и платежеспособности</i>					
Коэффициент абсолютной ликвидности	$K_{\text{ал}} = ДС / КП$	0,237	0,428	+ 0,191	$\geq 0,2$
Коэффициент быстрой ликвидности	$K_{\text{бл}} = ДС + ДБ / КП$	0,950	1,769	+ 0,819	$\geq 0,9$
Коэффициент текущей ликвидности	$K_{\text{тл}} = ОА / КП$	2,867	4,822	+ 1,955	$\geq 1,8$
Коэффициент обеспеченности текущей деятельности СОС	$K_{\text{сос}} = СОС / ОА$	0,659	0,808	+ 0,149	$\geq 0,11$
Маневренность собственных оборотных средств	$K_{\text{мос}} = ДС / СОС$	0,131	0,109	- 0,022	0,2–0,5

Показатель	Формула расчета	БП	ОП	Абсолютное отклонение	Норматив показателя
Общая степень платежеспособности	$K_{\text{ПО}} = 3K/V$	0,381	0,249	- 0,132	0,5–0,7
Платежеспособность по текущим обязательствам	$K_{\text{ПТ}} = КП/V$	0,178	0,110	- 0,068	$\geq 0,25$
<i>Оценка показателей финансовой устойчивости</i>					
Коэффициент автономии	$K_{\text{КСК}} = СК/ВБ$	0,389	0,594	+ 0,205	$> 0,3$
Коэффициент соотношения заемного и собственного капитала	$K_{\text{ЗС}} = 3K/СК$	1,565	0,683	- 0,882	< 1
Маневренность собственных средств	$K_{\text{М}} = СОС/СК$	1,318	1,056	- 0,325	$> 0,2$
<i>Оценка показателей деловой активности</i>					
Фондоотдача	$\Phi = В/ОС$	9,1	8,6	- 0,5	-
Оборачиваемость активов	$ОА = 365 \cdot \overline{ВБ}/В$	1,79	1,76	- 0,03	-
Оборачиваемость собственного капитала	$ОСК = 365 \cdot \overline{СК}$	3,75	3,51	- 0,24	-

Составлено авторами по материалам источников [3–6]

Рентабельность продаж демонстрирует отрицательную динамику. В отчетном периоде данный показатель снизился на 0,8 %, и его значение в 7 раз ниже норматива. ROE увеличилась на 10 %, но при этом каждый вложенный собственником рубль принес убыток в размере 0,7 руб. Увеличение ROA на 5 % произошло ввиду повышения чистой прибыли. Рентабельность продукции в отчетном периоде снизилась в 3 раза, следовательно, руководству необходимо усилить контроль за калькулированием себестоимости продукции и ценовой политикой.

Динамика показателей ликвидности и платежеспособности позволяет сделать следующие выводы: коэффициент абсолютной ликвидности повысился на 0,191 и стал выше нормативного показателя. Такая положительная динамика означает, что не менее, чем 42,7 % краткосрочной задолженности в отчетном периоде можно было быстро погасить за счет выручки от продаж без привлечения дополнительных денежных средств.

Коэффициент текущей ликвидности имеет тенденцию к росту, превышает нормативное значение на 3 пункта. Одновременный рост рассмотренных коэффициентов обеспечивает бесперебойность работы данной организации. В 1,8 раза ниже нормативного значения находится коэффициент маневренности собственных оборотных средств и составляет в отчетном периоде 1,109, что свидетельствует о невозможности организации отвечать по наиболее срочным обязательствам. Доля собственных оборотных средств (далее – СОС) в покрытии запасов в отчетном периоде стала выше нормативного показателя на 0,346, что является благоприятной тенденцией. Увеличение данного показателя произошло из-за роста СОС на 31 % в отчетном периоде. Общая степень платежеспособности снизилась в отчетном периоде на 0,132, также данный показатель в 2 раза ниже нормативного значения, что является неблагоприятным фактором для предприятия. Платежеспособность по текущим обязательствам имеет отрицательную динамику (уменьшение на 0,068). Такая ситуация снижает объем и увеличивает период погашения краткосрочной кредиторской только за счет продажной выручки.

Динамика показателей финансовой устойчивости, которая заключается в уменьшении доли заемного капитала, с одной стороны, свидетельствует о наличии у коммерческой организации достаточной доли собственного капитала, что увеличивает ее финансовую устойчивость. С другой стороны, для расширения деятельности организации следует повысить долю заемного капитала, но в пределах допустимого плеча рычага. Снижение коэффициента маневренности собственных средств на 0,325 тем не менее превышает нормативное значение, то есть предприятие имеет ресурсы для обеспечения финансовой устойчивости предприятия и способно поддерживать стабильный уровень собственного капитала.

По данным табл. 2 можно сделать вывод о том, что понижение фондоотдачи в отчетном периоде обусловлено тем, что часть выделенных средств была направлена на закупку основных средств, что увеличило их среднюю денежную оценку и повлияло на уровень отдачи от использования долгосрочных активов. Следует также помнить, что уровень фондоотдачи существенно зависит от вида деятельности (фондоёмкая, материалоемкая, зарплатоемкая), а также от выбора в учетной политике решения по вопросу: производить ежегодную переоценку основных средств или нет. Немаловажное влияние оказывает на уровень всех денежных показателей, включая фондоотдачу и изменение уровня инфляции.

Оборачиваемость активов показывает, что общество недостаточно эффективно использует свои активы, в отчетном периоде оборачиваемость собственного капитала общества с ограниченной ответственностью «Пегас» снижается, и на конец периода исследования было произведено товаров и предоставлено услуг на сумму 3,51 руб. на каждый рубль привлеченных средств собственников. Коэффициент оборачиваемости собственного капитала снизился на 0,24, что является негативной тенденцией и говорит о бездействии части собственных средств.

МЕТОДИКА ПО УСТРАНЕНИЮ ВЫЯВЛЕННЫХ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

На основе проведенной экспресс-диагностики финансово-хозяйственной деятельности авторами были выявлены следующие наиболее значимые угрозы экономической безопасности хозяйствующего субъекта:

- 1) увеличение дебиторской задолженности;
- 2) низкая рентабельность и деловая активность;
- 3) убыточная деятельность.

Выявленные внутренние угрозы также могут быть усилены воздействием внешних угроз, таких как нестабильная экономическая ситуация в стране и мире, воздействием инфляции, а также появлением новых конкурентов.

Далее перейдем к разработке методики по устранению выявленных угроз экономической безопасности коммерческой организации. Методику выбора инструментов внутреннего контроля для устранения угроз экономической безопасности на основе экспресс-диагностики финансово-хозяйственной деятельности организации будем рассматривать на основе всей совокупности элементов системы внутреннего контроля (далее – СВК). К таким элементам традиционно относят контрольную среду, созданную в организации, методику оценки рисков, выбранные контрольные процедуры, используемую в деятельности информацию и коммуникации, а также постоянный мониторинг за происходящими изменениями.

Рассмотрим более подробно указанные выше элементы СВК.

1. Контрольная среда. Этот элемент СВК базируется на доведении информации о текущем положении дел до руководства коммерческой организации и является основой обеспечения порядка и дисциплины хозяйствующего субъекта.

В рамках рассмотренного элемента применительно к выявленным внутренним угрозам целесообразно применять следующий алгоритм по обеспечению экономической безопасности:

- 1) своевременное доведение информации ответственными сотрудниками о финансово-хозяйственных процессах до руководства;
- 2) анализ и обработка полученной информации руководством;
- 3) принятие управленческих решений, направленных на нивелирование угроз;
- 4) доведение информации до персонала, при необходимости назначение новых ответственных лиц или введение дополнительного разделения ответственности между сотрудниками;
- 5) контроль за выполнением задач по обеспечению экономической безопасности.

Контрольная среда отражает культуру управления экономическим субъектом и создает надлежащее отношение персонала к организации и осуществлению внутреннего контроля [7].

2. Оценка рисков. Рассматриваемый элемент СВК представляет собой непрерывный процесс, базирующийся на основе ранее созданной контрольной среды, который направлен на идентификацию и анализ руководством выявленных рисков. Применительно к формированию финансовой отчетности основными задачами оценки рисков является определение ее достоверности, полноты раскрытия информации в ней, корректности, измерения представления данных, а также соответствие требованиям законодательства.

В рамках рассмотренного элемента применительно к выявленным внутренним угрозам целесообразно применять следующий алгоритм по обеспечению экономической безопасности:

- 1) определение объектов риска;
- 2) диагностирование уровня рисков, например, на основе имеющихся индикаторов;
- 3) идентификация источников угроз;
- 4) определение мер защиты, например, введение новых инструкций по отслеживанию уровня дебиторской задолженности или расширение имеющегося ассортимента товаров, работ, услуг, что в свою очередь может повысить показатели рентабельности и деловой активности и, как следствие, положительно сказаться на чистой прибыли организации.

Соответственно, авторы статьи предлагают руководству коммерческих организаций использовать описанный выше подход с целью сосредоточить внимание на выявленных уязвимых местах финансово-хозяйственной деятельности и по возможности устранять их за счет имеющихся в распоряжении ресурсов.

3. Контрольные процедуры. Благодаря контрольным процедурам руководство организации совместно с ответственными лицами удостоверяется в том, что все распоряжения выполняются должным образом.

В рамках рассмотренного элемента применительно к выявленным внутренним угрозам целесообразно применять следующий алгоритм по обеспечению экономической безопасности:

- 1) введение дополнительных проверок по сопоставлению значений показателей и определение их соответствия индикативным значениям;
- 2) введение автоматизированных проверок ведения учета;
- 3) проведение периодических инвентаризаций и сверка полученных результатов с данными из бухгалтерских регистров;
- 4) усиление доступа к внутренней программе «Абакус», разработанной специально в рамках коммерческой организации общества с ограниченной ответственностью «Пегас»;
- 5) ротация обязанностей.

Без применения контрольных процедур невозможно достижение поставленных руководством целей. Адекватное разделение обязанностей, физический контроль над объектами и применение дополнительных проверок повысят уровень экономической безопасности организации в целом.

4. Информация и коммуникация. Названный элемент СВК предусматривает сбор информации из первичных документов и формирование системы контроля за имуществом организации. Как известно, основными пользователями информационной системы организации является персонал, соответственно, необходимо спроектировать такой обмен информацией, при котором сотрудникам будет легче в ней ориентироваться и тем самым упростится их работа.

В рамках рассмотренного элемента применительно к выявленным внутренним угрозам целесообразно применять следующий алгоритм по обеспечению экономической безопасности:

- 1) применение лицензированного программного обеспечения;
- 2) ранжирование доступа сотрудников к информации;
- 3) применение дополнительных паролей;
- 4) автоматизация всех процедур по сбору, обработке и хранению информации;
- 5) регулярное ведение баз данных, например, по контрагентам, попавшим в «черный список».

Качественная и своевременная информация обеспечивает функционирование внутреннего контроля и возможность достижения им поставленных целей.

Коммуникация представляет собой распространение информации, необходимой для принятия управленческих решений и осуществления внутреннего контроля. Например, персонал экономического субъекта должен быть осведомлен о рисках, относящихся к сфере его ответственности, об отведенной ему роли и задачах по осуществлению внутреннего контроля и информированию руководства [7].

5. Мониторинг. Указанный элемент СВК является заключительным и наиболее значимым этапом в работе всей системы, поскольку он проводится в отношении всех других элементов с целью определения их эффективности и результативности.

В рамках рассмотренного элемента применительно к выявленным внутренним угрозам целесообразно применять следующий алгоритм по обеспечению экономической безопасности.

1. Определение программы проверки и ответственных лиц.

2. Сбор данных, например, сверка данных учета с первичной документацией, принятой к учету, или проверка документального оформления сделок.

3. Разработка мероприятий по устранению выявленных угроз экономической безопасности, например, высокая оценка чистых активов коммерческой организации вместе с рекламой укрепит ее конкурентное положение, а рекламная компания позволит привлечь дополнительных покупателей.

При этом следует помнить, что чистые активы являются балансирующей величиной как разница между всеми активами и обязательствами. В связи с этим при их расчете возникает опасность завысить оценку уменьшаемого в арифметической формуле – отраженных в балансе активов, – и, соответственно, завысить величину чистых активов, обещая собственникам организации намного больше выгод, чем есть у предприятия реально. С целью недопущения указанной ошибки активы отражаются в финансовых отчетах всегда по минимальной оценке на основе принципа осмотрительности или консерватизма. Активы регулярно тестируются на предмет их обесценения согласно требованиям Международных стандартов финансовой отчетности (IAS) 36 «Обесценение активов» и отражаются в балансе за вычетом убытка под обесценение. Дебиторская задолженность отражается за вычетом резерва по сомнительным долгам и т.д. Таким образом, отдельные учетные стандарты также выступают в качестве инструментов, позволяющих обеспечить сохранность и реальную прибыльность бизнеса [8]. Мониторинг позволяет выявлять ошибки и исправлять их до того, как они негативно повлияют на финансовую деятельность коммерческой организации и создадут препятствия на пути к достижению ее стратегической цели [9].

4. Последующий контроль за ранее выявленными уязвимыми местами.

5. Ежегодная оценка СВК.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Раскрытая выше методика выбора инструментов внутреннего контроля для устранения угроз экономической безопасности в коммерческой организации применяется в настоящее время на практике, и ее можно отнести к уже существующим методикам. Авторы настоящего исследования расширили эту методику.

Авторское приращение существующей методики состоит в том, что было предложено ее дополнить анализом новых специфических угроз, таких как несанкционированное подключение к локальным коммуникационным сетям компании, введение иностранными государствами ограничений на импорт, промышленные и природные катастрофы. Несмотря на то что перечисленные выше новые современные угрозы экономической безопасности появляются как внешние, во внекоммерческой организации они влияют на нее на микроуровне напрямую, следовательно, устранять их надо на микроуровне с помощью СВК, расширив ее инструментарий.

На наш взгляд, указанные угрозы экономической безопасности коммерческой организации следует устранять с помощью новых методов СВК. В частности, к обеспечению экономической безопасности на микроуровне необходимо привлекать IT-специалистов для регулярных проверок на предмет несанкционированного подключения к информационным базам предприятия и очистки электронных вычислительных машин от сетевых и иных вирусов. В условиях ограничений на импорт следует особое внимание уделить импортозамещению и заранее подготовить базу данных о соответствующих российских поставщиках, стоит задуматься об изменении технологий производства и внедрении связанных с этим процессом инноваций. Важно предусмотреть резервные источники питания для производственного оборудования и помещения для хранения имущества в случае промышленных и природных катастроф. Необходимо также заранее позаботиться о сотрудниках предприятия: подготовить бункеры и убежища с запасами воды и еды, со средствами защиты, включая специальную одежду и противогазы.

Далее рассмотрим в динамике, как при помощи предлагаемой методики за год изменился процент выявленных новых специфических угроз (табл. 3).

В качестве вывода следует отметить, что новый инструментарий СВК позволил снизить все три угрозы экономической безопасности, наибольший результат удалось достигнуть по угрозе № 2. По мнению авторов, на современном этапе руководству следует делать наибольший акцент на диджитализации внутреннего контроля, то есть трансформировать традиционную модель СВК путем внедрения в работу организаций большего количества цифровых технологий и автоматизированных систем.

**Влияния авторской методики системы внутреннего контроля
на угрозы экономической безопасности коммерческой организации**

Угроза	Базисный период	Отчетный период	Новый инструментарий системы внутреннего контроля
	%		
Несанкционированное подключение к локальным коммуникационным сетям компании	34	16	Настройка шифрования файлов; Контроль за неизвестным трафиком; Включение автоматической блокировки системы при обнаружении вторжения или нарушения протоколов безопасности
Введение иностранными государствами ограничений на импорт	82	49	Изменение технологий производства с ориентацией на имеющиеся в Российской Федерации и дружественных странах материалы; Схема «ложный транзит», например, грузовик с товаром из Европы строит маршрут в страну N через Российской Федерацию и на территории нашего государства осуществляет перепродажу товара
Промышленные и природные катастрофы (промышленные опасные ситуации)	44	38	Ранжирование выявленных объектов на планово-предупредительный ремонт; Разработка плана ликвидации аварии с учетом перепланировки здания и установки новой системы вентиляции

Составлено авторами по материалам исследования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутренний контроль следует отнести к одному из важнейших инструментов, позволяющих защитить имущество коммерческой организации, повысить достоверность, полноту и релевантность ее информационного и учетно-аналитического обеспечения, мобилизовать резервы во всех сферах деятельности, и, как следствие, повысить заключающиеся в росте прибыли и рентабельности эффект и эффективность всей системы управления. Анализ финансово-хозяйственной деятельности позволяет выявить наличие угроз в работе организации, определить способность организации финансировать свою дальнейшую коммерческую деятельность. В аналитических выводах специалистами также дается характеристика состояния финансовых ресурсов предприятия и оцениваются экономические отношения с контрагентами.

В целях устранения выявленных угроз должностными лицами разрабатывается алгоритм, основанный на пяти элементах СВК и на анализе новых специфичных видах угроз, позволяющий эффективно управлять предприятием, а также служащий базой для управленческих решений и планирования. Соответственно, обеспечение экономической безопасности на микроуровне должно базироваться на совершенствовании показателей и индикаторов, а также на оперативной обработке информации, поступающей после проведения контрольно-регулятивных процедур. Следовательно, внутренний контроль и анализ финансового состояния организации выступают центральными элементами в процессе обеспечения экономической безопасности коммерческой организации.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 03.08.2023).
2. Сенчагов В.К. (ред.). *Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник*. 6^е изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний; 2020. 818 с.

3. Федеральная служба государственной статистики. *Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142116/ (дата обращения: 03.08.2023).
4. Бороненков С.А. *Комплексный финансовый анализ в управлении предприятием*. М.: Инфра-М; 2018. 512 с.
5. Зайковский Б.Б., Корниенко М.В. Практика применения методики анализа платежеспособности и финансовой устойчивости организации. *Социальные науки*. 2020;4(19):16–24.
6. Любушин Н.П. *Экономический анализ*. 3^е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2020. 574 с.
7. Российская Федерация. Информация Министерства финансов Российской Федерации № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (дата обращения: 03.08.2023).
8. Российская Федерация. *Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 36 «Обесценение активов» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 217н)*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193674/ (дата обращения: 03.08.2023).
9. Крыцина А.М. Развитие внутреннего контроля как элемента экономической безопасности коммерческого предприятия. *Крымский научный вестник*. 2021;2-3(14-15):46–56.

References

1. Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017, No. 208 “On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030”*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (accessed 03.08.2023). (In Russian).
2. Senchagov V.K. (ed.). *Economic security of Russia. General course: textbook*. 6th ed. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniya; 2020. 818 p. (In Russian).
3. Federal State Statistics Service. *Methodological recommendations for the analysis of financial and economic activity of organizations*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142116/ (accessed 03.08.2023). (In Russian).
4. Boronenkov S.A. *Comprehensive financial analysis in enterprise management*. Moscow: Infra-M; 2018. 512 p. (In Russian).
5. Zaikovskiy B.B., Kornienko M.V. Practices of application of methods of analysis of payment and financial stability of the organization. *Social Sciences*. 2020;4(19):16-24. (In Russian).
6. Lyubushin N.P. *Economic analysis*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: UNITI-DANA; 2020. 574 p. (In Russian).
7. Russian Federation. *Information of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. PZ-11/2013 “Organization and implementation by an economic entity of internal control over the facts of economic life, accounting and preparing accounting (financial) statements”*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (accessed 03.08.2023). (In Russian).
8. Russian Federation. *International Accounting Standard (IAS) 36 “Assets Impairment” (enacted in the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 217n dated December 28, 2015)*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193674/ (accessed 03.08.2023).
9. Krytsina A.M. Development of internal control as an element of economic security of commercial enterprise. *The Crimean Scientific Bulletin*. 2021;2-3(14-15):46–56. (In Russian).

Экономическое развитие российской обрабатывающей промышленности в условиях санкций

Афонин Сергей Евгеньевич

Соискатель

ORCID: 0000-0002-9928-2153, e-mail: afonins1307@rambler.ru

Национальный исследовательский технологический университет МИСИС, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье представлено исследование по оценке основных показателей эффективности развития производственного процесса в обрабатывающей промышленности Российской Федерации (далее – РФ) в последние годы, связанные с негативным влиянием пандемии COVID-19 на промышленное производство и на производство в целом. Цель настоящего исследования заключается в изучении уровня развития обрабатывающего промышленного производства в РФ в условиях санкций. Для достижения поставленной цели был изучен международный и отечественный опыт экономического развития обрабатывающей промышленности, который в общих чертах дает характеристику уровню компетенций, необходимых для эффективного развития обрабатывающих производств. Проведена сравнительная оценка таких подходов. В исследовании использовались методы сводки и группировки, табличный и графический методы представления информации, методы анализа динамики. Информационной базой исследования выступили микроданные выборочных обследований Федеральной службы государственной статистики. Показатели представлены в годовой периодичности за 2016–2022 гг. по РФ. В результате изучения экономического развития видов обрабатывающей промышленности были установлены их плюсы и минусы. На основе статистических данных и выборочных обследований за 2022 г. осуществлена их систематизация и оценка. Изучены изменения, произошедшие в основных экономических показателях, характеризующих развитие в сфере обрабатывающей промышленности. В исследовании уделено внимание показателям, характеризующим развитие промышленности в РФ. Был сформулирован вывод о том, что в будущем следует продолжить трансформацию обрабатывающей промышленности на инновационной основе.

Ключевые слова

Регионы, промышленное производство, экономика, региональная политика, эффективность, обрабатывающая промышленность

Для цитирования: Афонин С.Е. Экономическое развитие российской обрабатывающей промышленности в условиях санкций // Вестник университета. 2023. № 10. С. 163–171.

Economic development of the Russian manufacturing industry under sanctions

Sergey Ye. Afonin

Applicant

ORCID: 0000-0002-9928-2153, e-mail: afonins1307@rambler.ru

National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia

Abstract

The article presents a study to assess main indicators of efficiency of production process development in the manufacturing industry of the Russian Federation in recent years, related to the negative impact of the COVID-19 pandemic on industrial production and on manufacturing in general. The purpose of the study is to examine the level of manufacturing industrial production development in the Russian Federation under the conditions of sanctions. To achieve this goal, international and domestic experience of manufacturing industry economic development has been studied, which in general terms characterizes the level of competencies required for manufacturing industries effective development. A comparative assessment of such approaches has been carried out. The study used the summary and grouping methods, tabular and graphical methods of information presentation, dynamics analysis methods. The information base of the study was microdata of sample surveys of the Federal State Statistics Service. The indicators have been presented in annual periodicity for 2016–2022 for Russia. As a result of studying economic development of manufacturing industry types, their pros and cons have been established. On the basis of statistical data and sample surveys for 2022, their systematization and evaluation have been carried out. The changes that occurred in main economic indicators characterizing the manufacturing industry sphere development have been studied. The study pays attention to the indicators characterizing industry development in Russia. The article concludes that in the future it will be necessary to continue the manufacturing industry transformation on an innovative basis.

Keywords

Regions, industrial production, economy, regional policy, efficiency, manufacturing industry

For citation: Afonin S.Ye. (2023) Economic development of the Russian manufacturing industry under sanctions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 163–171.

ВВЕДЕНИЕ

Российская промышленность, как и промышленность в других странах, зависит от мировой экономической ситуации, складывающейся на определенных этапах развития мирового промышленного производства. В связи с этим экономическая ситуация последних лет отражается на экономическом развитии отечественной промышленности, в частности обрабатывающей промышленности. Исходя из показателей за 2022 г., российская экономика, несмотря на сложную сложившуюся ситуацию по отношению к Российской Федерации (далее – РФ, Россия) со стороны западных стран, показала не самые плохие показатели.

Существенный вклад в формирование теории систематизации идентификационных признаков субъектов и областей внесли такие зарубежные ученые, как Л. Вальрас, А. Вебер, Р. Кантильон, Дж. М. Кейнс, Ж.Б. Кольбер, В. Кристаллер, В. Лаундхарт, А. Леш, В. Леонтьев, Дж. Локк, Т. Мальтус, К. Маркс, Б. Олин, Д. Рикардо, П. Самуэльсон, А. Смит, Й. Тюнен, М. Фридмен, Т. Хегерстанд, П. Хейне, Э. Хекшер и др. Среди современных (2002 г. – наст. время) отечественных исследователей стоит отметить В.Т. Рязанова, С.С. Губанова, А.П. Горкина, А.А. Пороховского, С.Ю. Глазьева, О.С. Сухарева и др. Проведенные оценка и обобщение экономической литературы, посвященной проблематике развития промышленности на региональном уровне, показывают, что существуют различные теоретические и методические подходы к решению проблем, возникающих на пути развития отечественной отрасли [1].

Актуальность темы исследования определяется вышесказанным, а также определяет ее цель и задачи. Целью проведенного исследования выступает в изучении уровня развития обрабатывающего промышленного производства в России в условиях санкций.

В соответствии с указанной целью в настоящем исследовании поставлены и решены следующие задачи:

- 1) проведена оценка уровня развития современной обрабатывающей промышленности в России в сложившихся экономических условиях;
- 2) предложены мероприятия по трансформации обрабатывающей промышленности к более эффективному развитию.

Предметом исследования являются организационно-экономические отношения и процессы в обрабатывающей промышленности страны. Объектом исследования является обрабатывающее производство в России как составной элемент национальной экономики.

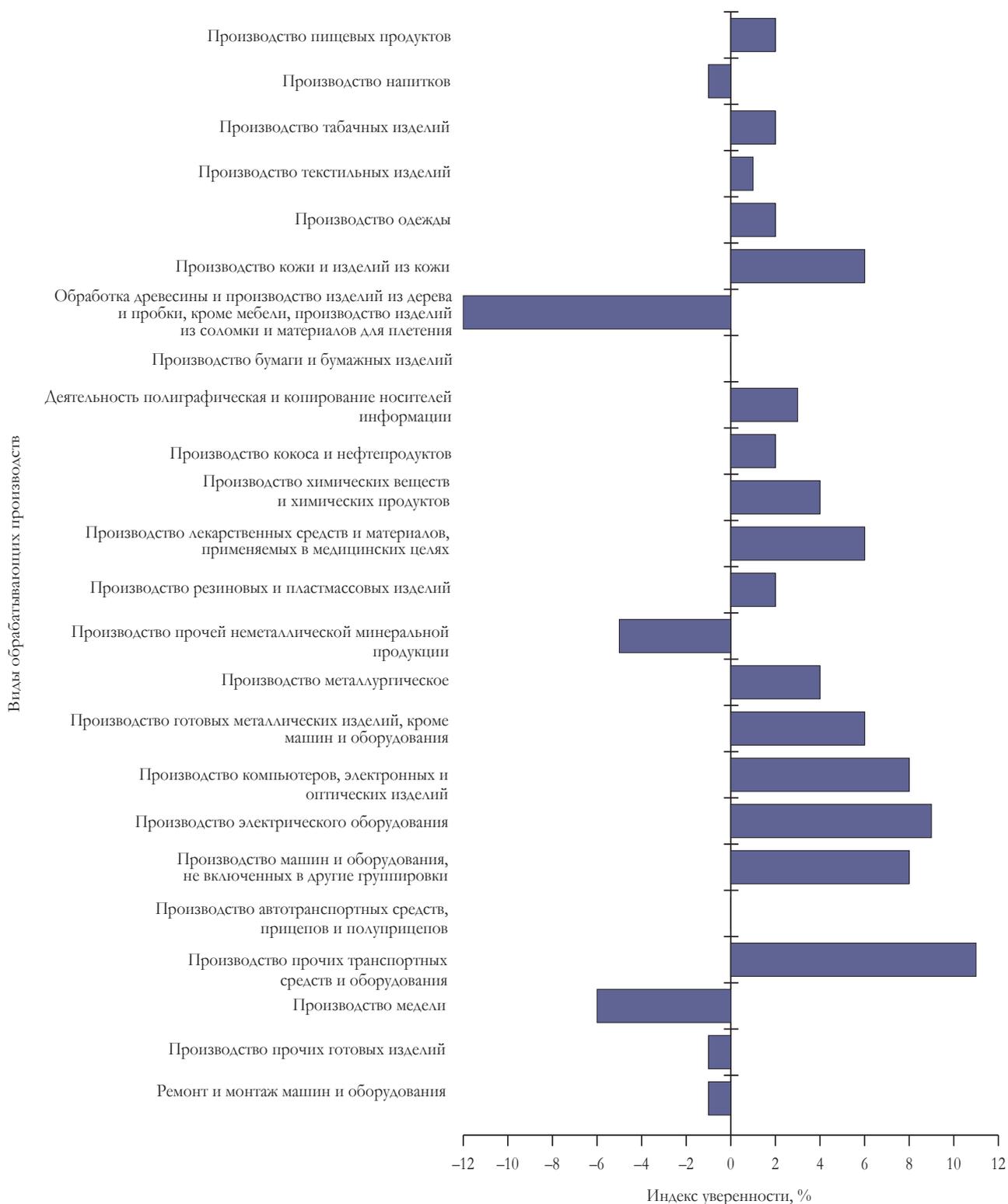
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На начало 2022 г. российская обрабатывающая промышленность занимала четвертое место, лидерство в данной отрасли сводится к первенству по размеру прибыли, что связано в первую очередь с сырьем [2; 3]. Научная новизна исследования заключается в теоретико-методическом обосновании нового подхода к формированию регионального ресурсного потенциала в условиях инновационных преобразований, базирующегося в связи с переходом регионов на новые принципы пространственного развития. В исследовании были систематизированы идентификационные признаки понятий «регион» и «региональная система», определена взаимосвязь с сопряженными терминами: «инновационный ресурс», «интеллектуальный ресурс», «предпринимательский ресурс» с позиции инновационных преобразований, результатом которых стало определение ресурсного обеспечения управления пространственным развитием регионов, основанного на информации и применении знаний.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

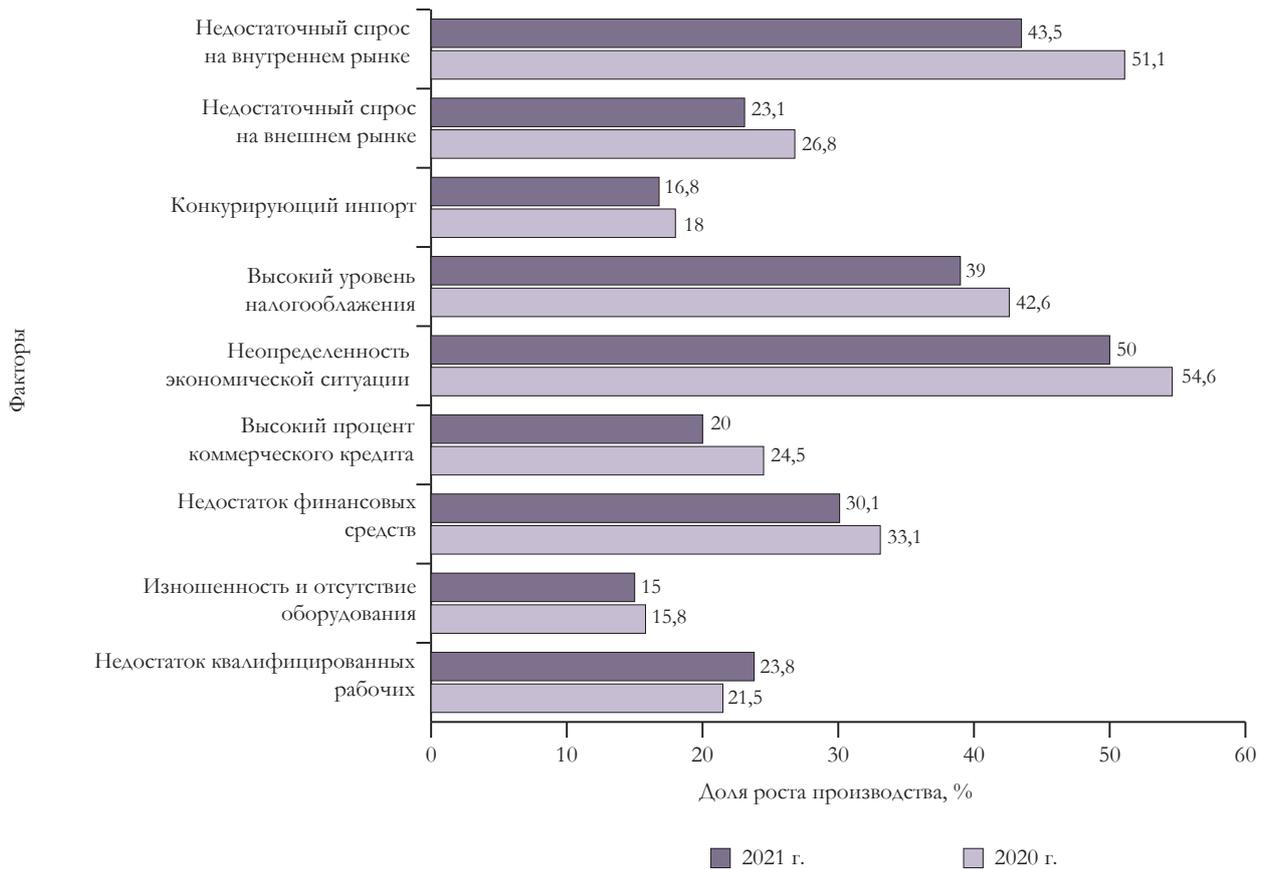
Рассмотрим индекс предпринимательской уверенности организаций обрабатывающих производств по России и отдельным странам (рис. 1).

В детальном изучении данных, представленных на рис. 1, можно заметить, что уровень индекса доверия предпринимателей промышленных производственных предприятий имеет нестабильные показатели. Особенное внимание следует обратить на текучесть индекса в сфере деревообработки, где он демонстрирует отрицательное значение, достигающее отметки в – 120. Это вызывает необходимость более глубокого погружения в анализ и, соответственно, выявления тех факторов, которые оказывают негативное влияние на рост производства [8]. В данном аспекте стоит обратить внимание на результаты исследования, проведенного Ситуационным центром Российского союза промышленников и предпринимателей (рис. 2).

Составлено автором по материалам источников [4–7]

Рис. 1. Индекс предпринимательской уверенности организаций обрабатывающих производств

Составлено автором по материалам источника [7]

Рис. 2. Динамика факторов, ограничивающих рост в обрабатывающей промышленности

Согласно этим данным, барьеры для роста производства не сводятся к единичным проблемам, но представляют собой комплекс обстоятельств, порождающих дестабилизацию индекса доверия предпринимателей. Важно не только определить перечень проблем, но и разработать меры по их устранению или минимизации, что представляется ключом к поэтапной стабилизации индекса доверия и общего возрождения производственного потенциала отрасли.

Можно перечислить интегральные черты, которые существенно влияют на оптимальное развитие обрабатывающей промышленности. К ним относятся высокая степень непредсказуемости экономического сценария, недостаточный спрос на корпоративную продукцию на внутреннем рынке и повышенный уровень налогообложения [9; 10]. Данные элементы важны, поскольку они формируют операционную среду в секторе, тем самым прямо или косвенно влияя на ключевые процессы принятия решений и инвестиционное планирование.

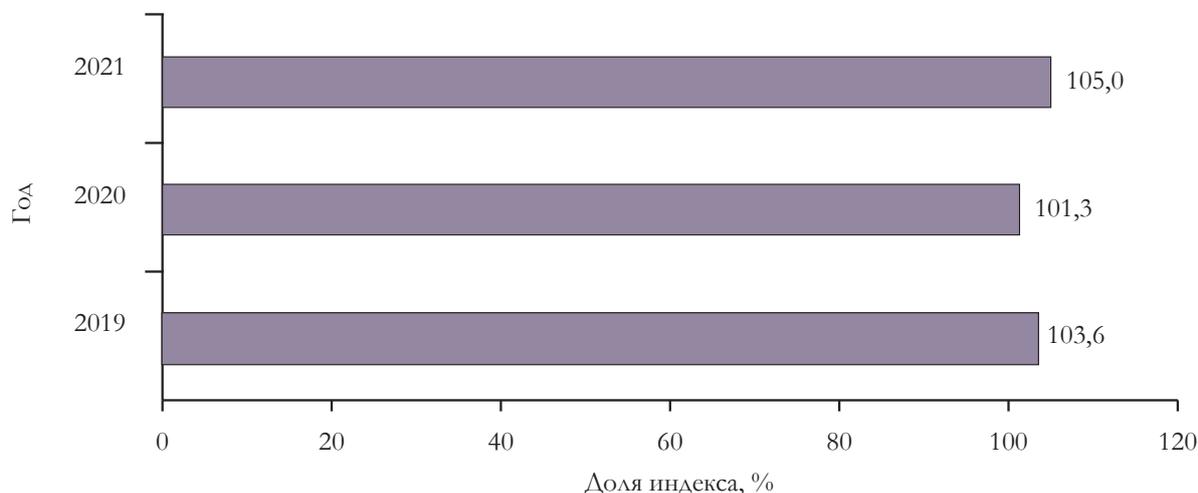
Систематическая неопределенность относительно стабильности экономической ситуации создает далеко не дружественную платформу для процветания обрабатывающей промышленности и препятствует стратегическому бизнес-планированию, тем самым ограничивая импульс последовательного операционного роста. Непредсказуемость затмевает элементы инвестиций, расширения рабочей силы, исследований и разработок, тем самым влияя на такие всеобъемлющие цели, как прибыль, доля рынка и репутация в отрасли.

Параллельно с этим отсутствие достаточного внутреннего спроса на промышленную продукцию сдерживает общий рост промышленности. Низкий уровень спроса может вызвать спад производства, что сделает поддержание стандартных эксплуатационных уровней менее рентабельным. Это зачастую приводит к увольнению персонала, сокращению затрат, а также к остановке работы предприятий, что отрицательно влияет на общую жизнеспособность производственной сферы.

Кроме того, повышенное налогообложение играет решающую роль в подрыве конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. В частности, в отрасли, где значительные первоначальные инвестиции и регулярные обновления являются нормой, высокие налоговые ставки могут значительно снизить потенциальную рентабельность инвестиций, удерживая предприятия от необходимых

капиталовложений. Таким образом, острота налогового ландшафта становится определяющим фактором в формировании траектории роста отрасли.

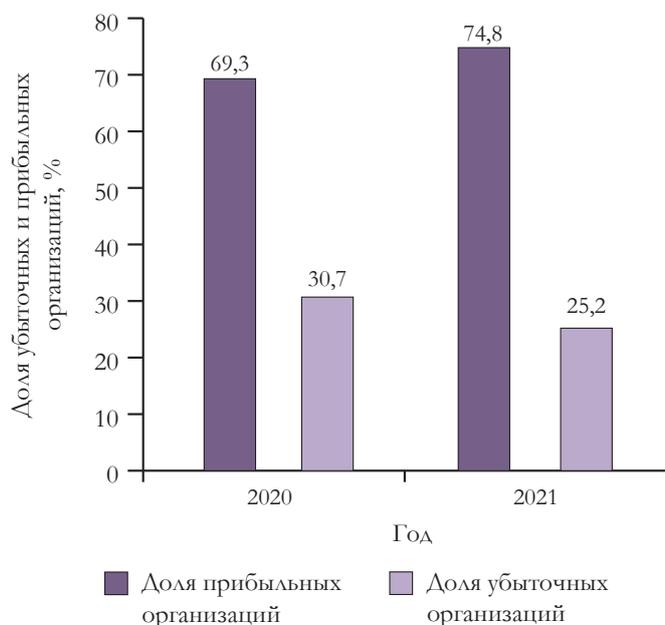
Учитывая эти факторы, стоит углубиться в динамику колебаний, определяющую структурный индекс промышленного производства обрабатывающей промышленности. На рис. 3 представлен анализу этой динамики. Именно через эмпирическую призму можно получить важные сведения, обеспечивающие более полное понимание текущего состояния обрабатывающей промышленности, траектории роста и потенциального развития области.

Составлено автором по материалам источника [7]

Рис. 3. Динамика индекса структуры производства в обрабатывающей промышленности

В результате анализа предоставленных данных о производственной активности следует отметить, что уровень индустриального производства до начала глобального распространения пандемии COVID-19 сумел продемонстрировать значительные достижения и уверенный рост. Чтобы получить максимально объективную и всестороннюю картину, автор проводил комплексный анализ различных составляющих индустриальной сферы в целом, а также отдельных направлений в процессе работы.

Составлено автором по материалам источника [7]

Рис. 4. Динамика доли убыточных и прибыльных организаций обрабатывающего производства

на основе актуальной информации о состоянии и тенденциях развития индустриального сектора промышленности в период пандемии.

Важным аспектом, которому было уделено особое внимание, стал анализ доли прибыльных организаций в обрабатывающей промышленности за 2020 г. и 2021 г. Тщательное изучение этого фактора позволило оценить степень устойчивости отрасли, ее способность адаптироваться к меняющимся условиям и сохранять стабильную динамику развития. На рис. 4 представлены подробные результаты этого анализа. Диаграмма иллюстрирует сравнение процентного соотношения прибыльных организаций обрабатывающей промышленности за указанные периоды времени. Вся предоставленная информация интерпретируется в контексте новой реальности, сформированной под влиянием пандемии. Отметим, что такой детальный подход позволяет получать наиболее полные и точные данные, которые в дальнейшем можно использовать для корректировки стратегии развития и принятия обоснованных решений

При анализе экономической ситуации в производственном секторе в конце 2021 г. было выявлено, что доля нерентабельных организаций сократилась до 25,2 %. При этом можно констатировать рост доли прибыльных предприятий, который составил 74,8 %. Эти динамические изменения по обоим показателям свидетельствуют об эффективном развитии данного вида экономической деятельности.

Особое внимание заслуживает анализ показателей рентабельности производственного сектора. Проведенная оценка позволяет говорить о том, что производственная отрасль отражает стабильный рост и развивается в эффективном ключе, что подтверждается представленными в научно-исследовательской работе данными (рис. 5) [4; 5; 11].

Стоит отметить, что снижение доли нерентабельных предприятий и увеличение доли рентабельных субъектов в сочетании с положительной динамикой показателей рентабельности свидетельствуют о успешности того курса, который был принят в данной сфере деятельности. Так, грамотная стратегия, эффективное управление и внедрение передовых технологий в производство позволили значительному количеству предприятий перейти на более высокий уровень функционирования и, следовательно, повысить прибыльность, что положительно отразилось на состоянии всей производственной отрасли как целого.

Наблюдаемая тенденция роста объема анализа продемонстрирована в графическом представлении. В 2021 г. наблюдался заметный рост, составляющий 16,7 процентных пункта. Этот показатель отражает значительное улучшение по сравнению с предыдущим годом. Если сравнивать его со статистикой за 2019 г., он показывает прирост на 4,6 процентных пункта, что подтверждает увеличение темпов развития.

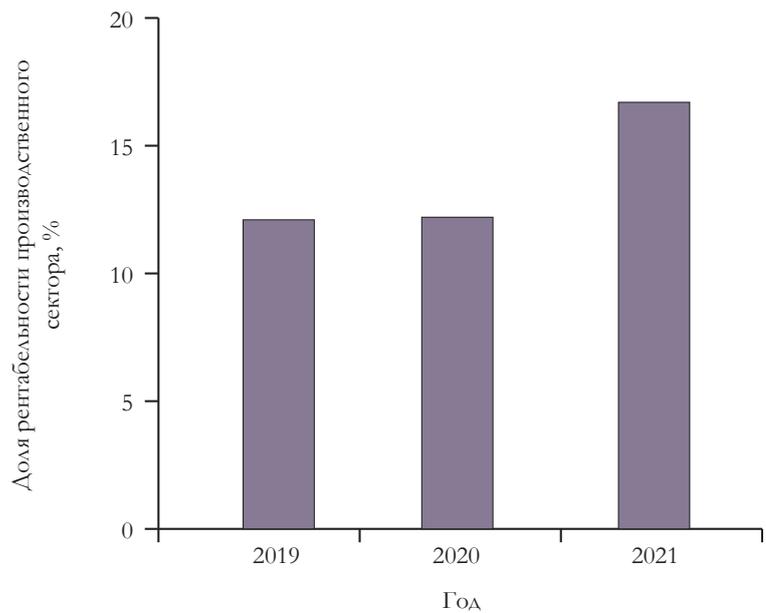
Согласно экономическому сценарию в начале 2023 г., в стране в целом наблюдается тенденция к небольшому снижению объема промышленного производства. По имеющимся данным с предыдущего периода, произошел спад примерно на 1,3 %. Однако на этом этапе экономика страны не была лишена положительных влияний.

Несмотря на общую тенденцию к снижению, металлургический комплекс страны внес значительный позитивный вклад в развитие обрабатывающего производства в начале 2023 г. В частности, заметно здоровое развитие продемонстрировало производство металлопродукции. Данные свидетельствуют о росте производства металлопродукции на 1,1 % и 7 % соответственно. Параллельно в пищевой промышленности на протяжении всего 2022 г. наблюдался относительно стабильный рост. В этом секторе зафиксирован положительный прирост в размере 0,5 %. С другой стороны, в химическом комплексе в начале 2023 г. зафиксирован небольшой спад, при этом наблюдалось снижение на 1,5 %.

В начале 2023 г. фармацевтическая отрасль продемонстрировала существенную тенденцию роста. Объем производства в этом секторе вырос на 8,6 %. Однако в этом году также наблюдалась тенденция падения производства в отраслях, связанных с производством кокса, нефтепродуктов и лесоперерабатывающего комплекса по всей стране. Таким образом, эти сектора внесли отрицательный вклад в общий объем производства, разбалансировав экономический график из-за сокращения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2021 г. в российских регионах возобновилось активное восстановление промышленности, однако оно приостановилось в связи с обострением геополитической обстановки, что сопровождалось новыми санкциями против России. По мере вступления в 2022 г. ситуация только усугубилась. Ввиду этих

Составлено автором по материалам источника [7]

Рис. 5. Динамика рентабельности проданных товаров, работ, услуг по обрабатывающей промышленности

обстоятельств не стоит ожидать резкого прироста темпов в производственной промышленности России в ближайшее время.

Наиболее существенное сокращение объемов промышленного производства приписывается введенным санкциям и нарушению цепочек поставок. Повышение этого показателя следует ожидать не ранее 2024 г., и, согласно прогнозам Министерства экономического развития РФ, показатель составит 2,2 %, а к 2025 г. достигнет уровня 2,3 %.

В ходе аналитической работы автор предложил модель оценки и прогнозирования динамики регионального развития, обосновал выбор методологического подхода к оценке инновационного развития региональной экономики. Была предложена система показателей для оценки основных индикаторов регионов в рамках развития производственных отраслей в субъектах РФ.

В рамках региональных стратегий развития, направленных на усиление ресурсного обеспечения, успешно разработан и реализован уникальный, современный механизм. Основная движущая сила этого ресурсно-ориентированного механизма напрямую основана на содействии пространственному развитию региональных секторов. При эффективном распределении и использовании механизма можно стимулировать инновационное развитие целостного реального сектора экономики в региональной среде. Эта реализация, в частности, потенциально может катапультировать обрабатывающие отрасли в направлениях эффективности и производительности, которые до сих пор были недостижимы.

В основе этого недавно организованного процесса было проведено комплексное исследование, направленное на более четкое понимание эффективных методологий управления в отраслях обрабатывающей промышленности. Основное внимание в исследовании было уделено расчету параметров, характеризующих научный и инновационный потенциал, связанный с производственными технологиями. Результаты вычислений показали ценную картину.

В ходе настоящего исследования были выявлены определенные аспекты региональной дифференциации и нехватки научного потенциала. Анализ позволил автору сделать соответствующие выводы относительно выявленных несоответствий, проливая свет на менее развитые регионы. Результаты привели к более глубокому пониманию уникального состава регионов, их различных уровней развития и, что более важно, недостаточного развития научных возможностей.

При этом риски, связанные с пандемией, будут сохраняться на протяжении еще нескольких лет. Негативное влияние на увеличение темпов роста российской экономики оказывает и растущая инфляция, которая имеет тенденцию к увеличению на фоне волатильности фондового рынка и новых санкций. В перспективе Правительство РФ осуществит возврат к обычным параметрам бюджетных правил, но не в 2023 г., в противном случае процессы роста экономики замедлятся, а инфляция – увеличится.

Библиографический список

1. Грачев С.А. Анализ взаимосвязи отдельных параметров цифровизации и устойчивого развития национальных особенностей. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;1(12):45–56. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114349>
2. Нормова Ю.В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;1(12):463–478. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114057>
3. Донцова О.И., Толкачев С.А., Комолов О.О. Российская промышленность: влияние санкций и перспективы импортозамещения. *Экономика, предпринимательство и право*. 2019;4(9):271–288. <https://doi.org/10.18334/erp.9.4.41512>
4. Логачева Н.А. Модель оценки уровня цифровой трансформации региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;1(496):88–110. <https://doi.org/10.24891/re.20.1.88>
5. Мельников Р.М. Влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью в российских регионах. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;3(20):424–450. <https://doi.org/10.24891/re.20.3.424>
6. Simonova M.V., Ilyukhina L.A., Bogatyreva I.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S. Conceptual approaches to forecast recruitment needs at the regional level. *International Review of management and Marketing*. 2016;5(6):265–273.
7. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. *Социально-экономические показатели*. М.; 2021. 1112 с.
8. Горовой А.А., Шлафман А.И. Концепция развития интегрированных предпринимательских инноваций. *Перспективы науки*. 2014;6(57):21–24.
9. Огородникова Е.П. Оценка объема платежей по налогу на прибыль организации, относящейся к телекоммуникационным организациям. В кн.: *Социально-экономическое и экологическое развитие приграничного региона: возможности и вызовы*:

материалы III Международной научно-практической конференции, Смоленск, 8 ноября 2022 г. Смоленск: Смоленский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; 2022. С. 154–159.

10. Вагин С.Г. Современные концепции стратегического управления корпорацией. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2012;10(96):40–46.
11. Заборовская О.В. Развитие региональной экономики: потенциал активизации туристской деятельности. В кн.: *Медиа, демократия, рынок в современном обществе: материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1 января – 31 декабря 2012 г.* СПб: Астерион; 2012. С. 75–83.

References

1. Grachev S.A. Analysis of the relationship between certain parameters of digitalization and sustainable development: national characteristics. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022;1(12):45–56. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114349> (In Russian).
2. Normova Yu.V. Heterogeneity of the Russian regional technological space. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022;1(12):463–478. <http://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114057> (In Russian).
3. Dontsova O.I., Tolkachev S.A., Komolov O.O. Russian industry: the impact of sanctions and import substitution prospects. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. 2019;4(9):271–288. <https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41512> (In Russian).
4. Logacheva N.A. A model for assessing the level of digital transformation of the region. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2022;1(496):88–110. <https://doi.org/10.24891/re.20.1.88> (In Russian).
5. Melnikov R.M. The impact of economic, social and environmental factors on life satisfaction in the Russian regions. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2022;3(20):424–450. <https://doi.org/10.24891/re.20.3.424> (In Russian).
6. Simonova M.V., Ilyukhina L.A., Bogatyreva I.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S. Conceptual approaches to forecast recruitment needs at the regional level. *International Review of management and Marketing*. 2016;5(6):265–273.
7. Federal State Statistics Service. *Regions of Russia. Socio-economic indicators*. Moscow; 2021. 1112 p. (In Russian).
8. Gorovoy A.A., Shlafman A.I. The concept of integrated entrepreneurial innovations development. *Science Prospects*. 2014;6(57):21–24. (In Russian).
9. Ogorodnikova E.P. Estimation of the volume of payments on the profit tax of the organization related to telecommunication organizations. In: *Socio-economic and environmental development of the border region: Opportunities and challenges: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Smolensk, November 8, 2022*. Smolensk: Smolensk Branch of the Plekhanov Russian University of Economics; 2022. Pp. 154–159. (In Russian).
10. Vagin S.G. Modern concepts of strategic management of a corporation. *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2012;10(96):40–46. (In Russian).
11. Zaborovskaya O.V. Development of regional economy: Potential for activation of tourist activity. In: *Media, democracy, market in modern society: Proceedings of the VI Interuniversity scientific-practical conference, St. Petersburg, January 1 – December 31, 2012*. Saint Petersburg: Asterion; 2012. Pp.75–83. (In Russian).

Самозанятые и проект параллельного импорта как варианты урегулирования социальных и экономических проблем

Махалина Оксана Михайловна

Д-р экон. наук, проф. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0002-1234-8499, e-mail: moxanam@mail.ru

Махалин Виктор Николаевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0001-5294-5856, e-mail: mahalinviktor@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье кратко представлен обзор ситуации, сложившейся за последнее время в социальной и экономической сфере. Представлены результаты анализа причин и факторов роста уровня неформальной занятости граждан, рассмотрено содержание самозанятости, существующие реалии и складывающиеся тенденции на рынке труда, выполнен сравнительный анализ особенностей выбора между самозанятостью и индивидуальным предпринимательством. Раскрыта сущность параллельного импорта, рассмотрен механизм его реализации в существующих условиях правовых и экономических ограничений, исследованы положительные и отрицательные последствия его воздействия на социально-экономическое развитие Российской Федерации. В заключении сформулированы основные выводы и положения, содержащие вероятное направление деятельности регулирующих органов, которые должны позволить максимально полно реализовать потенциал роста занятости населения, заложенный в самозанятости граждан, посредством их задействования в механизме параллельного импорта.

Ключевые слова

Самозанятые, социальная поддержка, занятость населения, параллельный импорт, импортозамещение, поддержка бизнеса, восстановление экономики

Для цитирования: Махалина О.М., Махалин В.Н. Самозанятые и проект параллельного импорта как варианты урегулирования социальных и экономических проблем // Вестник университета. 2023. № 10. С. 172–182.

Self-employed and parallel import project as options for resolving social and economic problems

Oksana M. Makhalina

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0002-1234-8499, e-mail: moxanam@mail.ru

Victor N. Makhalin

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0001-5294-5856, e-mail: mahalinvictor@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article briefly presents an overview of the recent situation in socio-economic sphere. The study analyzes causes and factors of citizens' informal employment level growth, considers content of self-employment, existing realities, and emerging trends in labor market, and performs a comparative analysis of features of the choice between self-employment and individual entrepreneurship. The essence of parallel imports has been revealed, mechanism of its realization in the existing conditions of legal and economic restrictions considered, positive and negative consequences of its impact on the socio-economic development of Russia investigated. Main conclusions and provisions have been formulated, containing probable direction of the regulatory authorities' activity, which should allow to realize to the fullest extent the potential of population employment growth embedded in self-employment of citizens through their involvement in the parallel import mechanism.

Keywords

Self-employed, social support, employment, parallel import, import substitution, business support, economic recovery

For citation: Makhalina O.M., Makhalin V.N. (2023) Self-employed and parallel import project as options for resolving social and economic problems. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 172–182.

ВВЕДЕНИЕ

К началу 2019 г. в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) сформировалась острая необходимость легализации трудовых отношений, сокращения нелегальной занятости, увеличения доходного потенциала бюджета. Это было обосновано тем, что немалое количество граждан страны, практически осуществляющих в том или ином виде трудовую деятельность, не спешили ее «обелять», то есть не вступали в официальные взаимоотношения с работодателями: ни в трудовые, ни в гражданско-правовые. Все стороны до определенного момента остаются удовлетворенными складывающейся ситуацией, за исключением государства.

Потребность в неформальной занятости как форме трудовых взаимоотношений базируется на ряде причин и потребностях, выражаемых как со стороны наемных работников, так и со стороны работодателей. Это проявляется, с одной стороны, в естественном желании предпринимателей снизить свои издержки, что быстрее всего достигается экономией на социальных отчислениях и заработной плате с последующей экономией на налогообложении, а с другой – подобный запрос присутствует и со стороны части наемных работников, также желающих минимизировать свои потери. Кроме того, свою лепту в деформализацию трудовых взаимоотношений вносит и общее состояние социально-экономической ситуации в стране, накладывающееся на невысокий уровень правовой культуры граждан, потребность в более гибком подходе к использованию наемного труда без применения существующих ограничений трудового законодательства, а также другие факторы, характеризующие несовершенство действующего законодательства [1].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

От представителей органов власти часто можно слышать различные, иногда диаметрально противоположные оценки по вопросу масштаба неформальной занятости в стране. Будем ориентироваться на показания статистики. Так, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в 2022 г. количество жителей РФ, занятых в неформальном секторе экономики, составило 13,4 млн чел., или 18,6 % от общего количества рабочего населения страны. Однако официальные данные учитывают в качестве занятых в неформальном секторе только тех, кто имеет какие-либо официальные взаимоотношения с организациями, не зарегистрированными в качестве юридических лиц (индивидуальные предприниматели, фермеры), а также работающих у них по найму и оказывающих помощь (родственники и самозанятые, в том числе и имеющие официальную регистрацию). Те, кто работает в организациях, зарегистрированных в форме юридических лиц, но без оформления договора, либо получающие заработную плату полностью или частично «в конверте», неформально занятыми не считаются. Кроме того, существуют и другие группы экономически активного населения, задействованные в области неформальной занятости, но не учитываемые в официальной статистике: формально безработные, учащиеся, студенты очной формы обучения, домохозяйки и пенсионеры [1].

В связи с этим можно утверждать, что как минимум пятая часть трудоспособных граждан страны осуществляет трудовую деятельность в неформальном секторе экономики. Таким образом, создается неформальный, деформализованный рынок труда, на котором самозанятые оказываются одними из тех работников, которые оказываются без внимания и защиты государства. Государство обязано отрегулировать свои взаимоотношения с этой категорией неформально занятых как в вопросах налогообложения, так и в вопросах обеспечения социальных гарантий, оказания правовой защиты и помощи в рамках занятости, оплаты труда и выплаты пособия по безработице [2].

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Легализация трудовых взаимоотношений является решительной мерой борьбы с неформальной занятостью [3]. Предоставление самозанятым различных льгот и преференций – это еще одна попытка вывести граждан из сектора неформальной занятости. Нормативно-правовой базой для этого, в первую очередь, является Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» от 27.11.2018 г. N 422-ФЗ, определивший территории, на которые распространяется эксперимент и особенности его применения, а также многочисленные разъяснения Федеральной налоговой службы о возможностях уплаты взносов в негосударственные пенсионные фонды в тех или иных сферах [4].

Специальный налоговый режим, определенный вышеупомянутым законом и касающийся взимания и уплаты налога на профессиональный доход, начал действовать в стране с начала 2019 г. в четырех субъектах РФ: в Москве, Московской и Калужской областях и Республике Татарстан. Через год, в январе 2020 г., в проходящем эксперименте были дополнительно задействованы еще 19 субъектов РФ. По итогам подведения результатов эксперимента, с 1 июля 2020 г. специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» получил распространение на всей территории страны [5]. Согласно режиму, если самозанятые-плательщики этого налога выступают в качестве физических лиц, они уплачивают 4 % с сумм поступления, а если в виде юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, – 6 % от размера платежей.

Самозанятый – это либо физическое лицо, либо индивидуальный предприниматель (далее – ИП), являющийся гражданином РФ. Также самозанятыми и, соответственно, плательщиками налога на профессиональный доход в настоящее время могут быть граждане Белоруссии, Киргизии, Армении и Казахстана. Для этого им необходимо получить идентификационный номер налогоплательщика и пройти регистрацию в личном кабинете налогоплательщика на сайте Федеральной налоговой службы. При регистрации самозанятые должны соблюсти определенные условия, связанные:

- 1) с обязательным отсутствием у них работодателя;
- 2) с обязательным непривлечением наемных работников;
- 3) с источником получения дохода (доход от использования имущества).

Для ИП дополнительно исключается необходимость уплаты налога за добавленную стоимость за отдельными исключениями.

При выборе формы осуществления предпринимательской деятельности между самозанятостью и ИП следует понимать, какие цели перед собой ставит физическое лицо, собирающееся заниматься предпринимательством. Необходимо понимать, что самозанятость является налоговым режимом, а индивидуальный предприниматель – это статус физического лица. Принципиальная разница в подходе и выборе формы занятия экономической деятельностью присутствует, например, в таких показателях, как:

1) установление максимального размера полученного годового дохода: для самозанятого это 2,4 млн руб., в то время как для индивидуального предпринимателя возможно применение различных систем налогообложения с разным уровнем годового дохода, например, упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) – 219,2 млн руб.;

2) индивидуальный предприниматель, использующий разные системы налогообложения, может в разных объемах использовать наемный труд, например, находясь на УСН, он может нанимать до 130 чел.;

Принятый федеральный закон определяет круг плательщиков налога на профессиональный доход и четко оговаривает запрещенные для самозанятых виды деятельности, такие как:

- 1) перепродажа товаров;
- 2) добыча и реализация полезных ископаемых;
- 3) продажа подакцизных товаров и продукции, подлежащей обязательной маркировке;
- 4) осуществление посреднической деятельности;
- 5) осуществление предпринимательской деятельности, подлежащей обложению налогом на доходы физических лиц.

Самозанятые в России могут заниматься почти любыми видами деятельности. При регистрации на сайте Федеральной налоговой службы самозанятым можно выбрать подходящую сферу деятельности из прилагаемого перечня [6].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По данным Федеральной налоговой службы в 2022 г. из общего количества россиян, находящихся в трудоспособном возрасте, 10 % (8 млн чел.) составляли самозанятые граждане [7]. За 2022 г. в России значительно выросло число самозанятых, и возросло количество плательщиков налога на профессиональный доход. По сведениям Федеральной налоговой службы, их количество увеличилось на 2,7 млн чел., то есть рост составил 70 % за год. Увеличение количества налогоплательщиков привело к росту налоговых поступлений на 30 % до 5,827 млрд руб., объем выручки при этом составил 125,766 млрд руб. [8]. Рост экономических показателей свидетельствует о том, что подобный вид деятельности выбирают уже не только временно неработающие граждане, студенты и пенсионеры, но и другие категории граждан, которые стремятся покрыть свои расходы и стараются получить допол-

нительный доход, например, временно неработающие молодые мамы, и те, для кого формат самозанятого становится основной работой.

Дальнейшее развитие эксперимента с самозанятыми предполагает расширение видов и сфер деятельности. Одним из предложений по решению проблемы активизации процесса параллельного импорта стало предложение по привлечению к этой деятельности самозанятых. Эта идея впервые была озвучена зампредом правления Сбербанка А. Поповым на Петербургском международном экономическом форуме. Высказанное мнение содержало предложение не только о том, чтобы распространить специальный налоговый режим на физических лиц, занимающихся параллельным импортом, но и расширить перечень стран, граждане которых смогут получить статус самозанятого в РФ [9]. Возможность привлечения к параллельному импорту самозанятых и граждан других стран аргументировалась отсутствием необходимости обладания профессиональными навыками для проведения подобных торговых операций, а в качестве подтверждения приводилась активная посредническая деятельность физических лиц по импорту компьютерных комплектующих.

Концепция и механизм параллельного импорта впервые были разработаны и узаконены с 1991 г. в Австралии, Соединенных Штатах Америки, странах Европейского Союза, Гонконге, а затем и в ряде других стран. В настоящее время практически во всех странах мира – это разрешенная концепция, закрепленная в международном правовом поле [10].

История параллельного импорта в РФ состоит из трех крупных этапов:

- 1) первый этап продолжался до 2002 г., когда подобная терминология отсутствовала в законодательном поле;
- 2) второй этап начался в 2002 г. после внесения изменений в закон о товарных знаках с постепенным последующим ужесточением;
- 3) третий этап был запущен с марта 2022 г., когда произошла легализация механизма параллельного импорта.

Попытки изменения отношения государства к независимым поставкам товаров периодически предпринимались на фоне ухудшения ситуации с товарами на потребительском рынке, но окончательное решение о введении было принято под влиянием санкционных пакетов [11]. Именно введение западными странами нарастающих санкционных ограничений и наличие у России импортозависимости, доходящей по разным отраслям практически до 90 %, буквально вынудили Правительство РФ пойти на принятие этой меры. В условиях резкого падения объема импорта и свертывания производства и ритейла зарубежными компаниями на внутреннем рынке параллельный импорт был призван расширить ассортимент и насытить его различными оригинальными товарами без согласия правообладателя.

Параллельный импорт не новация для России. Опыт использования этого механизма был наработан начиная с послереволюционных лет. Что касается позднего Советского Союза Социалистических Республик и первых лет после его развала, то приметой времени являлись «челноки» с огромными полосатыми баулами. Легальность осуществления этих поставок на тот момент была спорной. Тем не менее параллельный импорт приносил ощутимый экономический результат, что особенно проявилось в послереволюционный и послевоенный периоды. Сегодня, подводя итоги с момента введения этого механизма, можно отметить, что объемы сократившихся в результате санкций импортных поставок практически сравнялись с текущими показателями объема поставок товаров. Мы наблюдаем очевидное выравнивание во внешнеторговой динамике [12]. В этом состоит как заслуга параллельного импорта, когда за период с мая по декабрь 2022 г. в РФ при использовании данного механизма ввезли товаров на сумму, превышающую 20 млрд долларов США, так и переориентация на другие рынки, на альтернативных поставщиков.

СУТЬ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА

Механизм параллельного импорта применяется к продукции производителей, либо покинувших российский рынок, либо временно приостановивших свою деятельность вследствие запретов, введенных национальными правительствами [10]. При этом официальным производителям никто не препятствует продолжать свою операционную деятельность, то есть товарные поставки осуществляются в страну параллельно с дистрибьюторскими поставками либо вместо официальных. Вследствие того, что механизм был официально допущен к реализации, правообладатель лишился права предъявления претензий, поскольку РФ ввела юридический режим исчерпания права.

Данный правовой режим подразумевает, что производитель (правообладатель) автоматически теряет право на запрет (контроль) дальнейшего использования своей продукции после того, как она была реализована (продана) независимо от места продажи (реализации). Термин «параллельный импорт» в общественном сознании немедленно приобрел негативный оттенок и стал ассоциироваться в лучшем случае с «серым» импортом а в худшем – с контрабандой. На самом деле все обстоит совершенно иначе. Параллельный импорт – это легальная внешнеторговая деятельность, в процессе которой необходимо строгое соблюдение норм действующего законодательства: необходимо иметь соответствующие сопровождающие перевозочные документы, документы, подтверждающие происхождение товара, инвойсы, полностью оплачивать налоги, таможенные сборы и другие обязательные платежи, осуществлять сертификацию товаров и все другие необходимые процедуры. В страну попадает оригинальная продукция, имеющая официальную маркировку, но она была ввезена без разрешения правообладателя (производителя).

Производитель не может запретить перепродажу, потому что параллельный импорт строится на международном принципе исчерпания исключительного права. Это значит, что как только производитель продал свой первый товар в любой точке мира, его можно продавать, где угодно, без разрешения производителя. Товары, которые ввозят через параллельный импорт из стран, где действует этот международный принцип, иногда называют «серыми», но не контрафактными. Как уже отмечалось, поставка товаров без разрешения правообладателя не является ноу-хау в РФ. На международном уровне параллельный импорт в разное время с успехом применяли такие страны, как Китай, Соединенные Штаты Америки, Китай, Турция, Канада, Армения, Израиль, Сербия, а во многих он легализован в настоящий момент, например, в Сингапуре, Турции, Южно-Африканской Республике, Таджикистане и др.

КАКИЕ ТОВАРЫ МОЖНО ВВОЗИТЬ ЧЕРЕЗ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ

С применением механизма параллельного импорта разрешена поставка не любого товара, а только продукции, присутствующей в списке Министерства промышленности и торговли РФ. Министерство приказом от 19 апреля 2022 г. утвердило и опубликовало список товаров, разрешенных для параллельного импорта, следовательно, на них невозможно распространить требования о защите интеллектуальных прав [13]. Товары, допущенные к параллельному импорту, предназначены для обеспечения функционирования промышленности и снижения дефицита на потребительском рынке. Таможенные органы проверяют соответствие наименований поставляемых товаров с утвержденным перечнем, и в случае отсутствия товара в списке его поставка в страну исключена. Всего на настоящий момент в этом списке присутствуют 96 категорий товаров. Во избежание проблем с прохождением таможенного контроля необходимо регулярно мониторить вносимые в перечень изменения, связанные с внесением в список дополнительных брендов или же исключением тех, кто возобновил свою деятельность на территории РФ [13].

КАК ВВОЗИТЬ ТОВАРЫ

Ввоз товаров с использованием механизма параллельного импорта реализуется по трем основным вариантам доставки импортных товаров.

1. С уплатой таможенных платежей в стране поставщика-товара. В этом случае продавец товара приобрел у производителя, при необходимости растаможил и завез требуемый товар в свою страну. Соответственно, покупатель приобретает необходимый ему товар уже со всеми уплаченными платежами, и уже с этой стоимости ему придется уплатить положенные таможенные отчисления в РФ.

2. Без уплаты таможенных платежей в стране поставщика-товара. Предполагается использование возможностей партнера в качестве приобретателя товара, который затем поступает в страну иностранного партнера, но не проходит таможенную очистку. Далее иностранный партнер изменяет документы и становится продавцом, а российский партнер – покупателем. Затем товар поставляется в Россию. В этом случае российскому партнеру предстоит оплатить доставку, но он сможет сэкономить на таможенных платежах: платить придется только в РФ.

С использованием транзитного склада. Применение этой схемы также подразумевает наличие договоренности с партнером, поскольку предполагается изменение сопроводительных документов: иностранный партнер по договоренности с российским оформляет документы на себя в качестве покупателя, затем товар транзитом, минуя страну иностранного партнера, поставят на российскую таможню,

где российский партнер становится его приобретателем. В этом случае придется заплатить только таможенные платежи российской стороне и комиссию партнеру.

Использование параллельного импорта, помимо логистических сложностей, несет дополнительные риски в виде требований по предоставлению дополнительных документов или разрешений, сертификатов соответствия и предполагает обязательное наличие самого неудобного требования, касающегося того, чтобы иностранный партнер был в курсе, что товар предназначен для поставки в Россию [14].

ПЛАТЕЖИ ЗА ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ

Параллельный импорт предоставляет возможность легального приобретения и поставки товара от производителя, минуя официальные каналы распространения. Все это становится возможным только в том случае, если импортер имеет возможность беспрепятственной оплаты товара, поэтому необходимо приобретать товар в стране, где продавец, правообладатель либо посредник не имеют лицензионного ограничения (ограничения) на продажу этого товара в определенные страны. Нарушение условий лицензионного соглашения влечет за собой наложение определенных рестрикций вплоть до закрытия счетов и полного запрета на деятельность. В этом случае именно физические лица, а в нашем случае самозанятые, осуществляющие закупки малых партий товаров, находятся в выигрышном положении по сравнению с юридически оформленными организациями, которым зачастую приходится или иметь дело с проверенными партнерами и совместно прорабатывать логистические варианты реализации сделок в «серых» зонах через механизм реэкспорта через третьи страны, или полагаться на непроверенных поставщиков, что значительно увеличивает риски и влечет рост операционных расходов и падение доходности.

Отдельные дополнительные сложности возникают при осуществлении реальной оплаты контрактных поставок. Введенные санкционные ограничения препятствуют прямой оплате, поэтому также приходится прорабатывать пути обхода и согласовывать форму оплаты. Опыт показывает, что предпочтительнее использовать расчеты в национальных валютах, поскольку прямые транзакции из России в долларах США и евро находятся если не под запретом, то под жестким контролем.

Международные конвенции не запрещают параллельный импорт напрямую. Каждая суверенная страна устанавливает его правила самостоятельно. Основные условия, состав процессов и организацию параллельного импорта в России можно представить следующим образом [15].

1. Правительство РФ, чтобы не допустить дефицита товаров от иностранных поставщиков и чтобы стабилизировать потребительский спрос, Постановлением от 29.03.2022 г. № 506 легализовало параллельный импорт товаров иностранных производителей, ушедших с российского рынка [16].

2. Закупка по параллельному импорту позволяет ввозить товар в Россию без разрешения от производителя. Претензий от него можно не опасаться, ведь российское законодательство не нарушено [17].

3. Параллельный импорт разрешен только для товаров из Приказа Министерства промышленности и торговли РФ от 19.04.2022 г. № 1532 [13]. Поставка товаров, не входящих в утвержденный перечень, запрещена. Периодически в перечень предполагается внесение изменений. Чтобы не возникало проблем с таможенным оформлением, необходимо постоянно контролировать его содержание.

4. Параллельный импорт обязательно подразумевает прохождение таможни в обычном порядке, а это значит, что при пересечении границы на таможне потребуют документальное подтверждение поставки и оформления, как при обычном импорте, с уплатой всех обязательных платежей, что в свою очередь должно способствовать обеспечению защиты прав потребителей.

5. Товары, подлежащие обязательной сертификации, должны иметь сертификат соответствия. При невозможности получения его у продавца его можно получить в России через процедуру условного выпуска. Аналогично можно промаркировать товар знаком Евразийского соответствия [18].

6. Оплата товара при параллельном импорте имеет свои сложности и нюансы:

- 1) напрямую заплатить поставщику, у которого планируется закупать товар, практически невозможно;
- 2) оплату придется производить через контрагентов по выкупу товара;
- 3) неизбежно будут возникать проблемы с конвертацией валюты, что будет увеличивать издержки;
- 4) необходимо, чтобы контрагент был в курсе того, что приобретаемый товар идет в Россию, поскольку не все производители согласны «закрывать глаза».

Разрешение поставок товаров параллельным импортом явилось ответом на введение зарубежными странами санкций и должно привести к частичному изменению рыночных правил: создается ситуация,

при которой производитель будет вынужден конкурировать с покупателями. Согласно Правительству РФ, параллельный импорт должен способствовать:

- 1) если не снижению, то сдерживанию цен на продукцию;
- 2) расширению ассортимента предложения товаров;
- 3) защите рынка от монополизации и усилению конкуренции.

Обратной стороной вводимых изменений могут оказаться следующие последствия [12]:

- 1) повышение риска приобретения контрафакта, невзирая на таможенные процедуры;
- 2) снижение качества товаров вследствие ослабления контроля;
- 3) снижение заинтересованности местных производителей товаров-аналогов;
- 4) вероятное повышение цены на определенные группы товаров за счет усложнения цепочек поставок;
- 5) репутационные риски государства;
- 6) недовольство официальных поставщиков, дистрибьюторов, имеющих уже налаженную сбытовую инфраструктуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Беспрецедентное санкционное давление непосредственно нацелено на замедление экономического развития России, рост безработицы и ухудшение социально-экономической ситуации. После введения санкций страну покинуло больше сотни иностранных производителей, многие свернули или приостановили свою операционную деятельность. Логистические проблемы, ограничения в финансовом секторе привели к тому, что организации во многих отраслях экономики стали испытывать трудности с операционной деятельностью, и выпуск промышленной продукции упал более чем на 3 %. При этом, по данным Федеральной службы государственной статистики, на конец 2022 г. зафиксировано снижение количества официального безработных на 0,4 % – до 3,9%, что является самым низким показателем с 1991 г. Более интересным является тот факт, что за март 2023 г. уровень средней заработной платы по стране вырос на 20,9 % в годовом выражении, также выросли поступления от налога на доходы физических лиц на 25,4 %. Это номинальные показатели, но, если смотреть в реальном исчислении с инфляционной поправкой, ситуация менее стабильна, тем не менее наиболее мрачные прогнозы экспертов не сбылись [19].

Рынок труда вместе с экономикой проходит болезненный этап трансформации [20]. Меняется в сторону повышения спрос на сотрудников, обладающих более высокими технологическими, социальными и когнитивными навыками, что подразумевает развитие человеческого капитала. Вследствие широкого применения неформальных практик в найме рабочей силы меняется также качественная структура рынка труда. В этих изменениях важное место занимает самозанятость, требующая соответствующего уровня подготовки, самоорганизации, мобильности, а также желания к обучению.

По данным статистики, в марте 2023 г. общее количество самозанятых в стране составило более 7 млн чел., среди которых лидирует молодежь, представители которой наиболее полно соответствуют требованиям, особенно в плане мобильности [21]. Дополнительными причинами роста количества самозанятых (в этом случае не только среди молодого поколения) выступает возможность трудоустроиться и трудиться без жесткого и постоянного прикрепления к месту проживания, то есть существует возможность самостоятельно определять режим и условия труда. Самозанятость как форму трудовой занятости отличают гибкость и высокая приспособляемость к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям. Параллельный импорт, как лакмусовая бумага, позволяет самозанятым максимально использовать имеющиеся у них преимущества и реализовать потенциал легализации неформального рынка труда.

В то же время следует отметить, что бесконтрольные попытки нарастить параллельный импорт, к которому предложено подключить самозанятых, снижают потенциал импортозамещения. Потребность в параллельном импорте должна сойти на нет сама собой, и по динамике сокращения его объемов станет ясно, налажено ли производство аналогов товаров тех зарубежных компаний, которые ушли из РФ, и установлены ли деловые связи с новыми странами-контрагентами, заместившими прежних. На основе этого стоит принимать решения о необходимости в долгосрочной перспективе наращивать параллельный импорт и расширять число участников, допущенных к его использованию, в том числе и самозанятых.

Библиографический список

1. Кубишина Е.С. Неформальная занятость в России: причины, влияние на экономику и общество, перспективы легализации в пост-коронакризисный период. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020;10А(10):66–81.
2. Узякова Е.С. Неформальная занятость и ее влияние на доходы населения и производительность труда. *Проблемы прогнозирования*. 2022;6(195):198–207. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-198-207>
3. Никишелова Д.В. Неформальная занятость в России: причины и социально-экономические последствия. *Гипотеза / Hypothesis*. 2019;4(9):22–28.
4. Российская Федерация. *Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по Установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)»*. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43826> (дата обращения: 19.07.23).
5. Счетная палата Российской Федерации. *Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики проведения эксперимента по введению налога на профессиональный доход»*. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/8a8/8a81af65e339601a99046d58a3540a69.pdf> (дата обращения: 19.07.23).
6. Федеральная налоговая служба. *Специальный налоговый режим для самозанятых граждан: Налог на профессиональный доход*. <https://nfd.nalog.ru/> (дата обращения: 19.07.23).
7. Самозанятые. *Виды деятельности самозанятых в 2023: что изменилось за год*. <https://самозанятые.рф/blog/vidy-deyatelnosti-samozanyatykh> (дата обращения: 19.07.23).
8. Интерфакс. *ФНС отметила увеличение числа самозанятых россиян в 1,7 раза — до 6,56 млн*. <https://www.interfax.ru/business/880683> (дата обращения: 19.07.23).
9. Выжutowич В. *В России предложили привлечь самозанятых к параллельному импорту*. <https://rg.ru/2022/10/06/samozaniatum-doveriat-parallelnyj-import.html> (дата обращения: 19.07.23).
10. Нургалеев М.С., Петров Е.Н. Понятие параллельного импорта, его правовое регулирование и особенности регулирования параллельного импорта лекарственных средств в Европейском Союзе. В кн.: *Наука России: цели и задачи: сборник научных трудов по материалам XVIII международной научной конференции, Екатеринбург, 10 декабря 2019 г.* Екатеринбург: НИЦ «А-Журнал»; 2019. С. 52–56. <https://doi.org/10.18411/sr-10-12-2019-31>
11. Adesk. *Как заработать на параллельном импорте?* <https://adesk.ru/blog/kak-zarabotat-na-parallelnom-importe-v-rossii/> (дата обращения: 19.07.23).
12. МК.ru. *Экономист Ордов назвал преимущества и риски программы параллельного импорта*. <https://www.mk.ru/economics/2022/11/06/ekonomist-ordov-nazval-preimushhestva-i-riski-programmy-parallelnogo-importa.html> (дата обращения: 19.07.23).
13. Российская Федерация. *Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (с изменениями и дополнениями)*. <https://base.garant.ru/404580514/> (дата обращения: 19.07.23).
14. Агамагомедова С.А., Любарев Ю.С. Проблема параллельного импорта в России в условиях глобализации. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки*. 2019;2(10):63–71. <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-2-7>
15. Телятникова Д. *Что такое параллельный импорт и как закупать товары по новой схеме*. <https://www.avito.ru/blog/chto-takoe-parallelnyy-import> (дата обращения: 19.07.23).
16. Российская Федерация. *Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300003> (дата обращения: 19.07.23).
17. Затрубченко П.П., Бондарь К.В., Ларионов А.Г. Правовое регулирование параллельного импорта и судебная практика в России. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2019;4:1269–1274.
18. Чистякова Е.А., Соколова О.Ю., Захарова С.В., Скворцова В.А., Скворцов А.О. Отдельные аспекты реализации концепции интеграции на Евразийском пространстве. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2019;1(49):160–167. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-16>
19. РБК. *Аномалии безработицы: что произошло с рынком труда в условиях санкций*. <https://trends.rbc.ru/trends/social/633be6249a7947923bab4731> (дата обращения: 19.07.23).

20. Моисеев В.В., Колесникова Ю.С., Игнатов М.А., Боженков С.А. Трансформация рынка труда в условиях санкций. *Человеческий капитал*. 2022;9(165):97–101. <https://doi.org/10.25629/НС.2022.09.13>
21. Самозанятость в РФ. Защита прав самозанятых. *Статистика*. <https://sznpd.ru/statistika/> (дата обращения: 19.07.23).

References

1. Kubishina E.S. Informal employment in Russia: causes, impact on the economy and society, and prospects for legalization in the post-coronavirus period. *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020;10A(10):66–81. (In Russian).
2. Uzyakova E.S. Informal employment and its impact on population's income and labor productivity. *Studies on Russian Economic Development*. 2022;6(33):715–721. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-198-207> (In Russian).
3. Nikipelova D.V. Informal employment in Russia: causes and socio-economic consequences. *Hypothesis*. 2019;4(9):22–28. (In Russian).
4. Russian Federation. *Federal Law dated November 27, 2018, No. 422-FZ "On conducting an experiment on the implementing "Tax on professional income" special tax regime in Moscow, in the Moscow and Kaluga regions, as well as in the Republic of Tatarstan (Tatarstan)"*. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43826> (accessed 19.07.23). (In Russian).
5. Accounts Chamber of the Russian Federation. *Report on the results of the expert analytical activity "Analysis of the practice of the experiment on implementing tax on professional income"*. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/8a8/8a81af65e339601a99046d58a3540a69.pdf> (accessed 19.07.23). (In Russian).
6. Federal Tax Service. *Special tax regime for self-employed citizens: Tax on professional income*. <https://npd.nalog.ru/> (accessed 19.07.23). (In Russian).
7. Self-employed. *Types of activities of the self-employed in 2023: what has changed over the year*. <https://самозанятые.рф/blog/vidy-deyatelnosti-samozanyatykh> (accessed 19.07.23). (In Russian).
8. Interfax. *Federal Tax Service noted an increase in the number of self-employed Russians by 1.7 times – up to 6.56 million*. <https://www.interfax.ru/business/880683> (accessed 19.07.23). (In Russian).
9. Vyzhutovich V. *Involvement of self-employed in parallel imports has been proposed in Russia*. <https://rg.ru/2022/10/06/samozaniatym-doveriat-parallelnyj-import.html> (accessed 19.07.23). (In Russian).
10. Nurgaleev M.S., Petrov Ye.N. The concept of parallel import, its legal regulation and peculiarities of parallel import of medicines regulation in the European Union. In: *Science of Russia: Goals and objectives: Proceedings of the XVIII International Scientific Conference, Ekaterinburg, December 10, 2019*. Ekaterinburg: L-Journal; 2019. Pp. 52–56. <https://doi.org/10.18411/sr-10-12-2019-31> (In Russian).
11. Adesk. *How to earn on parallel import?* <https://adesk.ru/blog/kak-zarabotat-na-parallelnom-importe-v-rossii/> (accessed 19.07.23). (In Russian).
12. MK.ru. *Economist Ordov named advantages and risks of the parallel import program*. <https://www.mk.ru/economics/2022/11/06/ekonomist-ordov-nazval-preimushhestva-i-riski-programmy-parallelnogo-importa.html> (accessed 19.07.23). (In Russian).
13. Russian Federation. *Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated April 19, 2022, No. 1532 "On Approval of the List of goods (groups of goods) in respect of which the provisions of subparagraph 6 of Article 1359 and Article 1487 of the Civil Code of the Russian Federation do not apply, provided that the said goods (groups of goods) are introduced into circulation outside the territory of the Russian Federation by the right holders (patent holders), as well as with their consent" (as amended and supplemented)*. <https://base.garant.ru/404580514/> (accessed 19.07.23). (In Russian).
14. Agamagomedova S.A., Lyubarets Yu.S. The problem of parallel access in Russia in the context of globalization. *University proceedings. Volga region. Economic sciences*. 2019;2(10):63–71. <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-2-7> (In Russian).
15. Telyatnikova D. *What is parallel import and how to purchase goods under the new scheme*. <https://www.avito.ru/blog/chto-takoe-parallelnyy-import> (accessed 19.07.23). (In Russian).
16. Russian Federation. *Resolution of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2022, No. 506 "On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods and means of individualization with which such goods are marked cannot be applied"*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300003> (accessed 19.07.23). (In Russian).
17. Zatrubchenko P.P., Bondar K.V., Larionov A.G. Legal regulation of parallel imports and judicial practice in Russia. *Topical issues of the modern economy*. 2019;4:1269–1274. (In Russian).
18. Chistyakova E.A., Sokolova O.Y., Zakharova S.V., Skvortsova V.A., Skvortsov A.O. Selected aspects of the integration implementation in Eurasia. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2019;1(49):160–167. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-16> (In Russian).
19. RBC. *Unemployment anomalies: what happened to the labor market under sanctions*. <https://trends.rbc.ru/trends/social/633be6249a7947923bab4731> (accessed 19.07.23). (In Russian).

20. Moiseev V.V., Kolesnikova Y.S., Ignatov M.A., Bozhenov S.A. Transformation of the labor market in the conditions of sanctions. *Human Capital*. 2022;9(165):97–101. <https://doi.org/10.25629/HC.2022.09.13> (In Russian).
21. Self-employment in the Russian Federation. Protection of the rights of the self-employed. *Statistics*. <https://sznpd.ru/statistika/> (accessed 19.07.23). (In Russian).

Причины и факторы деиндустриализации в старопромышленных регионах

Мяснянкина Ольга Викторовна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности
ORCID: 0000-0003-4500-7460, e-mail: myasno1ga@yandex.ru

Зайцев Анатолий Александрович²

Канд. экон. наук, проректор по инновациям
ORCID: 0000-0001-6879-2102, e-mail: azairsev@gmail.com

¹Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия

²Институт менеджмента, маркетинга и финансов, г. Воронеж, Россия

Аннотация

Предметом исследования являются процесс деиндустриализации в регионах Центрального федерального округа Российской Федерации (далее – ЦФО) и комплекс причин и факторов, определяющих динамику сокращения объемов промышленного производства. Целью исследования является определение алгоритмов восстановления промышленного производства в зависимости от выявленных факторов и причин деиндустриализации. В качестве методологии использовались статистические группировки, метод анализа и синтеза, компаративный анализ процессов деиндустриализации в регионах ЦФО. Выявлены эксклюзивные пути восстановления промышленного производства в регионах ЦФО: трансфер инноваций на основе опыта функционирования технозон, особых экономических зон, территорий опережающего развития, технопарков; комплексное использование природных ресурсов; модернизация высокотехнологичных производств; развитие промышленных агломераций на периферийных территориях субъектов федерации. Результаты исследования можно применять в процессе построения стратегических планов возрождения промышленного производства, в первую очередь, при обеспечении импортозамещения и укрепления обороноспособности страны. На процесс деиндустриализации оказывают влияние группы факторов, которые следует принимать во внимание при установлении оригинальной последовательности проведения стратегических мероприятий по возрождению промышленного производства.

Ключевые слова

Факторы и причины деиндустриализации, алгоритмы неиндустриализации, регионы ЦФО, возрождение промышленности, инновационное развитие

Для цитирования: Мяснянкина О.В., Зайцев А.А. Причины и факторы деиндустриализации в старопромышленных регионах // Вестник университета. 2023. № 10. С. 183–192.

Causes and factors of deindustrialization in old industrial regions

Olga V. Myasnyankina¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0003-4500-7460, e-mail: myasnolga@yandex.ru

Anatoly A. Zaitsev²

Cand. Sci. (Econ.), Vice-Rector for Innovations
ORCID: 0000-0001-6879-2102, e-mail: azaitsev@gmail.com

¹Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

²Institute of Management, Marketing and Finance, Voronezh, Russia

Abstract

The subject of the study is the process of deindustrialization in the regions of the Central Federal District of Russia (hereinafter – CFD) and a set of causes and factors that determine industrial production reduction dynamics. The purpose of the study is to determine algorithms of industrial production recovery depending on the identified factors and causes of deindustrialization. Statistical groupings, analysis and synthesis method, comparative analysis of deindustrialization processes in the CFD regions were used as a methodology. Exclusive ways to restore industrial production in the CFD regions have been identified: innovation transfer based on the experience of techno-zones, special economic zones, territories of advanced development, and technoparks; integrated use of natural resources; modernization of high-tech industries; industrial agglomerations development in the peripheral territories of the federal subjects. The results of the study can be applied in the process of building strategic plans for revival of industrial production, first of all, when ensuring import substitution and strengthening the country's defense capability. The process of deindustrialization is influenced by a group of factors that should be considered when establishing original sequence of strategic measures to revive industrial production.

Keywords

Factors and causes of deindustrialization, neoindustrialization algorithms, Central Federal District regions, industrial recovery, innovative development

For citation: Myasnyankina O.V., Zaitsev A.A. (2023) Causes and factors of deindustrialization in old industrial regions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 183–192.

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование экономической системы Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в значительной степени связано с функционированием высокоиндустриального сектора промышленности. В настоящее время на смену термина «реиндустриализация» приходит дефиниция «неоиндустриализация», которая призвана сформировать новую промышленную систему, предполагающую системное изменение производственного базиса промышленности, прежде всего производительных сил, посредством создания новых подотраслей и видов производств [1]. Ведущая роль в процессе неоиндустриализации принадлежит регионам с традиционно сложившейся промышленной ориентацией и существованием определенной истории трансформации промышленного производства – это старопромышленные регионы, входящие в состав Центрального федерального округа РФ (далее – ЦФО).

Развитие промышленности в регионах ЦФО диверсифицировано, находится на различных этапах технологического прогресса промышленного производства. В связи с этим возникает необходимость разработки индивидуальных алгоритмов реиндустриализации с учетом конкретных реалий состояния технической базы производства. Установить оптимальную стратегию реиндустриализации можно, если ориентироваться на специфику действия региональных факторов и потенциальных ресурсов модернизации, а также тенденций трансформации внутренней и внешней среды.

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Трансформация экономических систем старопромышленных регионов отразилась на состоянии традиционных отраслей в субъектах федерации. Долгительно существовавшая политика государственной поддержки традиционных промышленных производств не повлияла на динамику инновационного развития, в силу чего предприятия станкостроения, приборостроения, легкой промышленности оказались неконкурентоспособны по сравнению с динамично растущим экспортом относительно дешевых товаров производства Китая, Кореи и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Траектория промышленного вектора ЦФО направлена в последние годы в основном на развитие отраслей, обслуживающих нефтегазовый сектор и аграрные производства. Для исследования основных направлений неоиндустриализации развития старопромышленных регионов необходимо изучить имеющийся потенциал [2–11].

В этом контексте можем констатировать, что преобразования в экономической системе регионов ЦФО привели к следующим последствиям.

1. Происходит пространственное перераспределение трудоспособного населения, что в значительной степени продиктовано массовым закрытием промышленных предприятий в большинстве субъектов ЦФО и миграционным оттоком кадров в регионы, сохраняющие и наращивающие высокотехнологичное производство, то есть высокодоходные рабочие места.

2. Девальвируются ценность и престиж профессионального образования кадров, возрастает доля наемных работников, не имеющих высокой квалификации, занятых в посреднических организациях, в сфере обслуживания, так как кадры, получившие профессиональную подготовку для промышленного производства, не востребованы рынком труда или предложение на рынке труда не содержит высокооплачиваемых рабочих мест.

3. Усиливается асимметрия пространственного развития внутри регионов [12; 13]. Сохранившиеся промышленные предприятия сосредоточиваются в центрах субъектов федерации и в отдельных промышленных городах, имеющих в основном монопромышленное развитие. Периферийные районы утрачивают промышленный потенциал, то есть превращаются в аграрные районы, где существенно сокращается потребность не только в квалифицированных кадрах, но и в рабочей силе в целом вследствие высоких темпов механизации аграрного производства.

4. Развитие аграрного производства в районах областей во многих случаях осуществляется на частнокорпоративной основе, где в определенной доле сохраняется архаичная сельскохозяйственная практика (некоторые крестьянско-фермерские хозяйства). Одновременно появляются высокопроизводительные аграрные холдинги, где присутствуют современные технологические процессы с высоким уровнем механизации, что в принципе можно считать прогрессивным явлением, но следствием этого является сокращение потребности в профессиональных аграрных кадрах. В таких районах наблюдается интенсивный отток трудоспособного населения, преимущественно молодежи, что может спровоцировать

разрушение не только экономического, но и жизнеспособного пространства сельских поселений. В связи с этим в формате реиндустриализации перспективными направлениями можно считать реализацию проектов по переработке сельскохозяйственной продукции с заранее заданными свойствами.

Следует указать на возможности привлечения инвесторов с использованием специального инвестиционного контракта (далее – СПИК), который является одним из эффективных инструментов поддержки развития выпуска конкурентоспособной продукции и который был создан специально для стимулирования привлечения инвестиций в реиндустриализацию. СПИК направлен на поддержку реализации проектов, предусматривающих внедрение современных технологий, которые позволят освоить выпуск промышленной продукции, конкурентоспособной на международном уровне. Инструмент представляет собой соглашение-договор между инвестором и государством, в соответствии с которым инвестор обязан реализовать конкретный проект на территории РФ, а государство предоставляет субсидии и льготы, обеспечивающие стабильность условий ведения бизнеса.

Механизм СПИК в настоящее время представлен в двух вариантах:

1) СПИК 1 применяется для инвестиционных проектов по созданию, модернизации или освоению производства промышленной продукции;

2) СПИК 2 применяется для инвестиционных проектов по разработке и внедрению современных технологий (утвержденный перечень) в целях освоения серийного производства промышленной продукции на основе этих технологий.

Малое предпринимательство, возникающее в индустриальной сфере, в недостаточной степени в силу многих причин, прежде всего финансовых, не ориентировано на инновации. По утверждению ряда экономистов и данным Росстата, только 2 % малых предприятий нацелено на высокотехнологичное производство [5; 14]. Необходимо упомянуть о возможности включения малого и среднего предпринимательства в процедуры возрождения современной индустрии при условии вхождения таких предприятий в качестве резидентов в территории опережающего развития или особые экономические зоны.

Значительная часть старопромышленных регионов имеет бюджетный дефицит, ориентирована на федеральные субсидии и трансферты, что заставляет потенциальных инвесторов включаться в федеральные проекты и программы. С точки зрения развития промышленного производства этот процесс характеризуется как предпосылка для преодоления последствий деиндустриализации.

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

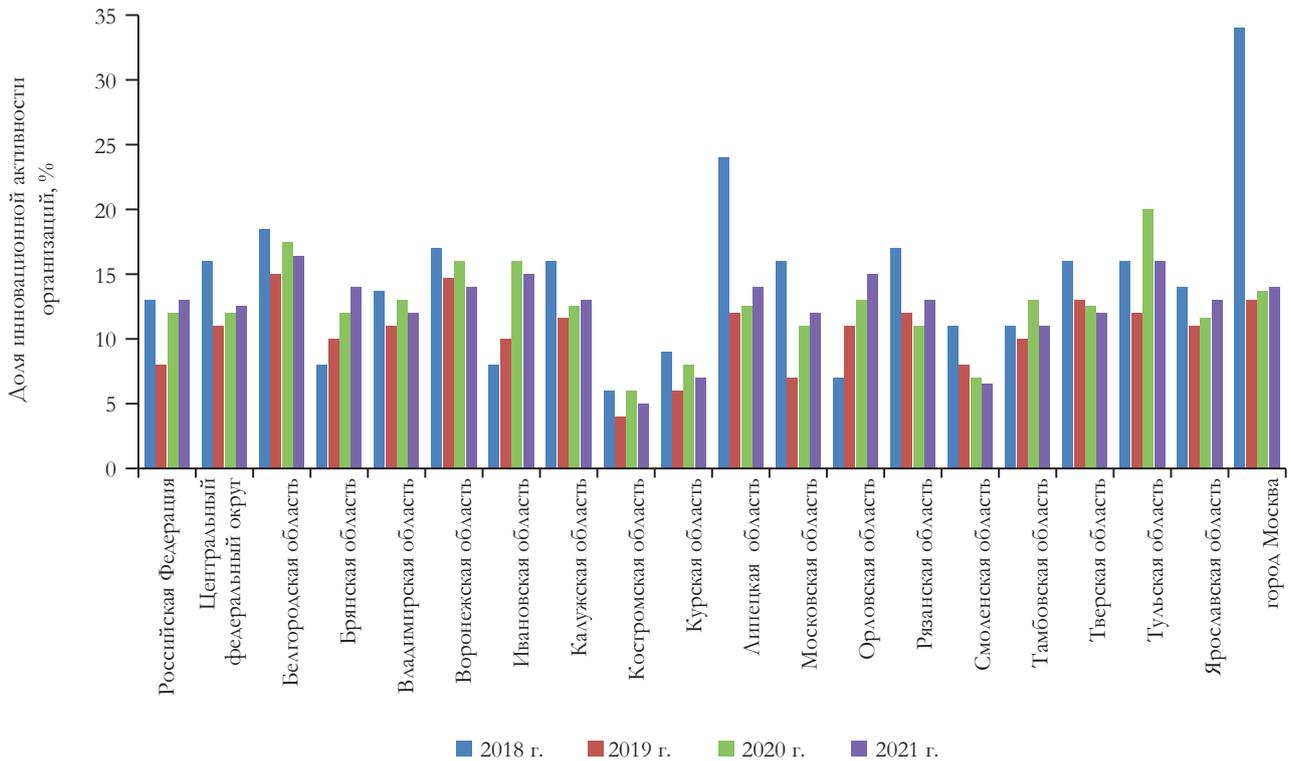
Большинство старопромышленных регионов ЦФО по инновационной активности значительно отстают от общероссийской тенденции. Уровень инновационной активности в разрезе регионов ЦФО за период с 2018 г. по 2021 г. приведен на рис. 1.

По данному показателю в 2021 г. лидерами являются Белгородская область (17,0 %), Тульская область (15,4 %), Орловская область (15,3 %), Ивановская область (14,9 %), Липецкая область (13,7 %). В десяти областях этот показатель ниже среднего по округу. Динамика показывает, что за анализируемый период в 14 регионах ЦФО произошло снижение уровня инновационной активности организаций. Только 3 региона ЦФО увеличили этот показатель (Брянская, Ивановская, Орловская области) [15; 16].

Уровень инновационной активности в значительной степени зависит от состояния основных фондов, которое демонстрируют показатели износа и обновления основных фондов. Степень износа основных фондов по регионам ЦФО за период 2018–2021 гг. приведена в табл. 1. Данные этой таблицы свидетельствуют, что почти по всем регионам ЦФО (кроме Рязанской и Тульской областей) наблюдается старение основных фондов. Динамика изменений исследуемого показателя превышает среднеотраслевой уровень во Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Московской, Тамбовской областях.

Если обратиться к обновлению основных фондов, можно отметить, что только два региона ЦФО в 2021 г. имеют уровень обновления выше, чем средний показатель (Курская область, Москва). Причем в динамике этот показатель снижается в Воронежской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской областях и в Москве [15].

Возможность использования собственных источников для обновления производственной базы зависит от удельного веса прибыльных предприятий. В ЦФО отмечается значительный удельный вес предприятий, работающих с убытком. При этом их удельный вес изменяется в динамике незначительно (табл. 2).

Составлено авторами по материалам источника [16]

Рис.1. Уровень инновационной активности организаций Центрального федерального округа в процентной динамике

Таблица 1

Уровень износа основных фондов по регионам Центрального федерального округа в обрабатывающем производстве

Субъект	Степень износа основных фондов, %				Динамика изменений 2021 г. к 2018 г., п.п.
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	
Российская Федерация	50,6	51,5	51,8	52,2	1,6
Центральный федеральный округ	50,2	51,8	53,8	54,3	4,1
Белгородская область	52,0	54,8	55,2	55,1	3,1
Брянская область	54,9	56,3	57,0	56,9	2,0
Владимирская область	48,2	51,9	53,0	52,5	4,3
Воронежская область	45,9	49,9	51,2	51,9	6,0
Ивановская область	53,0	56,3	54,5	54,0	1,0
Калужская область	44,5	47,2	50,0	53,4	8,9
Костромская область	52,3	57,5	57,7	61,1	8,8
Курская область	48,8	49,2	51,5	51,0	2,2
Липецкая область	51,4	52,4	51,8	52,6	1,2
Московская область	51,8	51,5	55,7	56,5	4,7
Орловская область	42,6	41,9	43,7	42,8	0,2
Рязанская область	57,0	59,4	61,8	53,8	-3,2
Смоленская область	48,6	50,3	52,0	51,8	3,2
Тамбовская область	49,8	51,8	54,2	57,6	7,8
Тверская область	52,6	52,5	55,0	54,8	2,2

Субъект	Степень износа основных фондов, %				Динамика изменений 2021 г. к 2018 г., п.п.
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	
Тульская область	41,1	37,6	40,0	40,7	-0,4
Ярославская область	56,6	59,9	60,8	60,0	3,4
Москва	51,4	55,9	57,9	56,4	5,0

Составлено авторами по материалам источника [15]

Таблица 2

Удельный вес убыточных предприятий в Центральном федеральном округе от общего числа организаций

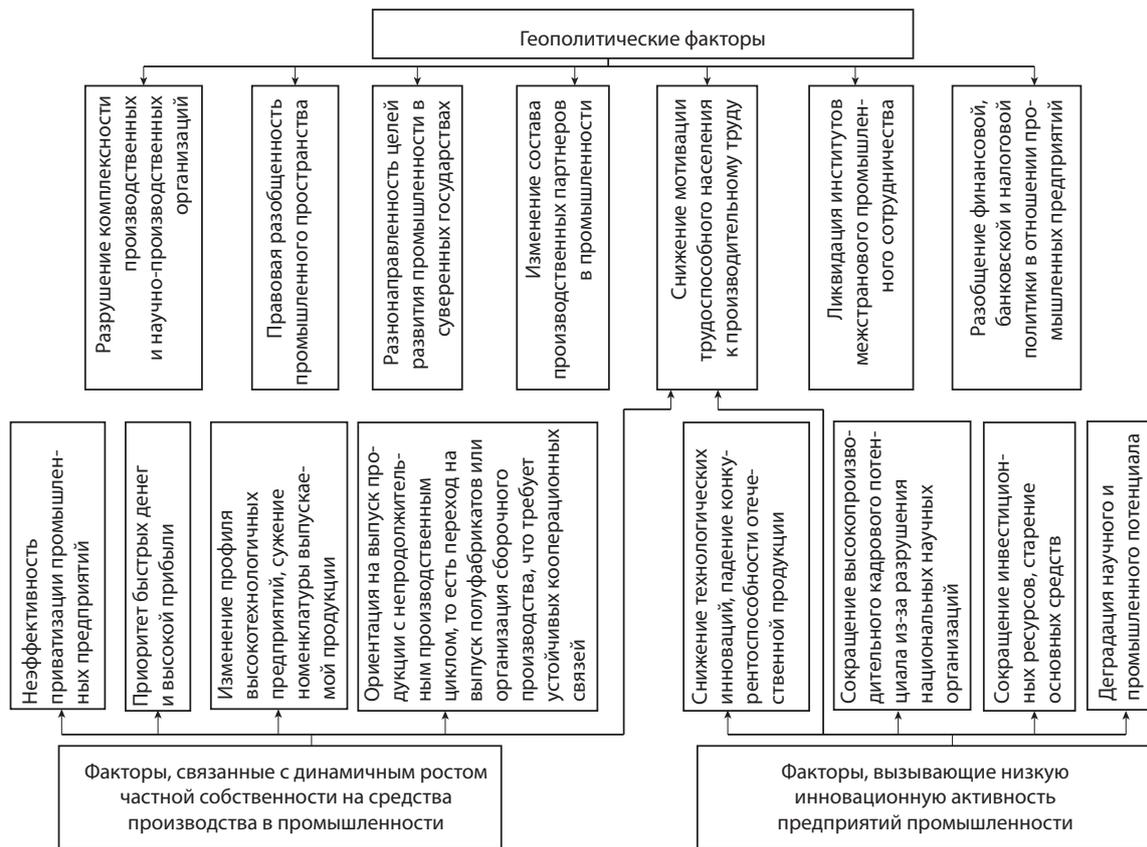
Субъект	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Динамика изменения показателя (2020–2018 гг.), п.п.
Российская Федерация	33,1	32,5	32,7	-0,4
Центральный федеральный округ	34,4	34,0	34,0	-0,4
Белгородская область	29,4	27,1	24,3	-5,1
Брянская область	38,2	32,9	32,4	-5,8
Владимирская область	32,2	33,0	36,7	4,5
Воронежская область	29,5	29,3	27,1	-2,4
Ивановская область	37,9	35,0	32,3	-5,6
Калужская область	31,4	31,4	39,8	8,4
Костромская область	42,8	36,1	37,3	-5,5
Курская область	27,2	30,0	31,3	4,1
Липецкая область	30,8	31,0	33,0	2,2
Московская область	32,7	32,2	29,8	-2,9
Орловская область	29,2	32,7	29,7	0,5
Рязанская область	27,7	30,8	26,3	-1,4
Смоленская область	34,6	32,9	34,3	-0,3
Тамбовская область	32,9	33,1	29,3	-3,6
Тверская область	39,4	41,0	34,5	-4,9
Тульская область	33,5	32,3	38,8	5,3
Ярославская область	35,1	33,9	34,5	-0,6
Москва	35,4	35,0	35,7	0,3

Составлено авторами по материалам источника [16]

На основании представленных данных можно сделать вывод, что растет количество убыточных предприятий во Владимирской, Калужской, Курской, Липецкой, Орловской, Тульской областях, незначительное колебание показателя отмечается в Москве.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

Проведенный компаративный анализ процессов деиндустриализации в старопромышленных регионах ЦФО позволил выявить группы факторов, определивших процессы свертывания производства традиционных для регионов видов промышленной продукции [17–21]. Факторы, определяющие деиндустриализацию, по мнению авторов настоящего исследования, можно сгруппировать в совокупности,

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Факторы, оказывающие влияние на деиндустриализацию

приведенные на рис. 2.

Первая группа. Геополитические факторы, происхождение которых связано с глобальной политической перестройкой в стране. Развал союзного государства повлек за собой разрушение хозяйственных связей, нарушение системности в промышленном производстве, а также ослабление мотивации к поддержанию промышленного производства в жизнеспособном состоянии. Среди этой группы факторов следует особо выделить переустройство государства, несогласованность целей развития вновь возникших суверенных государств, приоритетность интересов местной олигархии над интересами государства. Девальвация государственных ценностей вызвала, прежде всего, сокращение, а в ряде случаев ликвидацию высокотехнологичных производств в старопромышленных регионах.

Вторая группа. Факторы, связанные с динамичным ростом частной собственности на средства производства в промышленности, когда интересы собственника при весьма неустойчивой политической ситуации направлены главным образом на получение быстрых денег, то есть на максимизацию прибыли. В основной массе собственники оказались неэффективными, не справились с задачей мобилизации инвестиций в структурную декомпозицию промышленного производства, соответствующую изменяющейся конъюнктуре рынка. Определенная доля промышленных гигантов утратила спросовые позиции, что вызвало разрушение целостности производственного комплекса страны, потерю конкурентных преимуществ производителей и даже ликвидацию их деятельности. С этим связано сокращение производства сложной продукции производственно-технического назначения (станкоинструментальная промышленность, электронная промышленность), а также отечественной техники потребительского назначения (автопродукция, производство бытовых приборов и т.д.). В значительной степени влияние этой группы факторов ощутила на себе оборонная промышленность (производство летательных аппаратов, спецтехники, боевого вооружения, расходных боеприпасов).

Третья группа. К третьей группе факторов можно отнести совокупность предпосылок, вызывающих низкую инновационную активность предприятий промышленности. Невысокий удельный вес инноваций определяет недостаточный уровень конкурентоспособности отечественной техники, то есть не-

востребованность этой техники внутри страны и на международных рынках. Низкая результативность производственных процессов в условиях открытой конкуренции отечественных производителей по сравнению с лучшими образцами мировых рынков определили спросовые предпочтения потребителей. Отечественная продукция, потерявшая рынки сбыта, перестала интересовать собственников предприятий, произошла переориентация многих промышленных предприятий на торгово-закупочную деятельность, уход в другие виды деятельности, прежде всего в строительство. Таким образом, происходили массовые сокращения персонала, занятого в высокотехнологичном секторе, старение и разрушение основных средств промышленности, передача территорий при ликвидации промышленных предприятий под застройку жилыми домами, рекреационными зонами, торговыми учреждениями и др.

В ряде случаев это является положительным стремлением улучшить городскую среду, повысить комфортность проживания населения, оптимизировать ландшафты городов, но утрата промышленных территорий, перемещение промышленных предприятий за пределы городской среды требуют значительных инвестиционных ресурсов по обеспечению промышленных объектов инженерной инфраструктурой, строительства специальных сооружений по обеспечению сохранности промышленных объектов, то есть увеличиваются затраты одновременно с ограниченностью собственных ресурсов развития (табл. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ориентируясь на совокупность выявленных факторов деиндустриализации в ЦФО, можно обосновать несколько типичных алгоритмов восстановления промышленного производства, учитывая возможности интенсификации высокопроизводительного промышленного сектора. При рассмотрении особенностей современного состояния индустрии в регионах ЦФО необходимо выделить несколько моделей стратегий неоиндустриализации. По нашему мнению, для каждого региона следует определить ведущее звено восстановления промышленности. В качестве ведущего звена могут быть выделены:

- 1) диффузия инноваций из лучшей практики отечественных производителей (например, трансфер технологий, который целесообразно начинать с оптимизации деятельности технопарков и технозон);
- 2) комплексное использование природных ресурсов полезных ископаемых, водных ресурсов и т.д., то есть рост объемов добычи полезных ископаемых;
- 3) реализация проектов по организации выпуска импортозамещающей продукции на базе имеющихся производств и в порядке конверсии;
- 4) модернизация сохранившихся высокотехнологичных производств с конструкторско-технологическим обновлением продукции, что предполагает существенное обновление основных фондов, организацию подготовки кадров и на этой основе расширение масштабов производства;
- 5) полицентрическое промышленное развитие территорий, размещение перспективных производств в периферийных районах областей с целью ликвидации асимметрии пространственного развития, привлечение трудоспособных граждан в районы областей, поддержание экономически дееспособного имиджа регионов.

Таким образом, опираясь на проведенные исследования, можно утверждать, что следующим этапом анализа алгоритма реиндустриализации должно быть построение типовых стратегий выделения ведущего звена применительно к конкретной структуре промышленного производства в субъекте федерации.

Библиографический список

1. Ленчук Е.Б. Новая индустриализация как условие формирования новой модели экономического роста. В кн.: *Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации*. М.: Издание Государственной Думы; 2016. С. 173–189.
2. Мяснянкина О.В., Зайцев А.А. Потенциалы и риски новой индустриализации старопромышленных регионов. *РЕГИОН: системы, экономика, управление*. 2022;4(59):33–40.
3. Красильникова Ю.А. Факторы, условия и ресурсы развития промышленного комплекса регионов (на примере Южного Федерального округа). *Научное обозрение. Экономические науки*. 2016;3:31–36.
4. Кульков В.М. Новая индустриализация в контексте экономического развития России. *Экономика и управление*. 2015;2:81–85.
5. Митрофанова И.В., Чернова О.А. Реиндустриализация старопромышленных регионов Юга России: тенденции, потенциал, риски. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2019;1(21):13–27. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2019.1.2>

6. Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий. *Фундаментальные исследования*. 2014;6-1;151–155.
7. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России как реальная цель и постиндустриальный идеал. *Проблемы современной экономики*. 2014;4(52):32–34.
8. Рассадина А.К. Реиндустриализация на основе высоких технологий: Европа, США и Россия. *Проблемы современной экономики*. 2016;2(58):55–59.
9. Мяснянкина О.В., Казьмин А.А. Реиндустриализация старопромышленных регионов ЦФО. *РЕГИОН: системы, экономика, управление*. 2021;4(55):61–67.
10. Соколов А.В., Бажанов В.А. Машиностроение России – старт структурных трансформаций. *Мир экономики и управления*. 2022;2(22):80–100. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2022-22-2-80-100>
11. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Реализация стратегий новой реализации экономики. *Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice*. 2016;20(6):19–30. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-6-19-30>
12. Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам. *Вестник АРГО*. 2017;6:4–12.
13. Татаркин А.И. Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России. *Вестник Оренбургского гос. ун-та*. 2013;8:148–158.
14. Матвеева Л.Г., Чернова О.А. *Потенциал малого бизнеса в несырьевом развитии промышленности России: модели, инструменты и механизмы оценки*. Таганрог: Изд-во ЮФУ; 2014. 236 с.
15. Федеральная служба государственной статистики. *Основные фонды и другие нефинансовые активы*. <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (дата обращения: 22.07.2023).
16. Федеральная служба государственной статистики. *Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб.: Росстат*. М.; 2021. 1112 с.
17. Мяснянкина О.В. Реиндустриализация экономики Воронежской области: проблемы и перспективы. *РЕГИОН: системы, экономика, управление*. 2021;1(52):18–26. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2021-52-1-18-26>
18. Афоничкина Е.А., Афоничкина Н.А. Роль сегмента обрабатывающей промышленности в развитии мировой экономики. *Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева*. 2012;3:25–37.
19. Мацкуляк И.Д., Санин Н.В. Закономерности экономически безопасной реструктуризации российской промышленности. *Вестник университета*. 2022;10:159–167. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-159-167>
20. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Региональные аспекты новой индустриализации. *Экономика региона*. 2017;3(13):684–696. <https://doi.org/10.17059/2017-3-4>
21. Титов В.В., Маркова В.Д. Система поддержки инновационного развития промышленности региона. *Мир экономики и управления*. 2016;2(16):89–99.

References

1. Lenchuk E.B. New industrialization as a condition for the formation of a new model of economic growth. In: *New model of Russia's economic development: the concept of formation and implementation*. Moscow: State Duma of the Russian Federation Publ. House; 2016. Pp. 173–189. (In Russian).
2. Myasnyankina O.V., Zaitsev A.A. Potentials and risks of new industrialization old industrial regions. *REGION: systems, economics, management*. 2022;4(59):33–40. (In Russian).
3. Krasilnikova Yu.A. Factors, conditions and resources of the industrial complex of regions (on the example of the Southern Federal District). *Scientific review. Economic sciences*. 2016;3:31–36. (In Russian).
4. Kulkov V.M. New industrialization in the context of economic development of Russia. *Economics and Management*. 2015;2:81–85. (In Russian).
5. Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Reindustrialization of old industrial regions in the South of Russia: trends, potential, risks. *Science Journal of VolSU. Global Economic System*. 2019;1(21):13–27. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2019.1.2> (In Russian).
6. Romanova O.A., Bukhvalov N.Yu. Reindustrialization as a defining trend in the economic development of industrial territories. *Basic Research*. 2014;6-1;151–155. (In Russian).
7. Ryazanov V.T. The new industrialization of Russia as a real goal and post-industrial ideal. *Problems of modern economics*. 2014;4(52):32–34. (In Russian).
8. Rassadina A.K. Reindustrialization on the basis of high technologies: Europe, USA and Russia. *Problems of modern economics*. 2016;2(58):55–59. (In Russian).

9. Myasnyankina O.V., Kazmin A.A. Reindustrialization of old industrial regions of the CFD. *REGION: systems, economics, management*. 2021;4(55):61–67. (In Russian).
10. Sokolov A.V., Bazhanov V.A. Mechanical engineering in Russia – the start of structural transformations. *World of Economics and Management*. 2022;2(22):80–100. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2022-22-2-80-100> (In Russian).
11. Tsvetkov V.A., Stepnov I.M., Kovalchuk Yu.A. Implementation of the new industrialization strategy in the economy. *Finance: Theory and Practice*. 2016;20(6):19–30. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-6-19-30> (In Russian).
12. Baklanov P.Ya. Spatial development of the region: Basic principles and approaches to analysis and assessments. *Bulletin of ARGO*. 2017;6:4–12. (In Russian).
13. Tatarkin A.I. Competitive positioning of regions and territories in the spatial development of Russia. *Vestnik OSU*. 2013;8:148–158. (In Russian).
14. Matveeva L.G., Chernova O.A. *The potential of small business in the non-primary development of Russia's industry: models, tools and assessment mechanisms*. Taganrog: Southern Federal University Publ. House; 2014. 236 p. (In Russian).
15. Federal State Statistics Service. *Fixed assets and other non-financial assets*. <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (accessed 22.03.2023). (In Russian).
16. Federal State Statistics Service. *Regions of Russia. Socio-economic indicators*. Moscow; 2021. 1112 p. (In Russian).
17. Myasnyankina O.V. Reindustrialization of the economy of the Voronezh region: challenges and prospects. *REGION: systems, economics, management*. 2021;1(52):18–26. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2021-52-1-18-26> (In Russian).
18. Afonichkina E.A., Afonichkina N.A. Role of the segment of manufacturing industry segment in world economy development. *Bulletin of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2012;3;25–37. (In Russian).
19. Matskulyak I.D., Sanin N.V. Patterns of economically safe restructuring of Russian industry. *Vestnik universiteta*. 2022;10:159–167. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-159-167> (In Russian).
20. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. Regional aspects of new industrialization. *Economy of regions*. 2017;3(13):684–696. <https://doi.org/10.17059/2017-3-4> (In Russian).
21. Titov V.V., Markova V.D. System support innovative development of industry in the region. *World of Economics and Management*. 2016;2(16):89–99. (In Russian).

Пути адаптации деятельности российских предприятий к санкционным ограничениям

Панова Екатерина Андреевна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0002-5830-0087, e-mail: k79@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Антироссийские санкции представляют собой введенный коалицией стран масштабный круг ограничений, включающий в себя блокировку финансовых, инвестиционных, импортных и экспортных операций с Российской Федерацией. Санкции повлияли практически на все хозяйствующие субъекты, в том числе и на не зависящие напрямую от внешних рынков. Целью исследования является выявление основных направлений воздействия санкций на российские предприятия в сочетании с комплексом мер, способствующих их адаптации к введенным ограничениям. Исследование основывается на методах сравнительного анализа, обобщения и систематизации. В статье рассмотрены сложности, с которыми столкнулись предприятия после введения санкций, и пути выстраивания новых деловых отношений с контрагентами из «дружественных» стран. Полученные результаты могут быть полезны для предприятий различных сфер деятельности при решении вопросов наращивания товарных потоков и улучшения экономических результатов в сложившихся условиях.

Ключевые слова

Санкции, логистические цепочки, промышленный потенциал, системы обмена финансовыми сообщениями, антисанкционные меры

Для цитирования: Панова Е.А. Пути адаптации деятельности российских предприятий к санкционным ограничениям // Вестник университета. 2023. № 10. С. 193–200.

Adaptation of the Russian enterprises activities to sanctions restrictions

Ekaterina A. Panova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0002-5830-0087, e-mail: k79@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Anti-Russian sanctions represent a large-scale range of restrictions imposed by the coalition of countries. They include blocking financial, investment, import, and export operations with Russia. The sanctions have affected almost all economic entities, even those not directly dependent on foreign markets. The purpose of the study is to identify main areas of the sanctions impact on Russian enterprises in combination with a set of adaptation measures to the restrictions imposed. The study is based on the methods of comparative analysis, generalization, and systematization. The article considers difficulties faced by enterprises after the sanctions introduction and ways of building new business relationships with counterparties from “friendly” countries. The results obtained can be useful for enterprises of various activity spheres when solving issues of increasing commodity flows and improving economic results under the current conditions.

Keywords

Sanctions, logistics chains, industrial potential, financial telecommunications, counter-sanctions measures

For citation: Panova E.A. (2023) Adaptation of the Russian enterprises activities to sanctions restrictions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 193–200.

ВВЕДЕНИЕ

Соединенные Штаты Америки (далее – США) и страны Европейского союза (далее – ЕС) представляют санкции в качестве инструмента, направленного на ослабление способности Российской Федерации (далее – РФ, Россия) финансировать военные действия путем воздействия на политическую, военную и экономическую элиту. Список продуктов, с которыми запрещены торговые операции, разработан для того, чтобы «максимизировать негативное воздействие санкций на российскую экономику, ограничивая при этом последствия для бизнеса и граждан ЕС» [1]. Однако европейское население уже успело ощутить на себе последствия присоединения к американскому с «крестовому походу» на российские газопроводы [2, с. 110].

Уязвимость Европы обусловлена ее асимметричной взаимозависимостью с экономикой США ввиду масштабов их рынков и глобальной роли американского доллара в мировой экономике. Европа является слабым звеном в экономической войне двух мировых держав. Правила международного порядка, вводимые США для других стран в попытках установить свое мировое господство, и стратегия принуждения к принятию невыгодных условий, уже негативно сказались на населении ЕС, которому не удалось изолироваться от усиливающейся конкурентной борьбы России и США. Внутренние разногласия ослабляют позицию Европы, занятую поиском новых источников дохода с целью компенсации торговых потерь, связанных с ограничением торговли с Россией. Позиция РФ, несмотря на размеры ущерба, который она несет, оказалась гораздо более устойчивой, чем рассчитывали на Западе.

ВОЗДЕЙСТВИЕ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

Санкции, связанные с поставками оборудования и услуг для нефтяной промышленности, а также технологий, способствующих совершенствованию российских секторов обороны, энергетики и безопасности, влияют на предприятия и население опосредованно. Более ощутимым и болезненным является запрет на поставку внушительного списка товаров, способствующих технологическому совершенствованию и укреплению промышленного потенциала России. Сюда относятся машины, оборудование и запчасти к нему, в том числе используемые в пищевой, металлообрабатывающей, деревообрабатывающей и сельскохозяйственной промышленности, транспортные средства, бытовые и электрические приборы, строительные материалы, бумага, красители, текстильные материалы, металлы, химические соединения и др. [3]. Несмотря на то что запрет был введен почти сразу после начала проведения специальной военной операции, в 2022 г. динамика инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах в целом по стране была положительной и по отношению к предыдущему году составила 104,6 % [4].

Индекс физического объема внутреннего валового продукта (далее – ВВП) относительно 2021 г. составил 97,9 %. Снижение этого показателя на 2,1 % связано с сокращением индекса физического объема добавленной стоимости в оптовой и розничной торговле на 12,7 %, в сфере водоснабжения, водоотведения, ликвидации загрязнений, сбора и утилизации отходов – на 6,8 %, в обрабатывающих производствах – на 2,5 %, в сфере транспортировки и хранения – на 1,8 %. В то же время наблюдался рост ВВП в сельском хозяйстве на 6,7 %, в строительстве – на 5,0 %, в гостиничном и ресторанном бизнесе – на 4,3 %, в государственном управлении – на 4,1 %, в сфере информации и связи – на 0,5 %, добыче полезных ископаемых – на 0,4 % [5]. Такие структурные трансформации экономики закономерны, характеризуют ее приспособляемость под условия внешней среды и, вероятнее всего, продолжатся, как, например, это случилось в Иране, который находится под санкциями вот уже более сорока лет [6].

Заморозка активов ключевых российских банков и компаний, создание трудностей для привлечения прямых иностранных инвестиций, ограничение доступа к мировым финансовым рынкам и услугам иностранных банков, отключение российских банков от международной системы обмена финансовыми сообщениями SWIFT, запреты широкого спектра экспортных и импортных операций направлены на дезорганизацию производственной и финансово-кредитной системы РФ. Воздействие санкций в среднесрочной и долгосрочной перспективах еще предстоит оценить. Это касается не только первичных, но и вторичных санкций, вводимых во избежание обхода ограничений – их влияние поначалу может быть незаметным, а очевидным становится лишь по прошествии времени [7].

В 2022 г. по мере беспрецедентно быстрого расширения ограничений против РФ всем участникам экономических отношений – государству, физическим лицам, предприятиям и финансовым организациям – пришлось оперативно подстраиваться под новые реалии. Процессы производства, финансирования

общественных потребностей и перераспределения денежных потоков претерпели существенные изменения. Многократно возросли риски, связанные с ведением предпринимательской деятельности, реализацией новых бизнес-проектов и расширением направлений деятельности предприятий. В сложившихся условиях перспектива получения финансовой отдачи от осуществления инвестиций, занимающего продолжительное время, весьма туманна, так как велика вероятность наступления неподконтрольных предприятию событий, которые могут существенно повлиять на ожидаемые финансовые результаты.

Нацеленность санкций на подрыв промышленного потенциала РФ оказывает воздействие на инновационную деятельность предприятий и внедрение новых продуктов, препятствует применению усовершенствованных организационных схем, внедрению товарно-рыночных комбинаций и идей. В настоящее время важно найти пути стабилизации оборота трудовых и материальных ресурсов для того, чтобы расширить экономические возможности хозяйствующих субъектов и населения.

ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ САНКЦИЯМ

Антисанкционные меры являются вопросом обеспечения экономической безопасности страны, против которой введены ограничения [8]. Подверженность воздействию санкций зависит от размера предприятия, его отраслевой принадлежности, структуры активов, источников и объемов используемых финансовых ресурсов.

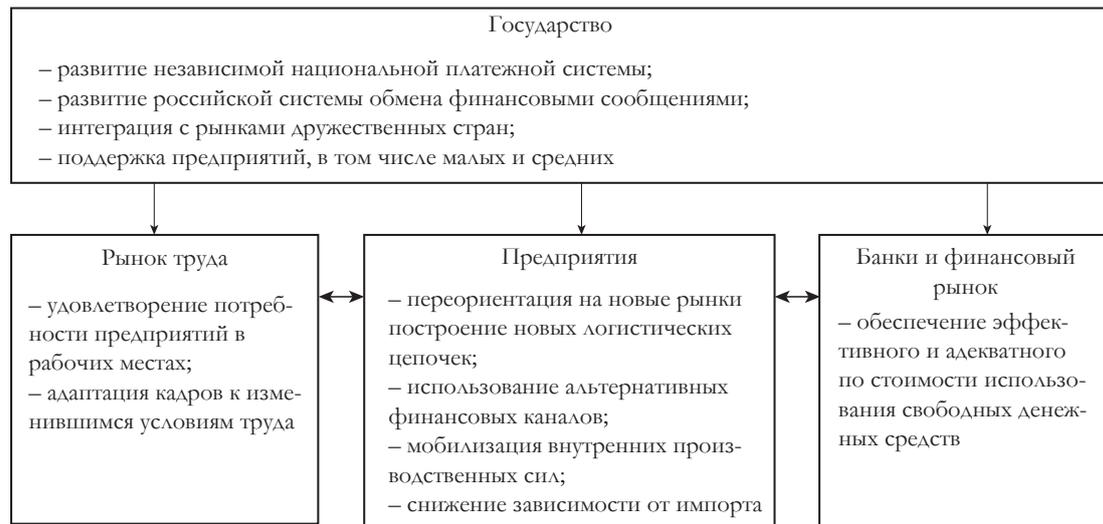
Противодействие санкциям должно быть построено на взаимодействии предприятий и государства, которое в свою очередь должно способствовать:

- 1) адаптации рынка труда к изменившимся условиям;
- 2) нивелированию возросших финансовых рисков с целью мобилизации общественных накоплений и эффективного использования экономических ресурсов;
- 3) решению проблем, связанных с осуществлением предприятиями экспортно-импортных операций и проведением по ним расчетов.

Из уже предпринятых мер следует отметить выделение Правительством РФ 2,7 млрд руб. на бесплатное переобучение граждан в рамках поддержки рынка труда, в результате которого более 46 000 чел. смогут получить новые специальности, в том числе в сфере легкой промышленности, а также направление из федерального бюджета более 13,5 млрд руб. на цели льготного кредитования предприятий, реализующих инвестиционные проекты, связанные с производством приоритетной промышленной продукции, электронной и радиоэлектронной продукции, а также с развитием внутреннего и въездного туризма [9–13]. Кроме того, Правительством РФ разрабатывается новая система расчетов с контрагентами из дружественных стран, в основе которой будет осуществлена стыковка российского аналога SWIFT – Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России – и его национальных аналогов в других государствах [14].

Стабилизация производственной деятельности предприятий должна осуществляться за счет перестройки заготовительно-сбытовой политики, а также поиска новых товарных рынков и финансовых каналов – это поможет преодолеть сложности с обращением материальных ценностей. Основные меры, направленные на противодействие санкциям с учетом взаимодействия предприятий с другими участниками экономических отношений, представлены на рис. 1.

Обеспечение последовательного охвата санкций – такого, чтобы они применялись, а не обходились, – требует сильной и эффективной координации вводящих их государств. Следовательно, даже при таких масштабных ограничениях, которые направлены против РФ, существуют альтернативные пути ведения бизнеса. В ближайшие годы большинству отраслей российской промышленности вряд ли удастся обойтись без европейских технологий. Несмотря на то что дальнейшая переориентация на другие рынки вполне реальна, имеющиеся в наличии машины и оборудование необходимо обслуживать, а значит, предприятиям придется удовлетворять потребность в оригинальных запчастях и комплектующих, несмотря на высокие риски при закупке продукции, находящейся в санкционных списках. Перенаправление торговых потоков может приводить к увеличению операционных издержек и невыгодным условиям сделок [15; 16]. Вовлечение в логистику компаний из стран, не присоединившихся к санкциям, чревато существенным удорожанием доставки. Кроме того, чтобы иметь возможность поддерживать уже сложившиеся деловые отношения с партнерами, попадающими под санкции, компаниям необходимо планировать поставки заранее с учетом возникающей необходимости адаптации договорных отношений и перестройки логистических цепочек.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Комплекс мер, направленных на противодействие санкциям

СЛОЖНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ПЕРЕОРИЕНТАЦИЕЙ НА НОВЫЕ РЫНКИ

Предприятиям следует учитывать, что переориентация на новых поставщиков и налаживание альтернативных каналов для осуществления финансовых операций с другими странами являются небыстрыми процессами. Новые поставщики могут запрашивать завышенные цены на свои товары и услуги или не соблюдать стандарты качества. Неспособность своевременно найти надлежащую замену сырью, материалам, запчастям и прочим аналогичным ценностям может увеличить издержки производства, снизить потребление продукции предприятия или даже способствовать его вытеснению с рынка.

Турецкие компании с воодушевлением отнеслись к возможности занять освободившуюся нишу российского рынка. Многие из них создали специальные подразделения для работы с РФ. Россия в свою очередь заняла первое место среди других стран по количеству иностранных совместных предприятий, созданных в Турции в 2022 г. Количество зарегистрированных компаний с российским капиталом составило 1 363 по сравнению со 177 компаниями с российским участием, созданными в 2021 г. Объем торговли с Россией, составлявший в 2021 г. 34,73 млрд долларов США, возрос более, чем в 2 раза, – до 68,19 млрд долларов США в 2022 г. [17]. На процесс налаживания деловых отношений повлиял риск вторичных санкций со стороны США. Некоторые турецкие банки без уведомления клиентов отправляли назад платежи в долларах, поступившие от российских предприятий. В настоящий момент начали осуществляться расчеты между российскими и турецкими предприятиями в рублях, однако время покажет, насколько эта схема будет рабочей и не последуют ли в нее вмешательства извне.

Китай также нацелен на развитие экономических отношений с РФ – официальная позиция Министерства иностранных дел Китая выражается в намерении поддерживать стабильность промышленных цепочек и цепочек поставок, а также продолжать сотрудничество в области энергетики, финансов, торговли продовольствием и транспорта [18]. Географическая удаленность Китая приводит к росту логистических затрат, однако они могут быть компенсированы более дешевыми ценами на товары местного производства. Кроме того, в Китае функционирует собственная межбанковская платежная система CIPS (Cross-border Interbank Payment System), включающая в себе возможность обмена финансовыми сообщениями и позволяющая осуществлять платежи в юанях без использования SWIFT [19].

«Поворот на Восток» ожидался еще после введения санкций 2014 г. Объемы экспортных и импортных операций между Россией и Китаем постепенно увеличивались, чего нельзя было сказать о чистом притоке прямых иностранных инвестиций [20]. Сейчас есть очевидные предпосылки и для их увеличения.

Помимо углубления торговых отношений с Турцией и Китаем, Россия работает над созданием нового судоходного коридора совместно с Ираном, что позволит минимизировать влияние европейских санкций. Также следует принимать во внимание возможности партнерства с Индией, которая держится в стороне от возглавляемой Западом кампании по изоляции РФ [21]. В целом список стран, которые,

несмотря на оказываемое давление, готовы сотрудничать с Россией, достаточно обширен. Наиболее перспективными в настоящий момент можно считать отношения с Китаем, который является одной из наиболее индустриально развитых стран мира, достаточно последователен в реализации своей экономической политики и имеет развитую платежную систему, позволяющую без проволочек осуществлять расчеты в национальной валюте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После введения санкций взаимодействие российских предприятий с европейскими партнерами оказалось под угрозой. Даже те деловые отношения, которые удалось сохранить, во многом претерпели трансформацию. Разрушились выстроенные годами системы коммерческого кредитования, финансовые схемы и логистические цепочки, возникли проблемы с осуществлением оплат в иностранной валюте. Тем не менее наметившаяся в 2022 г. структурная перестройка российской экономики может стать шагом на пути дальнейшего развития ее отдельных секторов.

В ходе проведенного исследования был выделен комплекс мер, направленных на противодействие антироссийским санкциям, освещены возможности получения предприятиями льготного кредитования, рассмотрены варианты переориентации на новые рынки и связанные с ней сложности. До ухода из России транснациональных корпораций многие поставщики и потребители жаловались на более высокие цены, скудный ассортимент и худшее качество товаров по сравнению с продуктовой линейкой, представленной в странах ЕС. Сейчас наступил подходящий момент для заполнения отечественного рынка качественной продукцией местного производства, разработки собственных технологий, развития туристической и гостиничной отрасли.

Библиографический список

1. Council of the European Union. *EU sanctions against Russia explained*. <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (дата обращения: 01.08.2023).
2. Timofeev I.N. Sanctions on Russia: A New Chapter. *Russia In Global Affairs*. 2022;4(20):103–119. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
3. EUR-Lex. *Council Regulation (EU) 2023/427 of 25 February 2023 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilizing the situation in Ukraine*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R0427&qid=1678447092085> (дата обращения: 01.08.2023).
4. Федеральная служба государственной статистики. *Инвестиции в нефинансовые активы*. https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 01.08.2023).
5. Федеральная служба государственной статистики. *Ростат представляет вторую оценку ВВП за 2022 год*. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/203214> (дата обращения: 01.08.2023).
6. Ianchovichina E., Devarajan S., Lakatos C. *Lifting Economic Sanctions on Iran Global Effects and Strategic Responses*. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/298681467999709496/pdf/WPS7549.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).
7. Kozhanov N.A. Iran's Economy under Sanctions: Two Levels of Impact. *Russia In Global Affairs*. 2022;4(20):120–140. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140>
8. Sukharev O.S., Voronchikhina E.N. Development of countries under sanctions: Iran and Russia. *R-economy*. 2022;8(3):219–236. <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.3.018>
9. Правительство Российской Федерации. *Распоряжение Правительства РФ от 30 марта 2023 г. № 772-р*. <http://government.ru/docs/48117/> (дата обращения: 01.08.2023).
10. Правительство Российской Федерации. *Распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2023 г. № 449-р*. <http://government.ru/docs/47859/> (дата обращения: 01.08.2023).
11. Правительство Российской Федерации. *Постановление от 22 февраля 2023 г. № 295*. <http://government.ru/docs/47859/> (дата обращения: 01.08.2023).
12. Правительство Российской Федерации. *Постановление Правительства РФ от 30 января 2023 г. № 127*. <http://government.ru/docs/47652/> (дата обращения: 01.08.2023).
13. Правительство Российской Федерации. *Распоряжение Правительства РФ от 24 марта 2023 г. № 689-р*. <http://government.ru/docs/48065/> (дата обращения: 01.08.2023).
14. Бойко А., Гринкевич Д. *Для трансграничных расчетов российский SWIFT состыкует с его аналогами*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/11/02/948484-dlya-transgranichnih-raschetov-rossiiskii-swift-sostikuyut-s-analogami> (дата обращения: 01.08.2023).

15. Mulder N. *Economic sanctions deliver bigger global shocks than ever before and are easier to evade*. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/the-sanctions-weapon-mulder> (дата обращения: 01.08.2023).
16. Panibratov A. Sanctions, cooperation, and innovation: Insights into Russian economy and implications for Russian firms. *BRICS Journal of Economics*. 2021;2(3):4–26. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2021-3-1>
17. Kenez L. *US gov't warns Turkish companies about Russia sanctions, threatening prosecution*. <https://nordicmonitor.com/2023/03/25992/> (дата обращения: 01.08.2023).
18. Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. *China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis*. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230224_11030713.html (дата обращения: 01.08.2023).
19. Srinivas P.S. *Can China's CIPS help Russia after its ban from SWIFT?* <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2022/03/EAIC-47-20220304-2.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).
20. Belozyorov S.A., Sokolovska O. Economic Sanctions against Russia: Assessing the Policies to Overcome their Impact. *Ekonomika regiona [Economy of region]*. 2020;16(4):1115–1131. https://doi.org/10.17059/ekon_reg.2020-4-8
21. Fukutomi S. *Russia and Iran eye trade route with India to bypass sanctions*. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Russia-and-Iran-eye-trade-route-with-India-to-bypass-sanctions> (дата обращения: 01.08.2023).

References

1. Council of the European Union. *EU sanctions against Russia explained*. <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (accessed 01.08.2023).
2. Timofeev I.N. Sanctions on Russia: A New Chapter. *Russia In Global Affairs*. 2022;4(20):103–119. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
3. EUR-Lex. *Council Regulation (EU) 2023/427 of 25 February 2023 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilizing the situation in Ukraine*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R0427&qid=1678447092085> (accessed 01.08.2023).
4. Federal State Statistics Service. *Investments in non-financial assets*. https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (accessed 01.08.2023).
5. Federal State Statistics Service. *Rosstat presents the second estimate of GDP for 2022*. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/203214> (accessed 01.08.2023).
6. Ianchovichina E., Devarajan S., Lakatos C. *Lifting Economic Sanctions on Iran Global Effects and Strategic Responses*. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/298681467999709496/pdf/WPS7549.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).
7. Kozhanov N.A. Iran's Economy under Sanctions: Two Levels of Impact. *Russia In Global Affairs*. 2022;4(20):120–140. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140>
8. Sukharev O.S., Voronchikhina E.N. Development of countries under sanctions: Iran and Russia. *R-economy*. 2022;8(3):219–236. <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.3.018>
9. Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 772-r dated March 30, 2023*. <http://government.ru/docs/48117> (accessed 01.08.2023). (In Russian).
10. Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 449-r dated February 22, 2023*. <http://government.ru/docs/47859> (accessed 01.08.2023). (In Russian).
11. Government of the Russian Federation. *Resolution No. 295 dated February 22, 2023*. <http://government.ru/docs/47859/> (accessed 01.08.2023). (In Russian).
12. Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 127 dated January 30, 2023*. <http://government.ru/docs/47652> (accessed 01.08.2023). (In Russian).
13. Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 689-r dated March 24, 2023*. <http://government.ru/docs/48065> (accessed 01.08.2023). (In Russian).
14. Boyko A., Grinkevich D. *For cross-border settlements, the Russian SWIFT will be connected with its analogues*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/11/02/948484-dlya-transgranichnih-raschetov-rossiiskii-swift-sostikuyut-s-analogami> (accessed 01.08.2023). (In Russian).
15. Mulder N. *Economic sanctions deliver bigger global shocks than ever before and are easier to evade*. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/the-sanctions-weapon-mulder> (accessed 01.08.2023).
16. Panibratov A. Sanctions, cooperation, and innovation: Insights into Russian economy and implications for Russian firms. *BRICS Journal of Economics*. 2021;2(3):4–26. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2021-3-1>
17. Kenez L. *US gov't warns Turkish companies about Russia sanctions, threatening prosecution*. <https://nordicmonitor.com/2023/03/25992/> (дата обращения: 01.08.2023).

18. Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. *China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis*. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230224_11030713.html (accessed 01.08.2023).
19. Srinivas P.S. *Can China's CIPS help Russia after its ban from SWIFT?* <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2022/03/EAIC-47-20220304-2.pdf> (accessed 01.08.2023).
20. Belozyorov S.A., Sokolovska O. Economic Sanctions against Russia: Assessing the Policies to Overcome their Impact. *Ekonomika regiona [Economy of region]*. 2020;16(4):1115–1131. https://doi.org/10.17059/ekon_reg.2020-4-8
21. Fukutomi S. *Russia and Iran eye trade route with India to bypass sanctions*. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Russia-and-Iran-eye-trade-route-with-India-to-bypass-sanctions> (accessed 01.08.2023).

Сравнительный анализ факторов производительности труда персонала медицинских организаций, оказывающих помощь пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями

Попсуйко Артем Николаевич¹

Канд. филос. наук, ст. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-5162-0029, e-mail: popsan@kemcardio.ru

Морозова Елена Алексеевна²

Д-р экон. наук, зав. каф. менеджмента им. И.П. Поварича
ORCID: 0000-0003-2215-9808, e-mail: morea@inbox.ru

Артамонова Галина Владимировна¹

Д-р мед. наук, зам. директора по научной работе, зав. отделом оптимизации медицинской помощи при сердечно-сосудистых заболеваниях
ORCID: 0000-0003-2279-3307, e-mail: artamonova@kemcardio.ru

¹Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, г. Кемерово, Россия

²Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация

Вопросы повышения эффективности деятельности учреждений здравоохранения все чаще становятся в центре научных дискуссий. Цель настоящего исследования состоит в изучении субъективных оценок персонала медицинских организаций по поводу факторов производительности труда. Задачи исследования: проанализировать существующие подходы к изучению факторов производительности труда медицинского персонала, изучить мнение сотрудников медицинских организаций по поводу факторов производительности труда, выявить наиболее значимые из них и провести сравнительный анализ данных, полученных в ходе социологического исследования в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями на территории Кемеровской области – Кузбасса. Авторами настоящего исследования изучены заключения и выводы отдельных зарубежных и отечественных экспертов в данной области исследований. В представленном исследовании определены ключевые факторы, способные повысить производительность труда всех категорий персонала на примере двух медицинских учреждений, оказывающих помощь пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями, а именно: наличие системы материального (нематериального) стимулирования, уровень материально-технического обеспечения, морально-психологический климат, условия труда, регулярное повышение квалификации. Показаны общие и особенные черты двух организаций. Обнаружены различия в оценке факторов производительности труда у разных профессиональных категорий. Полученные результаты могут быть положены в основу совершенствования кадровой политики в направлении повышения производительности труда в учреждениях здравоохранения и медицинской науки.

Ключевые слова

Факторы производительности труда, медицинские организации, сравнительный анализ, кадровая политика, социологический опрос, система мотивации

Для цитирования: Попсуйко А.Н., Морозова Е.А., Артамонова Г.В. Сравнительный анализ факторов производительности труда персонала медицинских организаций, оказывающих помощь пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Вестник университета. 2023. № 10. С. 201–210.

© Попсуйко А.Н., Морозова Е.А., Артамонова Г.В., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Comparative analysis of labor productivity factors of personnel of medical organizations providing care to patients with cardiovascular diseases

Artem N. Popsuyko¹

Cand. Sci. (Philos.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0002-5162-0029, e-mail: popsan@kemcardio.ru

Elena A. Morozova²

Dr. Sci. (Econ.), Head of the I.P. Povarich Management Department
ORCID: 0000-0003-2215-9808, e-mail: morea@inbox.ru

Galina V. Artamonova¹

Dr. Sci. (Med.), Deputy Director for Research, Head of the Medical Care Optimization for Cardiovascular Diseases Department
ORCID: 0000-0003-2279-3307, e-mail: artamonova@kemcardio.ru

¹Research Institute for Complex Problems of Cardiovascular Diseases, Kemerovo, Russia

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract

The issues of improving efficiency of health care institutions are increasingly becoming the center of scientific discussions. The purpose of the study is to examine the subjective assessments of medical organizations staff regarding factors of labor productivity. Objectives of the study: to analyze the existing approaches to the study of labor productivity factors of medical personnel, to study the opinion of medical organizations staff regarding labor productivity factors, to identify the most significant of them, and to conduct a comparative analysis of the data obtained in the course of sociological research in medical organizations providing medical care to patients with cardiovascular diseases in the Kemerovo Region – Kuzbass. The authors have studied the conclusions and findings of selected foreign and domestic experts in this field of research. The presented study identifies the key factors that can increase labor productivity of all categories of personnel on the example of two medical institutions providing care to patients with cardiovascular diseases, namely: presence of a system of material (non-material) incentives, level of material and technical support, moral and psychological climate, working conditions, and regular professional development. Common and special features of two organizations have been shown. Differences in assessing labor productivity factors in different professional categories have been found. The results obtained can be used as a basis for improving personnel policy in direction of increasing labor productivity in health care and medical science institutions.

Keywords

Labor productivity factors, medical organizations, comparative analysis, personnel policy, sociological survey, motivation system

For citation: Popsuyko A.N., Morozova E.A., Artamonova G.V. (2023) Comparative analysis of labor productivity factors of personnel of medical organizations providing care to patients with cardiovascular diseases. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 201–210.

ВВЕДЕНИЕ

Поиск резервов для повышения эффективности использования кадровых ресурсов медицинской организации является приоритетной задачей на всех этапах ее развития. Важное место в этом вопросе все чаще отводится предикторам внутренней и внешней среды. Существует мнение, что улучшение условий труда может повысить эффективность работы и производительность работников здравоохранения, увеличивая таким образом показатели деятельности всей отрасли [1]. Следовательно, поиск факторов, способствующих данному процессу, становится важной теоретической и практической проблемой.

В развитие данной мысли сошлемся на мнения некоторых экспертов о том, что процесс роста производительности труда в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) должен охватывать не только экономику, но и государственное управление, здравоохранение, образование, науку – практически все сферы деятельности [2]. Министерство экономического развития РФ в настоящее время рассматривает возможность расширения состава участников в национальном проекте «Производительность труда» за счет предприятий жилищно-коммунального хозяйства, туризма, санаторно-курортного отдыха и здравоохранения [3].

Внимание авторов настоящей работы обращено к проблеме изучения факторов внутренней среды медицинской организации, влияющих на показатели результативности и производительности труда. Сегодня обозначенная область научных изысканий относится к поведенческой экономике, которая стремится определить различные стимулы способны изменить поведение сотрудников, а ретроспективно обнаруживается в сфере научной организации труда, прикладная ценность которой для отрасли здравоохранения состояла в поиске источников и резервов повышения производительности труда медицинского персонала [4; 5]. Решение обозначенной проблемы может быть положено в основу совершенствования кадровой политики медицинских организаций в части стимулирования персонала к повышению количественных и качественных показателей своей деятельности. В этом видится теоретическая ценность и практическая значимость настоящей работы.

Несмотря на существующий интерес к изучению факторов, влияющих на производительность труда сотрудников учреждений различной отраслевой принадлежности, среди отечественных исследователей наблюдается заметный дефицит эмпирических исследований по данному вопросу применительно к организациям здравоохранения и медицинской науки. Цель настоящего исследования состоит в изучении субъективных оценок персонала медицинских организаций по поводу факторов производительности труда. Задачи исследования: проанализировать существующие подходы к изучению факторов производительности труда медицинского персонала, изучить мнение сотрудников медицинских организаций по поводу факторов производительности труда, выявить наиболее значимые факторы и провести сравнительный анализ данных, полученных в ходе социологического исследования в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями (далее – ССЗ) на территории Кемеровской области – Кузбасса.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реализация поставленной цели исследования осуществлялась с опорой на общенаучные методы анализа и синтеза, логического анализа, социологического опроса. Был проведен анализ отечественной и зарубежной литературы, а также нормативно-правовой документации за период с 2015 г. по 2022 г. по вопросам изучения факторов производительности труда в сфере здравоохранения. Базой исследования выступили две медицинские организации Кемеровской области, объединенные общей территорией расположения, инфраструктурой и имеющие общие цели функционирования в виде оказания медицинской помощи населению с ССЗ.

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний» (далее – МО № 1) – организация, где реализуются научные и клинические направления международного уровня в области медицинской биотехнологий, эпидемиологии сердечно-сосудистых заболеваний, совершенствуется уникальный замкнутый цикл помощи больным: от диагностики до реабилитации, оказывается медицинская помощь в рамках высоких технологий всем возрастам пациентов Сибирского федерального округа и за его пределами. Деятельность государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Кузбасский клинический кардиологический диспансер имени академика Л.С. Барбараша» (далее – МО № 2) направлена на оказание

консультативно-диагностической и лечебной многопрофильной и специализированной медицинской помощи населению Кемеровской области. Таким образом, деятельность МО № 1 ориентирована на оказание высокотехнологичной медицинской помощи, а МО № 2 является многопрофильным стационаром, оказывающим кардиологическую помощь населению Кузбасса.

Гипотеза настоящего исследования – значимые факторы повышения производительности труда универсальны и не зависят от особенностей функционирования медицинской организации. В 2021 г. в социологическом опросе в МО № 1 приняло участие 267 сотрудников (50,4 % от основного состава персонала всех профессиональных групп): 64 (24 %) из них заняты в научной сфере, 59 (22 %) являлись врачами, 96 (36 %) относились к категории среднего и младшего медицинского персонала (далее – СМП), 19 (7,1 %) – административно-управленческий персонал (далее – АУП), 29 (10,9 %) – сотрудники иных структурных подразделений. Средний возраст респондентов составил $40,5 \pm 9,4$ лет. В том же году в аналогичном опросе в МО № 2 приняли участие 512 чел. (51 % от основного состава персонала всех профессиональных групп), из них врачи – 127 (24,8 %), СМП – 258 (50,4 %), сотрудники иных структурных подразделений – 114 (22,2 %), АУП – 13 (2,6 %). Средний возраст респондентов в данном учреждении составил $40,0 \pm 7,3$ лет.

Проверка на нормальность распределения показателей не проводилась, поэтому использовались методы непараметрической статистики. Для сравнения качественных результатов рассчитывалась частота (P) с использованием критерия χ^2 -квadrat Пирсона. Критическим уровнем статистической значимости принимался $p \leq 0,05$. Обработка полученных данных проводилась с использованием пакета прикладных программ Statistica 10.0 (лицензия № BXXR411G487425FA-C от 24.08.2011 г.).

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В ЗДРАВООХРАНИИ

В настоящее время немногочисленные знания о факторах, влияющих на производительность труда медицинского персонала, могут быть почерпнуты из работ отечественных исследователей. По мнению О.Е. Орловой, для любой организации можно обозначить основные факторы роста производительности труда [6]:

- 1) материально-технические (или факторы основного капитала), связанные с технической и энергетической вооруженностью труда;
- 2) организационные, обусловленные качеством управления на уровне хозяйствующего субъекта;
- 3) социальные, подразумевающие моральную и материальную заинтересованность работников в конечном результате труда, уровень их профессиональной подготовки, психологический климат внутри коллектива (так называемый человеческий фактор).

Фокус внимания авторов настоящего исследования направлен на анализ различных авторских позиций в изучении факторов производительности труда применительно к отрасли здравоохранения. Так, С.В. Лапочкиной с соавторами в качестве основных факторов, обеспечивающих рост производительности труда в медицинских организациях, рассматривается морально-психологический климат в коллективе и эффективная система управления конфликтами [7]. В исследовании С.П. Морозова с соавторами делается вывод о том, что применение цифровых решений в здравоохранении связано не только с повышением качества и доступности медицинских услуг, но и с повышением производительности труда персонала медицинских организаций. Последний эффект достигается благодаря переносу рутинных операций в цифровые сервисы [8].

Также стоит отметить зарубежных авторов, работы которых затрагивают вопросы изучения роли цифровизации и информатизации в повышении производительности труда медицинского персонала. Luís Velez Larão с соавторами изучал вклад электронного здравоохранения и мобильного здравоохранения в повышение производительности труда работников здравоохранения [9]. В исследовании Мадиге Видана отмечается роль системы управления знаниями в повышении производительности труда в медицинских организациях [10].

Зарубежным исследованиям характерен как многофакторный подход к изучению обозначенной проблемы, так и ориентированность некоторых экспертов на оценку влияния отдельного фактора на производительность труда. Примером первого направления может служить работа М. Krijghsheld с соавторами, в которой исследователями представлен первый систематический обзор аспектов производительности

труда в здравоохранении, в том числе факторов, положительно или отрицательно влияющих на динамику данного показателя (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, влияющие на производительность труда медицинского персонала

Факторы, положительно влияющие на производительность труда в медицинских организациях	Факторы, отрицательно влияющие на производительность труда в медицинских организациях
Организационная поддержка Эффективная организационная структура Социальная поддержка Вовлеченность в работу Ясность и конкретность профессиональной роли Возможность самостоятельности действий Навыки и уровень образования Личные характеристики (открытость к изменениям, креативность, стремление к непрерывному совершенствованию)	Токсичный климат/культура Текучесть высокоэффективных кадров Чрезмерный контроль и надзор Ограниченные ресурсы Высокая интенсивность труда Неудовлетворенность коллегами Низкий эмоциональный интеллект Эмоциональное выгорание

Составлено авторами по материалам источника [11]

Данные, представленные в табл. 1, иллюстрируют многообразие факторов, оказывающих влияние на динамику производительности труда. По своему содержанию они могут относиться как к личностным характеристикам сотрудника, так и к организационным аспектам деятельности. В этом проявляется комплексная природа факторов производительности труда, на которую также указывали Richard M. Scheffler с соавторами, говоря о том, что на данный показатель влияют количество поставленных задач, методы управления, способы оплаты труда, мотивация работников, способ организации работы, регулирование разделения труда, а также другие факторы [12]. Указанными авторами предложена модель, в которую включены три ключевых фактора, влияющие на производительность труда медицинского персонала, а именно: организационная эффективность, вовлеченность персонала и спрос на медицинские услуги. Изучая влияние материальных стимулов на повышение производительности труда, к определенным выводам пришли Brian C. Cadena с соавторами. Исследователи отмечают, что усилия медицинского персонала менее чувствительны к финансовым стимулам, когда люди работают в организации, миссия которой соответствует их ценностям [13]. В работе авторского коллектива во главе Р.Р. Номрич отмечалось негативное влияние презентеизма на производительность труда [14]. Оригинальное исследование проведено Г.А. Плотниковым с соавторами, в котором дефицит витамина D ассоциирован с низкой производительностью труда медицинских работников [15]. Существует доказательная база влияния пандемии SARS-CoV-2 на анализируемый показатель для медицинского персонала [16].

На основании проведенного анализа авторами настоящего исследования была разработана авторская анкета оценки производительности труда персонала медицинских учреждений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Субъективные оценки сотрудников двух учреждений по поводу текущего состояния производительности труда представлены в табл. 2.

В ходе проведенного социологического исследования отсутствовали статистически значимые различия в оценке врачами двух учреждений текущего уровня производительности труда сотрудников в организациях среди всех вариантов ответов за исключением «скорее низкий» ($p = 0,012$). Большая часть респондентов по всем профессиональным категориям охарактеризовали данный показатель как «скорее высокий», а именно: врачи (МО № 2 – 61,4 %, МО № 1 – 64,3 %, $p = 0,74$), СМП (МО № 2 – 51,1 %, МО № 1 – 54,7 %, $p = 0,553$), АУП (МО № 2 – 69,2 %, МО № 1 – 68,8 %, $p = 0,978$). Незначительная разница в частоте выбора данного варианта ответа была обнаружена среди прочего персонала (МО № 2 – 44,7 %, МО № 1 – 67,9 %, $p = 0,424$).

Результаты ответа на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете производительность труда сотрудников в организации?»

Варианты ответов	Врачи		p	СМП		p	АУП		p	Прочий персонал		p
	МО №1	МО №2		МО №1	МО №2		МО №1	МО №2		МО №1	МО №2	
Очень высокий	16,7	28,3	0,132	43,2	31,3	0,038	25	15,4	0,525	10,7	30,7	0,029
Скорее высокий	64,3	61,4	0,74	54,7	51,1	0,553	68,8	69,2	0,978	67,9	44,7	0,424
Скорее низкий	11,9	2,4	0,012	2,1	6,6	0,096	0	0	1	3,6	7,9	0,315
Низкий	0	0,8	0,565	0	1,6	0,221	0	0	1	0	3,3	0,522
Затрудняюсь ответить	7,1	7,1	0,991	0	9,4	0,002	6,3	15,4	0,422	17,9	13,2	0,033

Примечание: данные представлены в % от числа опрошенных

Составлено авторами по материалам исследования

Вариант ответа «очень высоко» характеризовался меньшей однородностью среди медицинского персонала. В сравнении между всеми профессиональными категориями в большей степени он ассоциируется с СМП (МО № 2 – 31,3 %, МО № 1 – 43,2 %). Среди ответов данной группы респондентов были выявлены статистически значимые различия ($p = 0,038$).

Текущее состояние производительности труда среди врачебного персонала получило оценку «очень высоко» у 16,7 % в МО № 1 и 28,3 % в МО № 2 ($p = 0,132$). Среди АУП данный вариант оценки был выбран в МО № 2 и МО № 1 – 15,4 % и 25 % соответственно ($p = 0,525$). Только 10,7 % из числа прочего персонала МО № 1 и 30,7 % МО № 2 воспользовались оценкой «очень высоко» при характеристике текущего состояния производительности труда ($p = 0,029$).

Полученные в ходе настоящего исследования данные свидетельствуют, с одной стороны, о достаточно высокой оценке текущей производительности труда в двух учреждениях, а с другой – количественные различия между вариантами ответов «очень высокий» и «скорее высокий» говорят о потенциальной возможности ее дальнейшего увеличения. Руководствуясь этим посылом, мы проанализировали ответы респондентов, позволяющие определить факторы, способные повысить производительность труда персонала двух медицинских организаций (рис. 1).

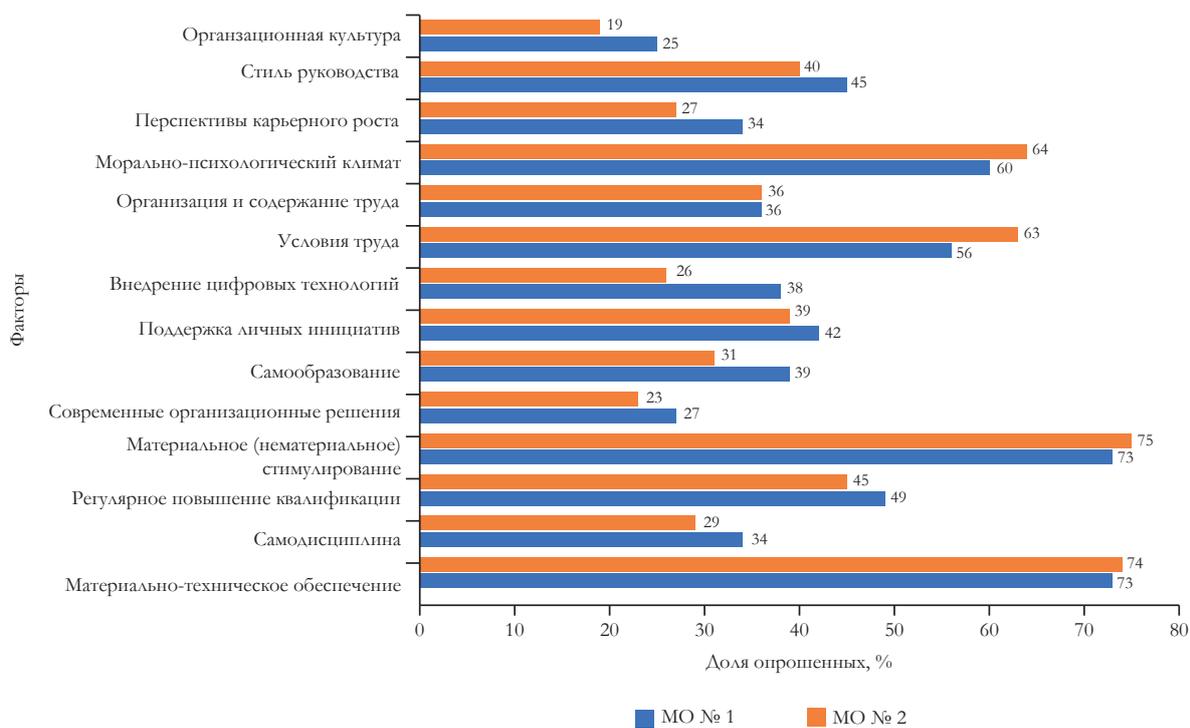
Данные, представленные на рис. 1, позволяют говорить о том, что топ-5 значимых факторов для двух медицинских организаций являются одинаковыми. Расположим их в порядке значимости для сотрудников:

- 1) наличие системы материального (нематериального) стимулирования (МО № 2 – 75 %, МО № 1 – 73 %);
- 2) материально-техническое обеспечение (МО № 2 – 74 %, МО № 1 – 73 %);
- 3) морально-психологический климат (МО № 2 – 64 %, МО № 1 – 60 %);
- 4) условия труда (МО № 2 – 63 %, МО № 1 – 56 %);
- 5) регулярное повышение квалификации (МО № 2 – 45 %, МО № 1 – 49 %).

Полученные результаты согласуются с выводами О.Е. Орловой о наличии основных факторов роста производительности труда в любой организации. В учреждениях здравоохранения проявляется общая тенденция повышения эффективности деятельности сотрудников посредством принятия организационных решений, направленных на создание благоприятных условий производственной и социально-экономической среды медицинских организаций, наиболее значимых для сотрудников.

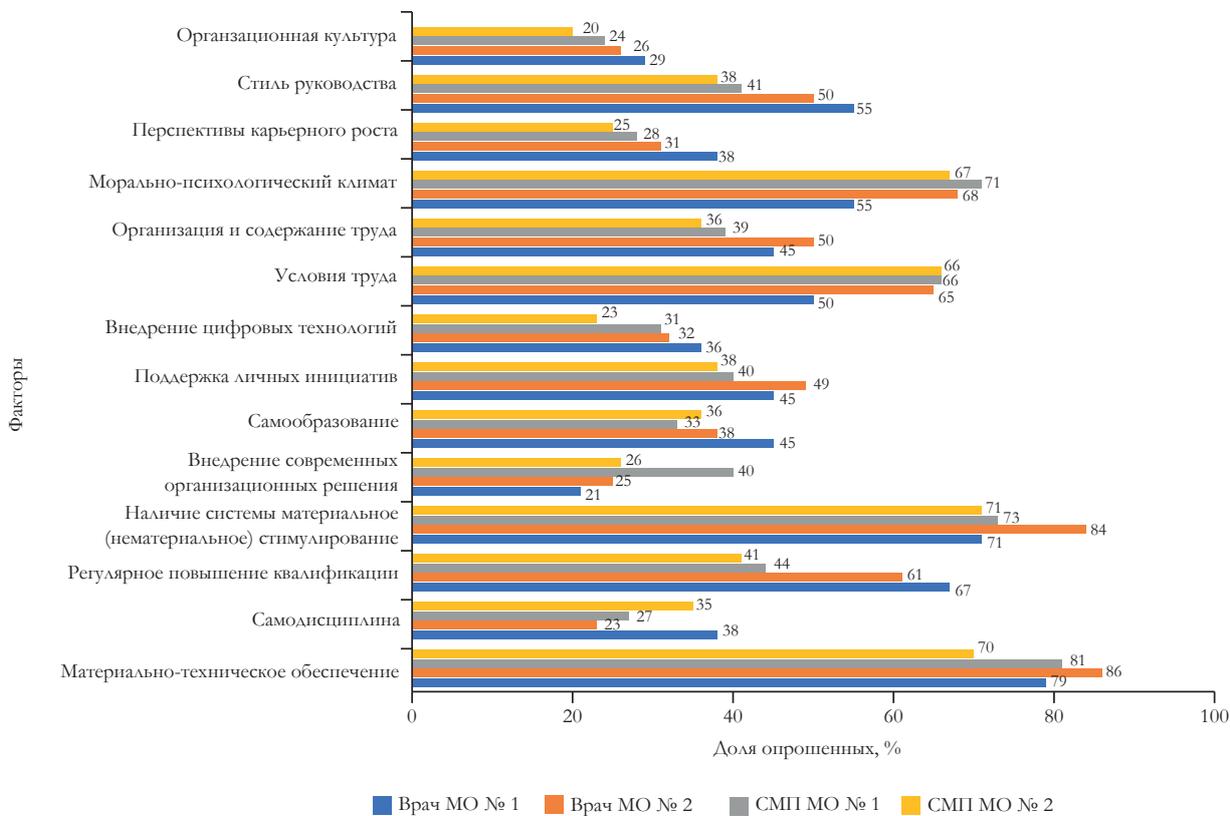
Результаты, представленные на рис. 1, нашли свое отражение в сравнительном анализе данных по различным профессиональным категориям двух медицинских организаций. Так, для медицинского персонала (врачи, СМП) наиболее значимые факторы повышения производительности труда созвучны факторам, характерным для всей совокупности респондентов (рис. 2).

Данные, продемонстрированные на рис. 2, иллюстрируют наиболее значимые факторы для двух профессиональных категорий медицинского персонала. Лидирующую позицию занимает уровень материально-технического обеспечения как для врачей (МО № 2 – 86 %, МО № 1 – 79 %, $p = 0,266$), так и для СМП (МО № 2 – 70 %, МО № 1 – 81 %, $p = 0,035$). Полученные данные свидетельствуют о значимой роли данного фактора в повышении эффективности деятельности медицинского персонала.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Факторы, способствующие повышению производительности труда персонала Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний и Кузбасского клинического кардиологического диспансера имени академика Л.С. Барбараша

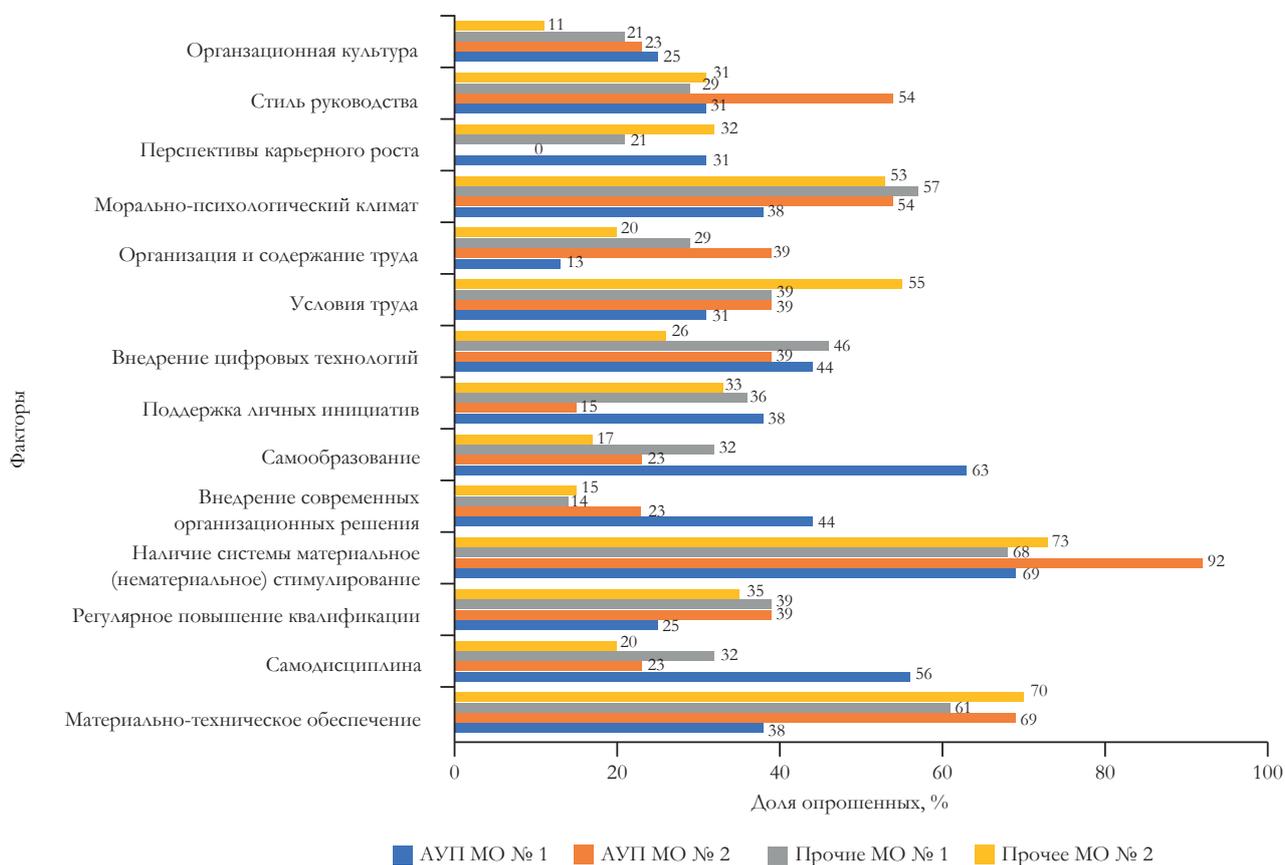
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Факторы, способствующие повышению производительности труда медицинского персонала Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний и Кузбасского клинического кардиологического диспансера имени академика Л.С. Барбараша

Далее по степени важности следует отметить наличие системы материального (нематериального) стимулирования, которая имеет весомое значение для врачей МО № 2 (84 %) и несколько меньшее для персонала МО № 1 (71 %) ($p = 0,089$). Для СМП данный фактор отметили 71 % респондентов из числа сотрудников МО № 2 и 73 % – из МО № 1 ($p = 0,809$).

Морально-психологический климат также оказался в числе значимых факторов для 68 % респондентов из числа врачей МО № 2 и 55 % – из МО № 1 ($p = 0,129$). Для СМП МО № 2 в сравнении с врачебным персоналом он оказался несколько ниже (67 %). В МО № 1, напротив, морально-психологический климат имеет большее значение для СМП (71 %) по сравнению с врачебным персоналом (55 %).

Условия труда для каждого второго врача МО № 1 является важным фактором повышения производительности труда. Для сотрудников МО № 2 для данной профессиональной категории он оказался несколько выше (65 %) ($p = 0,077$). Для СМП двух учреждений условия труда отметили одинаковое количество респондентов (66 %) ($p = 0,941$). Более 60 % врачей МО № 1 и МО № 2 отметили значимость регулярного повышения квалификации 67 % и 61 % соответственно ($p = 0,542$). Одновременно для СМП этот фактор оказался несколько ниже и составил для МО № 2 41 %, для МО № 1 – 44 % ($p = 0,553$). Таким образом, у медицинского персонала наблюдаются незначительные различия в оценке факторов производительности среди врачей и СМП при сохранении распределения их значимости, характерной для всей группы респондентов. При этом в ходе настоящего исследования были обнаружены специфические факторы, характерные для АУП и прочего (вспомогательного) персонала (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Факторы, способствующие повышению производительности труда административно-управленческого персонала и прочего персонала Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний и Кузбасского клинического кардиологического диспансера имени академика Л.С. Барбараша

Данные, представленные на рис. 3, показывают, что лидирующим фактором для АУП (МО № 2 – 92 %, МО № 1 – 69 %, $p = 0,120$) является наличие системы материального (нематериального) стимулирования. Последующий анализ в данной профессиональной категории показал отличные мнения руководства двух учреждений по поводу рассматриваемой в настоящем исследовании проблемы. Так, если для повышения

производительности труда административного персонала МО № 1 наибольшее значение имеют самообразование (63 %), самодисциплина (56 %), внедрение современных цифровых (44 %) и организационных технологий (44 %), то для МО № 2 это уровень материально-технического обеспечения (69 %), морально-психологический климат (54 %), стиль руководства и в равной степени условия (39 %) и организация труда (39 %), внедрение цифровых технологий (39 %) и регулярное повышение квалификации (39 %).

Среди прочего персонала наблюдается единство субъективных оценок в отношении первой тройки значимых факторов, а именно: наличие системы материального (нематериального) стимулирования (МО № 2 – 73 %, МО № 1 – 68 %, $p = 0,602$), уровень материально-технического обеспечения (МО № 2 – 70 %, МО № 1 – 61 %, $p = 0,385$), морально-психологический климат (МО № 2 – 53 %, МО № 1 – 57 %, $p = 0,669$). Следующим по значимости в данной профессиональной категории в МО № 2 были отмечены условия труда (55 %) и регулярное повышение квалификации (35 %), в МО № 1 же названы внедрение цифровых технологий (46 %) и условия труда (39 %). Таким образом, несмотря на выявленное единство мнений респондентов по поводу значимых факторов, влияющих на производительность труда сотрудников двух медицинских учреждений, между отдельными категориями обнаруживается их незначительное различие (врачи, СМП, прочий персонал) при одновременной специфичности для АУП.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были выявлены наиболее значимые факторы, влияющие на производительность труда сотрудников медицинских организаций:

- 1) наличие системы материального (нематериального) стимулирования;
- 2) уровень материально-технического обеспечения;
- 3) морально-психологический климат;
- 4) условия труда;
- 5) регулярное повышение квалификации.

Результаты настоящего исследования позволили частично подтвердить заявленную гипотезу. Выявлено, что отличительными чертами обладают факторы, направленные на повышение производительности труда управленческого персонала, что может быть обусловлено особенностями функционирования двух учреждений. Полученные результаты могут быть положены в основу повышения эффективности системы управления персоналом в части повышения результативности труда различных категорий сотрудников учреждений здравоохранения и медицинской науки. Дальнейшие направления исследований видятся в оценке силы влияния различных факторов на показатели производительности труда с использованием инструментов эконометрического анализа.

Библиографический список

1. Всемирная организация здравоохранения. *Расширение доступа к работникам здравоохранения в отдаленных и сельских районах посредством совершенствования системы сохранения кадров: Рекомендации по глобальной политике*. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/87684> (дата обращения: 02.08.2023).
2. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. *Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты*. <http://www.council.gov.ru/events/news/> (дата обращения: 02.08.2023 г.).
3. Министерство экономического развития Российской Федерации. *Мурат Керемов: продление нацпроекта «Производительность труда» позволит в два раза увеличить число участников*. https://www.economy.gov.ru/material/news/murat_kerefov_prodlenie_nacproekta_proizvoditelnost_truda_pozvolit_v_dva_raza_uvelichit_chislo_uchastnikov.html (дата обращения: 02.08.2023).
4. Lubarsky D.A., French M.T., Gitlow H.S., Rosen L.F., Uhlmann S.J. Why money alone can't (always) “nudge” physicians: the role of behavioral economics in the design of physician incentives. *Anesthesiology*. 2019;130:154–170. <https://doi.org/10.1097/ALN.0000000000002373>
5. Большая медицинская энциклопедия. *Научная организация труда в здравоохранении*. <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php> (дата обращения: 02.08.2023).
6. Орлова О.Е. Факторы роста производительности труда в автономном учреждении. *Руководитель автономного учреждения*. 2018;7:37–44.
7. Лапочкина С.В., Тихомиров С.С., Вирабян Р.Р. Особенности управления конфликтом в медицинской организации. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019;10(2):70–73.

8. Морозов С.П., Владимирский А.В. Методология и базовые модели организации телерадиологии для службы лучевой диагностики г. Москвы. *Журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 2017;3(5):137–143.
9. Lapão L.V., Dussault G., World Health Organization. The contribution of e-Health and m-Health to improving the performance of the health workforce: a review. *Public health panorama*. 2017;3(3):463–471.
10. Мадиге Видана Ралалаге Удара Мадупани Арияратхне. Стратегический менеджмент в сфере здравоохранения: поведенческие и когнитивные стратегические подходы и управление знаниями в сфере здравоохранения. *Скифф*. 2021;1(53):347–356.
11. Krijgsheld M., Tummers L.G., Scheepers F.E. Job performance in healthcare: a systematic review. *BMC Health Serv Res*. 2022; 22(1):149. <https://doi.org/10.1186/s12913-021-07357-5>
12. Scheffler R.M., Herbst C.H., Lemiere C., Campbell J. *Health Labor Market Analyses in Low- and Middle-Income Countries*. Washington, DC: World Bank; 2016. 289 p. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0931-6>
13. Cadena B.C., Smith A.C. Performance pay, productivity, and strategic opt-out: Evidence from a community health center. *Journal of Public Economics*. 2022;206:104580. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2021.104580>
14. Homrich P.P., Dantas-Filho F.F., Martins L.L., Marcon E.R. Presenteeism among health care workers: literature review. *Rev Bras Med Trab*. 2020;1(18):97–102. <https://doi.org/10.5327/Z1679443520200478>
15. Plotnikoff G.A., Finch M.D., Dusek J.A. Impact of vitamin D deficiency on the productivity of a health care workforce. *J Occup Environ Med*. 2012;2(54):117–121. <https://doi.org/10.1097/JOM.0b013e318240df1e>
16. Yaghoubi M., Salimi M., Meskarpour-Amiri M. Systematic review of productivity loss among healthcare workers due to Covid-19. *Int J Health Plann Manage*. 2022;1(37):94–111. <https://doi.org/10.1002/hpm.3351>

References

1. World Health Organization. *Increasing access to health workers in remote and rural areas through improved retention: Global policy recommendations*. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/87684> (accessed 02.08.2023).
2. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. *Labor productivity as a key factor in Russia's development: Legal and regional aspects*. <http://www.council.gov.ru/events/news/> (accessed 02.08.2023). (In Russian).
3. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. *Murat Kerefov: extension of the Labor Productivity national project will double the number of participants*. https://www.economy.gov.ru/material/news/murat_kerefov_prodlennie_nacproekta_proizvoditelnost_truda_pozvolit_v_dva_raza_uvelichit_chislo_uchastnikov.html (accessed 02.08.2023).
4. Lubarsky D.A., French M.T., Gitlow H.S., Rosen L.F., Uhlmann S.J. Why money alone can't (always) “nudge” physicians: the role of behavioral economics in the design of physician incentives. *Anesthesiology*. 2019;130:154–170. <https://doi.org/10.1097/ALN.0000000000002373>
5. Big Medical Encyclopedia. *Scientific organization of labor in health care*. <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php>. (accessed 02.08.2023). (In Russian).
6. Orlova O.E. Factors of labor productivity growth in autonomous institution. *Rukovoditel' avtonomnogo uchrezhdeniya*. 2018;7:37–44. (In Russian).
7. Lapochkina S.V., Tikhomirov S.S., Virabyan R.R. Features of conflict management in a medical organization. *Vestnik of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;10(2):70–73. (In Russian).
8. Morozov S.P., Vladzmyrskyy A.V. Teleradiology for Moscow Healthcare System: methodology and basic. *Journal of Telemedicine and e-Health*. 2017;3(5):137–143. (In Russian).
9. Lapão L.V., Dussault G., World Health Organization. The contribution of e-Health and m-Health to improving the performance of the health workforce: a review. *Public health panorama*. 2017;3(3):463–471.
10. Madige Vidana Ralaghe Udara Madushani Ariyarathe. Strategic management in healthcare industry: cognitive and behavioral strategic approaches and knowledge management in healthcare industry. *Skiff*. 2021;1(53):347–356. (In Russian).
11. Krijgsheld M., Tummers L.G., Scheepers F.E. Job performance in healthcare: a systematic review. *BMC Health Serv Res*. 2022; 22(1):149. <https://doi.org/10.1186/s12913-021-07357-5>
12. Scheffler R.M., Herbst C.H., Lemiere C., Campbell J. *Health Labor Market Analyses in Low- and Middle-Income Countries*. Washington, DC: World Bank; 2016. 289 p. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0931-6>
13. Cadena B.C., Smith A.C. Performance pay, productivity, and strategic opt-out: Evidence from a community health center. *Journal of Public Economics*. 2022;206:104580. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2021.104580>
14. Homrich P.P., Dantas-Filho F.F., Martins L.L., Marcon E.R. Presenteeism among health care workers: literature review. *Rev Bras Med Trab*. 2020;1(18):97–102. <https://doi.org/10.5327/Z1679443520200478>
15. Plotnikoff G.A., Finch M.D., Dusek J.A. Impact of vitamin D deficiency on the productivity of a health care workforce. *J Occup Environ Med*. 2012;2(54):117–121. <https://doi.org/10.1097/JOM.0b013e318240df1e>
16. Yaghoubi M., Salimi M., Meskarpour-Amiri M. Systematic review of productivity loss among healthcare workers due to Covid-19. *Int J Health Plann Manage*. 2022;1(37):94–111. <https://doi.org/10.1002/hpm.3351>

Незаконный импорт табака и табачной продукции в РФ из стран ЕАЭС: оценка и направления минимизации

Сальникова Анастасия Владимировна

Канд. ист. наук, доц. каф. финансового права и таможенной деятельности
ORCID: 0000-0003-0029-3125, e-mail: salnikova-av@mail.ru

Горячева Дарья Денисовна

Студент
ORCID: 0009-0001-1945-7268, e-mail: goryachevad00@mail.ru

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация

Табак и табачная продукция являются востребованным товаром на внутреннем рынке Российской Федерации (далее – РФ), который отличается ростом теневого сегмента в последние годы. Основная доля в структуре теневого табачного рынка РФ представлена импортной и контрафактной продукцией. В статье проведена оценка масштабов нелегального ввоза табака и табачной продукции в РФ из стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в 2018–2022 гг. Авторами рассмотрены факторы, способствующие росту незаконного импорта продукции табачной промышленности с территорий стран-участниц ЕАЭС. Определены актуальные проблемы противодействия нарушению порядка ввоза табака и табачных изделий из союзных государств. Предложены мероприятия, направленные на обеспечение законности взаимной торговли рассматриваемыми товарами в рамках ЕАЭС и снижения объема их незаконного импорта в РФ с территорий государств-членов союза.

Ключевые слова

Табачная продукция, ввоз, импорт, контрабанда, таможенный контроль, ЕАЭС, контрафакт

Для цитирования: Сальникова А.В., Горячева Д.Д. Незаконный импорт табака и табачной продукции в РФ из стран ЕАЭС: оценка и направления минимизации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 211–219.

Illegal imports of tobacco and tobacco products into Russia from the EAEU countries: assessment and areas of minimization

Anastasia V. Salnikova

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Financial Law and Customs Department
ORCID: 0000-0003-0029-3125, e-mail: salnikova-av@mail.ru

Daria D. Goryacheva

Student
ORCID: 0009-0001-1945-7268, e-mail: goryachevad00@mail.ru

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract

Tobacco and tobacco products are in demand in Russian domestic market, which is characterized by shadow segment growth in recent years. Main share in Russian shadow tobacco market structure is represented by imported and counterfeit products. The article assesses the scale of illegal importation of tobacco and tobacco products into Russia from the Eurasian Economic Union countries (hereinafter – EAEU) in 2018–2022. The authors consider the factors contributing to illegal imports of tobacco products growth from the territories of the EAEU member states. The urgent problems of counteracting violation of the order of tobacco and tobacco products importation from the union states have been identified. Measures aimed at ensuring legality of mutual trade in the goods under consideration within the EAEU and reducing the volume of their illegal import into Russia from the territories of the Union member states have been proposed.

Keywords

Tobacco products, import, import, smuggling, customs control, EAEU, counterfeit

For citation: Salnikova A.V., Goryacheva D.D. (2023) Illegal imports of tobacco and tobacco products into Russia from the EAEU countries: assessment and areas of minimization. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 211–219.

ВВЕДЕНИЕ

Стремительный рост теневого табачного рынка на территории Российской Федерации (далее – РФ, Россия) представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны. По оценкам экспертов, к концу 2022 г. доля нелегального табака и табачных изделий в общем объеме оборота данной продукции в России достигла 12,1 % [1]. При этом не менее 70 % незаконно реализуемого табака и табачной продукции были ввезены в РФ из стран дальнего зарубежья и государств-участников Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) [1].

Единство таможенной территории ЕАЭС в совокупности с несовершенством нормативного правового регулирования оборота табака и табачной продукции в рамках ЕАЭС сформировали условия, при которых незаконный импорт рассматриваемых товаров из Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии обеспечили 62 % теневого табачного рынка [1]. Двадцатидвухкратный рост объема нелегального ввоза продукции табачной промышленности из стран-членов ЕАЭС с 2019 г. по 2022 г. определяет значительный экономический ущерб федеральному бюджету РФ, рост недобросовестной конкуренции в отношении российских производителей табачных изделий, угрозу здоровью населения страны и требует активного внимания со стороны государства [2–5].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования выступает определение основных направлений минимизации объема незаконного импорта табака и табачной продукции в РФ из стран-участниц ЕАЭС. В связи с этим основными научными задачами в рамках настоящей статьи являются:

- 1) определение незаконного импорта табака и табачной продукции;
- 2) оценка теневого рынка табака и табачных изделий в РФ;
- 3) оценка объема и динамики незаконного импорта в РФ табака и табачной продукции из стран ЕАЭС;
- 4) анализ причин развития незаконного трансграничного перемещения табака и табачной продукции в рамках ЕАЭС;
- 5) выявление проблем противодействия незаконному импорту в Россию табака и табачной продукции из государств ЕАЭС;
- 6) разработка предложений по обеспечению законности трансграничного перемещения табака и табачной продукции в рамках ЕАЭС.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отсутствие таможенных границ в рамках ЕАЭС, разноплановая налоговая политика государств-членов интеграционного объединения в отношении подакцизных товаров в совокупности с высокой востребованностью табака и табачной продукции на внутреннем рынке РФ создают предпосылки для роста незаконного ввоза в Россию сигарет и иной продукции табачной промышленности из стран-участниц ЕАЭС. При этом высокий спрос на незаконно ввезенную табачную продукцию в РФ, обусловленный ее дешевизной, и отсутствие действенного механизма регулирования перемещения табака в ЕАЭС обостряют проблему и создают условия для развития теневого табачного рынка в России.

Методологической основой проведенного исследования выступает система общенаучных и частно-научных методов: систематизация, анализ, формализация, логический метод, синтез, анализ и пр. Эмпирической основой проведенного исследования выступают ежеквартальные отчеты Министерства промышленности и торговли РФ, характеризующие состояние розничных рынков продаж табачной продукции в субъектах РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

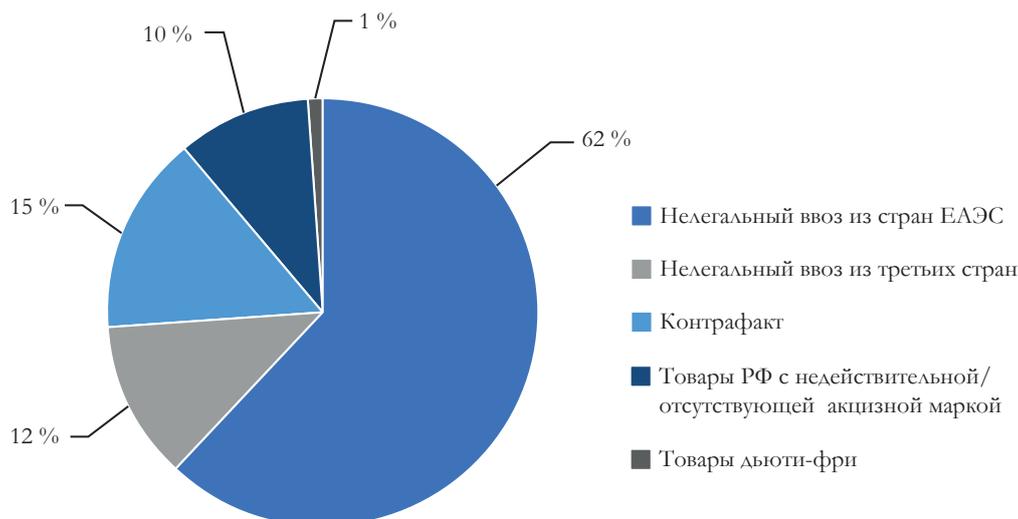
Проблема незаконного импорта табака и табачной продукции на территорию России из стран ЕАЭС вызывает активный научный интерес, однако в настоящее время рассмотрена фрагментарно. Так, правовую характеристику контрабанды табака и табачной продукции в своих исследованиях дали К.А. Чикалова, А.В. Федоров и др. [6; 7]. Вопросам таможенного контроля импортируемых в РФ табака и табачной продукции посвятили свои научные труды А.А. Зыков, А.С. Васильева, А.М. Тюнева, А.П. Сурник, Ю.А. Найденко и др. [8; 9]. Исследование особенностей, современного состояния и тенденций развития

контрабанды на территории ЕАЭС стало центральной проблемой в научных трудах К.В. Белокопыткова, А.Ю. Бегимбета, Т.Ю. Изгаиной и др. [10; 11].

Нарушение установленных международным, наднациональным и национальным законодательством порядка и правил ввоза табака и табачной продукции на территорию РФ является незаконным импортом. Согласно действующей системе нормативных правовых актов, незаконный ввоз табака и табачной продукции на таможенную территорию ЕАЭС, совершенный в крупном или особо крупном размере, признается контрабандой и подлежит уголовному преследованию [12]. В то же время импорт меньшего количества табака и табачной продукции, а также их незаконный ввоз в РФ с территории стран ЕАЭС (то есть в рамках таможенной территории ЕАЭС) признается административным проступком и квалифицируется в зависимости от типа нарушения порядка и правил трансграничного перемещения рассматриваемой продукции.

Анализ законодательства, регламентирующего оборот табака и табачной продукции, позволяет определить табак как растение рода «Nicotiana» семейства пасленовых, возделываемое в целях получения сырья для производства табачных изделий [13]. В свою очередь, табачная продукция – это упакованные в потребительскую тару табак (в качестве сырья) и табачные изделия [14; 15].

Стоит отметить, что табак и табачная продукция выступают одним из наиболее востребованных товаров на внутреннем рынке РФ, что отчасти обуславливает неуклонный рост величины теневого сегмента данного рынка. В результате фрагментарных (ввиду отсутствия эффективной методики) исследований объемов нелегального табака и табачной продукции на российском рынке экспертами установлено, что рынок растет на 2–3 % ежегодно, и к началу 2023 г. достиг значения в 12,1 % [16]. Обращаясь к структуре теневого табачного рынка РФ, можно заметить, что его основу составляет импортированная и контрафактная продукция [16] (рис. 1).

*Примечание: ЕАЭС – Евразийский экономический союз, РФ – Российская Федерация

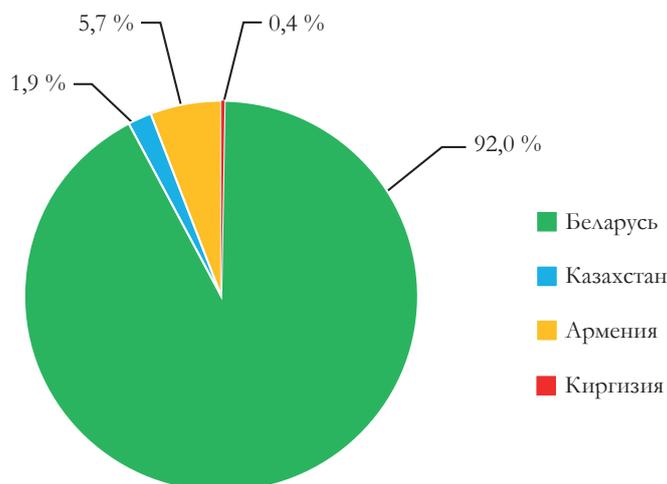
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Структура нелегального рынка табака и табачных изделий в Российской Федерации в 2022 г.

Более 60 % незаконно импортированных табака и табачной продукции приходится на страны-участницы ЕАЭС. При этом в структуре нелегального ввоза рассматриваемых товаров с территории стран ЕАЭС в 2022 г. 92 % приходится на долю Белоруссии [16] (рис. 2). Такое положение подчеркивает наличие пробелов правового регулирования трансграничного движения табака и табачной продукции в рамках ЕАЭС. Существующий разрыв в объеме незаконного импорта из Белоруссии и других стран союза продиктован соотношением объема табачного производства в каждом из государств.

Согласно данным таможенной статистики, незаконный импорт табака и табачной продукции в РФ может осуществляться в одной из следующих форм:

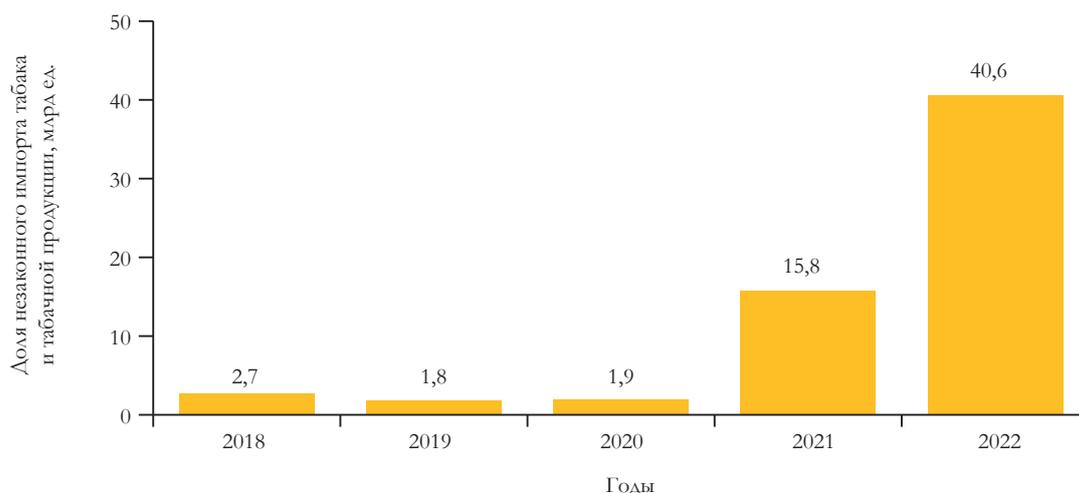
- 1) контрабанда табачной продукции из стран ближнего и дальнего зарубежья (кроме стран ЕАЭС);
- 2) незаконный ввоз табачной продукции из стран ЕАЭС (с акцизными марками государств-участников);
- 3) ввоз контрафактной и (или) фальсифицированной продукции;
- 4) ввоз немаркированной табачной продукции (из любых стран).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Объемы нелегального импорта табака и табачной продукции из государств-членов Евразийского экономического союза в 2022 г.

Скорректированные данные о количестве незаконно ввезенных табака и табачной продукции с учетом доли импорта из государств ЕАЭС (без учета контрафакта из союзных стран, поскольку его доля в импорте не оценена) свидетельствуют о двадцатидвукратном росте объема незаконного ввоза рассматриваемых товаров в 2022 г. по сравнению с 2018–2019 гг. [2–5; 17] (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Динамика незаконного импорта табака и табачной продукции из стран Евразийского экономического союза в Российскую Федерацию в 2018–2022 гг.

Основными предпосылками увеличения объемов незаконного ввоза табака и табачной продукции из стран ЕАЭС в РФ выступают:

- 1) отсутствие фактического таможенного контроля на границах между государствами-членами ЕАЭС ввиду общности таможенной территории;
- 2) отсутствие установленной российским законодательством уголовной ответственности за контрабанду табака и табачных изделий с территорий стран союза;
- 3) значительная разница в себестоимости (стоимости производства) табака и изделий из него в Белоруссии, Армении и России (доля незаконного импорта табака и табачной продукции в РФ из Киргизии составляет менее 0,5 %, а стоимость рассматриваемых товаров в Казахстане приближена к показателям российского рынка);
- 4) высокий спрос на нелегально импортируемую табачную продукцию на внутреннем рынке РФ ввиду колоссальной ценовой разницы.

В связи с этим актуальными являются следующие проблемы противодействия незаконному импорту табака и табачной продукции в Россию из государств-участников ЕАЭС:

1) отсутствие действенного механизма пресечения незаконного импорта табака и табачной продукции с территории стран ЕАЭС, обусловленное отсутствием уголовной ответственности за незаконный ввоз рассматриваемых товаров даже при условии значительности его размера;

2) отсутствие возможности осуществлять полноценный таможенный контроль грузов, следующих из союзных стран, обусловившее развитие нескольких основных преступных схем доставки табака и табачных изделий на территорию России без соблюдения требований законодательства. Основной из таких схем выступает «ложный транзит», когда по документам товар следует транзитом через территорию РФ, а в действительности осуществляется прерывание транзита и реализация данного товара на внутреннем рынке страны;

3) неразвитая единая система таможенного транзита товаров в ЕАЭС (на основе отслеживания перевозок товаров с использованием навигационных пломб), которая не позволяет организовать мониторинг движения транзитных грузов и обуславливает широкое распространение «ложного транзита» табака и табачной продукции из Белоруссии и Армении через территорию РФ;

4) формирование условий, способствующих развитию и масштабированию незаконного импорта табака и табачной продукции с территории стран ЕАЭС. К таким условиям, прежде всего, относятся растущий разрыв налоговой нагрузки, а значит, и себестоимости табака и табачной продукции в РФ и остальных государствах союза; непринятие мер к гармонизации требований относительно оборота табака и табачной продукции на территории ЕАЭС [18].

Существование перечисленных проблем формирует следующие негативные экономические последствия:

1) неполучение федеральным бюджетом прибыли от сбора акциза с табака и табачных изделий, реализуемых нелегально. По оценкам экспертов, за период с 2018 г. по 2022 г. сумма бюджетных потерь составила не менее 366,3 млрд руб. [1; 16; 19];

2) формирование недобросовестной конкуренции для производителей и ретейлеров табака и табачной продукции, осуществляющих свою деятельность в рамках законодательных требований, что в свою очередь влечет за собой падение экономической результативности представителей сектора и сокращение рабочих мест для россиян.

Кроме того, импорт продукции, соответствие которой требованиям качества и безопасности не подтверждено, является потенциальной угрозой здоровью населения России.

Для решения обозначенных проблем могут быть применены следующих подходы и мероприятия. Во-первых, в рамках развития ЕАЭС целесообразно формирование единого табачного рынка. Учитывая востребованность и объем незаконного оборота табака и табачной продукции, данное мероприятие следует организовать не далее, чем в среднесрочной перспективе. Основными шагами в предложенном направлении представляются:

1) приведение к базовому (единому) уровню ставок акцизов и налога на добавленную стоимость на табак и табачную продукцию во всех странах ЕАЭС (данное направление реализуется с 2020 г. при плановом сроке окончания к 2024 г.);

2) гармонизация административной и уголовной ответственности за незаконный импорт табака и табачной продукции в рамках взаимной торговли стран ЕАЭС (при этом необходимо рассмотреть вариант ужесточения санкций);

3) введение обязательной единой маркировки табачной продукции, производимой на территории ЕАЭС на этапе изготовления (агрегатор специальных марок должен быть единым для всех государств-членов ЕАЭС);

4) реализация отслеживания трансграничного перемещения табака и табачной продукции в рамках ЕАЭС;

5) устранение действующих барьеров, изъятий и ограничений относительно движения табака и табачной продукции по территории ЕАЭС путем гармонизации особенностей регулирования оборота рассматриваемых товаров в странах союза (с учетом национальных интересов государств).

Во-вторых, формирование механизма предупреждения и противодействия незаконному импорту табака и табачной продукции из стран ЕАЭС должно включать в себя следующие элементы.

1. Установление уголовной ответственности за незаконный ввоз табака и табачной продукции из стран ЕАЭС. Для этого предлагается внести изменения в часть 1 ст. 200.2 Уголовного кодекса РФ, которые позволят идентифицировать нарушение порядка импорта рассматриваемых товаров из стран ЕАЭС как контрабанду, а не как административный проступок.

2. Организация дистанционного мониторинга движения транспортных средств, следующих транзитом с одной части таможенной территории ЕАЭС на другую через территорию РФ (оптимально с использованием электронных навигационных пломб).

3. Закрепление в качестве обязательного этапа таможенного контроля при регистрации транзита по территории РФ как в рамках ЕАЭС, так и вне их, уточнение сведений относительно пункта назначения транзитной перевозки (для всех товаров, включая табак и табачные изделия). Для реализации предлагаемого подхода необходимо нормативное закрепление в тексте Таможенного кодекса ЕАЭС обязательности подтверждения поставки конечным пунктом таможенного транзита товаров. Оптимальной формой направления данного подтверждения представляется электронное уведомление, подписанное усиленной квалифицированной электронной подписью юридического лица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные мероприятия позволят достичь следующих результатов в области противодействия незаконному импорту табака и табачных изделий в РФ из стран-участниц ЕАЭС:

1) минимизация количества табачной продукции, перемещаемой с применением схемы «ложного транзита» за счет системы электронного мониторинга транзита, дополнительного контроля конечного получателя транзитного груза и налаживания информационного взаимодействия таможенных администраций стран ЕАЭС;

2) минимизация попыток незаконного импорта табака и табачной продукции в РФ из стран союза за счет снижения экономического интереса недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности и одновременного совершенствования механизма таможенного контроля движения рассматриваемых товаров;

3) снижение объема незаконного импорта табака и табачных изделий из стран ЕАЭС за счет возможности квалификации данного деяния как контрабанды и введения соответствующей уголовной ответственности.

В качестве экономического эффекта можно ожидать, с одной стороны, сокращения потерь федерального бюджета России от неуплаты таможенных платежей, а с другой – стабильного развития и роста конкурентоспособности отечественной табачной промышленности. Минимизация распространения на внутреннем рынке России табака и табачной продукции, не прошедших обязательный контроль качества, окажет положительное влияние на безопасность потребителей.

Библиографический список

1. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. *Обзор состояния розничных рынков продаж табачной продукции в субъектах Российской Федерации за IV квартал 2021 г.* М.; 2022. 193 с.
2. ТАСС. *Объем ввоза в Россию табачной продукции с нарушениями в 2022 году вырос в 2,5 раза – ФТС России.* <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/378887> (дата обращения: 05.07.2023).
3. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. *Таможня арестовала более 17 млн пачек сигарет – ФТС России.* <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/324074> (дата обращения: 05.07.2023).
4. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. *Олег Губайдулин принял участие в круглом столе по вопросам нелегального оборота табачной продукции в России.* <https://customs.gov.ru/press/federal/document/327645/> (дата обращения: 05.07.2023).
5. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. *Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 году.* М.; 2023. 98 с.
6. Чикалкова К.А. Сравнительно-правовой анализ юридической ответственности за контрабанду табачной продукции в разных странах. В кн.: Сукиасян А.А. (ред.). *Государственное и муниципальное право: теория и практика: сборник статей международной научно-практической конференции, Пермь, 10 ноября 2016 г.* Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна»; 2016. С. 147–149.
7. Федоров А.В. Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (научно-практический комментарий ст. 200.2 УК РФ). *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации.* 2020;3(25):17–37.
8. Зыков А.А., Васильева А.С., Тюнева А.М. Совершенствование таможенного контроля при ввозе в Российскую Федерацию подакцизных товаров на примере алкогольной и табачной продукции. *Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле.* 2022;1(19):26–37.
9. Сурник А.П., Найдено Ю.А. Таможенный контроль при импорте табачной продукции на территорию Российской Федерации. *Логистические системы в глобальной экономике.* 2020;10:284–287.

10. Белокопытов К.В., Бегимбет А.Ю. Проблема контрабанды на рынках подакцизных товаров в экономическом пространстве ЕАЭС. В кн.: *Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Саратов, 20–22 января 2020 г.* Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; 2020. С. 50–53.
11. Изгагина Т.Ю. Использование преступных схем для перемещения товаров по таможенной территории Евразийского экономического союза. *Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.* 2021;3:55–62. https://doi.org/10.52425/25187252_2021_21_55
12. Российская Федерация. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ.* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.07.2023).
13. Российская Федерация. *Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. N 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию».* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82841/ (дата обращения: 03.07.2023).
14. Евразийский экономический союз. *Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 107 «О техническом регламенте Таможенного союза «Технический регламент на табачную продукцию».* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172076/ (дата обращения: 02.07.2023).
15. Российская Федерация. *ГОСТ Р 52463-2005 «Табак и табачные изделия. Термины и определения» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2005 г. № 481-ст).* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_258415/ (дата обращения: 03.07.2023).
16. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. *Обзор состояния розничных рынков продаж табачной продукции в субъектах Российской Федерации за III квартал 2022 года.* М.; 2022. 211 с.
17. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. *О результатах контроля за оборотом табачной продукции и соблюдения антитабачного законодательства за 9 месяцев 2022 года.* https://50.rospotrebnadzor.ru/news/-/asset_publisher/Vk4l/content/ (дата обращения: 03.07.2023).
18. Счетная палата Российской Федерации. *Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ установления и взимания акцизов на табачную продукцию, на табак (табачные изделия), электронные системы доставки никотина, никотинсодержащие жидкости, определение влияния действующей системы взимания акцизов и других факторов на развитие табачной промышленности в Российской Федерации, в период 2016–2020 годов и истекшем периоде 2021 года» (утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 22 октября 2021 г.).* М.; 2021. 59 с.
19. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. *Эксперт. Тяни-толкай из табакерки: резкий рост акцизов и несовершенство законодательной базы создают угрозу роста черного рынка сигарет – данные ФТС России об объемах конфискованной в 2020 году табачной продукции.* <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/273775> (дата обращения: 02.07.2023).

References

1. Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. *Review of the state of retail sales markets for tobacco products in the constituent entities of the Russian Federation for the IV quarter of 2021.* Moscow; 2022. 193 p. (In Russian).
2. TASS. *The volume of imports of tobacco products with violations into Russia in 2022 increased 2.5 times – Federal Customs Service of Russia.* <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/378887> (accessed 05.07.2023). (In Russian).
3. Federal Customs Service of Russia. *Customs arrested more than 17 million packs of cigarettes – Federal Customs Service of Russia.* <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/324074> (accessed 05.07.2023).
4. Federal Customs Service of Russia. *Oleg Gubaidulin took part in a round table on the illegal circulation of tobacco products in Russia.* <https://customs.gov.ru/press/federal/document/327645/> (accessed 05.07.2023).
5. Federal Customs Service of Russia. *Draft final report on the results and main directions of the FCS of Russia in 2022.* Moscow; 2023. 98 p. (In Russian).
6. Chikalkova K.A. A comparative legal analysis of legal liability for smuggling of tobacco products in different countries. In: Sukiasyana A.A. (ed.). *State and municipal law: theory and practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Perm, November 10, 2016.* Ufa: Aeterna; 2016. Pp. 147–149. (In Russian).
7. Fedorov A.V. Contraband of alcohol and (or) tobacco (scientific and practical commentary on Article 200.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik of Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.* 2020;3(25):17–37. (In Russian).
8. Zykov A.A., Vasilyeva A.S., Tyuneva A.M. Improvement of customs control during the import of excised goods into the Russian Federation on the example of alcoholic and tobacco products. *Green corridor. Science and education in customs.* 2022;1(19):26–37. (In Russian).

9. Surnik A.P., Naidenko Y.A. Customs control when importing tobacco products to the territory of the Russian Federation. *Logistics systems in the global economy*. 2020;10:284–287. (In Russian).
10. Belokopytov K.V., Begimbet A.U. The problem of smuggling in the markets of excisable goods in the economic space of the EAEU. In: *Actual problems and prospects for the development of state statistics in modern conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, January 20–22, 2020*. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics; 2020. Pp. 50–53. (In Russian).
11. Izgagina T.Yu. The use of criminal schemes for the movement of goods across the customs territory of the Eurasian Economic Union. *The Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies*. 2021;3:55–62. https://doi.org/10.52425/25187252_2021_21_55 (In Russian).
12. Russian Federation. *Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 02.07.2023). (In Russian).
13. Russian Federation. *Federal Law dated December 22, 2008, No. 268-FZ “Technical Regulations for Tobacco Products”*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82841/ (accessed 03.03.2023). (In Russian).
14. Eurasian Economic Union. *Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission dated November 12, 2014, No. 107 “On Technical regulations on tobacco products of the Customs Union”*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172076/ (accessed 02.07.2023). (In Russian).
15. Russian Federation. *GOST R 52463-2005 “Tobacco and Tobacco Products. Terms and definitions” (by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated December 29, 2005, No. 481-сm)*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_258415/ (accessed 03.07.2023). (In Russian).
16. Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. *Review of the state of retail markets for sales of tobacco products in the constituent entities of the Russian Federation for the III quarter of 2022*. Moscow; 2022. 211 p. (In Russian).
17. Federal Service for Supervision of Consumer Protection and Human Welfare Department. *On the results of control over the turnover of tobacco products and compliance with anti-tobacco legislation for 9 months of 2022*. https://50.rospotrebnadzor.ru/news/-/asset_publisher/Vk4l/content/ (accessed 03.07.2023). (In Russian).
18. Accounts Chamber of the Russian Federation. *Report on the results of the expert and analytical event “Analysis of establishment and collection of excise taxes on tobacco and tobacco products, electronic nicotine delivery systems, nicotine-containing liquids, determination of the impact of the current excise tax collection system and other factors on tobacco industry development in the Russian Federation, in the period 2016–2020 and the elapsed period of 2021” (by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated October 22, 2021)*. Moscow; 2021. 59 p. (In Russian).
19. Federal Customs Service of Russia. *Expert. Push and pull from snuff box: sharp increase in excise taxes and an imperfect legislative framework pose a threat to black cigarette market growth – Federal Customs Service of Russia on the volume of tobacco products confiscated in 2020*. <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/273775> (accessed 02.07.2023).

**Анализ изменений
в потребительском поведении
российских представителей поколений X и Z
в связи с социально-экономическими
изменениями в 2022 г.**

Ахмаева Людмила Геннадьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0002-7867-2590, e-mail: lg_ahmaeva@guu.ru

Долгополов Дмитрий Владиславович

Канд. экон. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0001-9179-0076, e-mail: dolgopolovguu@gmail.com

Еремеева Анастасия Игоревна

Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0001-7182-497X, e-mail: nessshka@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния ожиданий потребителя на объем производимых трат в рамках потребительских предпочтений. Актуальность статьи связана с современными процессами на потребительском рынке, которые характеризуются, с одной стороны, сокращением реального объема доходов населения, а с другой – уходом крупных международных брендов из Российской Федерации в связи с санкционным давлением. В качестве методологической основы для демографического разделения респондентов разных поколений была выбрана классическая теория Уильяма Штрауса и Нейла Хоува, разработанная в 1991 г. Целью исследования является анализ потребительских предпочтений в рамках двух демографических поколений (поколения X и Z), связанных с расходами из-за ожидания кризисных явлений на потребительском рынке. Для проверки этой гипотезы было проведено анкетирование среди представителей двух поколений. В качестве респондентов выступили студенты в возрасте 17–21 лет (поколение Z) и их родители в возрасте 45–55 лет (поколение X).

Ключевые слова

Потребительские ожидания, расходы, потребительский рынок, потребительское поведение, теория поколений, теория ожиданий, предпочтения в товарах, потребительский спрос

Для цитирования: Ахмаева Л.Г., Долгополов Д.В., Еремеева А.И. Анализ изменений в потребительском поведении российских представителей поколений X и Z в связи с социально-экономическими изменениями в 2022 г. // Вестник университета. 2023. № 10. С. 220–226.

Customers' behavior changes of Russian representatives of generations X and Z due to social and economic factors in 2022

Lyudmila G. Akhmaeva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID ID: 0000-0002-7867-2590, e-mail: lg_ahmaeva@guu.ru

Dmitry V. Dolgopolov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0001-9179-0076, e-mail: dolgopolovguu@gmail.com

Anastasia I. Eremeeva

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID ID: 0000-0001-7182-497X, e-mail: nessshka@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of consumer expectations influence on the volume of produced spending within the framework of consumer preferences. The relevance of the study is related to the current processes in consumer market, which are characterized, on the one hand, by decrease in population income real volume, and on the other hand, by withdrawal of major international brands from Russia due to sanctions pressure. The classical theory of William Strauss and Neil Howe developed in 1991 was chosen as a methodological basis for demographic division of respondents of different generations. The purpose of the study is to analyze consumer preferences within two demographic generations (generations X and Z) related to spending due to expectation of crisis phenomena in consumer market. To test this hypothesis, a questionnaire survey was conducted among the representatives of the two generations. The respondents were students aged 17–21 (generation Z) and their parents aged 45–55 (generation X).

Keywords

Consumer expectations, expenses, consumer market, consumer behavior, generations theory, expectations theory, preferences in goods, consumer demand

For citation: Akhmaeva L.G., Dolgopolov D.V., Eremeeva A.I. (2023) Customers' behavior changes of Russian representatives of generations X and Z due to social and economic factors in 2022. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 220–226.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение факторов, влияющих на потребительское поведение и его связь с крупными социальными явлениями, можно проследить еще с послевоенных публикаций лауреата Нобелевской премии Роберта Лукаса. Однако экономическая составляющая ожиданий потребителей по поводу инфляции, безработицы и экономического роста не менее важна, чем субъективные ожидания и прогнозы относительно протекающих социальных процессов. Наиболее ярко мы могли убедиться в этом в период пандемии COVID-19, которая была связана с проблемами экономического характера, а также создавала дополнительные слои перцептивной оценки протекающих социальных процессов, например, социального дистанцирования, ношения средств личной защиты, необходимости вакцинации и пр. Данные факторы сказались на субъективном восприятии потребителями системы здравоохранения, что привело к изменению моделей поведения относительно учреждений, включенных в данную систему [1].

Одним из ключевых событий 2022 г., которые предопределили сильные изменения в области ожиданий и поведения российских потребителей, стало начало проведения специальной военной операции (далее – СВО) 22 февраля 2022 г. Данное событие породило большое количество различных факторов, влияющих на субъективное восприятие разными членами социума окружающего их пространства, а также изменило макроэкономические показатели, связанные с доходами населения. По данным Федеральной службы государственной статистики, реальные денежные доходы населения в I квартале 2022 г. снизились на 1 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, во II – на 1,9 %. Реальные располагаемые денежные доходы (то есть реальные доходы за вычетом обязательных платежей) за те же периоды снизились на 1,2 % и 0,8 % к соответствующим периодам прошлого года [2].

Можно увидеть макроэкономические сдвиги, связанные с исключительно экономическими факторами (снижение реальных доходов), однако в данном случае сложно выделить факторы, связанные с осуществлением расходов и механикой изменения поведения, сопряженной с факторами социальных ожиданий. Данный подход зачастую изучается на основе логики взаимосвязи потребительских ожиданий и поведения в рамках осуществления расходов, который был описан еще в 1970-е гг. и основан на статистическом подходе, определяющим финансовые ожидания потребителей как основной фактор, влияющий на поведение потребителей в области их расходов [3]. Подход в последнее время подвергается достаточно жесткой критике с точки зрения двух базовых проблем. Во-первых, ожидания потребителей зачастую сильно связаны не только с потоком их собственных доходов, но и с потоком доходов всего домохозяйства. Помимо трудового дохода, потребитель может получать и нетрудовой, а также тратить деньги на нужды тех членов семьи, которые еще не начали (дети, подростки, студенты-очники), либо уже закончили (инвалиды и пенсионеры) свою трудовую деятельность [4]. Во-вторых, сам по себе подход, основывающийся на финансовых ожиданиях, не является статистически достоверным, поскольку ожидания потребителей могут быть искажены под влиянием крупных внешних событий (что, к примеру, можно было увидеть в период начала пандемии или начала проведения СВО). Таким образом, одной из характеристик, которую стоит учитывать при формулировании изменений в потребительском поведении, можно назвать объем располагаемого дохода, поскольку именно он определяет реальные расходы и потенциальный объем платежеспособного спроса того или иного домохозяйства [5].

Помимо вышеуказанных уточнений экономических факторов, необходимо сказать об уникальности ситуации, сложившейся в результате начала проведения СВО. Кроме снижения реальных доходов населения и изменений оценок платежеспособного спроса со стороны домохозяйств (что является базовыми факторами изменения в потребительском поведении), возник также фактор изменения окружающей рыночной среды, связанной с санкционным давлением и уходом множества зарубежных брендов с российского рынка. Часть брендов, в основном из сегментов FMCG и HoReCa, сменили название и собственника либо только название. К примеру, бренд французской косметики L'Occitane сменил вывески магазинов на «Л'Окситан», сеть магазинов одежды Reserved переименовалась в RE, а сеть магазинов одежды Сторп стала называться CR. Привычный «Макдоналдс» стал «Вкусно и точка», а автозаправочные станции Shell получили название Teboil от нового собственника, российской добывающей компании «Лукойл» [6].

Такое резкое изменение бренд-ландшафта не могло пройти незамеченным. Российские потребители лишились привычных товаров и услуг, столкнулись со сложностями при оплате зарубежных сервисов. По данным исследования Ipsos, потребители испытывают психологическую привязанность

к определенным брендам и испытывают дискомфорт от их потери. Лояльность к иностранным брендам различается в зависимости от категории товара. Например, 44 % россиян хотели бы скорейшего возвращения привычных иностранных косметических и парфюмерных марок. При этом в других сегментах потребительский дискомфорт минимален или находится на более низком уровне [7]. Необходимо отметить, что взаимосвязь потребительского комфорта и уровня затрат активно изучалась на уровне рынков стран Европейского Союза, в частности, вывод о взаимосвязи двух факторов был сделан на уровне различных стран Европы как более экономически развитых, так и относительно недавно ставших частью единого европейского экономического пространства [8]. Исследований по взаимосвязи данных факторов на территории других стран нами обнаружено не было, что порождает дополнительный интерес в части влияния социальных переменных на логику потребительских расходов.

Важно подчеркнуть, что, согласно исследованию PWC, представители различных поколений имеют тенденцию реагировать на кризис по-разному. Большинство представителей молодого возраста стремятся больше заработать, чтобы сохранить привычный образ жизни. Представители старших поколений в основном рассчитывают на экономии денежных средств, снижение расходов и сделанные ранее накопления [9]. Более того, недавнее широкомасштабное исследование продемонстрировало, что демографическое сходство и уровень доходов непосредственно связаны с уровнем расходов в рамках сервисных предприятий [10]. При этом расовое и гендерное сходство не демонстрирует столь высокой корреляции, то есть внутри демографических групп представители обоих полов обладают схожими паттернами поведения относительно потребительских расходов [11].

Таким образом, можно определить основные элементы, связанные с реакцией потребителей на кризисные события в рамках шаблонов поведения относительно потребительских расходов. Данные выводы легли в основу настоящего исследования, связанного с реакцией двух демографических групп (поколения X и поколения Z) на кризисные события II квартала 2022 г.

ГИПОТЕЗА О ВЛИЯНИИ КРИЗИСА 2022 ГОДА НА ПОКОЛЕНИЯ X И Z

Нами была выдвинута гипотеза о том, что кризис 2022 г. по-разному повлиял на поколения X и Z. Для ее проверки было проведено анкетирование среди представителей двух поколений. В качестве респондентов выступили студенты в возрасте 17–21 лет (поколение Z) и их родители в возрасте 45–55 лет (поколение X). Анкетирование включало в себя вопросы, связанные с осуществлением потребительских расходов, а также экономией средств в разных номенклатурных товарных группах, которые являются условно «стандартными» для представителей обоих поколений, – предметы первой необходимости (еда, напитки, средства личной гигиены), одежда и обувь, электроника.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

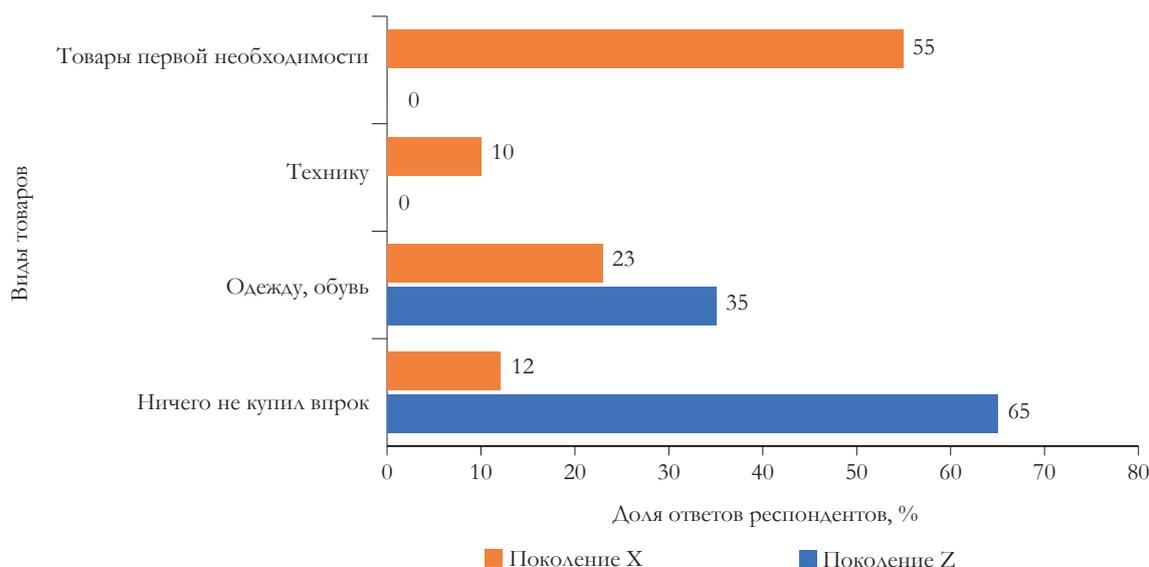
В качестве методологической основы для демографического разделения респондентов разных поколений была выбрана классическая теория Уильяма Штрауса и Нейла Хоува, разработанная в 1991 г. Данная теория уже использовалась нами в работе, которая была посвящена проблемам цифровой адаптации разных демографических групп и продемонстрировала определенную эффективность в части формального разделения крупных репрезентативных выборок для проведения исследования [12]. Также были учтены особенности вовлеченности разных поколений в тренды современного цифрового маркетинга, что повлияло на ответы респондентов в части вопросов, связанных с тратами на развлекательные мероприятия [13].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты анкетирования показали, что большинство представителей старшего поколения в период с февраля 2022 г. по март 2022 г. действовали согласно стандартным паттернам поведения в кризис. 55 % родителей в первые месяцы кризиса купили товары первой необходимости (крупа, хозяйственные товары, сахар, лекарства) из страха, что они пропадут с полок. 65 % студентов ничего не покупали впрок, остальные 35 % приобрели брендовую одежду и обувь (рис. 1).

В данном случае можно увидеть яркую разницу в ожиданиях двух разных поколений. Если старшее поколение смотрит на кризисные явления сквозь призму субъективного опыта проживания кризисов 1990-х гг., то молодое поколение обеспокоено в основном возможным уходом крупных брендов

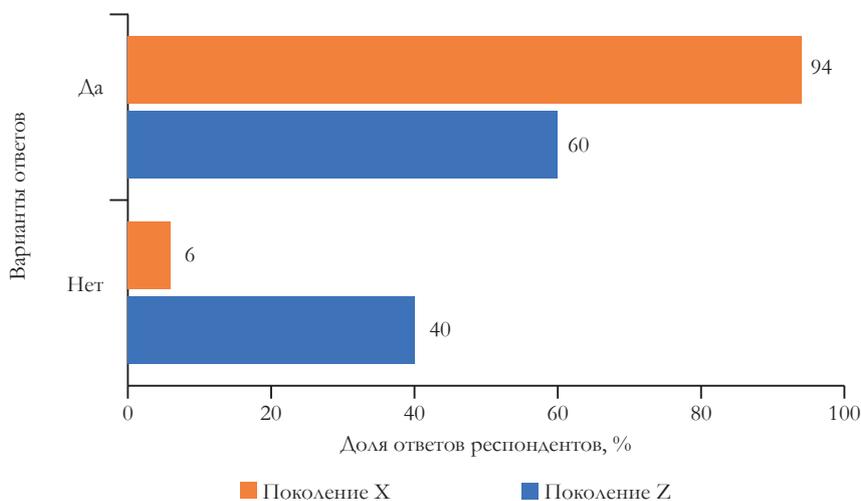
и их потребительские ожидания связаны не с переживаниями по поводу общетоварных проблем, но с субъективными предпочтениями в рамках установленных паттернов поведения потребления брендовых вещей.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Результаты ответа респондентов на вопрос «Какие товары Вы купили впрок в первые месяцы 2022 г.»

Более того, несмотря на то что товары первой необходимости остались на полках, представители старшего поколения не жалели о покупках – 94 % опрошенных признались, что за последние полгода продукты сильно подорожали и купленное ранее в большом количестве помогло сгладить негативное впечатление от выросших цен (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

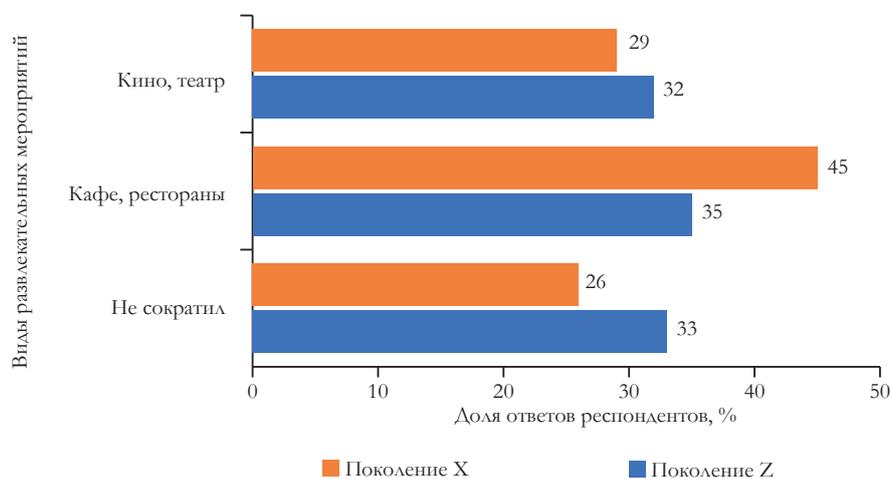
Рис. 2. Результаты ответа респондентов на вопрос «Почувствовали ли Вы, с субъективной точки зрения, значимое увеличение цен на товары в первые месяцы 2022 г.»

На рис. 1 и 2 можно увидеть основное различие в паттернах потребительского поведения, связанное с разницей в ожиданиях потребителей двух разных демографических групп, – поколение X ожидало повышения цен, поэтому закупило товары первой необходимости впрок, что вызвало виток краткосрочной потребительской инфляции в тех потребительских сегментах, где производились массовые закупки. Таким образом, ожидания старшего поколения оправдались, а значит, изначальные закупки были сделаны, с их точки зрения, корректно. Можем наблюдать эффект так называемого самосбывающегося пророчества, или повторного подтверждения паттерна поведения (behavior pattern reaffirmation), которое будет укореняться с каждым новым событием, вызывающим подобные ожидания.

Важно отметить, что поколению Z более всего было сложно расстаться с такими брендами, как IKEA, McDonalds, Coca-Cola, Zara, Pull and Bear, Bershka, Canva и т.д. Большинство из них почувствовали облегчение после появления большинства любимых брендов на маркетплейсах в виде дублирующих каналов потребления (например, IKEA в «Яндекс.Маркете»). Также они отметили, что нашли способы продления онлайн подписки на YouTube, Netflix, Spotify. Таким образом, низкий уровень тревоги в рамках потребительских ожиданий способствовал более быстрой адаптации к меняющимся реалиям, а значит, и нивелированию субъективного ощущения одномоментных «катастрофических» трат.

Респонденты из поколения X, напротив, отметили, что не могут себе позволить купить бытовую технику, косметику, мебель, товары для дома, автомобиль из-за высоких цен или отсутствия на полках любимых брендов. 65 % так и не смогли найти отечественный товар, который заменил бы иностранный, или способ приобрести любимый бренд. Адаптация к изменяющейся потребительской среде прошла более болезненно, что лишний раз утверждает сформировавшийся паттерн необходимости «предварительных закупок» в кризисный период, о чем уже было сказано ранее.

Оба поколения сократили траты на кафе, рестораны, кино и театры, что видно на рис. 3. Также было отмечено, что половина респондентов обоих поколений сократили траты на одежду. Одинаковым для обоих поколений стало использование банковских карт при оплате покупок. Отмена таких способов оплаты, как Apple Pay, не доставило им дискомфорта.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Результаты ответа респондентов на вопрос «Какие необязательные траты подверглись сокращению в Вашем личном бюджете в первые месяцы 2022 г.?»

Можно увидеть определенные общие паттерны для обоих поколений, связанные с тратами на услуги, не являющиеся элементами «первой необходимости» для потребителя. На данный аспект поведения влияют дополнительные факторы, что подтверждается общей логикой ответов на этот блок вопросов – семьи, которые привыкли закладывать в семейный бюджет крупные суммы на кафе/рестораны или кино/театры, не сократили свои расходы в данном сегменте, тогда как респонденты с менее ярким потребителемским паттерном в этих сферах смогли отказаться от этих трат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ожидания и траты потребителей разных поколений обладают структурными различиями. Данные различия касаются преимущественно ожиданий и трат в области товаров повседневного проза (FMCG), тогда как товары и услуги развлекательных сегментов не обладают столь выраженной дифференциацией в потребительских предпочтениях. Поскольку на часть вопросов анкеты оба поколения ответили практически одинаково, можем сделать вывод о том, что наша гипотеза подтверждена частично.

Необходимо отметить важность изучения и более глубокого анализа факторов, касающихся изменения ожиданий в паттернах потребительского поведения именно развлекательных секторов. Зачастую траты в таких областях, как кафе/рестораны, кино/театр, музеи/концерты, не привлекают столь пристального внимания исследователей, однако, как можно увидеть, данные сегменты потребительского спроса подвержены более сложным изменениям в части осуществления потребительских расходов.

Библиографический список

1. Вялых Н.А. Социальное доверие российского общества к системе здравоохранения: новые смыслы и теоретические основания в период пандемии COVID-19. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.* 2022;2(66):104–111.
2. ТАСС. Реальные располагаемые доходы россиян в I квартале снизились на 1,2 %. <https://tass.ru/ekonomika/14498335> (дата обращения: 31.07.2023).
3. Briscoe G. The significance of financial expectations in predicting consumer expenditures: A quarterly analysis. *Applied Economics.* 1976;8:99–119. <https://doi.org/10.1080/00036847600000010>
4. İpek E., Akyazı H. Expectations and Household Expenditure: Case of Turkey. *Journal of Management and Economics Research.* 2017;15(1):27–39. <https://doi.org/10.11611/yead.3734383>
5. Shokoofeh F. Consumers' Expectations and Consumption Expenditure. *Journal for Economic Educators.* 2005;2(5).
6. РБК. Военная операция на Украине. <https://www.rbc.ru/textonlines/10/01/2023/6216fb4d9a79474dc80e8821> (дата обращения: 31.07.2023).
7. Ipsos. *Аналитика 2022–2023: потребитель в режиме вечной адаптации.* <https://www.ipsos.com/ru-ru/doklad-analitika-2022-2023-potrebitel-v-rezhime-vechnoy-adaptacii> (дата обращения: 31.07.2023).
8. Yeung M., Ramasamy B., Chen J., Paliwoda, S. Customer satisfaction and consumer expenditure in selected European countries. *International Journal of Research in Marketing.* 2013;30:406–416. <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2013.06.001>
9. Корпоративный менеджмент. Как кризис отражается на потребителях и компаниях и каковы их ожидания. <https://www.cfin.ru/anticrisis/companies/cases/e-crisis-survey.shtml> (дата обращения: 31.07.2023).
10. Cavusgil E., Yayla S., Kutlubay O., Yenyurt S. The impact of demographic similarity on customers in a service setting. *Journal of Business Research.* 2022;139:145–160. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.09.030>
11. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.* New York, USA: William Morrow and Company, Inc. 538 p.
12. Ахмаева Л.Г., Долгополов Д.В., Еремеева А.И. Проблемы цифровой адаптации различных демографических групп в Московском регионе России. *Вестник университета.* 2020;(10):145–151. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-10-145-151>
13. Аржанова К.А. Тренды интерактивного маркетинга. В кн.: *Реформы в России и проблемы управления – 2021: материалы 36-й Всероссийской научной конференции молодых ученых, Москва, 19 мая 2021 г.* Москва: Государственный университет управления; 2021. С. 72–76.

References

1. Yalykh N.A. Russian society's social trust toward the healthcare system during the COVID-19 pandemic: new meanings and theoretical foundations. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences.* 2022;2(66):104–111. (In Russian).
2. TASS. *Real disposable incomes of Russians decreased by 1.2 % in the first quarter.* <https://tass.ru/ekonomika/14498335> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
3. Briscoe G. The significance of financial expectations in predicting consumer expenditures: A quarterly analysis. *Applied Economics.* 1976;8:99–119. <https://doi.org/10.1080/00036847600000010>
4. İpek E., Akyazı H. Expectations and Household Expenditure: Case of Turkey. *Journal of Management and Economics Research.* 2017;15(1):27–39. <https://doi.org/10.11611/yead.3734383>
5. Shokoofeh F. Consumers' Expectations and Consumption Expenditure. *Journal for Economic Educators.* 2005;2(5).
6. RBC. *Military Operation in Ukraine.* <https://www.rbc.ru/textonlines/10/01/2023/6216fb4d9a79474dc80e8821> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
7. Ipsos. *Analytics 2022–2023: consumer in the mode of eternal adaptation.* <https://www.ipsos.com/ru-ru/doklad-analitika-2022-2023-potrebitel-v-rezhime-vechnoy-adaptacii> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
8. Yeung M., Ramasamy B., Chen J., Paliwoda, S. Customer satisfaction and consumer expenditure in selected European countries. *International Journal of Research in Marketing.* 2013;30:406–416. <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2013.06.001>
9. Corporate Management. *How does the crisis affect consumers and companies and what are their expectations.* <https://www.cfin.ru/anticrisis/companies/cases/e-crisis-survey.shtml> (accessed 31.07.2023). (In Russian).
10. Cavusgil E., Yayla S., Kutlubay O., Yenyurt S. The impact of demographic similarity on customers in a service setting. *Journal of Business Research.* 2022;139:145–160. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.09.030>
11. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.* New York, USA: William Morrow and Company Inc. 538 p.
12. Akhmaeva L.G., Dolgoplov D.V., Eremeeva A.I. Digital adaptation issues for different demographics in Russian Moscow region. *Vestnik universiteta.* 2020;(10):145–151. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-10-145-151> (In Russian).
13. Arzhanova K.A. Trends of interactive marketing. In: *Reforms in Russia and Management Problems – 2021: Proceedings of the 36th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists, Moscow, May 19, 2021.* Moscow: State University of Management Publ. House; 2021. Pp. 72–76. (In Russian).

Механизмы преодоления социокультурного разрыва и фальсификаций в международной среде студенческой молодежи

Бондаренко Владимир Викторович

Д-р экон. наук, проф. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: vvbondarenko@fa.ru

Кузнецова Елена Викторовна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-6863-1066, e-mail: elena_myskina@mail.ru

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Пенза, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены механизмы противодействия фальсификации сознания и инструменты влияния на конструктивную гражданскую позицию обучающейся молодежи в системе высшего образования Российской Федерации. Определяющую роль в данном процессе играет деятельность отечественных высших учебных заведений по созданию условий для формирования активной гражданской позиции молодежи в рамках учебной, воспитательной, аудиторной и внеаудиторной работы. Полученные результаты научного исследования могут быть использованы руководством высших образовательных организаций в целях повышения результативности работы в сфере организации учебной, аудиторной и внеаудиторной работы в процессе формирования активной гражданской позиции и реализации национальной концепции государственной молодежной политики и патриотического воспитания. Результаты научного исследования позволяют расширить применение практик по преодолению социокультурного разрыва и фальсификаций в международной среде студенческой молодежи.

Ключевые слова

Фальсификация, информационная среда, сознание молодежи, гуманитарные дисциплины, воспитание, патриотизм

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Регулирование влияния фальсификации в информационной среде на сознание молодежи в процессе формирования гражданской позиции».

Для цитирования: Бондаренко В.В., Кузнецова Е.В. Механизмы преодоления социокультурного разрыва и фальсификаций в международной среде студенческой молодежи // Вестник университета. 2023. № 10. С. 227–235.

Mechanisms for overcoming socio-cultural gap and falsifications in the international environment of student youth

Vladimir V. Bondarenko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Management, Informatics and General Humanitarian Sciences Department
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: vvbondarenko@fa.ru

Elena V. Kuznetsova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Informatics and General Humanitarian Sciences Department
ORCID: 0000-0002-6863-1066, e-mail: elena_myskina@mail.ru

Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russia

Abstract

The article studies mechanisms of counteracting falsification of consciousness and tools influencing constructive civic position of young people in the Russian higher education system. The determining role in this process is played by activities of Russian higher education institutions creating conditions for forming active citizenship of young people in the framework of educational, in-class, and extracurricular activities. The scientific research results obtained can be used by management of higher educational organizations in order to improve effectiveness of work in the field of organizing educational, in-class, and extracurricular activities in the process of forming active citizenship and implementing the national concept of state youth policy and patriotic education. The results allow expanding application of practices to overcome socio-cultural gap and falsifications in the international environment of student youth.

Keywords

Falsification, information environment, youth consciousness, humanitarian disciplines, education, patriotic

Acknowledgments. The study was carried out as a part of the state task – “Regulating the impact of falsification in the information environment on youth consciousness in the process of forming civic position”.

For citation: Bondarenko V.V., Kuznetsova E.V. (2023) Mechanisms for overcoming socio-cultural gap and falsifications in the international environment of student youth. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 227–235.

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие социально-экономические, геополитические и культурные трансформации в современном мире вызвали необходимость формирования адаптивного инструментария регулирования негативного воздействия фальсификаций в информационной среде на сознание молодежи, формирование адекватной гражданской позиции, в том числе в процессе обучения в высших учебных заведениях.

С целью формирования необходимого уровня правовой, информационной культуры, развития духовно-нравственных ценностей, навыков социализации, воспитания чувства патриотизма в системе требований к обязательным результатам освоения образовательных программ Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (далее – РФ, Россия) были введены дополнительные компетенции, позволяющие сформировать у выпускников вузов навыки критического анализа, управления информационными потоками, влияющими на их правовое сознание, политические взгляды, менталитет, а также смоделировать гражданскую позицию и устойчивое позитивное мировоззрение молодежи. Мониторинг особенностей обучения международного контингента студенческой молодежи проводился с учетом методических подходов к проведению исследования, разработанных с участием научно-учебной лаборатории Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (далее – Финуниверситет) «Стратегии повышения конкурентоспособности международной деятельности вузов в глобальном цифровом пространстве» (приказ от 28.05.2021 г. № 1216/0) [1].

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показывает анализ литературы и специальных источников, многообразие, избыточность, слабая структурированность, недостоверность информационных потоков, окружающих молодое поколение, часто становятся причинами развития деструктивного, девиантного поведения, поэтому актуальной задачей высших учебных заведений является формирование такой системы воспитания обучающихся, которая гармонично сочетала бы в себе организационную компоненту (учебную и внеучебную, воспитательную деятельность), а также социально-психологическую и физическую подготовку студентов. Это становится возможным при правильном планировании процесса реализации образовательных программ, гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях.

Реализация личностно-ориентированной концепции гуманизации, направленной на духовно-нравственное воспитание, популяризацию традиционных ценностей, здоровый образ жизни, формирование активной гражданской позиции, а также процессы социализации молодежи являются одними из наиболее адаптивных способов трансформации системы высшего образования. Изучение гуманитарных дисциплин помогает студентам не только в вопросах расширения общекультурных компетенций, но и в решении вопросов построения профессиональной карьеры, личностного развития, использования возможностей «социальных лифтов». Следовательно, именно перед российскими высшими учебными заведениями в условиях глобальных геополитических преобразований, цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности современного общества стоит актуальная задача по повышению роли и значимости гуманитарного образования [2].

Как показывает анализ практик отечественных вузов, содержание рабочих программ гуманитарных дисциплин направлено на формирование и повышение не только общекультурного уровня развития, но и социальной активности, когнитивного, волевого, эмоционального и деятельностного компонентов гражданской позиции, ценностей патриотизма, нравственности и гуманизма. Кроме того, это способствует укреплению социально-значимых убеждений, чувства уважения к культурному и историческому наследию России и ее отдельных регионов, а также формированию у студентов профессионально-коммуникативной компетентности, навыков критического мышления и др.

В федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлениям подготовки бакалавров, специалистов и магистров содержится перечень общепрофессиональных, профессиональных и других компетенций, отражающих содержание и формулировки навыков решения задач в различных сферах профессиональной деятельности. Однако среди важнейших навыков, формируемых, в том числе в процессе изучения гуманитарных дисциплин, особо следует выделить такие, как умение работать в поликультурном и межнациональном обществе, толерантность и владение психологическо-эмоциональной составляющей, умение осуществлять деловые коммуникации, уровень производительности, способность работать с различными источниками и ресурсами информации.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Реализуемая в Пензенском филиале Финуниверситета практика проектной деятельности в рамках взаимодействия с внешними организациями, выпускниками, общественными организациями, а также культурно-массовая деятельность способствует развитию креативного мышления, творческого подхода к решению поставленных задач, сплоченности студенческого коллектива, проявлению поощряемой инициативы студентов. Пензенский филиал является лидером по международной деятельности среди 27 филиалов Финуниверситета, а также единственным филиалом (в составе университета) в Приволжском федеральном округе РФ, реализующим с 2021 г. совместную международную образовательную программу с Шаньдунским университетом финансов и экономики (Китайская Народная Республика). Общее количество иностранных студентов на данный момент составляет 28,5 % от приведенного контингента. В связи с этим возникает необходимость в организации учебной, патриотической, научной, воспитательной и внеучебной деятельности с учетом международного состава студентов.

Пензенский филиал Финуниверситета предлагает иностранным партнерам из стран Центральной Азии следующие направления международного сотрудничества:

- 1) углубленное обучение иностранных граждан русскому языку и довузовской подготовке, в том числе с применением дистанционных образовательных технологий;
- 2) обучение иностранных граждан в Пензенском филиале Финуниверситета по программам высшего образования – программы бакалавриата и магистратуры по договорам об оказании платных образовательных услуг на бюджетных местах, а также в рамках квоты Министерства науки и высшего образования РФ;
- 3) проведение международных научных исследований, совместных конференций, методических семинаров, круглых столов, академический обмен преподавателей.

Подобная международная деятельность способствует информированию о возможности получения российского образования целевыми группами в «дружественных» странах, привлечению иностранных абитуриентов и создает возможность применения метода «мягкой силы», повышая тем самым уважительные и партнерские отношения с обучавшимися в российских вузах иностранными студентами, а также получения правдивых знаний об истории России, ее базовых культурных и патриотических ценностях.

Можно выделить ряд ключевых задач высшего образования, способствующих подготовке высококвалифицированных кадров для реального сектора экономики и государственной структуры с целью воспроизводства, адаптации и развития кадрового и научного потенциала [3]. В условиях постпандемийной и санкционной реальности, «выключения» системы российского высшего образования из ряда международных проектов, пересмотра внутренних стандартов качества подготовки выпускников одним из ключевых принципов развития высшего образования является его регионализация. Именно данный принцип позволяет осуществить перенос целевых установок и ориентиров стратегии государственной национальной политики, концепций формирования общероссийской гражданской идентичности в систему образовательной, воспитательной, научно-исследовательской деятельности региональных образовательных систем [4].

При этом основные субъекты образовательной региональной политики должны принимать на себя новые миссии, в том числе по организации благоприятных социально-педагогических и организационно-методических условий в части реализации комплекса мероприятий, направленных на формирование и развитие гражданской позиции обучающихся, профилактику воздействия на личностном уровне фактов искажения и фальсификации истории, иной информации о России и россиянах.

Содержание регионального компонента гуманитарных дисциплин (история, философия, безопасность жизнедеятельности, иностранный язык, основы права, социология управления, история Финуниверситета, введение в специальность и др.) определяется с учетом требований актуальной нормативной правовой базы на основе федеральных государственных стандартов высшего образования или собственных образовательных стандартов конкретного вуза.

Регулирование влияния фальсификации в информационной среде на сознание молодежи в процессе формирования гражданской позиции в Пензенском филиале Финуниверситета происходит в рамках учебной и внеаудиторной деятельности. В рамках учебной деятельности необходимо, прежде всего, рассмотреть технологии проведения лекционных, семинарских и практических занятий, формы и методы самостоятельной работы обучающихся, содержание дополнительных и инициативных заданий, проектной и научно-исследовательской работы в рамках изучения гуманитарных дисциплин.

ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

В контексте изучения инструментов регулирования влияния фальсификации в информационной среде на сознание молодежи в процессе формирования гражданской позиции следует отметить, что наибольшее внимание данной проблематике традиционно уделяется в рамках изучения таких дисциплин, как «История», «Основы права», «Безопасность жизнедеятельности». Так, в рамках дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» проблемам системы национальных интересов России, общих понятий угроз и безопасности личности, обществу и государству выделена отдельная тема – «Безопасность личности, общества и государства».

В качестве практических заданий и кейсов преподавателями рассматриваются ситуации возникновения и распространения массовых дезинформационных, фейковых сообщений в интернет-сообществах, социальных сетях, средствах массовой информации. Кроме того, анализируются мероприятия технического и информационно-технологического воздействия с целью дезориентации, дезорганизации, девальвации культурных и моральных ценностей, нарушения процессов нормальной жизнедеятельности, разрабатываются правила поведения, алгоритмы действий в подобных случаях, формируются навыки информационной безопасности и информационной гигиены [5].

Изучение гуманитарной дисциплины «Основы права» направлено на формирование у студентов Пензенского филиала Финуниверситета компетенций, помогающих им сформироваться в статусе государственно-ориентированной личности, обладающей информационной и правовой культурой. В рамках преподавания данной дисциплины студенты изучают актуальные проблемы правового регулирования и виды ответственности за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации. В рамках подготовки к практическим занятиям предполагается написание эссе на такие темы, как «Деформации правосознания и их причины», «Государство, право, информация», «Правовые основы обеспечения информационной безопасности» и др.

В процессе изучения дисциплины «История» в Пензенском филиале Финуниверситета особое внимание уделяется проблемам фальсификации отечественной истории, событий Великой Отечественной войны, искажения фактов экономической истории России, рассматриваются также региональные аспекты исторической памяти. Следует отметить, что при планировании тематик практических и семинарских занятий, помимо рекомендованных в рабочих программах дисциплин, разработанных головным вузом, преподаватели Пензенского филиала Финуниверситета включают в перечень дискуссионных вопросов такие, как «Роль исторической науки в формировании мировоззрения современного человека», «Проблема достоверности исторических источников: понятие исторического факта, домысла, вымысла», «Границы между авторским видением ученого и фальсификацией в исторической науке» [6]. Также следует отметить, что перечень вопросов к экзамену по данной дисциплине содержит более расширенные позиции, посвященные отдельным аспектам внешней и внутренней политики, а также культуре различных этапов исторического развития России.

В рамках самостоятельной и внеаудиторной работы по дисциплине «История» значительное внимание уделяется патриотическому воспитанию обучающихся на примере героических событий военно-исторической истории России. К основным задачам, решаемым в процессе подготовки научных публикаций, докладов, выступлений на конференциях, проведения дополнительных занятий в формате «исторических вечеров» относятся следующие:

- 1) расширение знаний обучающихся о героических страницах военной истории России;
- 2) восполнение пробелов в знаниях обучающейся молодежи по истории Великой Отечественной войны;
- 3) популяризация информации по военной истории за счет активного использования средств наглядности;
- 4) борьба с искажениями и вольным прочтением истории Великой Отечественной войны, разоблачение мифа о вековой агрессивности России;
- 5) приведение доказательной информационной базы об уничтожении фашистами культурных ценностей на территории Союза Советских Социалистических Республик.

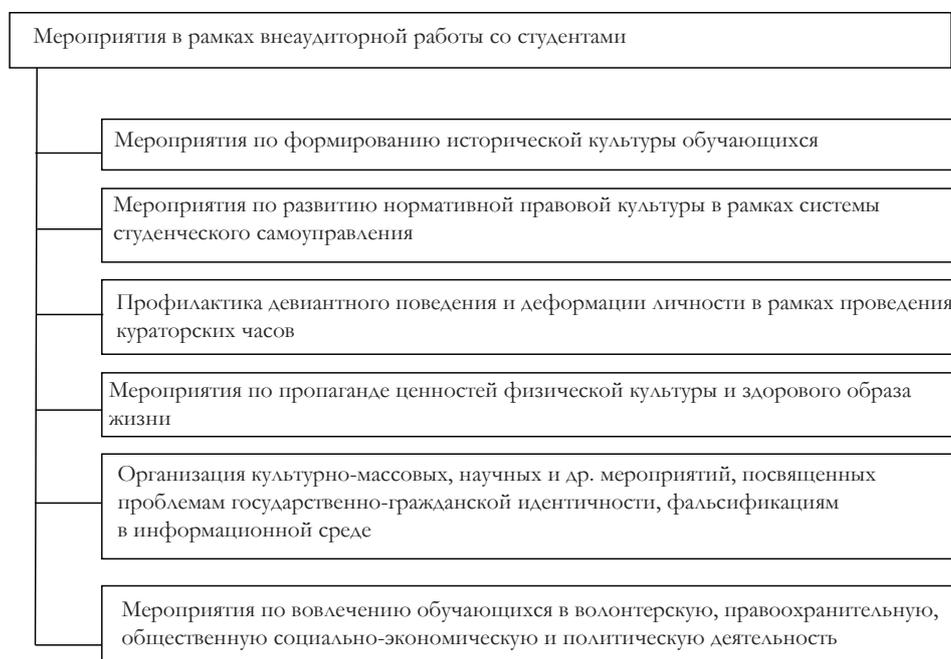
Как показал опыт преподавания дисциплины «История» в Пензенском филиале Финуниверситета, среди современной студенческой молодежи существует огромный интерес к истории России, знаний

по которой им не хватает. Необходимо заполнить пустоту, которая формируется у выпускников школ и колледжей в сфере истории Отечества, знаниями о героической истории великой страны и ее народе, достойном уважения и восхищения, иначе эта пустота заполнится самопроизвольно, но уже фальсифицированной информацией. Таким образом, привитие культурно-исторических ценностей обучающейся молодежи, в том числе в процессе преподавания гуманитарных дисциплин, в первую очередь будет способствовать созданию условий для адекватного ответа России на новые вызовы эпохи и закреплению базовых исторических традиций патриотического воспитания молодежи [7].

Также следует отметить, что важнейшим элементом формирования общекультурных, профессиональных и метакомпетенций, познавательной и творческой активности является адаптивная организация внеаудиторной работы со студентами. В условиях геополитических трансформаций, цифровизации, нарастания постпандемийных эффектов роль внеаудиторной деятельности в вузе в плане воспитания здоровой современной молодежи, формирования правильной гражданской позиции значительно повышает свою весомость [8]. В результате выполненного анализа определено, что задачами внеаудиторной работы в Пензенском филиале Финуниверситета являются:

- 1) осуществление организационной работы, направленной на воспитание у студентов профессионализма, гражданственности, творческих способностей;
- 2) реализация комплекса мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии;
- 3) реализация комплекса мероприятий, направленных на формирование гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современных трансформационных преобразований;
- 4) реализация комплекса мероприятий, направленных на сохранение и приумножение нравственных и культурных ценностей студенческой молодежи [9].

Базовые направления внеаудиторной работы со студентами в Пензенском филиале Финуниверситета в рамках патриотического воспитания, регулирования влияния фальсификации в информационной среде на сознание молодежи в процессе формирования гражданской позиции, профилактики и предотвращения деструктивного поведения, представлены на рис. 1.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Мероприятия в рамках внеаудиторной работы со студентами в Пензенском филиале Финуниверситета

В практике организации работы со студентами во внеучебное время Пензенский филиал Финуниверситета опирается на Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», нормативные документы Министерства науки и высшего образования РФ, основные положения Концепции воспитательной работы в Финуниверситете, план воспитательной работы, утверждаемым директором филиала.

Комплексность, системность, разнообразие методов воспитательного процесса направлены на формирование и развитие у обучающихся полезных навыков, профессиональных компетенций, морально-нравственных качеств, активной гражданской позиции [10].

Можно выделить следующие приоритетные направления аудиторной работы в Пензенском филиале Финуниверситета:

- 1) гражданско-патриотическое воспитание (ежегодные мероприятия по подготовке стенда к памятным датам Великой Отечественной войны, участие в акциях «Бессмертный полк»; проведение исторических вечеров);
- 2) мероприятия профессионально-трудовой направленности (ежегодные собрания студентов в торжественной обстановке, приуроченные и посвященные вручению дипломов об образовании, почетных грамот выпускникам бакалавриата и магистратуры; интеллектуальные турниры для студентов «Игры разума»; встречи студентов с работодателями и выпускниками; участие студентов в проведении дней открытых дверей);
- 3) информационно-коммуникационное воспитание (организация и проведение дискуссионных площадок, круглых столов, открытых микрофонов по проблемным темам фальсификаций в информационной среде, неформальных молодежных движений и др.);
- 4) духовно-нравственное и культурно-просветительское воспитание (социально-психологическое тестирование, тематические мероприятия для студентов в рамках взаимодействия с Пензенским государственным краеведческим музеем, Музейно-выставочным центром (г. Заречный), Пензенским региональным отделением Российского военно-исторического общества);
- 5) спортивно-оздоровительное и физическое воспитание (ежегодные системные мероприятия по проведению спортивных соревнований, укреплению психического и физического здоровья, культуры здорового образа жизни, получению информации о достижениях российских спортсменов, региональных победах и др.);
- 6) профилактика отклоняющегося от норм законодательства поведения (размещение информационных материалов Управления по контролю за оборотом наркотиков регионального управления внутренних дел с обязательной ссылкой на телефон доверия, приглашение сотрудников полиции для проведения профилактических бесед на тему «Скажи наркотикам нет»; проведение в процессе кураторских часов опросов студентов по приоритетам увлечений, досуга в молодежной среде; бесед со студентами, проживающими в общежитии);
- 7) волонтерское движение (организация и проведение вузовских мероприятий, форумов и конференций, научных и культурно-массовых проектов, гражданско-патриотических акций, Дней открытых дверей, Дней карьеры, олимпиад для студентов и школьников) [11].

В качестве задач работы с иностранными студентами из дружественных стран было определено:

- 1) привлечь наиболее перспективных студентов, магистрантов к научно-исследовательской деятельности;
- 2) повысить показатели публикационной активности и научной кооперации;
- 3) функционирование на уровне филиала проектной группы по координации международной деятельности Пензенского филиала Финуниверситета;
- 4) применение результатов научного исследования в образовательной, научной, воспитательной и международной деятельности Пензенского филиала Финуниверситета.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С целью устранения возможности социокультурного разрыва, трансляции базовых российских гуманитарных ценностей среди иностранного контингента применяются следующие механизмы: создан информационный чат поддержки иностранных студентов, осуществляется закрепление наставника за студентами-иностранцами первых курсов из числа студентов-членов научно-учебной лаборатории, при проведении учебных и внеучебных мероприятий преподаватели кураторы применяют методики, учитывающие межнациональный и межкультурный состав учебных групп. Также этому способствует совместная работа в данном направлении с другими филиалами Финуниверситета (круглые столы, доклады по тематике «Сетевое взаимодействие филиалов Финуниверситета и международная деятельность» на международных научно-практических конференциях, проводимых совместно со Смоленским, Тульским и др. филиалами) [12].

В соответствии с разработанным планом для иностранных и российских студентов проведен целый комплекс учебно-методических мероприятий:

- 1) методический семинар «Адаптационные механизмы в процессе обучения иностранных студентов в принимающем вузе;

2) открытый дискурс «Методы продвижения Пензенского филиала в информационном пространстве: опыт, практика, идеи»;

3) учебно-методический семинар «Особенности обучения иностранных граждан и лиц без гражданства в Пензенском филиале Финуниверситета», в том числе с применением дистанционных образовательных технологий;

4) научно-методический семинар «Организация научно-исследовательской деятельности иностранных студентов».

С учетом выполненного регионального анализа можно сформулировать базовые принципы в преподавании социально-гуманитарных дисциплин для международного контингента в высшем учебном заведении:

1) гармонизация развития личности студентов в составе международного контингента для успешной адаптации к профессиональной деятельности и социуму;

2) опосредованное влияние на профессионально-личностное становление обучающихся с использованием технологий междисциплинарного подхода и межкультурных коммуникаций;

3) использование моделей выхода за «Я»-границы, способствующее наиболее полному погружению в социум, профессиональную деятельность, формированию адекватной гражданской позиции (актуальной для страны пребывания);

4) формирование организационно-педагогических и социально-психологических условий формирования у студентов метакомпетенций и сознательного стремления к самосовершенствованию и профессиональной самореализации.

Полученные результаты научного исследования могут быть использованы руководством высших образовательных организаций в целях повышения результативности работы в сфере организации учебной, аудиторной и внеаудиторной работы в процессе формирования активной гражданской позиции и реализации национальной концепции государственной молодежной политики и патриотического воспитания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное исследование позволило провести анализ актуального регионального опыта преподавания блока гуманитарных дисциплин в образовательных организациях высшего образования, а также поделиться с широкой научной общественностью полученным положительным опытом в сфере обучения международного контингента в части организации учебной и внеучебной деятельности, предложить методы формирования условий для профилактической воспитательной работы со студенческой молодежью.

Полученные авторами практикоориентированные результаты нашли свое отражение в авторских разработках «Методические рекомендации по повышению эффективности преподавания гуманитарных дисциплин и формированию гражданской позиции» и «Дорожная карта мероприятий по внеаудиторной работе, патриотическому воспитанию молодежи и формированию гражданской позиции на 2023 г. в рамках учебной дисциплины гуманитарного блока «История»». Опубликованные в данной статье результаты научного исследования позволяют, по мнению авторов настоящего исследования, ознакомить ученых, специалистов, практиков с адаптивными подходами к расширению практик по преодолению социокультурного разрыва и факторов фальсификаций в международной среде студенческой молодежи.

Библиографический список

1. Барбашова С.А., Бельдинова Е.В., Бурмистрова О.А., Варганова М.Л., Вершинина Н.А., Зябликова О.А., Иванова Ю.С., Кузнецова Е.В., Лескина О.Н., Полякова М.А., Соколова Е.А., Суханова Т.В., Таишева К.С., Танина М.А., Фудина Е.В., Юдина В.А. *Стратегия повышения конкурентоспособности международной деятельности вузов в глобальном цифровом образовательном пространстве: монография*. Пенза: Изд-во Пензенского государственного аграрного университета; 2022. 201 с.
2. Юдина В.А., Танина М.А., Юрасов И.А. (ред.). Актуальные проблемы исторической памяти в современном социуме: историзация, семиотика. *Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, студентов и практиков*. Пенза: Изд-во ПГУ; 2022. 138 с.
3. Алехина А.В., Силютин М.В., Чернов А.В., Тестова С.Г., Романова М.М. Патриотическое воспитание молодежи – основа формирования целостности общества. *EUROPEAN SCIENCE*. 2020;6(55):45–48.
4. Астраханова М.В. Организация внеаудиторной самостоятельной работы студентов. *Инновационное развитие профессионального образования*. 2018;7:42–44.

5. Ступина Н.С., Муренко Д.И., Макаренко Н.Н., Гришанова А.В. Научно-методические аспекты формирования активной гражданской позиции студентов и профилактики молодежного экстремизма. *Актуальные вопросы образования*. 2022;2:267–270.
6. Власова В.Н., Гафиатулина Н.Х., Косинов С.С. Информационное общество как фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи. *Гуманитарий Юга России*. 2022;3(11):43–52. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.3.3>
7. Абанкина И.В., Беликов А.А., Гапонова О.С., Дудырев Ф.Ф., Корешникова Ю.Н., Коршунов И.А., Косарецкий С.Г., Мерцалова Т.А., Нисская А.К., Платонова Д.П., Сорокин П.С., Таловская Б.М., Фруммин И.Д. Глобальная конкурентоспособность российского образования. *Материалы для дискуссии*. М.: НИУ ВШЭ; 2017. 112 с.
8. Мирошина Т.А. Формирование гражданской позиции студентов вуза на современном этапе развития общества. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки»*. 2022;3(19):115–128. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.3.8>
9. Рубакова И.Н. Реализация интегративного подхода во внеаудиторной работе через проектную и исследовательскую деятельность обучающихся. *Образование. Карьера. Общество*. 2019;1(60):8–10.
10. Суменков И.А. Использование потенциала учебных дисциплин в гражданско-патриотическом воспитании студентов классического университета. В кн.: *Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 18 мая 2018 г.* Саратов: Саратовский источник; 2018. С. 152–158.
11. Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А. Вовлеченность в образовательный процесс российских и иностранных студентов в условиях применения цифровых дистанционных образовательных технологий в российских вузах. *Вестник университета*. 2022;10:89–96. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-89-96>
12. Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А. Особенности исторической памяти студентов российских мегаполисов. *Вестник университета*. 2021;10:170–177. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-10-170-177>

References

1. Barbashova S.A., Beldinova E.V., Burmistrova O.A., Vartanova M.L., Vershinina N.A., Zyablikova O.A., Ivanova Yu.S., Kuznetsova E.V., Leskina O.N., Polyakova M.A., Sokolova E.A., Sukhanova T.V., Taisheva K.S., Tanina M.A., Fudina E.V., Yudina V.A. *Strategy for increasing the competitiveness of the international activities of universities in the global digital educational space*. Penza: Penza State Agrarian University Publ. House; 2022. 201 p. (In Russian).
2. Yudina V.A., Tanina M.A., Yurasov I.A. (eds). *Actual problems of historical memory in modern society: Historicization, semiotics. Proceedings of the International scientific-practical conference of teachers, graduate and postgraduate students, and practitioners*. Penza: Penza State University Publ. House; 2022. 138 p. (In Russian).
3. Alekhina A.V., Silyutina M.V., Chernov A.V., Testova S.G., Romanova M.M. Patriotic education of young people is the basis for forming the integrity of society. *EUROPEAN SCIENCE*. 2020;6(55):45–48. (In Russian).
4. Astrakhanova M.V. Organization of extracurricular independent work of students. *Innovative development of vocational education*. 2018;7:42–44. (In Russian).
5. Stupina N.S., Murenko D.I., Makarenko N.N., Grishanova A.V. Scientific and methodological aspects of students' active civic position formation and prevention of youth extremism. *Current issues of education*. 2022;2:267–270. (In Russian).
6. Vlasova V.N., Gafiatulina N.Kh., Kosinov S.S. Information society as a factor of influence on social health of youth. *Humanities of the South of Russia*. 2022;3(11):43–52. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.3.3> (In Russian).
7. Abankina I.V., Belikov A.A., Gaponova O.S., Dudyrev F.F., Koreshnikova Yu.N., Korshunov I.A., Kosaretsky S.G., Mertsalova T.A., Nisskaya A.K., Platonova D.P., Sorokin P.S., Talovskaya B.M., Frummin I.D. *Global competitiveness of Russian education. Materials for discussion*. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2017. 112 p. (In Russian).
8. Miroshina T.A. Formation of the student civic position at the present stage of society development. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2022;3(19):115–128. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.3.8> (In Russian).
9. Rubakova I.N. Implementation of an integrative approach in extracurricular work through the project and research activities of students. *Education. Career. Society*. 2019;1(60):8–10. (In Russian).
10. Sumenkov I.A. The use of the educational subjects potential for the civil-patriotic education of students. In: *Current issues of physical education of youth and student sports: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, May 18, 2018*. Saratov: Saratovskiy Istochnik; 2018. Pp. 152–158. (In Russian).
11. Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Zyablikova O.A. Russian and foreign students' involvement in the educational process in the context of the digital distance educational technologies use in the Russian universities. *Vestnik universiteta*. 2022;10:89–96. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-89-96> (In Russian).
12. Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A. Features of the historical memory of students of Russian megacities. *Vestnik universiteta*. 2021;10:170–177. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-10-170-177> (In Russian).

Характеристика доступности психологической помощи для детей и их родителей (по данным деятельности детского телефона доверия)

Кучмаева Оксана Викторовна¹

Д-р экон. наук, гл. науч. сотр. отдела семьи и семейно-демографической политики
ORCID: 0000-0003-0386-857X, e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Давлетшина Лейсан Анваровна²

Канд. экон. наук, доц. каф. статистики
ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: davletshina.la@rea.ru

¹Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи выступает выявление потребности детей и их родителей в услугах психологической помощи по телефону доверия и оценка ее доступности. Данная статья является второй частью публикаций, посвященных методическим подходам и анализу деятельности детского телефона доверия (далее – ДТД). Эмпирической базой исследования выступили данные учета деятельности служб ДТД в российских регионах, аккумулируемые Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также данные официального статистического учета и выборочных обследований по социально-демографическим проблемам Федеральной службы государственной статистики. Изучены масштабы и структура деятельности детского телефона доверия в Российской Федерации. На основе эмпирических значений представлена динамика обращений на ДНД по категориям обратившихся и вопросам обращения, охарактеризованы произошедшие изменения. В структуре обращений и обратившихся представлены группы и категории, вызывающие наибольший интерес. Наибольшее число обращений поступило от детей и подростков, далее – от иных граждан, наименьшее число обращений – от родителей детей и лиц, их заменяющих. Анализ структуры обращений показывает, что ведущее место среди проблем, с которыми обращаются на ДТД, занимают детско-родительские отношения, отношения ребенка со сверстниками, учебные проблемы и проблемы профориентации. Проведенный в статье анализ может быть полезен в работе центров психологической помощи детям и на горячей линии ДТД, а также использован в учебной и практической деятельности учебных заведений.

Ключевые слова

Психологическая помощь детям, детский телефон доверия, трудная жизненная ситуация, потребность в психологической помощи, характеристики доступности психологической помощи

Для цитирования: Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А. Характеристика доступности психологической помощи для детей и их родителей (по данным деятельности детского телефона доверия)//Вестник университета. 2023. № 10. С. 236–244.

Characteristics of availability of psychological assistance for children and their parents (according to child helpline activities)

Oksana V. Kuchmaeva¹

Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Family and Family-Demographic Policy Department
ORCID: 0000-0003-0386-857X, e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Leysan A. Davletshina²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Statistics Department
ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: davletshina.la@rea.ru

¹Institute of Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to identify the need of children and their parents for psychological help services via the helpline and to assess its accessibility. The article is the second part of the publications devoted to methodological approaches and analysis of child helpline activities. The empirical basis of the study was the data on the records of helpline services activities in Russian regions, accumulated by the Foundation for Supporting Children in Difficult Life Situations, as well as data from official statistical records and sample surveys on socio-demographic problems of the Federal State Statistics Service. The scope and structure of child helpline activities in Russia have been studied. On the basis of empirical values, dynamics of calls to the child helpline by categories of callers and issues of treatment has been presented, and changes that have occurred characterized. In the structure of appeals and callers, groups and categories of greatest interest have been presented. The largest number of appeals come from children and adolescents, followed by other citizens, and the smallest number of appeals come from the parents of children and persons in loco parentis. The appeals structure analysis shows that the leading place among the problems addressed to child helpline is occupied by child–parent relations, children’s relations with peers, educational problems, and career guidance problems. The analysis in the article can be useful in the work of centers for psychological help to children and child helpline, as well as used in educational and practical educational institutions activities.

Keywords

Psychological help for children; child helpline; difficult life situation; need for psychological help; characteristics of the availability of psychological help

For citation: Kuchmaeva O.V., Davletshina L.A. (2023) Characteristics of availability of psychological assistance for children and their parents (according to child helpline activities). *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 236–244.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является второй частью публикаций, посвященных методическим подходам и анализу деятельности детского телефона доверия. Анализ доступности экстренной психологической помощи по телефону доверия построен на данных учета деятельности служб детского телефона доверия в российских регионах, аккумулируемых Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее – Фонд), а также данных официального статистического учета и выборочных обследований по социально-демографическим проблемам Федеральной службы государственной статистики [1]. Интересную и важную информацию о роли психологической службы телефонов доверия в обеспечении социально-психологического здоровья несовершеннолетних, разрешении кризисных ситуаций, отношении к ним различных групп детей и подростков дают специальные исследования Фонда. Использование комплекса источников информации позволило провести анализ доступности экстренной психологической помощи для детей и родителей по детскому телефону доверия (далее – ДТД) в регионах страны на основе предлагаемой совокупности критериев.

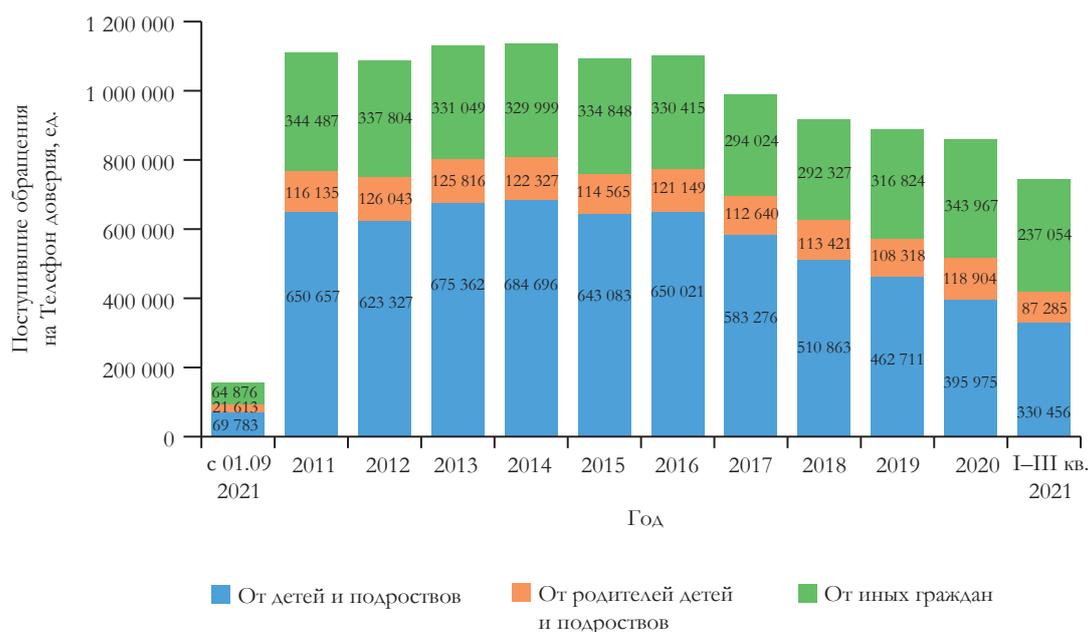
Детский телефон доверия под патронатом Фонда, функционирующий с 2010 г., в значительной степени расширил возможности в использовании психологической поддержки детей и их родителей. Интерес представляет объективная оценка на основе совокупности критериев – насколько существующая сеть и ее развитие соответствуют запросам целевых групп, обеспечивают доступность услуг телефона доверия [2].

Система показателей и методика анализа доступности услуг ДТД, разработанные авторами и представленные в первой части публикаций, позволяют на основе совокупности источников сделать определенные выводы о доступности услуг психологической поддержки детей и их родителей в регионах Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Цель работы – выявление потребности детей и их родителей в услугах психологической помощи по телефону и оценка изменений в структуре обращений на ДТД.

МАСШТАБЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКОГО ТЕЛЕФОНА ДОВЕРИЯ В РОССИИ

Число организаций, подключенных к ДТД по России в целом и в разбивке по регионам в последние годы (с начала 2019 г. по III кв. 2021 г.) было практически неизменным. Всего на территории РФ в последние годы около 220–240 организаций были подключены к ДТД и выступали его операторами. Эти организации обрабатывали в год от 888 тыс. (2020 г.) до 1 145 тыс. обращений (2014 г.) [3].

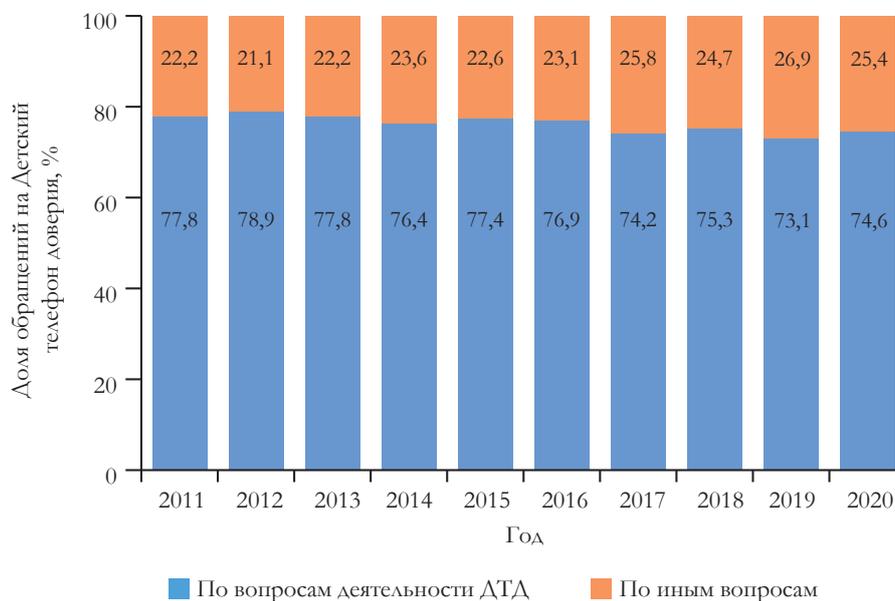
С целью анализа структуры звонков, поступивших на ДТД, рассмотрим динамику обращений в целом по России (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Динамика поступивших обращений на детский телефон доверия в разрезе категорий звонивших по Российской Федерации за период с 01.09.2010 г. по III кв. 2021 г.

В среднем в период с 2011 г. по 2020 г. каждый год число звонков сокращалось примерно на 2,8 %. Особенно значительно число звонков уменьшилось после 2016 г. – на 111,6 тыс. звонков, или на 10,1 %. Это обусловлено, прежде всего, снижением числа обращений от детей и подростков, от которых на протяжении всего рассматриваемого периода поступало наибольшее число обращений. Далее по количеству обращений следует группа «иные граждане», наименьшее число обращений – от родителей детей и лиц, их заменяющих.

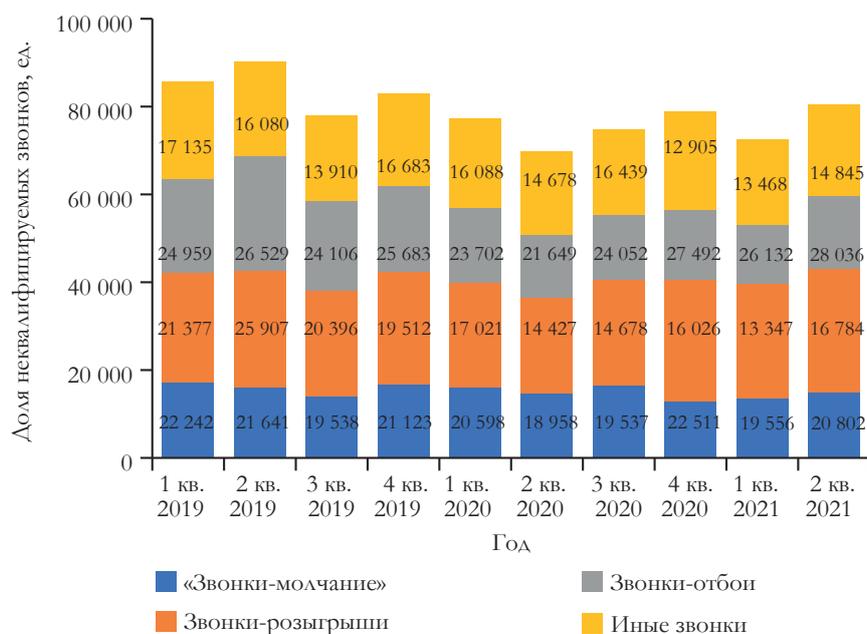

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Доля обращений на детский телефон доверия непосредственно по вопросам его деятельности, 2011–2020 гг.

Стоит обратить внимание на то, что в рассматриваемый период (с 2011 г. по 2020 г.) доля поступивших обращений непосредственно по вопросам деятельности ДТД составляла не более 27 % от общего числа поступивших звонков (рис. 2). Наименьшая доля зафиксирована в 2012 г. – лишь 21 % от общего числа обращений касались непосредственно вопросов деятельности ДТД. Обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы удельный вес обращений по вопросам деятельности детского телефона доверия несколько увеличился и достиг своего пика в 2019 г. (27 %), затем в 2020 г. зафиксировано небольшое снижение – до 25 %. Подобные трансформации могут свидетельствовать о том, что большее число населения, в том числе детей, узнает о деятельности ДТД, возрастает доверие к этой службе, так как при обращении поступают вопросы, касающиеся непосредственно деятельности детского телефона доверия: сложностей во взаимоотношениях со сверстниками, жестокого обращения с ребенком в семье, вне семьи или в среде сверстников, систематической травли ребенка, суицида, интернет-угроз, проблем сексуального насилия, экстремизма и др. [4; 5].

Важный аспект в оценке доступности услуг ДТД – количество и структура т.н. неквалифицируемых звонков (не относящихся к какой-либо тематике, касающейся деятельности телефона доверия, звонки-отбой и пр.). Обращают на себя внимание их большое число и доля. Неквалифицируемые звонки отнимают время работников и снижают возможность дозвониться, влияют на доступность телефона доверия для лиц, нуждающихся в специализированной помощи (рис. 3). В 2019 г. была зафиксировано 334,2 тыс. неквалифицируемых звонков, что соответствует 37,6 % от общего числа тематических, содержательных звонков, в 2020 г. – 300,8 тыс. (35,0 %). Однако нужно иметь в виду, что в ряде случаев смысл таких звонков для позвонившего может заключаться в желании познакомиться со службой ДТД, попытаться осуществить идентификацию себя и консультанта в контексте возможности безопасного взаимодействия, игровой («проективной») презентации особо беспокоящей несовершеннолетнего проблемы, которая не может быть им артикулирована прямо, открыто и т.д. [6].

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Структура невалифицируемых звонков, поступивших на детский телефон доверия по Российской Федерации за период с I кв. 2019 г. по II кв. 2021 г.

На рис. 3 представлены данные за период с I кв. 2019 г. по II кв. 2021 г., так как в более ранние периоды учет по данному вопросу не велся. Примерно треть невалифицируемых звонков, поступивших на ДТД по России за этот период – это звонки-отбой (29,4 % – 36,4 % от общего числа невалифицируемых звонков, их количество и доля увеличивается). Произошло абсолютное и относительное сокращение количества звонков-розыгрышей (с 24,9 % до 20,9 %), что, возможно, связано с более серьезным отношением детей и подростков к деятельности ДТД. Остальные структурные элементы невалифицируемых звонков (звонки-отбой и иные звонки) остаются примерно на одном уровне.

СТРУКТУРА ОБРАЩЕНИЙ НА ДТД

Характеристика структуры поступивших обращений на телефон доверия проводилась в контексте тематики обращений, а также в разрезе групп звонивших: детей и подростков, родителей детей и подростков (лиц, их заменяющих), иных граждан. Это позволяет выяснить наиболее востребованную помощь (консультации по каким вопросам в большей степени нужны), а также масштабность целевых групп, нуждающихся в консультативной помощи (табл. 1).

Таблица 1

Структура звонков по категориям обращений (от общего числа всех поступивших обращений) на детский телефон доверия по Российской Федерации в 2019-2020 гг. и 1-3 кв. 2021 г., %

Категории звонков	2019 г.	2020 г.	I–III кв. 2021 г.
Жестокое обращение с ребенком в семье	2,5	2,8	2,3
Жестокое обращение с ребенком вне семьи	0,9	0,9	0,6
Жестокое обращение с ребенком в среде сверстников	0,9	0,9	0,9
Систематическая травля ребенка (буллинг)	0,8	0,6	0,9
Интернет-угрозы (троллинг, разглашение информации компрометирующего характера, вовлечение в деструктивные сообщества и др.)	0,2	0,3	0,2

Окончание табл. 1

Категории звонков	2019 г.	2020 г.	I–III кв. 2021 г.
Доверие по проблеме сексуального насилия в отношении ребенка	0,3	0,4	0,33
Доверие по проблеме экстремизма	0,1	0,1	0,1
Детско-родительские отношения	38,6	40,2	40,2
Отношения ребенка со сверстниками	38,5	35,5	35,1
Проблема суицида	3,6	4,2	4,7
Учебные проблемы и проблемы профориентации	13,6	14,1	14,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Составлено авторами по материалам исследования

Анализ структуры звонков в разрезе тематики позволяет выявить наиболее распространенные вопросы, с которыми обращаются на ДТД: детско-родительские отношения (около 40 %), отношения ребенка со сверстниками (более 35 %), по учебным проблемам и проблемам профориентации (около 14 %). Эти три категории в сумме составляют почти 90 % обращений.

С целью выявления зависимости между группами лиц, звонивших на телефон доверия, и основными причинами обращения рассмотрим данные табл. 2. Большая часть обращений на ДТД поступает от детей и подростков. Основные категории вопросов, с которыми обращаются, – детско-родительские отношения и отношения ребенка со сверстниками.

Таблица 2

Структура звонков на детский телефон доверия по наиболее распространенным категориям вопросов среди детей и подростков, а также их родителей

Категории звонивших	Категории вопросов	2019 г.	2020 г.	I–III кв. 2021 г.
Обращения от детей и подростков	Детско-родительские отношения	27,8	29,7	29,5
	Отношения ребенка со сверстниками	50,7	48,4	46,7
Обращения от родителей детей и подростков (лиц, их заменяющих)	Детско-родительские отношения	68,2	66,6	67,2
	Отношения ребенка со сверстниками	12,4	11,7	11,8

Составлено авторами по материалам исследования

Данные свидетельствуют о том, что отношения детей и родителей, проблемы детей в отношениях со сверстниками являются наиболее насущными проблемами для россиян, требующими профессиональной помощи для семьи извне. Однако если для детей и подростков более актуальна проблема взаимоотношений со сверстниками (почти половина всех звонков), то для родителей детей и подростков (лиц, их заменяющих) особую тревогу вызывают вопросы детско-родительских отношений (почти 2/3 всех обращений). Это может свидетельствовать о психологических проблемах современной российской семьи.

Предметом общественного дискурса гораздо чаще выступают вопросы интернет-буллинга, троллинга, насилия в отношении ребенка, которые тем не менее носят довольно редкий характер [7]. Дискуссии подчас переходят в политическую и законодательную плоскость, изобилуют предложениями и реализуемыми ограничительными мерами в отношении доступа к сети «Интернет». Гораздо чаще детей и родителей беспокоят сложности и острые проблемы во взаимоотношениях, помощь в разрешении которых носит более тонкий и долговременный характер, требует масштабной сети психологической поддержки, изменения культуры психологической помощи, отношения к ней населения, повышения доверия к системе психологической поддержки [8; 9].

Чтобы понять, каким образом изменилась структура обращений с течением времени, был рассмотрен период 2012–2020 гг. При анализе структуры обращений необходимо учитывать неоднозначность самого 2020 г.

как с точки зрения изменений структуры обращений, так и с позиции социально-экономического и психологического самочувствия населения страны в период пандемии COVID-19, ознаменованный введением определенных ограничений и стрессовой ситуацией. Это не могло не сказаться и на обращениях в службу ДТД.

Наиболее существенные абсолютные изменения касаются обращений по вопросам отношения ребенка со сверстниками – в 2020 г. по сравнению с 2012 г. количество обращений по России в целом сократилось на 50 тыс., или 39,5%, то есть сокращение более чем на треть за 9 лет. На втором месте по абсолютным числам – звонки по вопросам жестокого обращения с ребенком в среде сверстников: за тот же период число обращений снизилось на 4,5 тыс., или 71 % (наиболее значительное сокращение).

Неравномерное изменение числа обращений по отмеченным вопросам привело к тому, что соотношение между ними изменилось: все больше обращений связано с проблемами во взаимоотношениях. В 2012 г. на один звонок по вопросам жестокого обращения с ребенком в среде сверстников приходилось в среднем двадцать обращений по вопросам сложностей в отношениях ребенка со сверстниками, а к 2020 г. пропорция между ними достигла одного к сорока двум. Стоит отметить также динамику звонков на телефон доверия по проблеме сексуального насилия: в период с 2012 г. по 2019 г. шло снижение показателя на треть (33,1 %), однако уже в 2020 г. был замечен ощутимый рост – на 40 % до 910 обращений.

Наблюдались зеркальные изменения динамики обращений по двум вопросам: «Жестокое обращение с ребенком в семье» и «Детско-родительские отношения». Снижение числа обращений по одной из проблем приводило к росту обращений по второй: в 2019 г. по сравнению с 2012 г. снижение звонков по вопросам жестокого обращения с ребенком в семье составило 11,6 %, а количество звонков по вопросам детско-родительских отношений выросло на 13,2 %. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. изменения были диаметрально противоположными: звонки по вопросам жестокого обращения с ребенком в семье увеличились на 2,1 %, в то время как звонки по вопросам детско-родительских отношений сократились на 5,0 %. Сложности в детско-родительских отношениях от проявления жестокости подчас отделяет тонкая грань. Существует вероятность, что эти изменения последних лет, как и динамика числа звонков по проблеме сексуального насилия, связаны с социально-психологической ситуацией в семьях и за их пределами, сложившейся под влиянием пандемии COVID-19 и введенных вследствие этого ограничительных мер [10].

Проблема смертности в результате самоубийств как для всего населения, так и для молодежи, остается актуальной в РФ, несмотря на наметившееся снижение ее уровня [11]. Это подтверждает динамика обращений по проблеме суицида на ДТД: за последние девять лет наблюдается тенденция к увеличению – средний ежегодный рост составляет 631 обращение, что соответствует приросту в 10,5 % в год. В 2020 г. число звонков по проблеме суицида составило 9 157. Подтверждением неблагоприятных изменений является и рост удельного веса подобных обращений в общем числе звонков: от 1,8 % в 2012 г. до 4,2 % в 2020 г. Одной из причин происходящих изменений, а именно параллельного снижения числа смертей от самоубийств и увеличения количества обращений по проблеме суицида на ДНД за последние девять лет, может заключаться в эффекте деятельности телефона доверия, ее результативности. Функционирование службы экстренной психологической помощи является значимым механизмом в системе профилактики суицида [12].

Анализ структуры лиц, обратившихся на номер ДТД по проблеме суицида, дает понимание большей востребованности его услуг среди детей: в разные годы удельный вес звонков детей и подростков от общего числа обращений по этой проблеме составлял от 45 % до 50 %, следующая по величине группа звонивших – «иные граждане» (около 40 %), меньше всего обращений было зафиксировано от родителей и лиц, их заменяющих (не более 17 %). Не всегда родители знают о суицидальных намерениях своих детей – чаще о проблеме сообщают посторонние для семьи люди.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всего рассматриваемого периода наибольшее число обращений поступило от детей и подростков, далее – от иных граждан, наименьшее число обращений – от родителей детей и лиц, их заменяющих. Родители не слишком часто обращаются к помощи ДТД. Анализ структуры обращений показывает, что ведущее место среди проблем занимают детско-родительские отношения, отношения ребенка со сверстниками, учебные проблемы и проблемы профориентации. Это доказывает значимость развития системы психологической поддержки детей и семей с детьми.

Обращает на себя внимание рост числа обращений по проблеме детского суицида на фоне снижения смертности от самоубийств. Косвенным образом это может свидетельствовать о возможном позитивном

влиянии психологической помощи на уровень детского суицида, а также о расширении информированности целевых групп об услугах ДТД. Однако данное предположение требует проверки в ходе дальнейших исследований на основе представительной информации.

В 2020 г. по сравнению с 2019 г., допандемийным периодом, увеличилось количество звонков по вопросам жестокого обращения с ребенком в семье. Возможное влияние сложностей в семье в условиях пандемии, карантинных ограничений, перевод детей на дистанционное обучение на динамику обращений данной категории требует проверки на основе данных за 2021 г.

Значительную долю в числе звонков на ДТД составляют неквалифицируемые звонки, звонки-отбои, которые влияют за загруженность специалистов служб. Существует резерв в увеличении доступности телефона доверия за счет улучшения режима работы. Пока в среднем по России лишь в течение 35,7 % времени в неделю дети и их родители могут воспользоваться срочной психологической помощью.

Библиографический список

1. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Архангельский В.Н. и др. Демографическое самочувствие регионов России. *Национальный демографический доклад-2020 ФНИСЦ РАН*. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА»; 2021. 214 с.
2. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В., Калмыкова Н.М. и др. Методологические подходы к совершенствованию статистического мониторинга благополучия детей в рамках реализации мероприятий десятилетия детства в России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021;4:134–165. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_134_165
3. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. *Развитие деятельности детского телефона доверия*. М.: Перо; 2018. 85 с.
4. Трофимова И.Н. Снижение социального самочувствия как фактор распространения экстремизма в молодежной среде. Противодействие терроризму. *Проблемы XXI века*. 2014;4:50–55.
5. Ковров В.В., Кожухарь Г.С. Информированность подростков об услугах, предоставляемых детским телефоном доверия. *Психологическая наука и образование*. 2013;4:1–14.
6. Гартфельдер Д.В. Дистанционная психологическая помощь: обзор современных возможностей и ограничений. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2016;3(12):77–96.
7. Кульбацкая Е.Р. Интернет-буллинг: сущность и формы проявления в подростковой среде. *Трибуна ученого*. 2022;6:473–478.
8. Федеральная служба государственной статистики. *Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания*. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html (дата обращения: 25.07.2023).
9. Федеральная служба государственной статистики. *Выборочное наблюдение состояние здоровья населения*. https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html (дата обращения: 25.07.2023).
10. Давлетшина Л.А., Садовникова Н.А., Безруков А.В., Лебединская О.Г. Социальное самочувствие населения России в период пандемии (на основе данных выборочных обследований). *Вопросы статистики*. 2021;4(28):67–79. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-4-67-79>
11. Вихристюк О.В., Гаязова Л.А., Ермолаева А.В. Модель подготовки и сопровождения специалистов детского телефона доверия в системе дополнительного образования. *Психология и право*. 2019;3(9):84–97.
12. Давлетшина Л.А. *Методы прикладной статистики для социологов*. <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=dnmcqy> (дата обращения: 25.07.2023).

References

1. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Arkhangelsky V.N. et al. *Demographic well-being of Russian regions. National demographic report-2020 FNISC RAS*. Moscow: PROSPECT; 2021. 214 p. (In Russian).
2. Kalabikhina I.E., Kuchmaeva O.V., Kalmykova N.M. et al. Methodology for improving statistical monitoring of the child well-being within the framework of implementing the Decade of Childhood in Russia. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;4:134–165. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_134_165 (In Russian).
3. Foundation for Support of Children in Difficult Life Situation. *Developing child helpline activities*. Moscow: Pero; 2018. 85 p. (In Russian).
4. Trofimova I.N. Reduction of social well-being as a factor in the spread of extremism in youth environment. *Counteraction to terrorism. Problems of the XXI century*. 2014;4:50–55. (In Russian).
5. Kovrov V.V., Kozhukhar G.S. Awareness of teenagers about the services provided by child helpline. *Psychological science and education*. 2013;4:1–14. (In Russian).

6. Gartfelder D.V. Distant psychological help: A review of modern possibilities and limitations. *Bulletin of psychiatry and psychology of Chuvashia*. 2016;3(12):77–96. (In Russian).
7. Kulbatskaya E.R. Internet bullying: The essence and forms of manifestation in the adolescent environment. *Tribuna uchbenogo*. 2022;6:473–478. (In Russian).
8. Federal State Statistics Service. *Sample observation of the quality and availability of services in education, health care, and social services*. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html (accessed 25.07.2023). (In Russian).
9. Federal State Statistics Service. *Sample observation of the state of public health*. https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html (accessed 25.07.2023). (In Russian).
10. Davletshina L.A., Sadovnikova N.A., Bezrukov A.V., Lebedinskaya O.G. Social well-being of the population of Russia during the pandemic (based on sample survey data). *Voprosy statistiki*. 2021;4(28):67–79. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-4-67-79> (In Russian).
11. Vikhristyuk O.V., Gayazova L.A., Ermolaeva A.V. Training model and post-training support of specialists of child helpline in supplementary vocational training system. *Psychology and Law*. 2019;3(9):84–97. (In Russian).
12. Davletshina L.A. *Methods of applied statistics for sociologists*. <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=dnmcqy> (accessed 25.07.2023). (In Russian).

Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации

Сухова Екатерина Александровна

Мл. науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-5663-5457, e-mail: learn2@yandex.ru

Научный центр изучения Арктики, г. Салехард, Россия

Аннотация

Целью данной статьи является выявление факторов невовлечения в социально активную деятельность молодежи и составление портрета социальной активности молодежи в Ямало-Ненецком автономном округе. Эмпирической основой послужили данные опроса, проведенного автором осенью 2020 г. На основании факторного и кластерного анализа полученных данных, в частности приоритетов молодых людей в социально активной деятельности, социального статуса и названных ими причин неучастия в мероприятиях и проектах своего населенного пункта, были определены пять типов молодежи: глобалисты, патриоты Ямала, мещане, инфанты-пессимисты и реалисты. Выяснилось, что основными факторами неучастия в направлениях социальной активности для молодежи с высокой степенью участия оказались: отсутствие возможности проявить себя (57,8 %), невозможность участия (54,3 %), занятость осознанной молодежи (51,7 %). Для молодежи с низкой степенью участия это в основном один фактор – отсутствие мотивации (54,7 %), остальные факторы выражены примерно в равной степени, и лишь «отсутствие возможности проявить себя» (45,3 %) – в меньшей из пяти факторов степени. Предложены меры, направленные на увеличение социальной активности молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова

Молодежь, социальная активность молодежи, молодежная политика, Ямало-Ненецкий автономный округ, факторный анализ, кластерный анализ

Для цитирования: Сухова Е.А. Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 245–255.

Portrait of social activity of youth aged 18-24 in the Yamal-Nenets Autonomous District of Russia

Ekaterina A. Sukhova

Junior Researcher

ORCID: 0000-0002-5663-5457, e-mail: learn2@yandex.ru

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

Abstract

The purpose of the study is to identify factors of non-involvement in youth social activities and to draw a portrait of youth social activity in the Yamal-Nenets Autonomous District. The empirical basis of the study was the survey data conducted by the author in the fall of 2020. Based on the factor and cluster analysis of the data obtained, in particular, priorities of young people in social activities, social status, and reasons for non-participation in activities and projects of their locality, five types of young people have been identified: globalists, patriots of Yamal, burghers, pessimistic infants, and realists. It turned out that main factors of non-participation in areas of social activity for young people with a high degree of participation were lack of opportunity to express themselves (57.8 %), impossibility to participate (54.3 %), and employment of conscious youth (51.7 %). For young people with a low degree of participation lack of motivation (54.7 %) is a main factor, the other factors are expressed in approximately equal degree, and only the lack of opportunity to prove themselves (45.3 %) is the least of the five factors of the degree. The measures aimed at increasing social activity of young people in Yamal-Nenets Autonomous District have been proposed.

Keywords

Youth, youth social activity, youth policy, Yamal-Nenets Autonomous District, factor analysis, cluster analysis

For citation: Sukhova E.A. (2023) Portrait of social activity of youth aged 18–24 in the Yamal-Nenets Autonomous District. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 245–255.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы социальная активность молодежи стала одной из наиболее обсуждаемых тем в современном обществе. Молодежь Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации (далее – ЯНАО) не является исключением, и ее социальная активность вызывает все больший интерес у исследователей. Объектом исследования в данной статье является молодежь ЯНАО, а предметом исследования – ее социальная активность. Целью настоящей работы является выявление факторов неучастия молодежи в социально активной деятельности и составление портрета социальной активности молодежи в ЯНАО. Для достижения этой цели был проведен анализ данных, полученных в ходе опроса молодежи в возрасте 18–24 лет, проживающей в регионе. В статье рассмотрены различные аспекты социальной активности молодежи, такие как участие в общественной жизни, волонтерство, активность в социальных сетях и др.

Молодежь является одной из ключевых групп населения, которая формирует будущее общества. Важно понять, какие проблемы и вызовы стоят перед этой группой, какие ценности и убеждения она имеет, а также какие возможности для развития социальной активности существуют. Существует необходимость выявления причин социальной незащищенности и маргинализации молодежи, а также способы их преодоления. Это особенно важно в условиях быстро меняющейся социально-экономической ситуации, когда молодежь может столкнуться с новыми вызовами и проблемами.

Все это должно помочь выработать стратегии и программы развития молодежной политики, которые будут ориентированы на решение конкретных проблем и потребностей молодежи. Это позволит создать благоприятную среду для развития социальной активности молодежи и повысить ее уровень участия в жизни общества. Таким образом, исследования социальной активности молодежи имеют большую актуальность и могут принести значительную пользу для развития общества в целом.

С одной стороны, перед государственными органами исполнительной власти в области молодежной политики поставлена задача по увеличению числа вовлеченных в социально активную деятельность. С другой стороны, в регионе наблюдается отток молодежи, и присутствует общемировая проблема низкой активности молодежи, которая не желает работать и учиться [1; 2]. Также нужно указать на мировую тенденцию снижения роли молодежи в социальной политике в контексте, когда семья стала основным источником ресурсов [3]. Исследования социальной активности и работа по вовлечению молодежи в волонтерскую деятельность строятся учеными в рамках таких направлений, как здравоохранение, экология, профилактика, историко-досуговая и социальная сферы [4].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой для анализа социальной активности молодежи послужили научные исследования различных авторов. Ввиду тесной связи исследуемого феномена с государственной политикой в данном исследовании эффективно применялись работы П. Бурдьё, М. Вебера, И. Валлерстайна, а в контексте связи с представителями различных социальных групп были полезны концепции социального действия М. Вебера и Т. Парсонса. Методология научных исследований молодежи и социологическая теория системного управления российским волонтерством стали отечественной научной основой в исследовании социальной активности молодежи ЯНАО [5–7].

В настоящем исследовании учитывается, что качественным индикатором успешности вхождения молодого поколения во взрослую жизнь являются результат взаимосвязанных процессов социализации и самореализации молодежи, благоприятное течение и исход которых должно обеспечить государство, а также тот факт, что государство структурирует социальную активность и определяет легитимные практические схемы для граждан [8–10]. В качестве основных факторов и условий развития социальной активности можно рассматривать: социально-экономические особенности развития региона, политические факторы, влияние средств массовой информации (далее – СМИ), реформа местного самоуправления, правовые условия развития общественной активности, региональное законодательство и решения региональных властей, взаимоотношение местных властей и общественности, организационные, территориальные, культурные, национальные, демографические и социально-психологические факторы [11].

Эмпирические данные были получены осенью 2020 г. в результате онлайн опроса (научно-исследовательская работа «Социальная активность молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа», выполненная автором в государственном автономном учреждении Ямало-Ненецкого автономного округа

«Научный центр изучения Арктики» в соответствии с планом научной деятельности ЯНАО на 2020 г.) населения ЯНАО в возрасте от 14 до 35 лет поточным методом привлечения [12]. Данное исследование основывается на анализе ответов молодежи в возрасте от 18 до 24 лет ($N = 233$). При помощи факторного анализа были выявлены латентные переменные, описывающие приоритеты в социально активной деятельности, а при помощи кластерного анализа определены основные типы молодежи в зависимости от их социального потенциала и жизненных стратегий.

В исследовании при первичной обработке эмпирических данных автором была выявлена группа молодежи ЯНАО с наибольшим числом проблем – это молодежь в возрасте 18–24 лет [13]. Текущее исследование направлено на более детальное рассмотрение особенностей представителей этой группы с целью выработки мер по увеличению социальной активности.

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Были проанализированы ответы респондентов на вопрос: «В каком направлении социальной активности Вы участвовали?». Размерность распределения в результате анализа сократилась с тринадцати до пяти факторов, которые объяснили 70 % общей дисперсии. Применен метод вращения факторов Варимакс, мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,823. Правомерность применения факторного анализа на исследуемой выборке обусловлена значимостью критерия Бартлета – 0,000.

Первый фактор коррелирует со следующими направлениями социально активной деятельности: медиаволонтерство (освещение социально-значимые мероприятия в СМИ, социальных сетях), онлайн-волонтерство (проекты, которые можно вести дистанционно через сеть «Интернет» – ведение сайтов, исследовательские проекты, создание баз данных, перевод документов и др.), медицинское волонтерство (помощь медперсоналу), помощь животным. Все эти направления объединяет понятие современности – это современные технологии и современные проблемы. Исследование проводилось осенью 2020 г., когда наиболее актуальной была проблема необходимости медицинского волонтерства, максимального использования современных информационных технологий в продвижении и реализации бизнес и социальных проектов, в том числе СМИ. Таким образом, первый фактор объединяет респондентов, реагирующих на современные вызовы общества. Первый фактор определим как «современное волонтерство».

Второй фактор включает в себя такие направления, как культурная жизнь, спортивная жизнь, патриотические мероприятия и организация крупных мероприятий. Про указанные направления социальной активности можно сказать, что они являются наиболее распространенными во всех населенных пунктах, массовыми, имеющими многолетний опыт реализации молодежной политикой региона. Логично было бы определить второй фактор как «традиционная общественная деятельность».

Третий фактор коррелирует с двумя направлениями – поисковая активность и обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях. Респонденты, выбирающие эти направления, готовы проявить силу, ловкость ради спасения жизни людей в экстренных ситуациях. Их можно охарактеризовать как добровольцев спасателей, находящихся в резерве. Третий фактор определим как «спасение».

Четвертая группа факторов объединяет направления экологические мероприятия и помощь социально незащищенным людям. Основной чертой характера людей, выбирающих данные направления, можно назвать сострадание живой природе и людям, попавшим в сложную, тяжелую ситуацию, требующую помощи и ресурсов. Четвертый фактор определим как «забота».

Пятый фактор включает направления общественно политической деятельности и организацию крупных мероприятий. Он объединяет молодежь, стремящуюся участвовать в общественной жизни своих населенных пунктов, влиять на ее организацию, принимать участие в управлении, в том числе организовывать мероприятий для большого числа участников. Пятый фактор определим как «общественное управление».

Таким образом, тринадцать направлений социальной активности, предложенные респондентам для выбора, были сведены к пяти и определены как современное волонтерство, традиционная общественная деятельность, спасение, забота, общественное управление. Факторы, объясняющие наиболее востребованные направления: современное волонтерство (57,1 %), традиционная общественная деятельность (50,2 %) и забота (50,2 %). Наиболее популярными среди юношей оказались современное волонтерство (58,5 %), спасение (54,7 %) и забота (52,9 %), а у девушек – современное волонтерство (55,9 %), традиционная общественная деятельность (49,6 %) и забота (48 %).

В результате анализа предпочтений респондентов по степени их активности было выявлено различное распределение их приоритетов в разрезе сформулированных в результате факторного анализа укрупненных направлений социально активной деятельности. Так, наиболее активные респонденты чаще всего выбирают современное волонтерство (60,3 %), традиционную общественную деятельность (56 %) и заботу (55,2 %). Это говорит о том, что активная молодежь участвует и организует новые виды активной деятельности, применяя новые технологии. Наименее активные респонденты проявляли активность в направлениях традиционной общественной деятельности (58,1 %), спасения (51,3 %) и заботы (45,3 %). Они готовы принимать участие в знакомых, привычных направлениях и не откажут в помощи в случае экстренной необходимости.

На той же выборке респондентов были проанализированы причины неучастия в мероприятиях и проектах социально активных направлений деятельности в населенных пунктах. Для этого факторному анализу подверглись ответы респондентов на вопрос: «Почему Вы не участвовали в общественной, добровольческой (волонтерской), культурной, спортивной жизни Вашего населенного пункта?». Размерность распределения в результате анализа сократилась с двенадцати до пяти факторов, которые объяснили 58 % общей дисперсии. Применен метод вращения факторов Варимакс, мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,623. Правомерность применения факторного анализа на исследуемой выборке обусловлена значимостью критерия Бартлета – 0,000.

Первый фактор коррелирует со следующими причинами неучастия: «нет оборудования», «плохо организованы мероприятия», «нет креатива», «я не понимаю, зачем это делается», «все делается неважно и никому не нужно». Он говорит о том, что то, что предлагается молодежи, не соответствует их ожиданиям и требованиям к данному виду деятельности. С другой стороны, в этом проявляются недостаток финансирования на приобретение оборудования и найма профессионалов, а также недостаток работы по информированию молодежи о положительных результатах работы. Определим данный фактор как «Несоответствие современным стандартам деятельности и запросам общества».

Второй фактор вообрал в себя мнения респондентов о том, что основные причины неучастия заключаются в неудобных месте и времени проведения мероприятий, притом, что имеется отрицательная корреляция с ответом «не понимаю, зачем все это делается». Таким образом, этот фактор объединяет мнение респондентов, осознающих важность и значимость проводимых мероприятий и реализуемых проектов, но лично для них нет возможности принимать в них участие. Определим его как «Невозможность участия».

Третий фактор имеет высокую отрицательную корреляцию с мнением «я плохо информирован» и высокую положительную корреляцию с «мне лень», а также невысокую корреляцию с «все делается неважно и никому не нужно». Он объединяет респондентов, обладающих достаточной информацией о проводимых мероприятиях, но они оказываются не готовы тратить свое время на проекты, в полезности которых они не уверены. Определим данный фактор как «Отсутствие мотивации».

Четвертый фактор положительно коррелирует с «мне не интересно», «неудобное время» и отрицательно коррелирует с «я стесняюсь». Он объединил респондентов, открытых к социальному взаимодействию, но у них есть высокие требования к содержанию проектов и мероприятий, и они имеют мало свободного времени, скорее всего, ввиду имеющейся занятости. Четвертый фактор определим как «Отсутствие возможности проявить себя».

Пятый фактор объединяет положительную корреляцию с «у меня нет времени» и отрицательную корреляцию «все делается неважно и никому не нужно». Он характеризует идейных людей, осознающих важность проводимых мероприятий и проектов и необходимость в создании и продвижении новых, но они уже заняты чем-то другим. Пятый фактор определим как «Занятость осознанной молодежи».

Таким образом, 13 переменных преобразованы в пять факторов. Около 60 % причин неучастия молодых людей в возрасте 18–24 лет в предлагаемых формах и видах социальной активности в населенных пунктах ЯНАО можно объяснить следующими пятью факторами: несоответствие современным стандартам деятельности и запросам общества, нет возможности участия, отсутствие мотивации, отсутствие возможности проявить себя, занятость активистов. Второй и пятый факторы схожи в том, что респонденты понимают важность предлагаемых направлений для участия, но решить проблему второго фактора возможно, если передвинуть время или выбрать другое место проведения, а в пятом факторе у респондентов времени нет совсем.

В итоге из 13 причин неучастия были получены 5 факторов, препятствующих реализации потенциала социальной активности молодежи ЯНАО в возрасте 18–24 лет. Наиболее значимыми оказались невозможность участия (51,5 %), отсутствие возможности проявить себя (51,5 %) и отсутствие мотивации (50,7 %). Причины неучастия различны в зависимости от пола. Юноши в основном винят несоответствие современным стандартам деятельности и запросам общества (56,6 %), отсутствие мотивации (53,8 %), отсутствие возможности проявить себя (52,8 %). Для девушек это невозможность участия (56,7 %), занятость осознанной молодежи (55,9 %), отсутствие возможности проявить себя (50,7 %).

Выяснилось, что основными факторами неучастия в направлениях социальной активности для молодежи с высокой степенью участия оказались отсутствие возможности проявить себя (57,8 %), невозможность участия (54,3 %), занятость осознанной молодежи (51,7 %). Для молодежи с низкой степенью участия это в основном один фактор – отсутствие мотивации (54,7 %), а остальные факторы выражены примерно в равной степени, и лишь «отсутствие возможности проявить себя» (45,3 %) – в меньшей из пяти факторов степени.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Для выделения основных типов молодежи ЯНАО в возрасте 18–24 лет проведем кластерный анализ, который позволяет произвести поиск и выделение однородных групп в пространстве множества переменных, описывающих выборку. Для проведения кластерного анализа методом К-средних были отобраны следующие переменные: образование, занятость, удовлетворенность работой с молодежью, готовность к переезду, принадлежность к сообществам в реальной жизни и в интернете.

При составлении типологии молодых людей мы исходили из того, что социальная активность – это инструмент, посредством которого юноши и девушки добиваются поставленных целей в рамках избранной жизненной стратегии. Таким образом, они были распределены по своему социальному статусу, приоритетной форме общения, миграционным настроениям. В результате были сформированы пять кластеров:

1) первый кластер включает в себя 13 % выборки и в основном содержит молодых людей, обучающихся в 11 классе, которые удовлетворены работой с молодежью, являются членами интернет-сообществ, раз или два в году принимают участие в общественных мероприятиях и хотят уехать раньше, чем через пять лет;

2) второй кластер включает 31 % выборки – в основном это студенты средних специальных учебных заведений (далее – ССУЗ), они в основном удовлетворены уровнем работы с молодежью, участвуют в общественных мероприятиях раз или два в году и не собираются уезжать из своих населенных пунктов;

3) третий кластер включает 19 % выборки – это студенты ССУЗ, значительная часть кластера в поисках работы, раз или два в году принимающие участие в мероприятиях и не планирующие уезжать из своих населенных пунктов;

4) четвертый кластер включает 12 % выборки – это молодые люди, окончившие обучение после 9 класса средней общеобразовательной школы, они не удовлетворены уровнем работы с молодежью, находятся в поиске работы, один или два раза в год участвуют в общественных мероприятиях своего населенного пункта и собираются уехать из него примерно через пять лет;

5) пятый кластер включает 24 % выборки – это молодые люди, окончившие ССУЗ, часть из них получают высшее образование, часть из них не удовлетворены или затрудняются с ответом об уровне работы с молодежью, принимают участие один два раза в год и собираются уехать через пять лет.

Каждому кластеру соответствует определенный тип молодежи, которые опишем с помощью сформулированных латентных переменных, характеризующих социальную активность исследуемой выборки.

Проанализировав значимость факторов неучастия молодежи в социально активной жизни своих населенных пунктов, мы получили следующие перечни наиболее значимых факторов для каждого из полученных типов молодежи: для первого типа – несовременно (55 %), неинтересно (55 %) и немотивированно (52 %); для второго типа – неинтересно (59 %), некогда (58 %), невозможно (52 %); для третьего типа – немотивированно (52 %), невозможно (45 %), некогда (39 %); для четвертого типа – неинтересно (55 %), невозможно (52 %) и немотивированно (45 %); для пятого типа – несовременно (59 %), невозможно (59 %), некогда и немотивированно (по 55 %). Таким образом, для первого и пятого типов молодежи, которые наиболее настроены на переезд из своих населенных пунктов, основным фактором неучастия является «несовременно».

В результате оценки распределения значимости факторов основных направлений деятельности, интересующих молодежь ЯНАО в возрасте 18–24 лет, получилось следующее распределение основных

направлений для каждого из пяти типов: для первого типа – современное волонтерство (55 %), традиционная общественная деятельность (52 %), забота (52 %); для второго типа – современное волонтерство (62 %), традиционная общественная деятельность (58 %), общественное управление (49 %); для третьего типа – забота (68 %), спасение (59 %), общественное управление (59 %); для четвертого типа – современное волонтерство (66 %), спасение (59 %), общественное управление (45 %); для пятого типа – современное волонтерство (55 %) и (забота 46 %).

Степень общения молодежи оценивается с помощью следующего параметра: число знакомых в живом общении и в сети «Интернет». Число знакомых в живом общении в зависимости от принадлежности к типу изменяется, так в первом, втором и пятом типах молодежи менее десяти друзей имеют всего 23 %, а в третьем и четвертом типах таких 43 % и 45 % соответственно. Анализ числа знакомых, но уже в сети «Интернет», то есть в виртуальном общении, показывает, что наибольшая доля молодежи с количеством знакомых менее десяти принадлежит четвертому (34 %) и второму (30 %) типам, при этом в первом (35 %) и втором (34 %) типах наибольшая доля молодежи – с числом знакомых более 50. Таким образом, степень общения молодежи в разрезе типов следующая: первый и пятый тип – высокая в реальном и в виртуальном общении; второй тип – в реальном общении высокая, в виртуальном общении у части группы низкая, а у части группы – высокая; в третьем и четвертом типах значительная часть имеет низкую степень общения, а остальные – высокую.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опишем молодежь ЯНАО с учетом всех вышеназванных особенностей социально активного поведения.

Первый тип объединяет примерно 13 % от группы и включает учащихся 11 классов или недавних выпускников школ. Они в основном выбирают для своей активной деятельности, с одной стороны, современные виды активности с применением новых технологий, решая современные социальные вызовы, а с другой – активно участвуют во всех традиционно предлагаемых направлениях. Также они отзываются на проблемы людей, попавших в трудные жизненные ситуации. Они удовлетворены уровнем работы с молодежью, имеют много социальных связей в реальной жизни и еще больше взаимодействуют в сети «Интернет». Не участвуют в мероприятиях и проектах, которые им кажутся не соответствующими современным стандартам, их не привлекают устаревшие технологии и заезженные типовые сценарии. Не откликаются на неинтересное наполнение, несмотря на то что они осознают важность и необходимость социально активной деятельности. Указывают на отсутствие мотивации. При этом они собираются переехать в другой регион менее, чем через пять лет, что, скорее всего, сопряжено с желанием получить высшее образование в очном формате, так как на территории ЯНАО такой возможности нет. Это так называемые глобалисты – они готовы уехать из родного населенного пункта, надеясь переездом решить имеющиеся проблемы.

Второй тип – это наиболее многочисленный тип молодежи (31 %). В большинстве они являются студентами ССУЗ, уже определились со своей профессией и параллельно активны в других видах общественной деятельности. Наиболее интересны им (так же, как и глобалистам) современные и традиционные направления активности, но также они активно принимают участие в общественном управлении своего населенного пункта и отказываются это делать, когда им не интересно или когда уже заняты другой деятельностью. Они удовлетворены уровнем работы с молодежью. В этой группе часть молодежи имеет множество контактов как в реальной жизни, так и в сети «Интернет», а часть ограничивается умеренным и небольшим числом социальных связей. Они в основной своей массе хотят жить и работать в своем населенном пункте. Их можно определить как патриоты Ямала, потому что, несмотря на имеющиеся проблемы, они готовы и способны их решать.

Третий тип молодежи (19 %) также большей частью состоит из студентов. Однако эта группа больше озабочена проблемой поиска работы. В социально активной деятельности чаще откликается на направления заботы (экология и помощь социально незащищенным людям) и спасения. Они активны и в предлагаемых традиционных направлениях социально активной деятельности. Не участвуют в них при отсутствии мотивации или в случае, если уже заняты другими видами деятельности. Часть из молодых людей имеют незначительное число контактов, а остальные достаточно активны и в реальной жизни, и в сети «Интернет». Несмотря на имеющиеся проблемы, уезжать в другие регионы не хотят. Обобщая описание этого типа молодежи, их можно определить как мещане (здесь используется термин во втором из указанных в толковом словаре Ожегова значении для слова «мещанин» – человек с мелкими, сугубо личными

интересами, с узким кругозором и неразвитыми вкусами, безразличный к интересам общества), которые живут своей жизнью, решают свои проблемы, а социальную активность проявляют в виде чисто человеческих проявлений заботы и спасения или в случае, когда предлагаются известные алгоритмы действий.

Четвертый тип молодежи в возрастной группе 18–24 лет составляют 12 % от общей численности группы, он объединяет в основном молодежь с 9 классами образования. Молодые люди находятся в поиске работы. Уровнем работы с молодежью они не удовлетворены. Социально активны в современных направлениях, готовы прийти на помощь в экстренных ситуациях угрозы жизни и безопасности, а также принимают участие в общественном управлении населенным пунктом. Не отзываются на неинтересные им проекты, мероприятия в случае занятости и в случае отсутствия мотивации. Значительная доля молодежи этого типа имеет мало социальных связей. Хотят уехать из своего населенного пункта через пять лет. Данная группа молодежи имеет наибольшее число проблем и наименьшую удовлетворенность и не видит перспектив их самостоятельного решения в своем населенном пункте, что говорит об инфантильном характере и отсутствии личной инициативы при достаточно высоком уровне критики к окружающим. Их можно определить как инфанты-пессимисты.

Пятый тип молодежи составляет 24 % от общего числа. Чаще всего это уже имеющие среднее специальное образование молодые люди, но часть продолжает учиться (заочно или местное дополнительное образование). Среди них востребованы современные направления социальной активности и забота. Значительная часть молодых людей недовольны уровнем работы с молодежью и не откликаются на несовременные мероприятия и проекты ввиду личной занятости и зачастую не мотивированы. Число социальных связей различно – от единиц до сотен знакомых, значительная доля имеет очень много контактов в сети «Интернет». Большая часть желает уехать из своего населенного пункта. Данный тип молодежи объединяет наиболее взрослых и опытных представителей группы. У них уже есть личный опыт профессиональной деятельности, стратегия построения карьеры и профессионального роста. У них уже идет процесс отбрасывания лишних связей, отказа от ненужной активности и определения индивидуальной жизненной траектории. Они без лишнего оптимизма оценивают все имеющиеся возможности своего населенного пункта и не распыляются на неэффективные действия. Таковую молодежь можно назвать реалистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведения факторного и кластерного анализа данных о молодежи ЯНАО в возрасте 18–24 лет и об основных характеристиках ее социальной активности были получены и описаны пять типов молодежи: глобалисты, патриоты Ямала, мещане, инфанты-пессимисты и реалисты. Для каждого типа можно сформулировать как способствующие, так и препятствующие социальной активности факторы, которые могут быть общими для одних и разными для других типов. Способствующими социально активной деятельности молодежи являются следующие факторы: отсутствие желания уехать из своего населенного пункта, наличие собственного мнения о требуемых преобразованиях в населенном пункте, большое количество знакомых в реальной жизни и сети «Интернет», стремление к получению знаний о современных технологиях, отзывчивый и открытый характер, учеба в очном формате в средних и высших учебных заведениях. К препятствующим факторам можно отнести: нежелание проживать в своем населенном пункте, прекращение образования после 9 класса общеобразовательной школы, небольшое число социальных связей и безработица, отсутствие мотивации, высокая занятость молодежи и пересечение графиков работы учреждений разных направлений (приходится выбирать без возможности участия во всех проектах и мероприятиях).

С опорой на опыт других исследователей социальной активности молодежи можно предложить пять основных направлений для разработки управленческих воздействий.

1. Спортивная активность молодежи. В ряде научных исследований подчеркнута необходимость эффективной государственной молодежной политики по формированию сферы охраны здоровья, популяризации спорта и физической культуры среди молодежи [14; 15]. Также сформулированы рекомендации о необходимости обрабатывать обратную связь о спортивных учреждениях и мероприятиях, изучать мнение молодых людей относительно их недовольства молодежной политикой на примере научного исследования, в котором говорится о разочаровании молодых людей в обучении спорту и физическому воспитанию, где показано, что таким образом они не только выражали признаки недовольства образовательными учреждениями в целом, но и имели стремление к социальным изменениям [16].

2. Профориентация и трудоустройство. Эта проблема является важной для молодежи в любой стране мира. Так, например, безработица и социальная изоляция молодежи являются одними из основных направлений молодежной политики Финляндии [17]. Научные исследования говорят о повышении возможностей трудоустройства молодых людей за счет развития различных форм капитала: человеческого, социального и психологического [18].

3. Цифровая грамотность и нормирование онлайн-активности молодежи. Так, например, результаты исследования предоставили информацию по оптимизации цифрового досуга учащихся базового профессионального образования в критическом и конструктивном использовании социальных сетей, что может способствовать цифровой грамотности этого коллектива и, следовательно, поможет свести к минимуму вероятность их принадлежности к рискованным действиям [19]. Также следует подчеркнуть необходимость определения видов онлайн-активности, в которых участвует молодежь [20].

4. Трансформация молодежной политики региона. Молодежь управляется множеством разнообразных знаний, разработанных правительством, молодежными организациями, неправительственными организациями и самими молодыми людьми. Эти знания могут взаимодействовать, укреплять и противоречить дискурсам молодежной работы [21]. Необходимо проводить исследования оценки компетенций социальных работников, работающих с молодежью [22]. Существует диспропорция между институтами порядка и стабильности, предписывающими контроль над деятельностью молодежи, и институтами развития, которые стимулируют самостоятельность молодых людей, формируя их ответственность в процессе воспроизводства российского общества [23].

5. Общественно политическая активность молодежи. Необходимо проводить исследования ресурсов и роли молодых людей как активных участников политического процесса. При этом понятие активного гражданства опускается и трансформируется в участие в контролируемых мероприятиях, предлагаемых молодежной политикой [24]. Необходимо оценить, какие виды политических действий на самом деле поощряются теми, кто говорит о дефиците молодежи в политической и гражданской сфере и, напротив, что молодые люди делают в этой сфере [25].

Библиографический список

1. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России. *Мир России*. 2019;1(28):140–160. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160>
2. Frias M., Alcoforado L., & Cordeiro A.R. The case of NEET: New Trajectories, New Challenges. *Revista Praxis Educacional*. 2020;42(16):186–216. <https://doi.org/10.22481/praxisedu.v16i42.7348>
3. López Peláez A., Segado Sánchez-Cabezudo S. Are Social Services equally accessible to all citizens in Spain? Youth and the Spanish Welfare State. *Arbor*. 2015;771(191): <https://doi.org/10.3989/arbor.2015.771n1007>
4. Kasyanov V.V., Davydova G.,I., Motsovkina E.,V., Ganshina G.,V., Gafiatulina N.K., Sheinova T.G., Zavarina, S.Y. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. *Humanidades e Inovação*. 2021;31(8):78–86.
5. Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Социология молодежи: учебник*. М.: Юридическое издательство «Норма»; 2011. 335 с.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы. *Россия реформирующаяся*. 2017;15:12–48.
7. Певная М.В. *Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ; 2016. 434 с.
8. Волков Ю.Г., Добренъков В.И., Шаповалов В.А. и др. *Социология молодежи*. Ростов-на-Дону: Феникс; 2001. 575 с.
9. Горшков М.В., Шереги Ф.Э. *Молодежь России: социологический портрет*. 2^е изд., доп. и испр. М.: Институт социологии РАН; 2010. 592 с.
10. Римский В. Воздействие сети Интернет на выявление активности, формирование и развитие идентичности. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009;1(99):86–96.
11. Уржа О.А. Территориальная организация местного самоуправления: проблемы и пути решения. *Социальная политика и социология*. 2013;4-2(97):7–14.
12. Сухова Е.А. *Социальная активность молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа*. Салехард: ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики; 2020. 321 с.
13. Сухова Е.В. Потенциал и реализация социальной активности городского и выброса молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа. *Управление устойчивым потенциалом*. 2021;3(34):68–73.

14. Sandford R.A., Duncombe R., Armour K.M. *The role of physical activity/sport in tackling youth disaffection and anti-social behavior. Educational Review.* 2008;4(60):419–435. <https://doi.org/10.1080/00131910802393464>
15. Kasyanov V.V., Ponomarev I.E., Gluzman L.V., Zagutin D.S., Kosinov S.S., Tolstokora O.N., Beletova J.B. Sport and Health-Saving Technologies in the Structure of State Youth Policy. *International Journal of Applied Exercise Physiology.* 2019;3(8):250–257.
16. Lemonnier J.-M., Attali M., Parrisé E. Young people's disillusionment with French education before 1968: Sport, the school curriculum and social change. *Social History.* 2016;1(41):54–71. <https://doi.org/10.1080/03071022.2015.1108716>
17. Mertanen K., Makela K., Brunila K. What's the problem (represented to be) in Finnish youth policies and youth support systems? *International Studies in Sociology of Education.* 2020;3(31):264–283. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1752770>
18. Souto-Otero M. Young people's views of the outcomes of non-formal education in youth organizations: Its effects on human, social and psychological capital, employability and employment. *Journal of Youth Studies.* 2016;7(19):938–956. <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1123234>
19. Valdemoros San Emeterio M.A., Alonso Ruiz R.A., Codina Mata N. Leisure activities and their presence in social networks in potentially vulnerable youth. *Journal of Research in Social Pedagogy.* 2018;31:69–78. https://doi.org/10.7179/PSRI_2018.31.06
20. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activities and Social Networks. *Political Communication.* 2018;3(35):470–493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
21. Lohmeyer B.A. Youth and their workers: The interacting subjectification effects of neoliberal social policy and NGO practice frameworks. *Journal of Youth Studies.* 2017;10(20):1263–1276. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1321109>
22. Merfeldaitė O., Dilyte J. Competences of Social Workers for Work with Youth: Case Analysis. In: Lubkina V., Usca S., Zvaigzne A. (eds.). *Society, Integration, Education: Proceedings of the International Scientific Conference, May 27–28, 2016.* Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija; 2016. Pp. 97–108. <https://doi.org/10.17770/sic2016vol4.1548>
23. Nekrasov E.E., Ivanchenko O.S., Kovalenko A.M., Tereshchenko E.V. The impact of public policy on youth activist life strategies in the conditions of equal opportunities transformation. *Turismo-estudos e praticas.* 2020;3.
24. Haikkola L. (2019). Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services. *Acta Sociologica.* 2019;3(62):334–348. <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>
25. Banaji S. The trouble with civic: A snapshot of young people's civic and political engagements in twenty-first-century democracies. *Journal of Youth Studies.* 2008;5(11):543–560. <https://doi.org/10.1080/13676260802283008>

References

1. Zudina A.A. The NEET youth in the Russian labor market. *Universe of Russia.* 2019;1(28):140–160. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160> (In Russian).
2. Frias M., Alcoforado L., & Cordeiro A.R. The case of NEET: New Trajectories, New Challenges. *Revista Praxis Educacional.* 2020;42(16):186–216. <https://doi.org/10.22481/praxisedu.v16i42.7348>
3. López Peláez A., Segado Sánchez-Cabezudo S. Are Social Services equally accessible to all citizens in Spain? Youth and the Spanish Welfare State. *Arbor.* 2015;771(191): <https://doi.org/10.3989/arbor.2015.771n1007>
4. Kasyanov V.V., Davydova G.I., Motsovkina E.V., Ganshina G.V., Gafiatulina N.K., Sheinova T.G., Zavarina, S.Y. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. *Humanidades e Inovacao.* 2021;31(8):78–86).
5. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. *Sociology of Youth.* Moscow: Norma Publ. House; 2011. 335 p. (In Russian).
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Modern sociology of youth: changing reality and theoretical approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya.* 2017;15:12–48. (In Russian).
7. Pevnaya M.V. *Management of volunteering: International experience and local practices.* Yekaterinburg: Ural Federal University Publ. House; 2016. 434 p. (In Russian).
8. Volkov Yu.G., Dobrenkov V.I., Shapovalov V.A. et al. *Sociology of Youth.* Rostov-on-Don: Feniks; 2001. 575 p. (In Russian).
9. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Russian Youth: A sociological portrait.* 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2010. 592 p. (In Russian).
10. Rimsky V. The impact of the Internet on social activity, the formation and development of identities. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions.* 2009;1(99):86–96. (In Russian).
11. Urzha O.A. Territorial organization of local self-government: optimization problems and solutions. *Social policy and sociology.* 2013;4-2(97):7–14. (In Russian).
12. Sukhova E.A. *Social activity of youth of the Yamal-Nenets Autonomous District.* Salekhard: Arctic Research Center; 2020. 321 p. (In Russian).
13. Sukhova E.A. Potential and implementation of social activity of the city and rural youth of the Yamal-Nenets Autonomous District. *Sustainable Development Management.* 2021;3(34):68–73. (In Russian).

14. Sandford R.A., Duncombe R., Armour K.M. The role of physical activity/sport in tackling youth disaffection and anti-social behavior. *Educational Review*. 2008;4(60):419–435. <https://doi.org/10.1080/00131910802393464>
15. Kasyanov V.V., Ponomarev I.E., Gluzman L.V., Zagutin D.S., Kosinov S.S., Tolstokora O.N., Beletova J.B. Sport and Health-Saving Technologies in the Structure of State Youth Policy. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019;3(8):250–257.
16. Lemonnier J.-M., Attali M., Parrisé E. Young people's disillusionment with French education before 1968: Sport, the school curriculum and social change. *Social History*. 2016;1(41):54–71. <https://doi.org/10.1080/03071022.2015.1108716>
17. Mertanen K., Makela K., Brunila K. What's the problem (represented to be) in Finnish youth policies and youth support systems? *International Studies in Sociology of Education*. 2020;3(31):264–283. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1752770>
18. Souto-Otero M. Young people's views of the outcomes of non-formal education in youth organizations: Its effects on human, social and psychological capital, employability and employment. *Journal of Youth Studies*. 2016;7(19):938–956. <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1123234>
19. Valdemoros San Emeterio M.A., Alonso Ruiz R.A., Codina Mata N. Leisure activities and their presence in social networks in potentially vulnerable youth. *Journal of Research in Social Pedagogy*. 2018;31:69–78. https://doi.org/10.7179/PSRI_2018.31.06
20. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activities and Social Networks. *Political Communication*. 2018;3(35):470–493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
21. Lohmeyer B.A. Youth and their workers: The interacting subjectification effects of neoliberal social policy and NGO practice frameworks. *Journal of Youth Studies*. 2017;10(20):1263–1276. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1321109>
22. Merfeldaite O., Dilyte J. Competences of Social Workers for Work with Youth: Case Analysis. In: Lubkina V., Usca S., Zvaigzne A. (eds). *Society, Integration, Education: Proceedings of the International Scientific Conference, May 27–28, 2016*. Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija; 2016. Pp. 97–108. <https://doi.org/10.17770/sie2016vol4.1548>
23. Nekrasov E.E., Ivanchenko O.S., Kovalenko A.M., Tereshchenko E.V. The impact of public policy on youth activist life strategies in the conditions of equal opportunities transformation. *Turismo-estudos e praticas*. 2020;3.
24. Haikkola L. (2019). Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services. *Acta Sociologica*. 2019;3(62):334–348. <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>
25. Banaji S. The trouble with civic: A snapshot of young people's civic and political engagements in twenty-first-century democracies. *Journal of Youth Studies*. 2008;5(11):543–560. <https://doi.org/10.1080/13676260802283008>

Роль эмоционального интеллекта в работе специалиста по связям с общественностью

Мусатова Сима Андреевна

Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0001-8540-2057, e-mail: sima.musatova@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается актуальность проблем эмоционального интеллекта в рамках деятельности специалистов по связям с общественностью (далее – PR-специалисты). В статье приведены концепции эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) с точки зрения понимания специфики явления, рассмотрена типология моделей ЭИ, исследована проблема измерения эмоционального интеллекта и перспективы развития данного вида интеллекта у PR-специалистов. Эмоциональный интеллект – это способность человека распознавать и понимать свои собственные эмоции, объяснять их и, используя эту же способность, понимать эмоциональные реакции других людей. Рассматривается роль ЭИ в работе PR-специалиста с точки зрения компетентностного подхода к профессиональной деятельности. Приведены данные контент-анализа вакансий с требованиями работодателей к должности PR-специалиста, составлена таблица упоминаний личностных качеств, которые можно отнести к сфере ЭИ, проведен анализ теорий эмоционального интеллекта.

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, модели ЭИ, связи с общественностью, PR, компетенции, работодатели, тестирование

Для цитирования: Мусатова С.А. Роль эмоционального интеллекта в работе специалиста по связям с общественностью // Вестник университета. 2023. № 10. С. 256–262.

Role of emotional intelligence in PR specialist's career

Sima A. Musatova

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Advertising and PR Department
ORCID: 0000-0001-8540-2057, e-mail: sima.musatova@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article studies the relevance of the problems of emotional intelligence (EI) in the framework of PR-specialist's career. The article presents concepts of emotional intelligence from the point of understanding specifics of the phenomenon, considers the typology of EI models, and investigates the problem of measuring emotional intelligence and prospects for developing this type of intelligence in PR-specialists. Emotional intelligence is a person's ability to recognize and understand their own emotions, explain them, and, using the same ability, understand emotional reactions of others. The role of EI in PR-specialist's career from the point of competence approach to professional activity has been considered. Vacancies content analysis data with employers' requirements to the PR-specialist position have been compiled, table of references to personal qualities that can be attributed to the EI sphere made, and theoretical analysis of emotional intelligence carried out.

Keywords

Emotional intelligence, EI models, PR, competencies, employers, testing

For citation: Musatova S.A. (2023) Role of emotional intelligence in PR specialist's career. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 256–262.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня специалисты в сфере связей с общественностью должны обладать целым спектром навыков, чтобы достичь успеха: от общения до письма. Более того, лучшими пиарщиками являются люди с различными профессиональными качествами: уверенность в себе, открытость и креативность. Однако у всех профессионалов есть общая черта, которая называется эмоциональным интеллектом. Интеллект – это способность владеть эмоциями и управлять их проявлением. Чтобы добиться успеха в работе, необходимо уметь управлять своим эмоциональным состоянием, понимать чувства других людей, а также влиять на их эмоции. Многие полагают, что это можно развить в себе, но это не совсем так просто, как кажется. Эмоциональные переживания – это естественное состояние организма. Когда человек переживает негативные чувства, ему не по себе, он хочет что-то изменить. Эмоциональный интеллект есть понимание, измерение и развитие.

Эмоциональный интеллект (далее – ЭИ) – это способность человека распознавать и понимать собственные эмоции, объяснять их и, используя эту же способность, понимать эмоциональные реакции других людей. ЭИ является неотъемлемой частью социальной интеллектуальной функции и играет важную роль в развитии социальных навыков, управления эмоциями и сотрудничества с другими людьми.

Исследователи из Google обнаружили, что их лучшими командами были смешанные группы сотрудников с сильными «гибкими навыками». Дальнейшие исследования показали, что на успех работы повлияли развитые навыки коммуникации, эмпатии и лидерства [1]. Эмпатия есть не что иное, как составная часть ЭИ.

Существует несколько моделей, предложенных для измерения и оценки уровня ЭИ. Одним из наиболее широко используемых инструментов является Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i). EQ-i содержит 133 вопроса, охватывающих пять основных областей: самосознание, управление эмоциями, социальное восприятие, межличностные отношения и общение.

Среди исследователей все еще существует дискуссия относительно того, можно ли развить ЭИ, насколько он уникальный и как его можно измерять. Некоторые исследователи считают, что ЭИ может быть улучшен посредством тренингов, а другие – что он имеет более стабильную компоненту, которая зависит от генетических факторов и личностных особенностей. Для тех, кто хочет развить свой ЭИ, важно запомнить, что это направление труда включает в себя как оценку собственного состояния и управление своими эмоциями, так и понимание эмоций других людей и коммуникации с ними. Существует множество программ обучения и упражнений, которые могут помочь в развитии ЭИ.

Важно осознавать, что развитие ЭИ является длительным процессом и требует постоянной практики и мониторинга. В процессе работы над собой не стоит стесняться обращаться за помощью к специалистам в области психологии и педагогики и использовать доступные средства обучения. Так, например, существуют игровые формы, позволяющие «прокачивать», развивать эмоциональный интеллект [2]. В современном мире все большее внимание уделяется не только развитию технических навыков, но и социальных компетенций на работе и в жизни в целом. Развитие ЭИ может помочь лучше понимать себя и других, лучше управлять эмоциями и развивать социальные навыки, что, в свою очередь, может привести к более продуктивной и успешной жизни и работе.

ОБЗОР МЕТОДОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Для изучения эмоционального интеллекта как желаемого свойства в работе специалистов по связям с общественностью был проведен теоретический анализ научных источников, рассмотрены понятие ЭИ, проблемы измерения, проведено поисковое исследование – контент-анализ 115 вакансий на сайте HeadHunter (hh.ru) с декабря 2022 г. по март 2023 г. для понимания требований, предъявляемых работодателями к специалистам по связям с общественностью (далее – PR-специалисты).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Исследование теоретических источников данных позволило установить, что проблемы измерения и шкалирования эмоционального интеллекта человека могут включать следующие аспекты.

1. Определение понятия эмоционального интеллекта: нет единого определения эмоционального интеллекта, и существуют различные подходы к его определению, что затрудняет сравнение и оценку результатов исследований [3; 4].

2. Недостаток данных калибровки: существует ограниченное количество данных калибровки, которые используются для определения точности меры эмоционального интеллекта. Это является проблемой, особенно в случае новых приемов измерения.

3. Человеческий фактор: ЭИ связан с высокоиндивидуализированным опытом и самооценкой, которые не всегда могут быть точно измерены. Кроме того, люди могут варьировать свои ответы в зависимости от настроения, уровня утомления и других факторов.

4. Различия в культурных и социальных значениях: мера ЭИ может изменяться в зависимости от таких культурных и социальных конструкций, как выражение эмоций и желаемое социальное поведение. Следовательно, моделирование и оценка ЭИ должны учитывать множество факторов.

5. Проблемы различий в интеллектуальных способностях: есть данные, указывающие на то, что у людей с более высоким интеллектом может быть более высокий эмоциональный интеллект. В связи с этим моделирование и оценка эмоционального интеллекта должны учитывать различия способностей в интеллектуальной сфере.

6. Необходимость использования различных методов измерения: для определения ЭИ используется множество различных методов, например, тесты, анкеты и эксперименты, что может вызвать проблемы совместимости и интерпретации результатов.

7. Проблема общности мер: не существует единой меры ЭИ, и различные шкалы могут включать различные компоненты, что затрудняет сравнение результатов измерения и создание единой теории о эмоциональном интеллекте. Существует несколько теорий эмоционального интеллекта, наиболее известные из которых:

- модель Даниэла Гоулмана (Daniel Goleman) включает в себя пять компонентов: самоуправление, управление отношениями, мотивация, эмпатия и социальное умение;

- модель Ричарда Дэвида (Richard David), которая определяет эмоциональный интеллект как способность корректировать свои эмоции и использовать их для достижения целей;

- модель Роберта Стернберга (Robert Sternberg), которая предлагает три компонента ЭИ: практическая способность понимать и управлять своими эмоциями и чувствами, практическая способность понимать и управлять эмоциями других, практическая способность действовать сообразно эмоциональным требованиям ситуации;

- модель Питера Саловея (Peter Salovey) и Джона Мэерса (John Mayer), которая определяет эмоциональный интеллект как способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей;

- из отечественных специалистов можно рассмотреть авторскую интегративную структурную модель эмоционального интеллекта И.Н. Андреевой, имеющую трехуровневое строение («интеллект индивида», «интеллект субъекта деятельности» и «интеллект личности») [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из наиболее важных навыков для PR-специалистов является эмоциональный интеллект. Работодатели в этой области ожидают от своих сотрудников наличие умения управлять своими эмоциями, чувствовать и понимать чужие эмоции, умения работать в команде и нести ответственность за свои действия. Как и в любой профессии, вакансии PR-специалистов на Head Hunter могут иметь требования к уровню эмоционального интеллекта соискателей, но это может быть отдельным пунктом или обязательным навыком. Эмоциональный интеллект можно рассматривать как часть человеческого капитала сотрудника и его личностного потенциала, который нуждается в развитии [6; 7].

Как правило, вакансии сферы PR и связанных с ней должностей предъявляют высокие требования к профессионализму, опыту работы и умению эффективно взаимодействовать с людьми. Многие исследования подтверждают важность эмоциональной компетенции на рабочем месте и того факта, что работодатели ищут кандидатов с этими навыками. Например, Forbes называет умение управлять своими эмоциями и устанавливать эмоциональные связи с другими людьми одним из наиболее важных навыков, которые нужны для успешной карьеры. Harvard Business Review публиковал исследования, которые связывают высокий уровень эмоциональной компетенции с улучшением производительности и улучшением отношений на рабочем месте.

В работе PR-специалистов необходимо следующее.

1. Умение понимать и управлять своими эмоциями. Работа в сфере PR часто связана с высоким уровнем стресса и необходимостью быстрого реагирования на изменяющуюся ситуацию. Вследствие этого работодатели ожидают от кандидатов способности контролировать свои эмоции и сохранять спокойствие в сложных ситуациях.

2. Навыки эмпатии. PR-специалисты работают с людьми из разных сфер и культур, поэтому им необходимо уметь чувствовать и понимать эмоции других людей, а также эффективно общаться с ними.

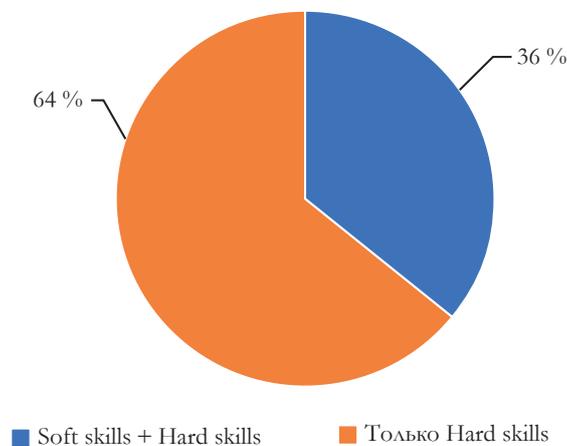
3. Работа в команде. PR-специалисты редко работают в одиночку, в связи с чем работодатели оценивают умение кандидатов работать в команде и налаживать партнерские отношения.

4. Умение принимать решения и нести ответственность. Работа в сфере PR обычно связана с принятием решений в сложных и неопределенных ситуациях, поэтому работодатели ожидают от кандидатов способности принимать решения на основе доказательств и нести ответственность за свои действия.

Как и во многих других странах, на собеседованиях в Российской Федерации часто применяют тесты на английском языке, оценку навыков и знаний в сфере работы, личностные тесты для оценки соответствия кандидата требованиям должности, тесты на логическое мышление и решение задач, а также практические тесты, связанные с выполнением определенных заданий и проектов. Однако конкретный выбор тестов зависит от организации, проводящей собеседование, и требований к кандидату.

Некоторые из популярных тестов на ЭИ, которые используются в Российской Федерации, включают MSCEIT (Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test), EQ-i 2.0 (Emotional Quotient Inventory), ECI (Emotional Competence Inventory) и SEI (Social-Emotional Intelligence). Не так давно разработана и русскоязычная версия тестирования – тест эмоционального интеллекта (далее – ТЭИ). При его разработке были учтены проблемы, возникшие в результате адаптации и стандартизации методики MSCEIT. По сравнению с методикой MSCEIT в методике ТЭИ на один раздел больше [8].

Однако проведенное поисковое исследование показало, что работодатели не выделяют наличие и уровень ЭИ в отдельные требования к занимаемой вакансии. Из результатов понятно, что только в 36 % вакансий вообще есть требования к личным качествам соискателей (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Требования работодателей, указанные в вакансиях на должность менеджера (специалиста) по связям с общественностью

В оставшихся 64 % вакансий есть только требования к профессиональным навыкам, уровню образования и опыта работы, знанию английского языка и т.д. Таким образом, наблюдается глобальный разрыв между декларируемой важностью ЭИ и «мягких навыков», поднятых в теории, и реальными требованиями работодателей.

Однако в большинстве вакансий требования к эмоциональному интеллекту могут быть скрыты в таких навыках, как коммуникативные способности, умение работать в команде, мотивация и пр. Например, в некоторых вакансиях можно найти такие требования, как «умение эффективно и тактично общаться с различными клиентами» или «способность общаться с лидерами мнений». Эти навыки могут относиться к эмоциональному интеллекту, который является важным качеством для специалистов по связям

с общественностью. Так, отечественные исследователи ЭИ В.О. Пирожкова и Г.Б. Горская обосновали связь эмоционального интеллекта с умением преодолевать стресс, а стрессоустойчивость часто упоминается в требованиях работодателей [9]. Также прослеживается связь между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем образования, а последний является базовым требованием к PR-специалистам [10].

Итак, работодатели могут требовать наличие определенного уровня ЭИ у соискателей, но это не является обязательным условием и не указано напрямую в вакансиях. В то же время навыкам уделено гораздо больше внимания и есть подробные описания ключевых требований к должности.

Тем не менее само содержание работы PR-специалиста предполагает наличие высокого уровня ЭИ. Самыми частыми требованиями работодателей к кандидатам являются креативность, коммуникабельность, уверенность. Можно увидеть, что многие специалисты находят связь между креативностью и уровнем ЭИ [11; 12]. После устранения повторов и обобщения была составлена таблица наиболее часто встречающихся требований к личным качествам PR-специалистов (табл. 1).

Таблица 1

Требования к личным качествам в вакансиях работодателей

Требования к личным качествам	
Исполнительность	Общительность
Коммуникабельность	Высокий уровень самостоятельности
Организованность	Оперативность
Работа на результат	Ответственность
Азартность	Открытость
Активность	Работоспособность
Инициативность	Организованность
Креативность	Творческий подход к работе
Многозадачность	Уверенное поведение
Навыки выстраивания эффективных коммуникаций	Стрессоустойчивость
Эрудиция и культура речи	Эмоциональная устойчивость
Умение эффективно и тактично общаться с различными клиентами	Способность общаться с лидерами мнений

Составлено автором по материалам исследования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования показывают, что наличие высокого уровня ЭИ связано с успехом в деловых отношениях и лучшей адаптацией к изменениям в рабочей среде. Актуальность исследования ЭИ для работников компаний связана с необходимостью эффективного взаимодействия в команде, умением решать конфликты, принимать решения на основе эмоциональной информации и управлять своими эмоциями в стрессовых ситуациях. Изучение и развитие ЭИ может повысить продуктивность, снизить уровень конфликтов и улучшить качество работы в коллективе.

Работодатели ожидают от PR-специалистов высокого уровня ЭИ, который позволит им эффективно выполнять свои обязанности в сложных ситуациях и достигать хороших результатов, однако это напрямую не указано в вакансиях, а как бы «размыто» и зафиксировано в личных качествах, наличие которых требуется для получения должности и которые содержатся только у трети кандидатов. Отсутствие необходимых требований к ЭИ может приводить к стрессам сотрудников и неумению ориентироваться в своей профессиональной пригодности.

Библиографический список

1. Washington Post. *The surprising thing Google learned about its employees – and what it means for today's students*. <https://www.washingtonpost.com/news/answer-sheet/wp/2017/12/20/the-surprising-thing-google-learned-about-its-employees-and-what-it-means-for-todays-students/> (дата обращения: 21.07.2023).

2. Спасибина Е.С., Шарова Н.С. Возможность использования игры «эмоциональный интеллект, EQ» для развития эмоционального интеллекта у обучающихся в системе СПО. *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2020;12:114–117. <https://doi.org/10.36683/2500-249X/2020-12/114-117>
3. Зорина Н.Н. Эмоциональный интеллект: сущность и место в структуре личности. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. 2021;5:75–80. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.05.13>
4. Панкратова А.А. Эмоциональный интеллект: смешанные модели способностей и методики диагностики. *Вопросы психологии*. 2020;1:154–164.
5. Андреева И.Н. Интегративная модель эмоционального интеллекта. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:125–133.
6. Закарян К.А. Эмоциональный интеллект как разновидность человеческого капитала и исследования на тему эмоционального интеллекта. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2018;6-4(38):124–127.
7. Ланцова А.А., Сандуляк П.Б. Эмоциональный интеллект как личностный потенциал работника организации. *Бизнес и дизайн ревю*. 2022;1(25).
8. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Мигун Ю.П. Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта). *Психологические исследования*. 2019;63(12).
9. Pirozhkova V.O., Gorskaya G.B. Social and emotional intelligence as resources for overcoming stress by subjects of team and individual activity presenter. *Current Issues of Sports Psychology and Pedagogy*. 2022;1(1):36–39. <https://doi.org/10.15826/spp.2022.1.18>
10. Платонова Н.С., Тулупьева Т.В. Эмоциональное лидерство: взаимосвязь уровня образования и эмоционального интеллекта. *Управленческое консультирование*. 2020;10(142):109–123. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-10-109-123>
11. Степнова Л.А., Бабаскин Д.В. Теоретические аспекты изучения взаимосвязи креативности и уровня эмоционального интеллекта. *Молодой ученый*. 2019;4(242):171–173.
12. Полянок О.В., Зотева Н.В., Кутепов К.С. Эмоциональный интеллект: ключевая компетенция XXI века. *Финансовая экономика*. 2019;6:578–582.

References

1. Washington Post. *The surprising thing Google learned about its employees – and what it means for today’s students*. <https://www.washingtonpost.com/news/answer-sheet/wp/2017/12/20/the-surprising-thing-google-learned-about-its-employees-and-what-it-means-for-todays-students/> (дата обращения: 21.07.2023).
2. Spasibina E.S., Sharova N.S. The possibility of using the game “emotional intelligence, EQ” for the development of emotional intelligence among the students of SVT (Secondary Vocational Training). *Education and science without borders: Fundamental and applied research*. 2020;12:114–117. <https://doi.org/10.36683/2500-249X/2020-12/114-117> (In Russian).
3. Zorina N.N. Emotional intelligence, its essence and its place in the structure of personality. *Modern science: Actual problems of theory and practice. Series of “Cognition”*. 2021;5:75–80. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.05.13> (In Russian).
4. Pankratova A.A. Emotional intellect: mixed models of capacity and methods of diagnosing. *Voprosy psikhologii*. 2020;1:154–164. (In Russian).
5. Andreeva I.N. The integrative model of emotional intelligence. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:125–133. (In Russian).
6. Zakaryan K.A. Emotional intelligence as a kind of human capital and research on emotional intelligence. *Current Scientific Research in the Modern World*. 2018;6-4(38):124–127. (In Russian).
7. Lantsova A.A., Sandulyak P.B. Emotional intelligence as the personal capacity of an employee of the organization. *Business and Design Review*. 2022;1(25). (In Russian).
8. Sergienko E.A., Khlevnaya E.A., Vetrova I.I., Migun Yu.P. Emotional intelligence: Development of the Russian-language TEI-method (Test of Emotional Intelligence). *Psychological research*. 2019;63(12). (In Russian).
9. Pirozhkova V.O., Gorskaya G.B. Social and emotional intelligence as resources for overcoming stress by subjects of team and individual activity presenter. *Current Issues of Sports Psychology and Pedagogy*. 2022;1(1):36–39. <https://doi.org/10.15826/spp.2022.1.18>
10. Platonova N.S., Tulupieva T.V. Emotional leadership: The relationship of level of education and emotional intelligence. *Administrative Consulting*. 2020;10(142):109–123. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-10-109-123> (In Russian).
11. Stepnova L.A., Babaskin D.V. Theoretical aspects of studying the relationship between creativity and emotional intelligence level. *Molodoi uchenyi*. 2019;4(242):171–173. (In Russian).
12. Polyankov O.V., Zoteva N.V., Kutepov K.S. Emotional intelligence: The key competence of the XXI century. *Financial Economics*. 2019;6:578–582. (In Russian).